

НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
ЮЖНЫХ СЛАВЯН

XXX

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXX

НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

Редакционная коллегия:

И. А. Хренов (ответственный редактор),
И. К. Бунина, И. Ф. Балза, Л. В. Валев, Л. Э. Калнынь,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский,
В. Ф. Стахеев

Е. П. Наумов

**НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В г. КОТОРЕ
И КОТОРСКОЙ ОБЛАСТИ (1380 г.)**

**(к истории классовой борьбы
в Далмации в XIV в.)**

Которское восстание 1380 г. может быть по праву названо одной из ярких страниц в истории социальной борьбы в далматинских городах, чрезвычайно обострившейся во второй половине XIV — начале XV в. Оно было первым значительным выступлением городского плебса в Южной Далмации, по своей антипатрицианской направленности весьма сходным с восстаниями народных низов в Трогире, Шибенике и Сплите в 1357—1359 гг., в г. Задаре в 1346 г., с волнениями крестьян на Млете и в других островных владениях Дубровника (1402—1403 гг.) и др. Более того, Которское восстание закончилось свержением власти нобилей точно так же, как и народные движения в Трогире и Шибенике в середине XIV в., а позднее в Сплите (1398—1402 гг.).

Однако это победоносное выступление которского плебса еще не нашло в советской и зарубежной историографии надлежащего освещения, хотя другие народные движения в городах Далмации (особенно в Сплите) подробно охарактеризованы в изданиях последних лет¹. В имеющейся югославской литературе, содержащей обычно лишь самые беглые замечания о Которском восстании, встречаются даже разные датировки этого события (например, июнь или июль 1379 г.² или же 1380 г.³) и прямо противоположные оценки характера и целей этого движения.

¹ См., напр.: А. Е. Москаленко. Из истории классовой борьбы в далматинских городах во второй половине XIV — начале XV в. «Труды Воронежского ун-та», т. 42, вып. 3, 1955; А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. (Из истории средневековых городов Далмации). «Краткие сообщения Института славяноведения», № 19, 1956; F. Culino vić. Seljačke bune u Hrvatskoj. Zagreb, 1951; G. Novak. Povijest Splita, d. 1. Split, 1957; S. Antoljak. Bune pučana i seljaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1956.

² P. Matković. Prilozi k trgovačko-političkoj historiji republike Dubrovačke. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» (далее — «Rad»), knj. VII, 1869, стр. 206; I. Stjepčević. Prevlaka, Zagreb, 1930, стр. 22; А. Милошевич. Како се владало од давнина у Которској републици и у каснија времена у Котору. «Историски записи», књ. I, св. 5, 6, 1948, стр. 289; А. Милошевич. Старе ковнице новца у Црној Гори и Боки. «Историски записи», књ. II, св. 5, 6, 1948, стр. 312.

³ S. Ljubić. O odnošajih među Dubrovčani i Mletčani za ugar. hrv. vladanja u Dubrovniku. «Rad», knj. XVII, 1871, стр. 18; В. Ђоровић. Краљ Твртко I Котроманић. Београд, 1925, стр. 48, 49; В. Ђоровић. Хисторија Босне, књ. I. Београд, 1940, стр. 309, 310; И. Спандик. Комунално уређење Котора од друге половине XIII до почетка XV столећа. Београд, 1950, стр. 35, 43, 44; A. Marinović. Razvitak vlasti u

Так, во многих работах указывалось на антивенецианскую направленность восстания 1380 г.⁴, в то время как некоторые историки (В. Чорович, И. Божич, Н. Клаич) не разделяли этой точки зрения, отмечая лишь его социальный характер. Анализ свидетельств о данном выступлении народных низов в Которе, которое нередко вообще не упоминается в историографии⁵, не только позволит воссоздать картину социальных противоречий в крупнейшем из городов Южной Далмации (Зетское приморье) после выхода его из-под эгиды сербских царей и перехода под власть Венгрии (1371), но и будет интересен в связи с исследованием внешнеполитической истории Котора и ориентации местных социальных сил (патрициата, плебса и крестьянства).

Изучение этой внешнеполитической стороны восстания 1380 г. тем более важно, что Котор после распада Сербо-греческого царства находился под постоянной угрозой захвата зетскими князьями Балшичами, действовавшими в союзе с торговым конкурентом Котора — г. Дубровником, а переход Котора под протекторат Венгрии (1371) сделал его одним из объектов венецианско-генуэзской войны (так называемая Тенедосская война 1378—1381 гг.). Уже 14 августа 1378 г. Котор был захвачен венецианцами. В это время пытался присоединить Котор и боснийский король Твртко.

Таким образом, восстание 1380 г., вопрос о власти в Которе, как отмечал уже В. Чорович, становится и весьма важным звеном в истории ожесточенной внешнеполитической борьбы за обладание Далмацией в конце XIV и начале XV в., когда Котор был яблоком раздора для Венгрии, Венеции, Боснии, Дубровника, зетского княжества Балшичей⁶. В связи с выяснением внешнеполитических целей плебейского движения и патрицианского правительства Котора необходимо учесть и высказанное в исторической литературе мнение о провенецианском курсе нобилитета других далматинских городов во второй половине XIV — начале XV в., который в страхе перед выступлениями плебеев (пучан) сдавал города Венеции⁷.

Наконец, данные о которском восстании 1380 г. представляют в то же время прекрасную возможность детально изучить творческий процесс выдающегося средневекового историографа южных славян М. Орбини, в труде которого был впервые дан связный и довольно подробный рассказ об этом событии и о позиции, занятой правительством Дубровника⁸. Располагая официальными документами Дубровницкого архива, являющимися единственными свидетельствами об этом народном выступлении⁹, мы можем проверить, воспользовался ли Мавро Орбини этими архивными материалами, как именно он их использовал, были ли у него какие-то другие, дополнительные, источники, наконец, сохранял ли он в рассказе о вос-

srednjevjekovnom Kotoru. «Historijski zbornik», X, 1957, стр. 95; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 3, 1958, стр. 551 (статья «Градови», Н. Клаич); «Преглед историје југословенских народа», д. 1. Београд, 1960, стр. 94 (И. Божич); «Enciklopedija Jugoslavije», t. 5, 1962, стр. 347, 349 (ст. «Котор», Р. Ковиянич).

⁴ См. работы П. Матковича, С. Любича, И. Стегевича, И. Синдика, А. Милошевича, А. Мариновича, Р. Ковиянич.

⁵ См., напр.: К. Јиречек. Историја Срба, I. Београд, 1952, стр. 322, 323; Ј. Јовановић. Стварање пригорске државе и развој пригорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 године. Цетиње, 1948, стр. 26, 27; «Историја народа Југославије», т. 1. Београд, 1953, стр. 452, 453; А. Дабинović. Politički položaj Kotora poslije Zadarskog mira (1359—1381). «Годишњак Поморског музеја у Котору», VII, 1958, стр. 53.

⁶ В. Чоровић. Краљ Твртко..., стр. 49.

⁷ См., напр.: А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй..., стр. 92, 93.

⁸ М. Орбини. Il regno degli Slavi. Pesaro, 1601, pp. 302, 303.

⁹ Ј. Тадић. Писма и упутства Дубровачке републике, књ. I. Београд, 1935, стр. 426, 427; М. Динић. Одлуке већа Дубровачке републике, књ. 1. Београд, 1951, стр. 41, 42, 44.

станции свою позицию, которая, как указывается в историографии¹⁰, была благожелательной по отношению к Котору, несмотря на старые которско-дубровницкие распри.

Для характеристики фона и предпосылок восстания нами были привлечены также венецианские документы этой поры, решения и инструкции властей Дубровника, привилегия, данная Котору венгерским королем Людовиком I (1382)¹¹. Использование этих источников, содержащих зачастую лишь косвенные данные по рассматриваемому вопросу, обусловлено тем, что, к сожалению, которских свидетельств о восстании 1380 г. не сохранилось. Нет упоминаний об этом движении и в венецианских хрониках (П. Джустиниани, М. Сабеллико, М. Санудо)¹², включающих, однако, непременно сообщение о захвате венецианцами Котора в 1378 г. (это сообщение, между прочим, использовал Орбини) и о ходе венецианско-генуэзской войны, что также может представить интерес для оценки сил и положения Венеции в момент вспышки которского восстания и в последующий период.

* * *

Фрагментарность имеющихся документальных свидетельств о Которском восстании 1380 г. и наличие упомянутого выше рассказа в «Истории славян» Мавро Орбини делают целесообразным, прежде чем обратиться к этим документам, рассмотреть сообщение Орбини. Это тем более оправданно, что автор «Истории славян», как известно, опирался на многочисленные акты (между прочим, которские и рагузские)¹³, среди которых могли быть и не дошедшие до нашего времени источники.

Свое сообщение о восстании которских плебеев, не приводившееся полностью даже в югославской исторической литературе, М. Орбини включил в раздел, посвященный истории Котора и его сложной судьбе, и составивший часть главы о зетских князьях Балшичах, хотя они ни разу не сумели захватить этот город.

В этом разделе «Истории славян», отсутствующем в русском переводе (1722 г.) ее¹⁴, млетский аббат рассказывает, между прочим, что Котор после распада Сербского царства вступил в «союз» с Венгрией, вследствие чего в 1368 г. (ошибка Орбини — вместо 1378 г.) был захвачен, разграблен и сожжен венецианским адмиралом В. Пизани. Повествуя далее о положении Котора под венецианской властью и о безуспешных попытках правительства Дубровника заставить Котора вернуться под эгиду Людовика Венгерского, Орбини в связи с этими событиями времен генуэзско-венецианской войны вовсе не упоминает о восстании в Которе, которому предшествовало возвращение города (1379 г.) под власть Венгрии¹⁵. Это обстоятельство подчеркивает, что, по мнению Орбини, плебейское движе-

¹⁰ Н. Радойчић. Српска историја Мавра Орбинија. Београд, 1950, стр. 33, 34.

¹¹ М. Динић. Указ. соч.; Ј. Тадић. Указ. соч.; «Monumenta Ragusina. Libri Reformationum», vol. IV. Zagreb, 1896; S. Ljubić. Listine o odnošajih između Južnoga Slavenstva i Mletačke republike, t. IV. Zagreb, 1874; D. Farlati. Illyricum sacrum, vol. VI. Venetiis, 1800; и др.

¹² «Petri Justiniani patritii Veneti Rerum Venetarum ab urbe condita Historia». Venetiis, 1560, стр. 146—165; «M. Antonii Cocci Sabellici Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita libri XXIII». Basileae, 1570, стр. 272—312; M. Sanuto. Vite de' duchi di Venezia. «Rerum Italicarum scriptores» (ed. L. A. Muratori), vol. XXII. Mediolani, 1733, стр. 682—271. Cf. J. Lucius. De Regno Dalmatiae. Amstelodami, 1668, стр. 240, 241.

¹³ Н. Радойчић. Указ. соч., стр. 15. Поэтому, как указывает Н. Радойчић (там же, стр. 16), сочинение Орбини можно считать также историческим источником, требующим, разумеется, научной критики.

¹⁴ [М. Орбини]. Книга историография початия имепе, славы и разширения народа славянского и их царей и владетелей, под многими именами и со многими царствованиями, королевствами и провинциями. Собрана из многих книг исторических, через господина Мавроурбина архимандрита рагузского. СПб., 1722.

¹⁵ М. Орбини. Указ. соч., стр. 300.

ине в Которе вовсе не было направлено против Венеции, вследствие чего описание народного восстания было им дано ниже, при изложении перипетий почти непрерывных войн Котора с Балшичами и Дубровником (в 1361—1420 гг.).

Так, в 1371 г. началась, как пишет М. Орбини, новая война Котора с Дубровником, которая продолжалась несколько лет; которане, чтобы отомстить дубровчанам за опустошения которских солеварен и убийства своих земляков, послали в 1379 г. Трифона Бучу и Николая Драго к боснийскому королю Твртку, прося помощи. Послы Котора должны были даже обещать королю передать ему за это город. Король Твртко, который, по словам млетского аббата, уже ранее вел с которанами переговоры о подчинении ему их города, внял их просьбам и запретил своим подданным привозить продовольствие в Дубровник. Эта мера боснийского короля настолько возмутила дубровчан, что они спешно сообщили Георгию Балшичу об ущербе, причиненном им вследствие козней которан, и Георгий со своим войском опустошил «всю землю которан»¹⁶.

Таковы были, согласно М. Орбини, события, предшествовавшие восстанию которских плебеев, описание которого в его «Истории» имеет следующий подзаголовок: «Территория Котора опустошена Балшичами. Которский плебс изгнал магистрат из города»¹⁷. Для Орбини была очевидна непосредственная причинная связь между опустошениями, произведенными в Которской области войском зетских князей, и народным восстанием.

«Народ Котора, — пишет Орбини, — этим был приведен в сильное нетерпение; и понимая, что все эти их бедствия вызваны плохим управлением их собственного магистрата, *народ, восстав, изгнал из города названный магистрат вместе с большей частью нобилей*. Они же (нобилы. — Е. Н.), не зная, что им делать в другом случае, обратились с просьбой к дубровчанам, умоляя не покидать их в столь великих их бедствиях и обещая в будущем быть их добрыми друзьями»¹⁸.

По вполне понятным причинам М. Орбини, как ревностный патриот аристократической Дубровницкой республики, весьма подробно излагает действия рагузских правителей, стремившихся подавить восстание в Которе, потому что, как признается сам историограф, «дубровчане опасались, как бы по примеру которского народа и их (т. е. правителей Дубровника. — Е. Н.) подданные не осмелились подобным образом напасть на своих правителей»¹⁹.

Весьма любопытно, что правительство Дубровника решило действовать весьма осторожно, выступая якобы лишь в роли представителей Людовика Венгерского, общего их (Котора и Дубровника) сюзерена, и предпочитая дипломатический путь борьбы с плебейским восстанием. «Поскольку тогда, как уже неоднократно было сказано, этот город (Котор. — Е. Н.) находился в союзе с венгерской короной, — пишет далее Орбини, — они (т. е. дубровницкие власти. — Е. Н.) отправили (послов. — Е. Н.) с просьбой к Николаю Сечу, которого король Людовик назначил баном Хорватии и Далмации, чтобы он своей властью укротил дерзость которан; он написал им (каторанам. — Е. Н.) несколько писем, полных угроз, и вручил эти письма дубровчанам»²⁰.

Все, что в «Истории» Орбини предшествует рассказу о плебейском восстании в Которе или содержит оценку этих событий, недвусмысленно свидетельствует о том, что это народное движение не было вовсе направлено против власти Венеции. Сам Орбини сообщает, что плебс Котора был недоволен правлением нобилей, а правительство Дубровника, напуганное

¹⁶ М. Orbini. Указ. соч., стр. 302.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 302, 303.

¹⁹ Там же, стр. 303.

²⁰ Там же.

именно этим антипатрицианским характером восстания, учитывало возможность аналогичных выступлений на собственной территории (а, как известно, Дубровник в это время уже не находился под эгидой Венеции). Наконец, обращение властей Дубровника к хорватско-далматинскому бану и угрозы бана в адрес которан (совершенно непонятные, если считать, что именно это плебейское, якобы антивенецианское восстание вернуло город под власть Венгрии) показывают, что ярко выраженный социальный характер выступления и значительный его размах потребовали объединения (в борьбе против восставших) и которских нобилей, и венгерского наместника, и правителей Дубровника.

Чтобы обуздать «наглость которан», как уверяет Орбини, «они (т. е. правители Дубровника.— *Е. Н.*) пригласили в Дубровник *которан Медоя и Матвея, главарей мятежа*, с которыми вели переговоры, чтобы, наконец, убедить их помириться со своим магистратом и другими нобилиями и впустить их в город»²¹. По-видимому, эти переговоры все же не увенчались успехом, и нобилем Дубровника пришлось отрядить своего посла, Матвея Джорджича, в Котор²².

Возможно, уже в Дубровнике правители республики сумели привлечь Медоя на сторону врагов восставших. После прибытия Матвея Джорджича (вместе с Медоем и Матвеем, названными выше) в Котор, как пишет Орбини, «он (народ.— *Е. Н.*) после некоторых разногласий согласился выполнить то, чего требовал посол Дубровника, если, однако, будет дана гарантия, что в будущем из-за этого (т. е. восстания.— *Е. Н.*) ему [народу] не будет никаких неприятностей»²³.

Итак, в результате усилий правительства Дубровника восставшие народные низы Котора были вынуждены пойти на соглашение с нобилиями и вернуть их к власти. «Поскольку названный посол от имени своей республики,— продолжает Орбини,— дал ему (т. е. народу.— *Е. Н.*) эту гарантию, какую просил (народ), таким образом он его успокоил»²⁴. В силу этого «примирения» которских плебеев с нобилиями правительство Дубровника становилось своего рода гарантом политического строя в Которе.

Однако продиктованный патрициями Дубровника мир был весьма непрочен, вызывая недовольство которских плебеев и жителей подвластных Котору селений и городков (в частности, Пераста). Как пишет в своей «Истории» млетский аббат, «жители Пераста этим миром были очень недовольны и все волновались, заявляя, что они-то из-за высокомерия которских нобилей первыми испытали все эти бедствия и разрушение их домов. Но и они, наконец, были успокоены тем самым Медоем»²⁵.

Здесь Орбини считал необходимым дать специально краткую характеристику Медоя, этого «миротворца» и бывшего руководителя народного восстания. «Он в это время,— читаем мы в «Истории славян»,— был весьма влиятелен и пользовался большим авторитетом в городе Которе, в котором не было ни одного из простого народа (плебса), и даже ни одного патриция, который мог бы с ним сравниться по своему богатству». Орбини замечает также, что внучка этого Медоя была замужем за Матвеем Лукаричем, рагузским патрицием и хорватско-далматинским баном. Заканчивая свой рассказ о Которском восстании, автор «Истории славян» указывает, что дубровчане и которане, примирившиеся таким образом (т. е. вследствие «примирения» которских патрициев и плебеев), в 1383 г. вновь вступили в ожесточенную войну между собой²⁶.

²¹ М. Orbini. Указ. соч., стр. 303. На полях: «Медое и Матвей — вожди восстания».

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Рассказ Орбини, содержащий ценнейшие сведения о характере народного восстания в Которе, в то же время требует уточнения и проверки по сохранившимся документам. Так, например, М. Орбини вовсе не датирует это движение, которое, судя по его изложению, происходило между 1379 и 1383 гг.; он, далее, не говорит о продолжительности восстания, приукрашивает политику правительства Дубровника и, вероятно, даже преувеличивает его роль в подавлении восстания. Весьма сомнительным представляется и заявление млетского аббата о том, что правительство Дубровника в силу своего посредничества во время восстания стало гарантом политического строя Котора и, следовательно, приобрело своего рода права сюзерена над Котором. Сведения Орбини о роли М. Джорджича и Медоя также выглядят не слишком убедительно (они взяты, возможно, из родословных двух патрицианских родов — Джорджичей и Лукаричей, — которые были, разумеется, весьма заинтересованы в приукрашении собственной генеалогии).

* * *

Официальные документы из архива Дубровника позволяют не только указать точную дату восстания в Которе (1380), но и осветить которско-дубровницкие отношения в 1378—1380 гг., в период, предшествовавший восстанию, что, естественно, не менее важно для понимания политики Дубровника по отношению к Котору в момент восстания.

Захват венецианцами Котора 14 августа 1378 г. явился для правителей Дубровника желанным поводом расправиться (на вполне законном основании, в силу войны Венгрии против Венеции) со своим давним конкурентом, уничтожить которский торговый флот, переманить в Дубровник некоторых которан (сторонников сюзеренитета Венгрии, связанных с рагужанами торговыми делами) и даже попытаться захватить Котор²⁷. Обстановка в Которе в это время чрезвычайно обострилась, так как союз Дубровника, Генуи, Венгрии и Балшичей, направленный против венецианского Котора, приводил к опустошениям которской территории, подрывал сухопутную и морскую торговлю которан, угрожал самому существованию города. Несомненно, что именно тогда усилился разброд в среде городского населения (нобилей, плебеев) и активизировались поиски новой внешнеполитической ориентации, которая могла бы обеспечить процветание города, как во времена Сербо-греческого царства.

По-видимому, уже в последние годы признания власти Сербии Котором (т. е. в 1366—1371 гг.) в городе возникает провенецианская партия, использовавшая давние прочные торговые связи Котора с Венецией. Влияние этой партии, тогда еще, видимо, немногочисленной, особенно заметно в период нападения на Котор Георгия Балшича (1369)²⁸, но в 1371 г. одержали верх не сторонники сюзеренитета папы или Венеции, а приверженцы власти Венгрии, среди которых, очевидно, было немало жителей Котора (в том числе и нобилей, например, из рода Буча)²⁹, стремившихся к сближению с Дубровником, к получению рагузского гражданства, к ведению торговых операций совместно с дубровчанами и т. д.

О маловлиятельности венецианской партии в Которе и которском округе свидетельствует и описание захвата города венецианцами (1378), которые безуспешно пытались добиться добровольной сдачи города его гражданами. Венецианские хронисты (Сабеллико, П. Джустиниани), как

²⁷ См., напр.: J. Тадић. Указ. соч., стр. 374, 380; В. Ђоровић. Краљ Твртко..., стр. 43, 44; Б. Крекић. Дубровник и рат око Тенедоса (1378—1381). «Зборник радова Византолошког института», кн. 5, 1958, стр. 24—28.

²⁸ См., напр.: I. Stjepčević. Указ. соч., стр. 21; A. Dabinić. Указ. соч., стр. 49, 50.

²⁹ И. Маникен. Дубровачки патрицијат у XIV веку. Београд, 1960, стр. 162—165.

и М. Орбини, указывают, что после грубого ответа которан на предложение сдать город венецианский адмирал В. Пизани был вынужден брать его штурмом³⁰.

Медиевист А. Дабинович считает, что в штурме Котора вместе с венецианским отрядом участвовали и воины из подвластного Котору с. Пераст, будто бы в 1377 г. перешедшего под власть Венеции³¹. Однако это мнение, подчеркивающее силу симпатий к Венеции среди жителей которского округа, опирается лишь на малодостоверные данные одной поздней перастской рукописной истории, сомнительной уже в силу своего локального патриотизма и стремления изобразить перастцев более верными Венеции, нежели которане. К тому же ссылка А. Дабиновича на труды Фарлати и И. Лучича не подкрепляет его утверждения, так как в этих работах вообще не говорится о роли перастцев во время штурма Котора 1378 г.³²

Это утверждение рукописной истории перастца А. Баловича, взятое на веру А. Дабиновичем, выглядит тем более невероятным, что даже в большом торговом городе Которе, издавна экономически связанном с Венецией, тогда (как и позднее, в начале XV в.) провенецианская партия была довольно слабой, а Пераст в то время был лишь небольшим селом, подчиненным Котору. Переход Пераста в 1377 г. под власть Венеции представляется сомнительным и потому, что до 1378 г. (до начала войны с Венгрией) Венеция не могла применить силу для захвата или защиты Пераста от которского венгерского гарнизона и исконных господ Пераста — которан.

Непрочность позиций венецианской партии в Которе наглядно видна из источников 1378—1379 гг. После того как в городе, захваченном венецианским войском, власть перешла в руки приверженцев Венеции, часть которан бежала в Дубровник и подвластную ему территорию³³, а уже вскоре (в начале 1379 г.) активизировалась группа сторонников Боснии (в том числе, видные патриции — Мариц Буча, Трифон Буча, Никола Драго и др.). По-видимому, деятельность сторонников Боснии особенно оживилась в связи с заметным укреплением власти короля Твртка (вероятно, эта группировка нашла своих приверженцев среди тех патрициев, родственники которых издавна занимали важные посты при сербском дворе Неманичей), а также вследствие больших успехов Генуи и ее союзников в войне против Венеции. 5 мая 1379 г. венецианский флот был наголову разбит у Пулы, а в конце июня 1379 г. которане вновь признали власть Людовика Венгерского (венецианский гарнизон был блокирован в крепости)³⁴.

Вероятно, это повторное признание венгерского сюзеренитета было обусловлено не только внешнеполитическими факторами, но и весьма напряженной обстановкой в самом городе, недовольством плебеев и крестьян, страдавших из-за нехватки хлеба, нарушения торговли, опустошения окрестностей города. Быть может, именно об этом напряженном положении в Которе и мерах венецианских властей по «успокоению» народных низов в тот период говорит венецианский документ от 12 ноября 1382 г.

В нем сказано, что правительство Венеции решило дать жителю Дурреса (Дураццо) некоему Мартину 400 золотых дукатов в виде возмеще-

³⁰ «Petri Justiniani...», стр. 146; «M. Antonii Cocci Sabellici...», стр. 272; М. Орбини. Указ. соч., стр. 299, 300. Ср. также: М. Сануто. Указ. соч., стр. 682.

³¹ А. Дабинович. Указ. соч., стр. 53 и прим. 29 (ср. стр. 50, 51).

³² D. Farlati. Указ. соч., т. VI, 1800, стр. 453; J. Lucius. Указ. соч., стр. 389 (ср. стр. 240, 241).

³³ J. Тадић. Указ. соч., стр. 382; Б. Крекић. Указ. соч., стр. 27, прим. 32.

³⁴ Б. Крекић. Указ. соч., стр. 29—36; В. Ђоровић. Краљ Твртко..., стр. 44—46.

ния за его корабль с зерном, который был захвачен венецианским флотом во время присоединения Котора. Между прочим, конфискованное зерно этого купца из Дурреса *«было дано и распределено»* по решению венецианских властей (вместе с известным количеством сухарей из республиканских запасов) *«частично среди жителей названного города Котора, частично (оставлено. — Е. Н.) в крепости для ее снабжения»*³⁵. Эта задача, ставившая цель примирить народные низы Котора с властью Венеции, имела место, видимо, именно в 1378—1379 гг. Гораздо менее вероятно относить ее к периоду вторичного подчинения города республике в 1380—1381 гг., когда позиции Венеции на Адриатике были более прочны и ей уже не было необходимости добывать грабежом зерно для своих подданных.

Непосредственным поводом для перехода Котора под власть Венгрии (1379) могла послужить гибель четырех которских галер, включенных в августе 1378 г. в состав венецианского флота В. Пизани. По сообщениям П. Джустиниани и М. Сабеллико, после присоединения Котора флот Пизани насчитывал 25 кораблей (не считая одной галеры, отправленной в столицу), тогда как до штурма города у адмирала было только 22 корабля³⁶. К сожалению, остается неизвестным, как именно и когда именно Котор признал власть венгерского короля. Правда, мы знаем, что уже 19 июня 1379 г. правительство Дубровника освободило заключенных которан, что 20 июня правители Дубровника составили длинную инструкцию, чтобы оправдать перед наместником короля Венгрии свою войну с Котором, а 26 июня поздравили которан с возвращением под эгиду Людовика Венгерского³⁷.

Однако эта смена Котором сюзерена не привела (по крайней мере сначала) к значительному улучшению положения города. Дубровчане, заверяя которан в своей дружбе, вплоть до октября 1379 г. лелеяли планы захвата Котора по поручению и от имени венгерского короля, но эти планы были сорваны решительным вмешательством боснийского короля, двинувшего в октябре 1379 г. войска на Дубровник³⁸. Столь решительное выступление короля Твртка в защиту Котора было вызвано тем, что которские нобили еще в начале 1379 г. (вероятно, в феврале — мае) через своего посла Марина Михова Бучу предлагали ему власть над городом³⁹, а в конце 1379 г., видимо, повторили свое предложение, чтобы отвести угрозу со стороны Дубровника. По нашему мнению, именно в это время направились к королю Твртку которские послы Никола Драго и Трифон Буча, о которых говорит М. Орбини.

Отказавшись от планов захвата Котора и стараясь снова вернуть благоволение боснийского короля, патрицианские правители Дубровника в конце 1379 — начале 1380 г. стали постепенно переходить к политике поддержания добрососедских отношений с Котором, выясняя взаимные частные претензии дубровчан и которан⁴⁰ и в то же время, правда, не упуская случая нанести вред которской соляной торговле⁴¹.

В сохранившихся документальных материалах мы, к сожалению, не находим подтверждений сообщению М. Орбини, что дубровчане после посольства Н. Драго и Т. Бучи к королю Твртку спровоцировали нападение Георгия Балшича на территорию Котора, однако рассмотренная выше общая картина которско-дубровницких отношений в 1378—1380 гг. позво-

³⁵ S. Ljubić. Listine..., t. IV, стр. 190.

³⁶ «Petri Justiniani...», стр. 146; «M. Antonii Cocci Sabellici...», стр. 272.

³⁷ J. Тадић. Указ. соч., стр. 381—386; Б. Крекић. Указ. соч., стр. 35, 36; «Monumenta Ragusina...», vol. IV, стр. 225 и др.

³⁸ В. Ђоровић. Краљ Твртко..., стр. 47, 48; Б. Крекић. Указ. соч., стр. 36, 37.

³⁹ J. Тадић. Указ. соч., стр. 383.

⁴⁰ См., напр.: М. Динић. Указ. соч., стр. 11—13, 15, 16, 22, 24, 25, 28, 39.

⁴¹ Б. Крекић. Указ. соч., стр. 37, 38.

лиет считать сообщение Орбини весьма правдоподобным. В рассказе Орбини, между прочим, может возбудить сомнения имя Георгия Балшича, поскольку тогда зетским князем был Балша II (1378—1385 гг.), преемник Георгия I Балшича, умершего в январе 1378 г. Однако нам представляется вероятным, что в данном случае Орбини говорит о Георгии II Балшиче, который был наследником Балши II и поэтому мог производить военные операции на севере, в то время как сам Балша был занят на юге своего обширного княжества, простиравшегося от Боки Которской до Эпира.

По-видимому, нападение войск Балшичей на которскую территорию и опустошение многих населенных пунктов (в частности, Пераста), о чем писал в своей «Истории» М. Орбини, и явилось непосредственным поводом для восстания народных низов в Которе, недовольных тем, что и правление нобилей провенгерской и пробоснийской партии не принесло заметного облегчения их тяжелого положения.

В мае 1380 г. правительство Дубровника было занято обычными текущими делами, в том числе урегулированием частноправовых споров с которанами⁴², не предполагая никаких неожиданных осложнений в своих отношениях с Котором. Однако уже в конце мая правители Дубровника узнали о каких-то волнениях в Которе (вероятно, находившиеся там по торговым или долговым делам дубровчане известили правительство). Поэтому 28 мая сенат постановил поручить «ректору и Малому Совету написать письмо правительству (Regimini) и коммуне Котора, чтобы получить информацию от правительства, которое в настоящее время имеется в Которе относительно изменения (novitatem), случившегося там»⁴³.

Даже это очень сжатое и скупое сообщение, сохранившееся в протоколе заседаний сената Дубровника, говорит нам о весьма важных событиях в Которе. В частности, не подлежит сомнению, что в конце мая (видимо, 24—27 мая) в городе начались волнения, вылившиеся в ожесточенную борьбу патрицианского правительства и его противников; борьба, вероятно, протекала с переменным успехом и временами приводила даже к захвату власти противниками прежнего магистрата (в протоколе подчеркивается, что нужно получить информацию от нынешнего магистрата), но все же исход этой борьбы оставался неясным.

Это весьма обеспокоило правителей Дубровницкой республики, опасавшихся нового захвата власти в Которе провенецианской партией и венецианским гарнизоном крепости (в связи с улучшением позиций Венеции на Адриатике). Возможность народного восстания в Которе удручала рагузских нобилей тем более, что и в Дубровнике весной 1380 г. были заметны явные признаки народного недовольства⁴⁴.

На выяснение существа «изменений» в Которе потребовалось три дня, и уже к 1 июня 1380 г. правительство Дубровника располагало такой информацией, которая заставила его предпринять незамедлительные действия. К вящему изумлению и сожалению дубровницких нобилей оказалось, что народное восстание свергло в Которе патрицианский магистрат. Поэтому сенат Дубровника 1 июня 1380 г. единогласно постановил: «выпустить из тюрьмы которан Медоя и Матка, находящихся в нашей тюрьме, и послать их в Котор, а с ними послать одного из наших граждан-нобилей в качестве посла в Котор, а именно сер Матвея Джорджича, названного выше» (в принятом тогда же специальном постановлении об избрании М. Джорджича послом в Котор)⁴⁵.

Сохранившаяся инструкция правительства (от 2 июня 1380 г.) М. Джорджичу (ее мы подробно рассмотрим ниже), равно как и рассказ

⁴² М. Динић. Указ. соч., стр. 39, 41 (решения от 16 и 23 мая 1380 г.).

⁴³ Там же, стр. 41 (решения от 16 и 23 мая 1380 г.).

⁴⁴ Б. Крекић. Указ. соч., стр. 38, 39.

⁴⁵ М. Динић. Указ. соч., стр. 42.

М. Орбини, наглядно свидетельствуют о том, что в Которе в конце мая 1380 г. восставший плебс сверг патрицианское правительство и взял власть в свои руки. Слова М. Орбини об изгнании большей части нобилей во время этого переворота подтверждаются отчасти данными грамоты венгерского короля Людовика I Котору (от 4 января 1382 г.). Так, например, в грамоте Людовика говорится об огромном ущербе, нанесенном Котору во время Тенедосской войны (1378—1381 гг.), о пожаре и опустошениях, наконец, о том, что «многие и весьма многие из числа жителей этого нашего города рассеялись по чужим землям и областям»⁴⁶. Названное выше постановление от 1 июня свидетельствует и о правильности сообщения М. Орбини насчет отправки М. Джорджича послом в Котор.

Однако в приведенном выше отрывке из «Истории» Орбини есть и некоторые детали, которые не упоминаются или мало согласуются с сохранившимися официальными документами. Так, Орбини пишет, что которские нобили обратились с просьбой о помощи к правительству Дубровника (это, разумеется, весьма вероятно), а власти республики об этом сообщили хорватско-далматинскому бану, получили от него письмо, полное угроз в адрес восставших которских плебеев, и только после этого пригласили в Дубровник вождей восстания Медоя и Матка для переговоров о восстановлении власти которских патрициев.

Правдоподобность всех этих деталей рассказа Орбини (кроме обращения которских нобилей о помощи) вызывает большие сомнения, сомнительна также и их хронологическая последовательность. В самом деле, 28 мая сенат Дубровника постановил только выяснить, что за «изменение» произошло в Которе, и лишь к 1 июня была, наконец, получена полная информация, выбран посол в Котор, а 2 июня составлена инструкция для посла. Без сомнения, правители республики, располагая точными сведениями о восстании не раньше 30 мая или даже 1 июня, не могли уже ко 2 июня получить из Задра соответствующие предписания венгерского наместника. Напомним, что даже 28 мая исход народных волнений был еще далеко не ясен, как показывает приведенный выше протокол, а для того, чтобы доставить сообщение бану в Задр и получить его ответ, было необходимо не менее 6—7 дней⁴⁷.

Разумеется, правители Дубровника могли отправить письмо бану уже 28 мая, располагая какими-то смутными известиями о волнениях которского плебса, однако в протоколах сената соответствующего постановления нет, к тому же и в этом случае ответ бана не мог быть получен уже ко 2 июня. В действительности власти Дубровника, как гласит протокол сената, решили сообщить бану о Которском восстании лишь 7 июня, после возвращения из Котора М. Джорджича⁴⁸.

Весьма любопытно отметить в этой связи, что принятые М. Орбини ссылки дубровницкой дипломатии на мнимое послание хорватско-далматинского бана за истинный факт явилось следствием использования им подлинных документов рагузского архива, в частности инструкции М. Джорджичу от 2 июня 1380 г., где упоминается это воображаемое письмо бана⁴⁹.

Не менее интересно рассмотреть вопрос о том, кем в действительности были которане Медое и Матко, являлись ли они вождями и послами восставших, были ли они приглашены в Дубровник (если верить М. Орбини) и почему они оказались здесь в тюрьме (как видно из протокола заседания сената от 1 июня). Даже скудный материал протоколов дубровницкого сената позволяет усомниться в приведенных сообщениях автора «Исто-

⁴⁶ D. Farlati. Указ. соч., vol. VI, стр. 453.

⁴⁷ Ср. B. Крекић. Указ. соч., стр. 29, прим. 43.

⁴⁸ М. Динић. Указ. соч., стр. 44.

⁴⁹ J. Тадић. Указ. соч., стр. 427.

рии славян». Так, например, 23 мая сенат постановил разрешить въезд в Дубровник некоему «Мате Обращичу, прозванному Пахин, из Котора»⁵⁰.

Несомненно, что которанин Мате (по всей видимости, идентичный с Матко из «Истории» М. Орбини) приехал в Дубровник по своим торговым или долговым делам, точно так же, как и Медое, по словам Орбини, известный своим богатством. В Дубровнике они после первых неясных известий о волнениях в Которе были брошены в тюрьму республиканским правительством, предпочитавшим иметь на всякий случай (ввиду возможного ухудшения отношений с Котором) заложников. Как известно, и в 1378—1379 гг. которане, оказавшиеся случайно в Дубровнике, были арестованы.

Между тем предполагать, что правительство Дубровника могло решиться арестовать которских послов, было бы совершенно невероятно, поскольку плебейский магистрат (как видно из всей истории с письмом венгерского наместника) не изменил внешнеполитической ориентации Котора, и арест послов мог помешать скорому подавлению восстания. Скорее всего М. Орбини назвал Медоя и Матка вождями и послами восставших только потому, что он видел и добросовестно использовал инструкцию рагузских патрициев М. Джорджичу от 2 июня, текст которой весьма уместно здесь привести.

Как гласит этот документ, правительство Дубровника поручило сер Матвею Джорджичу «отправиться в Котор и отвести с собой *Медоя и Матко, которских плебеев* (provolani)», а в Которе предпринять следующие действия. Прежде всего М. Джорджич, прибыв в Котор, должен был «пойти к мессеру коменданту Котора (capitaneo di Catharo) и сказать ему, чтобы он собрал которских патрициев, а когда патриции (li zentili home-ni) будут собраны вместе, представить названному коменданту и упомянутым патрициям нашу верительную грамоту»⁵¹.

Уже само начало данного документа представляет огромный интерес. Так, например, Медое и Матко здесь должны были бы именоваться послами, если бы они были таковыми, и о послах, естественно, нельзя было сказать, что их М. Джорджич обязан «отвести» с собой в Котор. Несомненно, что М. Орбини, располагая совершенно правильными сведениями и о посольстве Джорджича, и о цели посольства, и об отъезде с Джорджичем двух которан (их имена он также не искажает), все же на свой страх и риск изобразил Медоя и Матка вождями и посланцами восставших которских низов.

Посол Дубровника Матвей Джорджич, прибыв в Котор, попал в среду, раздиравшуюся политическими и социальными противоречиями. В крепости находился блокированный венецианский гарнизон (видимо, и часть местных сторонников Венеции); провенгерское (и, следовательно, прорагузское) правительство с большей частью нобилей было изгнано из города (к сожалению, не совсем ясно, куда именно), плебейское правительство, вероятно, признало сюзеренитет Венгрии и не предпринимало никаких важных внешнеполитических действий, ограничиваясь борьбой против нобилей и укреплением своей власти в городе. Правда, известный югославский историк В. Чорович допускал возможность, что восставший плебеисек искал помощи у боснийского короля⁵², однако это предположение остается совершенно не подтвержденным свидетельствами источников.

Знаменательно, что в этой обстановке двоевластия (или, может быть, даже троевластия) в Которе и которском округе посол Дубровника сразу, же должен был занять недвусмысленную позицию поддержки нобилей (им он должен прежде всего предъявить свои грамоты и именно с ними

⁵⁰ М. Динић. Указ. соч., стр. 41.

⁵¹ J. Тадић. Указ. соч., стр. 426, 427.

⁵² В. Чоровић. Краљ Твртко..., стр. 49; Оп же. Хисторија..., стр. 310.

начать переговоры), причем, возможно, прибегнуть к помощи венецианского наместника. Джорджич отправлялся в Котор к некоему «коменданту» и патрициям, тогда как, согласно «Истории» Орбини, большая часть нобилей и прежний магистрат были изгнаны из города. Вероятно, нобили бежали именно в крепость, под защиту венецианского гарнизона, поскольку на территории всего которского округа им вряд ли удалось бы спастись от восставших, которых поддерживали и крестьяне (в частности, жители Пераста).

Ввиду этого нам представляется правдоподобным, что «капитанео», названный в инструкции, командовал блокированным венецианским гарнизоном. К тому же именно в это время, в мае-июне 1380 г., отношения Дубровника с Генуей, хорватско-далматинским баном и венгерской короной заметно ухудшаются, а в морской войне перевес уже был на стороне венецианского флота, который вскоре, 21 июня, занял г. Кьоджу⁵³.

Как указывается далее в инструкции от 2 июня, Матвей Джорджич должен был приветствовать нобилей и «капитанео» от имени правительства Дубровника, сказать, что он «послан к ним от нас и в связи с письмом мессера бана Далмации и Хорватии», прибавив, что республике известны *«оскорбления и ущерб, нанесенный названным патрициям Котора теми людьми из числа которского плебса»*. Посол должен был сообщить, что патрицианские власти Дубровника хотят, *«чтобы упомянутые патриции Котора вернулись в свое прежнее состояние и (стали снова) править и управлять городом Котором, как и прежде патриции Котора пользовались властью»*⁵⁴.

Лишь заверив которских нобилей в безоговорочной поддержке и заручившись также содействием венецианского гарнизона (видимо, единственной силой, которую можно было употребить против восставших) и его коменданта (возможно, это был известный венецианский наместник Котора Яков де Риппа, получавший подкрепления от боснийского короля)⁵⁵, рагузский посол мог, наконец, заняться успокоением восставшего плебса.

В частности, если которские нобили признают целесообразным собрать плебс (*rovolo*) и когда «соберется упомянутый плебс, и в особенности *предводители названного которского плебса (caporali del dicto rovolo)*», ему предписывалось сказать, что «он послан нашей коммуной (Дубровника.— *Е. Н.*) и в связи с письмом, которое мы получили от названного выше мессера бана (Далмации.— *Е. Н.*) с требованием и приказом упомянутым людям из среды плебса, что *те (плебеи.— Е. Н.) должны восстановить и вернуть власть в Которе в руки которских патрициев* и предоставить им (нобиям.— *Е. Н.*) пользоваться и употреблять власть в Которе, как они прежде пользовались», причем посол обязан был изложить все это «упомянутым лицам из среды плебса» в угрожающем тоне, «в жестких и тяжелых словах»⁵⁶.

Весьма важно отметить, что посол Дубровника должен был только *слагаться* на письмо бана, а не вручить его мятежным которанам, хотя это мифическое послание бана было адресовано именно восставшим плебеям Котора; следовательно, данного письма вообще не существовало.

Эта часть инструкции наглядно показывает, что Медое и Матко, о которых мы говорили уже ранее, в действительности не были ни послами восставших народных низов, ни их предводителями. Оказывается, у плебеев были вожди — «капорали», однако они, по-видимому, не имели власти решать самые важные дела (например, в переговорах с правительством Дубровника относительно власти в Которе). Такие дела обычно

⁵³ Б. Крекић. Указ. соч., стр. 39, 40.

⁵⁴ J. Тадић. Указ. соч., стр. 427.

⁵⁵ S. Ljubić. Listine..., t. IV, стр. 187.

⁵⁶ J. Тадић. Указ. соч., стр. 427.

обсуждались на собрании горожан (плебса), которое только и могло вынести в данном случае решение.

Инструкция предусматривала и возможность отпора восставших «добрососедским» увещаниям посла Дубровника. Если «названные люди из среды плебса скажут или покажут, что они не хотят, чтобы правили патриции, как прежде», посол должен был сказать «этим плебеем, что об этом ответе мы (правительство Дубровника) напишем названному мессеру бану (Далмации.— Е. Н.) и, насколько сможем, мы будем действовать с благорасположением к упомянутым патрициям Котора». Этим М. Джорджичу предлагалось завершить свою миссию и затем прибыть в Дубровник⁵⁷.

К сожалению, инструкция от 2 июня 1380 г. содержит последние более или менее подробные данные о Которском восстании, и нам остается лишь строить предположения о его длительности, исходе и значении для судьбы всего города. Несомненно, что Матвей Джорджич, получив данную инструкцию, отправился 2 или, самое позднее, 3 июня в Котор, где сыграл роль «миротворца» в соответствии с предписанием своего правительства, чему не противоречит и рассказ М. Орбини.

Вероятно, усилия Джорджича были все же недостаточны, чтобы сломить восставших (это заметно и из «Истории» Орбини). Скорее всего «успокоение» плебеев потребовало немало времени, а уже к 7 июня посол Джорджич вернулся в Дубровник. В этот день рагузский сенат решил «сделать добавление в инструкции послам относительно событий в Которе»⁵⁸, причем в данном случае имелись в виду послы Дубровника к хорватско-далматинскому бану (сер Яков Менчетич и сер Лука Бунич), незадолго до этого отправившиеся в Задар⁵⁹.

Тот факт, что лживая ссылка на мнимое требование венгерского наместника вернуть к власти которских нобилей не сыграла большой роли и, видимо, не заставила капитулировать восставших, вынудил правительство Дубровника все же сообщить о Которском восстании далматинскому бану и, вероятно, попросить помощи для его подавления. Таким образом, данное постановление целиком согласуется с последним пунктом инструкции М. Джорджичу.

По-видимому, которские нобили сумели уже во второй половине 1380 или в начале 1381 г. вновь овладеть городом и даже подавить сопротивление в отдельных селах которского округа (дольше всего, как пишет М. Орбини, приходилось усмирять жителей Пераста). Однако в 1381 г. власть патрициата в Которе была еще весьма непрочной, и в марте 1381 г. правители Дубровника вновь должны были оказывать помощь которским нобилям. 26 марта, в частности, сенат единогласно постановил «послать в Котор одного нашего патриция, чтобы помочь которским нобилям»⁶⁰.

Правда, при создании различных гипотез и догадок о последствиях народного восстания в Которе нужно учитывать, что протоколы заседаний правительства Дубровника во второй половине 1380 г. почти вовсе не упоминают Котор. Возможно, это следует истолковать как свидетельство перехода города в руки венецианцев; встречающееся в литературе утверждение о захвате Котора флотом Венеции в июле 1380 г.⁶¹ можно признать вероятным, допустив объединение которских нобилей с венецианским гарнизоном крепости и (как мы отмечали выше) даже с властями Дубровника.

⁵⁷ J. Тадић. Указ. соч., стр. 427.

⁵⁸ М. Динић. Указ. соч., стр. 44.

⁵⁹ Там же, стр. 40—43, 47; ср. Б. Крекић. Указ. соч., стр. 39.

⁶⁰ М. Динић. Указ. соч., стр. 124.

⁶¹ I. Stjepčević. Указ. соч., стр. 22.

Допуская возможность перехода Котора опять под власть Венеции (1380), мы должны в то же время усомниться в датировке этого факта (июль) и в том, что Котор был снова захвачен именно венецианским адмиралом В. Пизани⁶². История Котора в эти годы все же слишком мало изучена и требует больших специальных исследований. В данной связи мы ограничимся лишь указанием на решение правительства Дубровника (24 августа 1380 г.) захватить «барку с тем посланцем, который отправляется к венецианскому флоту от коменданта (castellani) Котора»⁶³. Быть может, новый переворот в Которе, который привел снова к власти нобилей и одновременно вернул город под эгиду Венеции, совершился именно в августе 1380 г., когда, по-видимому, было подавлено восстание народных масс Котора и которского округа.

* * *

Анализ сохранившихся источников из архива Дубровника и рассказа М. Орбини о Которском восстании 1380 г. дает возможность полнее представить причины и цели этого народного выступления, глубже изучить историю классовой борьбы в городах Южной Далмации. Так, в частности, мы можем сделать вывод, что встречающееся еще в исторической литературе утверждение об антивенецианской направленности восстания не находит подтверждения в имеющихся документах. Восстание 1380 г. было выступлением чисто социального характера, его целью было свержение власти нобилей и создание плебейского правительства в Которе. В этом восстании, как можно судить по данным «Истории» М. Орбини, участвовали не только городские низы, но и крестьяне из селений которского округа.

Сопоставление рассказа М. Орбини с дубровническими документами позволяет сделать еще целый ряд весьма любопытных наблюдений. Не вызывает сомнения, например, что автор «Истории славян» использовал некоторые правительственные акты из рагузского архива. Это подтверждает то, что в целом рассказ Орбини о восстании является достоверным, хотя автор, добросовестно следуя за известным ему документом (а именно по инструкции дубровницкому послу Матвею Джорджичу от 2 июня 1380 г.), повторил лживую ссылку правительства Дубровника на мнимое требование венгерского наместника, приказывавшего будто бы которским плебеям вновь вернуть к власти свергнутое ими в мае 1380 г. патрицианское правительство.

⁶² Ср. M. Sanuto. Указ. соч., стр. 712—715; «M. Antonii Cocci Sabellici...», стр. 306—311; «Petri Justiniani...», стр. 163—165.

⁶³ М. Д и н и й. Указ. соч., стр. 65.

М. М. Фрейденберг

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТРОГИРА В XIII в.

На отсутствие интереса к социальной истории далматинского города как в югославской¹, так и в советской литературе² нельзя пожаловаться. И тем не менее этот интерес еще не привел к появлению работ, где был бы *всесторонне* рассмотрен социальный состав населения хотя бы одного города, нарисована *целостная* картина его социальной структуры. Возможно, что виной этому было отсутствие имущественных описей или других массовых источников, допускающих статистические методы обработки. В настоящее время возможность такого исследования появилась: в 1948—1951 гг. М. Барада опубликовал свыше 2 тыс. документов — в основном нотариальных актов, относящихся к истории Трогира³. Опираясь на этот документальный материал, мы поставили перед собой задачу установить имущественный и социальный статус всех групп населения, проходящих по нотариальным книгам, и определить их удельный вес в общем составе городского населения⁴. О критериях обработки материала здесь необходимо сделать ряд пояснений.

Нотариальный акт — не налоговая опись, где указано имущественное состояние человека, а зачастую и его юридический статус. В актах сравнительно легко определить статус ремесленника (*magister*) или нобилия, из тех, что держат в своих руках городское управление (*consul, gestor, judex*), хотя и здесь остается возможность уточнить, насколько богат или беден этот ремесленник, или каковы имущественные интересы нобилия. Труднее поддаются расшифровке те категории, у которых не указан ни

¹ I. Stroh al. *Bratstva (bratovštine) u starom Trogiru*. «Rad JAZU», knj. 201 (1914), стр. 47—66; G. Novak. *Nobiles, populus i cives — komuna i universitas u Splitu 1525.—1797*. «Rad JAZU», knj. 286 (1952), стр. 5—40; «Pomorski Split druge polovine XIV. st. Notarske imbrejature». V. Rismondo. Predgovor. Split, 1954, стр. 7—17; M. Brandt. *Wyklifowa hereza i socijalni pokreti u Splitu krajem XIV. st.* Zagreb, 1955.

² А. Е. Москаленко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. «Византийский вестник», т. XIII. М., 1958, стр. 136—161; О п же. Данные хроник Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в. «Славянский сборник». Воронеж, 1958, стр. 31—41.

³ «Monumenta Traguriensis (Trogirski spomenici)», ed. M. Barada. MSHSM, vol. 44—46. Zagreb, d. I, sv. I, 1948; sv. II, 1950; d. II, sv. I. 1951. В собрание вошло 1710 нотариальных актов и 308 судебных протоколов. В дальнейшем ссылки на это издание даются следующим образом: римская цифра I соответствует d. I, sv. I; цифра II — d. I, sv. II; цифра III — d. II, sv. I. В связи с тем, что Trogirski spomenici являются нашим основным источником, мы указываем каждый раз только номер тома. О принципах составления нотариальных книг см.: М. М. Фрейденберг. О Формуляре нотариального акта из Трогира. «Славянский архив». М., 1963, стр. 3—11.

⁴ Первая попытка его обработки с целью анализа экономической базы города принадлежит академику М. Мирковичу (M. Mirković. O ekonomskim odnosima u Trogiru u XIII. stoljeću. HZ. god. IV. Zagreb, 1951, стр. 21—54).

юридический статус, ни точное имущественное положение, кто случайно выступает лишь как продавец земли, покупатель дома или получатель денег в кредит. Как установить их социальную принадлежность?

При определении социального облика трогирия мы исходили из убеждения, что частота, с которой имя человека встречается в актах, отражает его имущественное состояние. В самом деле, человек, обладающий большим имуществом, испытывает и большую необходимость фиксировать свое состояние, чаще появляться в городской курии у нотариуса. Следовательно, чем чаще появляется чье-либо имя в нотариальных тетрадах, тем больше признается авторитет его в городе, его имущественное положение и как собственника и как гаранта чужой собственности — свидетеля. Таким образом, говоря о лице, чья «социально-экономическая биография» содержит не одну, а несколько торговых сделок, можно быть уверенным, что мы имеем дело с купцом; другого трогирия мы называем городским состоятельным землевладельцем, не входящим в состав патрициата, потому что его «биография» содержит несколько актов, доказывающих, что у него много земли, сравнительно мало денег и он не занимает никаких постов в городском управлении. Вот этот принцип — «не одно, а много упоминаний», принцип многократных свидетельств позволил нам выделить первый список трогирия, который мы условно назовем «списком А». В него войдет несколько сотен досье, которые позволят воссоздать социально-экономические биографии главным образом имущих жителей города.

Однако при таком подходе наши представления о составе городского населения окажутся искаженными по меньшей мере в двух отношениях: во-первых, нельзя будет учесть городскую бедноту и людей, хотя и живущих в городе, но редко принимающих участие в имущественных сделках, а следовательно, и не отраженных в актах, а во-вторых, как следствие, будет заметно преуменьшена численность городского населения. Чтобы избежать этой односторонности, попытаемся учесть и тех, о ком есть только единичные сведения, принимая во внимание при этом только горожан и отстраняя всех, кто может оказаться крестьянином (арендаторов, пастухов, лиц, упомянутых в окружении большой семьи или патронимии — типичных элементов сельского быта)⁵. Таким образом мы составим «список Б», в который войдет малоимущее или связанное с земледелием население города, всего 217 семей⁶.

Для того чтобы установить расслоение внутри этих двух больших списков, мы использовали такие критерии, как домовладение (например, скупка домов чаще всего оказывается признаком принадлежности к патрициату, обладание домом в предместье, если оно не сочетается с богатством, — признак малой состоятельности и пр.), использование чужого труда (зависимых держателей, арендаторов, слуг, челядинцев), предоставление кредита, участие в городском управлении и т. д. С помощью этих критериев мы попытались установить градации населения, которое

⁵ Например, *parentella* Немовлашина — 1, 413. И тем не менее опасность того, что в число подсчитанных нами лиц могут попасть окрестные крестьяне, будет существовать. Дело в том, что в трогириском нотариате не существовало обычной отмечать принадлежность контрагента к числу горожан (*Tragurienses*), подобно тому, как это делалось в Задаре. Поэтому наши итоговые цифры будут нуждаться в известном преуменьшении.

⁶ Эту цифру мы устанавливаем, производя подсчет населения за наиболее длительный период — 70—90-е годы XIII в. (II том). Среди них оказывается 19,8% собственников, которых можно отнести к средним, всего 5% зажиточных, 40,5% малоимущих и 30,4% лиц, чье состояние не поддается точному определению, что тоже не может служить признаком зажиточности. Такое преобладание бедняков в «списке Б» среди лиц, о которых имеются только единичные упоминания, убедительно доказывает правоту нашей мысли, что частота упоминаний в нотариальных тетрадах соответствует имущественному положению горожанина.

не отнесешь ни к ремесленному сословию, ни к торгово-денежной прослойке, ни к нобилитету. Это городские домо- и землевладельцы.

Среди них можно выделить верхушку — *состоятельных* собственников. Их характеризует наличие дома стоимостью от 100 либр и выше; использование чужого труда — арендаторов, слуг, рабов; приданое, которое они выделяют своим дочерям, не опускается ниже 100 либр (обычно 100—200); способность открыть денежный кредит, впрочем не часто; в своих завещаниях они оставляют духовенству на отпевание 40 сольдинов и, наконец, они пользуются в городе особым весом, что находит выражение в составлении грамот не в курии, а у них в доме или перед домом.

Далее идут рядовые или *средние* собственники. Для них характерно обладание домом стоимостью в 50—80 либр; меньшие суммы, упоминаемые в завещаниях и на приданое дочерям (иногда земли вместо денег); нередко наличие одного слуги или рабыни в доме. Но земли свои средние собственники, как правило, не сдают в аренду, они предпочитают их обрабатывать своими руками и нередко даже арендуют часть земли у более состоятельных соседей: 20 сольдинов — вот та сумма, которую они обычно завещают духовенству. Скажем прямо: это одна из самых аморфных и с трудом поддающаяся характеристике прослойка города.

Низшая категория городских собственников обладает рядом более выразительных признаков. Это те, кто живет в предместье — бурге, обиталище бедноты, поденщиков, арендаторов, это те, кто переселился из деревни в город и кого задарские источники именуют «zappatori», те, что зачастую имеют не дома, а хижину (camarda), нередко сколоченную из досок (camarda tabularum); их денежные расчеты производятся со скрупулезной точностью бедняков, до одного денария, их земельные участки невелички и нередко против их имен можно встретить указание: «обеднел настолько, что...».

Наконец, осталось упомянуть еще и о том, что при подсчете населения мы учитываем не отдельных лиц, а семьи, домохозяйства. Таковы критерии, пользуясь которыми, мы стремились решить вопрос о социальном составе трогирского населения. Мы столь подробно остановились на их характеристике потому, что даже в специальной литературе не затронут вопрос о том, как использовать нотариальные акты далматинского города⁷ при статистических подсчетах, а значение верно выбранных критериев в данном случае слишком хорошо известно, чтобы на этом нужно было дополнительно останавливаться.

Остается еще добавить, что, характеризуя социальный состав Трогира в последней трети XIII в., мы лишь в отдельных случаях обращались к источнику, который иногда рассматривается как первостепенный⁸, — к записи городского права. И не только потому, что эта запись была произведена спустя 25 лет после исследуемого нами периода⁹, но главным образом потому, что право дает возможность уяснить в лучшем случае юридическое положение двух прослоек городского населения — рабов и наемных слуг и полностью игнорирует все, что представляет первостепенный интерес — соотношение и размер социальных группировок.

К чему же приводит характеристика населения в соответствии с избранными нами методами? Обратимся к табл. 1, в которой сведены

⁷ Даже в обстоятельной работе Г. Шмида, посвященной характеристике нотариальных книг как источника для истории далматинского города, не поставлена проблема критериев для подсчета населения по данным нотариальных актов (H. F. Schmid. Dalmatinische Stadtbücher. «Zgodovinski časopis», letnik 6—7, Ljubljana, 1952—1953, стр. 330—390).

⁸ А. Е. Москаленко. К вопросу о социально-экономических отношениях..., стр. 137.

⁹ «Statutum et Reformationes civitatis Tragurii», ed. I. Strohal. MHJSH, vol. X. Zagreb, 1915 (далее — St., Ref.). Статут был записан в 1322 г.

результаты подсчетов. Количество семей, проживающих в городе и подсчитанных нами по спискам А и Б, составляет 640. Было бы излишним еще раз указывать на известную условность этой цифры, и тем не менее, располагая ею, мы можем легко определить общую численность населения в Трогире. Приняв коэффициент семейности равным 5, мы получим цифру в 3000—3200 человек¹⁰. При этом следует помнить, что здесь еще не учтены те категории населения, которые были в городе непостоянными или не имели семей — слуг, рабов и духовных лиц (приблизительно 250 человек).

Обратимся к характеристике отдельных прослоек. Самую большую из них составляет группа населения, которую мы называли средними городскими собственниками — владельцы домов в городе и земель в округе — 22,6%. Их отличает черта, характерная для известной части жителей лю-

Таблица 1

Состав городского населения в Трогире в последней трети XIII в.
(в первую очередь подсчитано число семей)

Группы населения	Число семей по «списку А» (учтены по многократным упоминаниям в актах)	Число семей по «списку Б» (учтены по единичным упоминаниям)	Всего	В %
Нобили	22	—	22	3,4
Состоятельные домо- и землевладельцы	44	10	54	8,4
Торговая и денежная прослойка	63	—	63	9,8
Рядовые (средние) собственники	102	43	145	22,6
Ремесленники	137	(учтены по «списку А»)	137	21,4
Домовладельцы, чье состояние трудно определить	—	66	66	10,3
Малоимущие горожане	15	88	103	16,0
Жители других городов	20	10	30	4,7
Служащие коммуны (глашатаи и др.)	20	—	20	3,0
Итого	423	217	640	100,0
Рабы	—	80	80	
Слуги	—	56	56	
Духовенство	—	100	100*	
Итого			236	(приблизительно)

* Три последние группы населения вынесены нами за грань тех подсчетов, где учтено число семей. К тому же цифра в 236 человек не способна существенно повлиять на численность населения города.

¹⁰ М. Миркович дает значительно меньшую цифру — 2000 человек (М. Mirković. О економским односиња..., стр. 36), но при этом следует иметь в виду, что он установил ее ориентировочно, исходя лишь из числа завещаний и актов отделения взрослых сыновей в пределах одного, 1272, года. Ср. величину населения в это же время: в Которе — 3000—3500 человек («Enciklopedija Jugoslavije», т. 5, 1962, стр. 349), Сплите — около 3000 (G. Praga. Testi volgari spalatini del trecento. AeM, vol. 2. Zara, 1927, стр. 42). Вряд ли в Сплите в XIV в. жило около 8 тыс. человек, как полагает А. Е. Москаленко (К вопросу о социально-экономических отношениях..., стр. 140, прим. 18). Для того чтобы получить эту цифру, он использует данные о размере сплитского ополчения (1200 человек), не учитывая того, что в его состав, судя по контексту летописного свидетельства, должны были входить и жители сплитской округи.

бого средневекового города — связь с землей. Но в то же время они активно используют свою близость к городскому рынку, вывозят скот, мясо и кожи на городской или внешний рынок, именно среди них мы находим большое число скотовладельцев, которые сдают стада на выпас многочисленным пастухам и «чельникам» (старшим пастухам).

Значительную группировку горожан составляют малоимущие собственники (16%). Это главным образом жители предместья-бурга. Мы застаем их примерно в следующих ситуациях: Марин Мартинов завещает половину дома (хижины-«камарды») жене, а вторую половину — дочери; ничего больше, если не считать 8 стар (стара — $\frac{1}{6}$ модия) ячменя, двух бочек и насаждений в монастырской земле, у него нет (I, 174). Иван Колари распределяет по завещанию своим наследникам хижину, полтора вретена земли (1 вретен = 8,4 ара) и небольшое стадо (в 27 голов) мелкого скота. На похороны он в состоянии выделить лишь вдвое меньше обычной суммы — только 10 сольдинов (I, 332). Гричани покупает с братом участок в бурге, оказываясь при этом должным брату 12 либр и обязуясь выплатить их не раньше чем через 4 года (II, 23). Иногда эти люди открыто признаются в своей бедности. Иван, сын Николая Грека, арендатор, продает свои насаждения для прокорма двоих своих сыновей, ибо им не на что жить («non habeant aliud unde vivant» — II, 139). Вдове с дочерью нечем кормиться («nihil habeat unde se... valeat sustentare» — II, 62, 63), другая вдова закладывает из-за бедности виноградник (II, 210). Эти примеры можно было бы умножить¹¹.

По нашим данным, это одна из низших имущественных категорий в городе; ведь следует помнить, что плебс может и не быть показан в нотариальных актах — бедняки редко заключают имущественные сделки или по крайней мере редко оформляют их в нотариальной курии. Возможно, что среди домовладельцев, чье имущественное состояние трудно определить, также преобладают малоимущие горожане, тогда с учетом этой прослойки число малоимущих поднимется до 26,3%, т. е. составит значительную долю в общем составе городского населения.

В числе городских низов следует назвать и немногочисленную группу слуг (servientes). Мы не учитывали их при подсчете населения, ибо их всего 56 человек, семей у них нет, и в общей массе городского населения они составляют что-то около 1,5%. Но миновать их в характеристике социального состава города нельзя, как невозможно обойти и вопрос о найме свободной рабочей силы. Их нанимают самые различные лица в городе. Пятерых, например, нанимают ремесленники, в этих пятерых можно предпологать не столько слуг, сколько подмастерьев¹². Десять человек берут на службу торговцы, 17 — городские патриции (подсчет остальных затруднен из-за лакун в тексте). Таким образом, есть основания считать, что часть нанятых (servientes) использовалась не в производстве, а в качестве домашней челяди, во всяком случае некоторых своих слуг патриции оплачивали настолько щедро, что в них сразу можно угадать господских приказчиков¹³. Известно, что в производстве Трогира и округи использовались не слуги (servientes); а работники других категорий. Так, например, постоянную работу на виноградниках выполняли арендаторы, сезонную — поденщики (laboratores, mercenarii), в скотоводстве использовался труд пастухов, в хлебопашеских хозяйствах — труд тех, кого называют villani и bubulci. И все же в отдельных актах найма слуг встречается оговорка о том, что нанятый человек не будет посылаться на

¹¹ См. также II, 183, 186, 248, 201, 246; I 196, 197, 232.

¹² Нам уже приходилось упоминать об этом (М. М. Фрейденберг. Ремесло в Трогире в XIII в. (Из социальной истории далматинского города). «Уч. зап. Велюко-луцкого пединститута», вып. 24, 1964, стр. 145, 146).

¹³ Так, Стефан Руге нанимает опытного служителя, ранее работавшего у монахов-миноритов, которому дает поручение разъезжать за пределами города (I, 444).

пахоту, уборку урожая, пастьбу скота, не будет использоваться для работы в виноградарике (II, 153). Это наводит на мысль, что в остальных случаях такие работы были обязательным условием найма.

Обращает на себя внимание тот факт, что из 34 слуг, упомянутых в период 70—90 гг., 17, т. е. 50 %, составляют несовершеннолетние, которых отдают в наем родители. Этот факт находится в известной связи с тем обстоятельством, что значительная часть нанятых слуг вывозилась в другие города — Задар, Анкону, Барлету (из 34 случаев, отмеченных выше, таких примеров 11, т. е. третья часть). Трогир выступает в данном случае как рынок, на котором можно приобрести рабочую силу, оформив это приобретение как договор найма. (Мы убедимся позднее, что город выступает в этом качестве и в других случаях.) Но если значительную часть нанятых слуг составляют несовершеннолетние, то это значит, что взрослые предпочитают не идти в слуги, они находят иное применение своим силам в городе, например, становятся эмфитевтами, т. е. самостоятельными производителями — избыточной рабочей силы в городе еще не создано¹⁴.

Отсутствие в категории *servientes* людей, свободно продающих свою рабочую силу, можно обнаружить и по другим признакам. Прежде всего по условиям найма. Слуга нанимается не на сезон, год, а на 4, на 7, на 9, даже на 20 лет — по существу составляется не договор найма свободного работника, а кабальная грамота, т. е. оформляются отношения глубоко феодальные по своему содержанию¹⁵. Это подтверждает и высота оплаты — 2 либры 5 сольдинов за 4 года, 2 либры — за 7 лет, 3 либры — за 10 лет, есть случай, когда человека нанимают на 9 лет... за 1 либру¹⁶. При бегстве нанятого работника господин мог своими средствами разыскать его, при повторном бегстве он обращался в раба¹⁷ (I, 399). Личность слуги не являлась свободной: уход его на гулянку давал хозяину основание побить его, в одних случаях с оговоркой «умеренно» (I, 304), а в других — без этой оговорки (II, 92). Все эти данные о найме слуг создают впечатление, что в конце XIII в. в Трогире не было еще никакого рынка свободной рабочей силы, что большинство договоров о найме работников представляло обычные кабальные записи, т. е. акты, порожденные не развитием товарно-денежных отношений, а нормами феодальной эксплуатации. Тот же вывоз слуг из Трогира в соседние города, который мы только что имели возможность отмечать, порожден практикой, весьма близкой к работорговле, подобно тому, как положение *servientes* достаточно близко к положению рабов.

В этом нам сейчас предстоит убедиться. Рабы (*servi*, *ancillae*) также встречаются на страницах наших актов, мы располагаем 67 документами, в которых упомянуто около 80 рабов¹⁸. Основной источник рабства для трогирян — это покупка, но встречаются и случаи насильственного порабощения: пастух Обрад был захвачен силой за городом и обращен в раб-

¹⁴ Не лишне напомнить в этой связи, какую высокую оплату получал поденщик — 2 сольдина на хозяйских харчах — рабочей силы в Трогире явно не хватало.

¹⁵ Становится ясно в этой связи, как далек *serviens* от наемного работника (*mercenarius*), о котором говорит статут в XIV в.: договор с этим наемным работником заключается на один год (St. III, 28). Некоторые акты свидетельствуют о том, что производитель под видом найма в слуги попросту отработывал свой долг. Так, некая Станислава должна отработать «6 или 8 лет» (так в тексте за 6 либр, запятых ею у Ивана Гуси).

¹⁶ А в 19 случаях найма слуг из 34, упомянутых во II томе, вообще не предусмотрено никакой денежной платы: слуга работал за харчи, обувь и одежду, впрочем текстиль был дорог, это отметил уже М. Миркович (указ. соч., стр. 48).

¹⁷ Ср. по поводу поденщиков: в случае нарушения срока найма и поденщик и хозяин платили одинаковый штраф — 20 сольдинов, т. е. считались совершенно равноправными.

¹⁸ Более точный подсчет затруднен, ибо в некоторых актах упомянуты «все наши рабы».

ство на 8 лет (I, 290), подобным же образом на берегу моря была захвачена молодая горожанка Сабата (II, 255). Самопродажа в рабство исключительно редка, нет ничего подобного тому, что мы встречаем в окрестностях Сплита два столетия назад¹⁹. Очень редко продают родители и своих детей²⁰, их отдают в услужение. Привозят рабов в Трогир из соседних славянских областей — из Криса, Ливно, Хелма, из Боснии и «Славонии», под которой понималась вся хорватская периферия; больше всего рабов из Цетины. Рабов городского происхождения очень мало, это несколько человек из Сплита (I, 190; II, 74, 216), да и то неизвестно, городские ли это рабы или просто куплены в Сплите²¹.

Но правильно ли мы поступаем, все время употребляя слово «рабы»? Не произошло ли в облике *servi* насколько серьезных изменений, которые заставили бы нас по-новому взглянуть на них и именовать их сервами или как-нибудь иначе? Иногда в актах встречаются целые рабские семьи (I, 135, 190), т. е. семьи, во главе которых стоит раб-отец. Но гораздо чаще подобные семьи представлены женщиной с несколькими детьми (I, 46, 126, 157, 214, 271, 403), мужа у такой рабыни нет, видимо, нет и оформленного по закону брака. Когда некую Драгонегу уличили в том, что она жена раба и дочери ее также должны быть рабынями, Драгонега ответила, что она была не женой, а сожительницей (*amasia*), и дочери ее не являются наследницами рабского состояния ее сожителя (III, 12)²². Еще более выразительно доказывает отсутствие у рабов права на законный брак акт из Задара. Женщина добивается согласия на вступление в брак, хотя на суде выяснилось, что у нее ранее будто бы уже был муж. Истица не отрицает факт сожительства, но утверждает, что ее прежний супруг был рабом и «вследствие своего рабского состояния не мог иметь жену» (курсив мой. — М. Ф.), поэтому она сейчас является свободной женщиной²³. Суд отказал ей в иске и обязал вернуться к прежнему мужу, на том основании, что его рабское состояние не было доказано. Не остаются сомнений в том, что, оказавшись прежний муж истицы рабом, брак был бы расторгнут. Как видим, в средневековых далматинских городах действует правило, что рабам разрешается только конкубинат. Не лишне заметить, что процесс происходит в Задаре в 1364 г. Подлинный брак был возможен только при условии освобождения от рабства. Поэтому каменщик Обрад должен был заплатить 20 либр за освобождение своей невесты, прежде чем взять ее в жены (I, 403), и огромная цена этого выкупа не позволяет считать ее лишь брачной пошлиной подобно формарьяжу французских сервов.

Раб нередко выкупается на свободу, иногда с помощью родственников, иногда за счет собственных средств (I, 135, 136)²⁴. Таким образом, есть основание предполагать у него наличие собственного имущества, и у отдельных рабов такое имущество, действительно, оказывается. Так, рабыня нобили Валентина Петрова активно распродает земельные участки (стои-

¹⁹ См. об этом: Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классовообразования у славян). М., 1964, стр. 335 и сл.

²⁰ Например, двое родителей из Цетины продают в рабство свою дочь, ибо «не имеют, чем жить» (II, 201).

²¹ В ряде мест повторяется выражение «*de genere servorum*» (II, 191, 203, 226), при всей неопределенности этого выражения оно заставляет думать, что во внутренних славянских областях, откуда привезены эти «*servi*», существуют родственные коллективы лично зависимых людей.

²² «... Respondit... qualiter vir non fuerat legitimus... unde eius filiae ipsius [vir] haeredes non erant».

²³ «... Tigoslava... dicebat... quod [vir eius] servus erat, propter servilem conditionem sibi uxor esse non poterat» (CD, XIII, стр. 413).

²⁴ Рабов часто отпускают на свободу из благотворительных побуждений, богатые горожане завещают средства для выкупа чужих рабов, обычно по 10—20 либр. Иногда мать-рабыню отпускают без выкупа, а требуют его с детей.

мостью в 7,5 л и в 20 либр — I, 253, 254, 306), а затем выкупается у своего господина на свободу за высокую сумму в 30 либр (I, 255); двое рабов продаются вместе с землей, оказываясь привязанными к ней (I, 394). Но специфика этих сделок в том, что в них участвуют рабы, связанные с землей, т. е. *сельские* рабы, оказавшиеся за пределами городских стен, а между тем известно, что *servi* в деревне в XIII в. — это чаще всего крепостные.

Если же обратиться к положению городских рабов и законодательству, регулирующему их отношения с господином, даже не в XIII, а в XIV в., то картина окажется совершенно иной. Статут устанавливает, что господин может отказаться заплатить штраф за раба, совершившего преступление, и тогда раб должен быть подвергнут бичеванию (St. I, 73); не допускается возможность, что у раба могут оказаться собственные деньги для выкупа. Если раб совершит кражу, а господин откажется заплатить за него, то рабу отрезают нос (St. II, 17). Рабов и рабынь можно покупать в «вечную службу» (*in perpetuum servitutem*), следует только оформлять это у нотариуса (St. III, 52). Наконец, нельзя вывозить женщин-рабынь из города без разрешения городских властей и не расплатившись с господином²⁵. Как видим, городское законодательство исходило из убеждения, что раб не располагает собственным имуществом, что рабам надлежит паходиться в бессрочном рабстве, и эта характеристика рабов, находящихся в городе, не дает никаких оснований судить о перерождении рабства.

Впрочем, число рабов, по-видимому, уменьшается, происходит отлив рабов в деревню. Мы судим об этом по движению их числа в последней трети XIII в., о котором дают представление таблицы 2 и 3.

Таблица 2

Акты 1264—1274 гг., где упоминаются рабы

Год	Общее число актов, относящихся к этому году	Число актов о рабах		
		всего	отпуск рабов на свободу	приобретение рабов
1264	(Не подсчитано в силу разрозненности)	3	1	2
1270	То же	2	—	2
1271	279	9	5	4
1272	328	12	7	5
1274	188	5	2	3

Из табл. 2 можно сделать только один вывод, представляющий для нас интерес: на каждую сотню актов, записанных в нотариальных книгах, приходится как будто бы три-четыре акта, имеющих отношение к рабам. Каких сделок совершается больше — приобретения рабов или отпуска их на свободу — на основе данных таблицы установить пока не удастся. Обратимся теперь к табл. 3. Мы убеждаемся, что заметно возрастает общее количество актов о рабах. Уже в следующем, 1275 году, нотариусы отмечают вдвое большее, чем обычно, число актов (семь), хотя год неполон (январь — октябрь): По данным первых двух лет, отмеченных в таблице (1275, 1277) пока еще трудно определить, что возрастает: спрос на рабов

²⁵ В тексте статута сказано: «*nes non emendandi damni*» (Ref., II, 67). Мы считаем это предписанием заплатить господину необходимую выкупную сумму. А Рейц некогда ошибочно считал, что здесь говорится о женщинах, насильно отрываемых от семей (А. Рейц. Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации, раскрытые из их муниципальных статут. «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных», т. I. М., 1845, стр. 49).

или отпуск их на волю, число и тех и других грамот приблизительно одинаково. Но уже 1279 год резко меняет картину — *четыренадцать* из дошедших 15 актов — это акты приобретения рабов.

Таблица 3

Акты 1275—1292 гг., где упоминаются рабы

Год	Общее число грамот в актах, относящихся к этому году	Число грамот о рабах			Год	Общее число грамот в актах, относящихся к этому году	Число грамот о рабах		
		все-го	отпуск рабов на свободу	приобретение рабов			все-го	отпуск рабов на свободу	приобретение рабов
1275	80	7	4	3	1281	6	1	—	1
1277	36	3	1	2	1287	16	1	—	1
1279	178	15	1	14	1292	90	5	2	3

Показательно также общее увеличение числа сделок, касающихся рабов: от 1281 и 1287 г. сохранились акты только за один месяц, и тем не менее каждый месяц дает свидетельство о рабах, притом о их *приобретении*. От 1292 г. сохранились акты только за 4 месяца (февраль — июнь). За этот срок было заключено пять сделок. Если в I томе на 877 грамот приходится 26, касающихся рабов, то во II томе, где собрано 734 акта, число таких грамот возрастает до 37. Таким образом, наш материал не позволяет судить об изживании рабства, напротив, заставляет говорить о том, что *с конца 70-х годов XIII в. и до конца столетия спрос на рабов увеличивается*. Нам кажется, что это увеличение числа рабов на городском рынке должно было возместить потери в рабочей силе в пригородной деревне, вызванные войной Трогира со Сплитом в 1276—1277 гг.²⁶ Если наше предположение верно, то мы сталкиваемся со свидетельством противоречивого порядка. Рост запродажных сделок на рабов на городском рынке как будто бы должен доказывать сохранение рабовладельческого уклада в городе (разумеется, в качестве пережитка). Но, с другой стороны, самый этот рост оказывается возможным лишь потому, что существует реальная перспектива перевода рабов на положение деревенских сервов.

Поднимаемся теперь выше по социальной шкале городского населения, обратимся к характеристике состоятельных городских домо- и землевладельцев. Это та часть населения, которую нельзя отнести ни к нобилитету, ибо его представители не занимают никаких должностей в системе городского самоуправления, ни к торгово-денежной прослойке, поскольку они за редким исключением не ведут операций на рынке и не занимаются ростовщичеством. Появление домо- и землевладельцев в составе городского населения не требует особых объяснений. Наличие земельных собственников в пределах городских стен — характерная черта любого средневекового города. Но в Трогире этому способствовали дополнительные обстоятельства. Так, известно, что в 1226 г. Сплит вел войну против населения с. Острог (примерно на полпути между Сплитом и Трогиром), не желавшего подчиниться сплитской коммуне и объединенного родственными и общинными связями. Захватив село, сплитчане постарались разрушить эти связи²⁷. В какой-то мере им это удастся, ибо через 50 лет мы находим часть острожан оставившими село и проживающими в соседних городах — Сплите и Трогире. Но и переселившись в города, острожане не утратили прежней связи с землей, они по-прежнему именуется «дидичами», т. е. наследственными землевладельцами, и бан Юрий Брибирский выносит решение о том, что Острог и далее остается в их собственности

²⁶ G. Novak. Povijest Splita, knj. I. Split, 1957, стр. 137, 138.

²⁷ «Thomae Archidiaconi Historia Salonitana», ed. F. Rački. MSHSM, vol. XXVI. Zagreb, 1894, стр. 29.

(«...villa... relinquatur omnibus illis commorantibus qui vulgariter lingua Sclavonica dedigi appellantur») ²⁸. Значит, городская коммуна на данном этапе оказалась не в состоянии лишить крестьян их собственности на землю и ограничилась тем, что включила их в свой состав. Переселение бывших общинников в город должно было неизбежно *переродить* село, разрушив его общинную организацию. Но нам сейчас важно отметить и то, как *изменился город* с переселением в него крестьян, сохраняющих связь с землей, как *усилилась в нем роль земледельческих элементов*.

Документы, относящиеся к трогирянам этой категории, более многочисленны, и здесь удастся нарисовать более выразительные характеристики. Вот Матвей Ковач — владелец крупного стада, он нанимает пастуха, отпускает на свободу раба, берет в долг 100 либр. Вот Франце Менчи Граде, который нанимает одного за другим двух пастухов, что совсем не удивительно для собственника, имеющего стадо более чем в тысячу голов скота; он активно спекулирует земельной собственностью в городе, скупая и продавая участки под застройку. Еще один — Станиха Болярины (чье имя звучит как прозвище, данное вельможе) — уважаемый человек в городе, которого постоянно привлекают в качестве свидетеля-гаранта чужой собственности, он свидетельствует свыше двух десятков грамот, является владельцем дома, стоимостью в 230 либр, «патроном» одной из городских церквей; Крелла Ачето, который владеет тремя участками в бургe, явно приобретенными для перепродажи в этом быстро растущем районе города, продает землю в городской округе; он совсем не связан с денежными операциями, даже за сыр, проданный ему, он расплачивается землей. Одна из ярких фигур в этом списке — Матвей Добре, 30 раз привлекающийся в качестве свидетеля, человек, ведущий активную спекуляцию городскими участками, скупающий у городской бедноты их домишки (*domunculae*). Он тесно связан также с сельским хозяйством — продает трех быков, получает насаждения на солидную сумму — 204 либры, через свою жену приобретает участок, стоимостью в 200 либр, использует труд арендаторов; сдавая в аренду сад; он нанимает служанку и одновременно с крупными земельными сделками ведет мелкие ростовщические операции — дает займы 16 либр.

Но, пожалуй, самым характерным представителем этой прослойки является Стрижена Одоле. Он городской житель: перед его городским домом несколько раз составляются документы специально приходящим для этой цели нотарием, следовательно, Стрижена и авторитетное лицо. Но в то же время он целиком связан своими интересами с деревней: приобретает пару волов, приданое своей дочери (на скромную сумму в 38 либр) он вносит земель, его дочь и сыновья активно продают земли и каждый раз по высокой цене (5 вретен — 58 либр, 3 вретена — 33 либры, 3,5 вретена — 36 либр и даже 1 вретен за 17 либр), его жена покупает стадо ягнят в 150 голов. С земель, которые Стрижена арендует у церкви св. Даниила, он вносит лишь четвертую долю урожая, что дает ему возможность сдать землю в субаренду из половины урожая (это было принято в Трогире), и именно на его землях мы встречаемся с двумя сервами, продаваемыми вместе с землей. Однако при всей его состоятельности как землевладельца, Стрижена Одоле не располагает большими деньгами: скромное приданое своей дочери, которую, заметим попутно, он выдает замуж за простого ремесленника, он не в состоянии выплатить сразу, и за него должен поручиться один из городских богачей (Каза-рич), сыновья его берут в долг небольшими суммами, и когда его сын, священник, нанимает служанку, он берет ее лишь за одежду, обувь и харчи. Мы не ошибемся, если предположим, что семейство Стрижены Одоле состоит из выходцев из деревни, где у них остались земли, насаждения, зависимые люди, но выходцев, пустивших прочные корни в

²⁸ СД, VI, стр. 208.

городе. Остается добавить, что эта группа населения, составляющая 8,4% городских жителей, довольно близко примыкает к городскому патрициату. Об этом можно судить хотя бы по размерам их земельных владений и по тому участию (правда, достаточно пассивному) в городском управлении, которое они принимают, выступая в роли свидетелей, завсегдатаев городской курии.

Теперь, когда мы перешли к характеристике состоятельных прослоек тропирского населения, появилась возможность все чаще оперировать биографиями отдельных наиболее выразительных фигур, которых можно считать олицетворением целых группировок, воплощением тех или иных тенденций развития. Особенно это относится к характеристике тропирского купечества.

Прежде всего есть возможность обнаружить, каким образом тропиране втягиваются в торговые операции. Характерна в этом отношении фигура Ивана, сына Стареча. На протяжении 1264—1273 гг. он не совершает ни одной сделки, если не считать продажи крошечного земельного участка (за 4 с лишним либры), за своей женой он получает скромное приданое — дом, единственный дом родителей его жены. Но в 1274 г. он уже торгует текстилем, подтверждая, таким образом, свою связь с внешним рынком, затем скупает по частям дома и земельные участки, а в 1292 г. он даже берет у коммуны на откуп какой-то налог (*introitus*), жаль лишь, что лакуны в тексте не дают возможности восстановить сумму собираемого им палого. Вместе с ростом его богатства растет и его деловой престиж в городе; если в 1264—1273 гг. его ни разу не привлекают в качестве свидетеля-гаранта заключаемых сделок, то в последующий период (1274—1293 гг.) он около двадцати раз присутствует при оформлении различных соглашений.

Тропир вывозил на внешний рынок преимущественно продукты сельского хозяйства. Интересно познакомиться с обликом экспортера этой продукции — таким является Драгулин Милобратич. В 1264 г. он покупает кожи у Черне Колотича на 100 либр для отправки их в Анконскую Марку и попутно берет поручение на продажу домотканого сукна (*sochana*) и сырой шерсти. Спустя несколько лет он поставяет на городской рынок на 200 либр хлеба, а еще через несколько лет скупает сыр у местных землевладельцев также на 200 либр; в последнем случае он обещает ускорить расчеты, если придут деньги из Скрадина, следовательно, у него есть связи и с этим городом. Характер сделок Драгулина, как видим, строго выдержан: он не связан с мелкой торговлей, не совершает поездок внутрь страны, в Славонию, он экспортер, ведущий морскую торговлю, при этом *крупный* экспортер. Составляя компании с другими купцами, он, как правило, вносит деньги, в то время как остальные вносят в дело свой труд²⁹. Уместно отметить, что Драгулина можно встретить в качестве свидетеля вместе с портным, он является опекуном детей ремесленника из Сплита, и, напротив, нельзя найти ни одной сделки, в которой он был бы связан с городскими нобиями. Таким образом, связь отдельных купцов с ремесленными слоями города получает еще одно подтверждение³⁰.

²⁹ О характере торговых компаний в далматинских городах см.: M. Mirković. Указ. соч., стр. 41; I. Beuč. Statut zadarske komune iz 1305. godine. «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci», sv. II. Rijeka, 1954, стр. 654—657; A. Cvitančić. Pravno uređenje splitske komune po statutu iz 1312 godine (Srednjovjekovno pravo Splita). Split, 1964, стр. 63.

³⁰ Правы ли мы, когда используем факт совместного свидетельства для доказательства близости различных социальных прослоек? Нам уже приходилось упоминать о том, что когда свидетелем в актах оказывается ремесленник, то вместе с ним свидетельствуют сделку, как правило, не патриции, а его собратья по роду занятий (Ремесло... стр. 130, прим. 8). Чтобы подтвердить правильность этой методической установки, обратимся к досье купца Джани Воетича. Облик этого человека предельно ясен: он в числе девяти других купцов занимает в долг 450 либр и арендует судно у крупнейших ростовщиков города для торговой экспедиции. Несколько позднее он

Среди купцов встречаются и такие, что не выезжают сами в торговые экспедиции, возлагая эту обязанность на своих уполномоченных. Таков Черне Колотич. Как и всякий самостоятельный собственник, Черне — землевладелец, он сам, его жена и сын неоднократно приобретают и продают земельные участки, их имена упоминаются в качестве соседей-землевладельцев, они сдают земли в обработку зависимым людям. Но поземельные сделки совершаются ими сравнительно редко и на небольшие суммы, а чинш, который Колотич получает от своего арендатора, равняется всего лишь четвертой доле урожая. Эта норма обычна для Задара, но в Трогире люди, которые живут на доходы от своей земли, так не поступают. Да Черне и не живет за счет земельной ренты, он прежде всего денежный человек, дочери своей он оставляет 300 либр, а это лишь десятая часть его имущества. Немалые суммы Колотичам приходится заплатить и за своего беспутного сына: тот наделал долгов на 50 либр, оштрафован в пользу города на 100 либр и с оружием в руках требует денег у матери. Свои коммерческие операции Черне Колотич ведет следующим образом — поручает троим торговцам принадлежащую ему партию кож на сумму в 100 либр с тем, чтобы их продали в Марке. И когда он посылает свою барку с товаром в Неретву, то не сам едет туда, а посылает уполномоченных, которых называет «своими купцами».

Кто же эти люди, выполняющие чужие поручения, торговцы, выступающие в роли агентов? Несколько актов относятся к деятельности не крупного торговца Петра Германи. В 1271 г. он совершает торговую поездку в устье Неретвы, предварительно взяв нужную для торговли сумму в кредит у ростовщиков. По возвращении он остается еще должен 50 либр и обязуется вернуть их в течение трех месяцев. В этой операции Германи действует еще самостоятельно, но уже в 1276 г. он — лишь уполномоченный, которому поручают получить 15 либр за вино, проданное задарским купцам. В аналогичной роли он выступает двумя неделями спустя, когда получает деньги, вырученные за продажу льна на трогирском рынке, у одного задарского купца для другого. Выполнять чужие поручения для него, очевидно, становится второй профессией, потому что много лет спустя, в 1292 г., он получает у нобиля Матвея Луче деньги на приобретение земли, оформляя соответствующую сделку. Рынок далматинских городов породил такую фигуру посредника, живущего на коммиссионные с заключаемых им сделок³¹.

Далеко не всегда купцы, действующие на трогирском рынке, занимаются только рыночными операциями, нередко их деятельность носит смешанный характер — торговля, землевладение, скотоводство. Так, Усечина Добромров прежде всего землевладелец, «патрон» церкви, использующий труд раба и, видимо, очень состоятельный человек — конь, украденный у него, стоил в три раза дороже того, сколько обычно стоит конь на рынке (28 либр). Но для него также характерны частые торговые

с побилем Стефаном Руге и крупным торговцем Кларполи снаряжает судно в солидную экспедицию, нанимая шесть матросов и двух слуг. В одной из грамот ростовщик Матвей Пасхе называет его своим компаньоном. Воетич доводит сумму кредита, отпущенного ему в банкирском доме Валентина Петрова, до 100 либр. Поэтому, когда он оказывается еще и домовладельцем в бурге, это не меняет представления о нем, как о купце; просто он, видимо, спекулирует земельными участками в городе вместе со своими компаньонами. Этот-то Джани Воетич свыше 20 раз упоминается в актах в качестве свидетеля и каждый раз только вместе с купцами и ремесленниками. Мы уже не говорим о том, что в этом обнаруживается еще одно доказательство близости торговых и ремесленных элементов в городе. Для нас сейчас важно установить, что группы свидетелей, которые постоянно упоминаются в актах, являются специально однородными и что исследователь не ошибется, если будет следовать принципу: «Скажи мне, с кем ты свидетельствуешь, и я скажу, кто ты».

³¹ Близок к такой роли посредника, но выполняющего поручения уже не купцов, а нобилей, Богдан Ошили: он выполняет для Дуйма Урси поручения в Шибенике, взыскивая его долги, совместно со вдовой Урси совершает ряд земельных сделок.

сделки — он вступает в торговую компанию, внося туда 106 либр, приобретает ткани для поездки в Славонию, наконец, он распоряжается *statio* — лавкой. Она непохожа на *statio* — мастерскую ремесленника: расположена не в доме хозяина, а рядом с ним, в соседнем здании. В 1271 г. Усечина продает эту лавку князю Марину за 120 либр с правом выкупить ее назад в течение года. Лавка вернулась в руки купца, потому что через полтора года он продает ее своему двоюродному брату уже за 135 либр, и самая возможность продать свою лавку заставляет думать о том, что у Усечины были и другие источники дохода.

Мы могли бы и другими примерами иллюстрировать наметившиеся в составе купечества фигуры — крупного экспортера, купца, имеющего своих агентов, посредника, состоятельного трогирянина, лишь попутно занимающегося торговлей³². Характерно, что в числе торгующих на трогирском рынке почти невозможно обнаружить представителей сельской верхушки, ее оттесняют активные представители городского купечества³³. На трогирском денежном рынке можно найти и фигуры ростовщиков, и здесь одной из самых ярких является Марин Кларноли. По богатству, размаху и характеру деятельности он принадлежит к самым верхам трогирского общества, к его самой зажиточной верхушке. Он ростовщик и очень крупный — ссужает девяти купцам 450 либр на обзаведение судном, в компании с другими лицами ведет денежные операции на сумму до 1000 либр и снаряжает корабль с грузом на сумму в 600 либр, берется уплатить за одного, получить долг с другого, поручается за третьего; он покупает также за 102 либры баркас с товаром у сплитского купца по возвращении того из Венеции, продает на местном рынке 100 модиев соли и 69 мер вина³⁴. В то же время он нигде не назван «господином», не занимает в городе никакой административной должности, и его можно встретить в качестве свидетеля вместе с самыми скромными людьми в Трогире — одним словом, сословный статус его невысок.

В итоге можно заключить, что трогирское купечество составляет достаточно обособленную прослойку. Правда, было бы трудно установить удельный вес тех или иных группировок в этой прослойке, но этого и не требуется. Однако ее общие границы очерчены достаточно отчетливо. Не всегда легко установить границу между торговцами и ремесленниками, но между торговцами и нобилиями она видна достаточно явственно. Ее определяет сословная ущемленность купцов (никто из них, в частности, не именуется «господином»), то, что они в лучшем случае принимают только пассивное участие в системе городского управления в качестве свидетелей, и, наконец, совершенно иной экономической базой их деятельности. Но здесь мы уже подходим к вопросу о трогирском нобилитете.

³² Вот еще один экспортер сельскохозяйственных продуктов — Вучина Каванен. Вместе с компаньоном он покупает у сплитчанина 300 козьих шкур за 200 либр с тем, чтобы продать их во время поездки в Марку; через год он покупает на вывоз 200 баранов и сотню из них перепродает через несколько дней.

Вот купец средней руки Яков Опили. Он ведет операции во внутренних районах Хорватии, в Славонии, там он покупает рабыню. К числу мелких торговцев следует отнести Комшу, сына Польюша, который недорого (за 8 либр) продает рабыню и вместе с неким Людином вступает в компанию для распродажи 100 модиев (*sesternarius*) вина, взятого в кредит за 20 либр с уплатой почти через год. Здесь целый ряд обстоятельств подчеркивает незначительную состоятельность обоих компаньонов: небольшая сумма пущенного в оборот капитала, длительный срок кредита, ибо Комша и Людин рассчитывают на длительную, т. е. розничную распродажу, наконец, их сомнительная платежеспособность, ибо их кредитор берет у одного из них в залог виноградник, а у другого дом.

³³ Только два раза можно встретить в актах представителей сельской имущественной и административной верхушки в роли коммерсантов — это сельский судья Бертоль, привозящий в город хлеб и рабыню, и Никола, по прозвищу «Князь».

³⁴ Между прочим, и для Марина Кларноли характерна тяга к приобретению земельной собственности: он скупает земли и сдает их в обработку зависимым держателям.

В последней трети XIII в. в Трогире насчитывается 22 патрицианские фамилии, которые точнее было бы назвать родами (или, пользуясь дубровническим термином, «*sclata*»), ибо нередко в состав одного патрицианского рода входило несколько семей. Поэтому для определения численности городского нобилитета недостаточно просто умножить число фамилий на 5, подобно тому, как мы это сделали выше. Здесь мы сочли необходимым привлечь для сравнения данные из Дубровника. По данным, приводимым исследователями истории Дубровника, мы можем заметить, что численность взрослых мужчин — патрициев примерно в 2 раза больше числа членов Большого совета города и в 4 раза больше числа патрицианских фамилий³⁵. Перенесем это соотношение на Трогир. Третья цифра нам известна, она равняется, как мы указали, 22. Вторую же, число членов Большого совета, установить нетрудно: в конце XIII в. оно равнялось 40—50 человек³⁶. Исходя из этих данных, можно составить таблицу 4.

Таблица 4

Численность патрициата в Дубровнике и Трогире

Год	Число патрицианских родов	Число членов Большого совета	Число мужчин-патрициев	Общая численность патрициата
Дубровник				
1312	78	—	300	—
1423	—	203	385 (391)	800
1442	—	280	539 (553)	1100
Трогир				
Конец XIII в.	22	40	75—80	150—160

Таким образом, общая численность трогирского патрициата составляет около 5% городского населения³⁷ (если же принимать каждый род за семью, то она составит 3,4%, см. табл. 1).

В составе трогирского нобилитета нетрудно выделить несколько группировок, отличающихся характером своей деятельности, составом собственности и властью, которой они пользуются в городе. Четыре-пять родов составляют олигархическую верхушку нобилитета, которую лучше всего представляет род *Луче*, состоящий из потомков *Петра Лукина*³⁸. Крупное землевладение составляет основу благополучия этого семейства: имущество Деши Лукина (брата Петра) состоит из 27 земельных участков и пяти виноградников общей площадью в 319 вретен, рассеянных по всей округе. Деша Лукин является также собственником 280 голов скота, но имущества, связанного с торговлей, у него обнаружить не удастся.

Зато второе поколение рода выступает в актах уже с иной имущественной характеристикой. Правда, Деша Петров активно скупает и за боль-

³⁵ A. Soloviev. Le patriciat de Raguse au XV-e siècle. «Zbornik iz durbovačke prošlosti Milanu Rešetaru o 70-oj godišnici života». Dubrovnik, 1931, стр. 65; P. Грујић. Конавли под разним господарима од XV века. «Споменик Српске Краљевске Академије», 66, 1926, стр. 60.

³⁶ По списку 1284 г. в Большом совете насчитывалось 40 человек (СД, VII, 502), и только в 1340 г. число членов было увеличено с 49 до 80 человек (СД, X, 552).

³⁷ Нетрудно убедиться в том, что это число не имеет ничего общего с 25% — так в свое время Дж. Прага определял удельный вес патрициата в составе городского населения (G. Praga. Testi volgari spalatini, стр. 42). Правда, эту цифру Дж. Прага вычислил для Сплита XIV в., но трудно представить себе, чтобы удельный вес патрициата в Сплите в это время в пять раз был бы больше, чем в Трогире XIII в.

³⁸ СД, V, 312.

шие суммы (ср. участок в 6,5 претен за 50 либр, сад в 3,5 претен за 161 либру), но у него уже есть в городе постоянная контора (*statio* — лавка). Его брат Лука помимо эксплуатации городских и пригородных земель, которые он сдает в аренду, помимо занятия зерновым хозяйством (хлебом он расплачивается по обязательствам и завещает раздать после смерти беднякам), является владельцем больших стад скота. Он продает 3 волов, 26 коров, 200 голов овец, завещает скот в качестве своего основного имущества — по сотне голов каждому из городских монастырей, 300 — братьям и 300 — душеприказчикам и содержит целый штат пастухов во главе с «чельником» — старшим³⁹.

Третий брат, Чебре (Киприан), значительно более связан с торговлей и денежными операциями — он продает шерсти на 50 либр, в фонд торговой компании вносит солидную сумму в 1500 либр, кредитует купца «на поездку в Славонию» 100 либрами, регулярно берет на откуп городскую таможенную и доходы с острова Ченово и дочери своей выделяет богатое приданое — 700 либр и 15 итальянских золотых монет (*sacos*)⁴⁰. Но самым богатым из всего рода, пользующимся высоким престижем в городе, был Валентин Петров — четвертый из братьев. Он долго был судьей, многие акты датированы годами его судейства; у него есть свои земельные владения, зависимые арендаторы, для сбора чинша с которых он содержит приказчика; он продает на большие суммы (170 либр) вино, изготовленное из собственного винограда⁴¹, но в его имуществе доля земельных владений не составляла сколько-нибудь значительного процента. Важное место в балансе его собственности занимают дома, большинство из которых, расположенных в центре Трогира, Валентин получил еще от отца. Дома он активно покупает и сдает в наем⁴². Характерно, что он продает земель гораздо больше, чем покупает; так, только по одному акту он распродает земель на 800 либр⁴³. Никто в Трогире не может сравниться с ним по размаху земельных операций. Еще более велика роль его ростовщических дел — он не брезгает мелкими ссудами (11 либр под залог коня), на протяжении одной недели (15—22 июля 1272 г.) он дает в долг 14, 31 и 100 либр, но предпочитает крупные ссуды — 600, 900, 1 тыс. либр. Своеобразной формой кредита является участие в торговых компаниях, куда он один может внести 500 либр, в то время как все остальные вместе взятые только 400; наконец, Валентин — один из самых крупных откупщиков в городе⁴⁴.

В деятельности потомков Петра Лукина (братьев Луче) заметно не только сочетание интереса к землевладению (и обладанию большими стадами скота) с активной деятельностью на местном рынке. В ней нетрудно обнаружить преобладание денежной и рыночной активности. Именно поэтому мы так подробно остановились на характеристике хозяйственной деятельности братьев. Нетрудно заметить и своеобразное «разделение труда» в их среде, когда один из братьев избирает преимущественно занятие скотоводством (Лука), другой — землевладением (Деша), третий — ростовщичеством (Валентин). Объединить все эти виды деятельности в одних руках становится, видимо, трудным.

С имущественным положением братьев Луче с теми или иными отклонениями сходно имущественное положение и семейства *Кажотичей*. У последних лишь более заметна связь с церковными кругами. Один из Кажотичей занимает пост трогирского примкирия — третьего духовного

³⁹ I, 354, 359, 405, 429, 357; II, 103, 104; он посылает своего агента в Венецию продавать свиней — III, 84.

⁴⁰ I, 94, 355, 506; II, 28, 103, 198.

⁴¹ I, 37, 299, 352, 327; II, 214, 100; III, 59.

⁴² II, 207; I, 19, 171, 217, 219.

⁴³ I, 20, 31, 218, 207, 237, 307, 368, 371, 372, 386, 415.

⁴⁴ II, 12, 86, 89, 91—92.

лица диоцеза после епископа, а другой — Августин — становится загребским епископом⁴⁵. Но Кажотичи меньше заняты торгово-денежными операциями, что находит свое объяснение: они принадлежат к наиболее древним патрицианским родам в городе, менее связанным с рынком. Олигархам, помимо Луче и Кажотичей, являются и *Руче* (Рудже, Руге), которые не только кредитуют торговлю, но и сами участвуют в торговых экспедициях, а также широко эксплуатируют труд зависимых держателей. Ни у кого из трогирских нобилей раздача земель в держание не носит столь широкого характера, как у Руге: только на протяжении трех дней Бертан Руге сдает свои земли, нарезанные одинаковыми участками, на совершенно идентичных условиях шести держателям. Наконец, к этой же группировке трогирского патрициата следует отнести и род *Чега*. Он также связан с церковью, но его члены не занимают, впрочем, никаких должностей в системе церковной иерархии⁴⁶. На примере этого семейства мы снова можем убедиться в закономерности перехода известной части нобилитета от землевладения к рыночной деятельности. Дуйм Чега, создавший свой капитал еще в середине XIII в., владеет землями, рассеянными «по всей Славонии», а его сыновья уже активно связаны с мореходством и торговлей⁴⁷.

Группировка, в которую входят перечисленные олигархические роды, не вполне однородна, отдельные семейства связаны с различными видами хозяйственной деятельности, кое-кто (например, род *Матеи*) не принимает столь активного участия в городском управлении, как остальные патрицианские семейства. Но всех их наряду с заинтересованностью в торгово-денежных операциях характеризует крупное, феодального типа землевладение. Какого происхождения это землевладение, возникло ли оно в результате накоплений, созданных путем рыночных сделок, или восходит к давно сформировавшимся вотчинам — судить трудно. Видимо, для Трогира были характерны владельческие комплексы, возникшие и тем и другим путем, потому что в составе патрициата мы находим семьи, олицетворяющие и тот и другой путь развития.

Носителями землевладения «вотчинного» типа являются в Трогире родственники и потомки князя Марина, а также близкое к ним семейство *Амбласи* (в будущем Андрейс). Сведения о роде Марина глухи и неясны, но титул «князь», который неотделим от имени главы рода, не оставляет сомнения в том, что речь идет не о выборном должностном лице коммуны, а о феодале из окрестностей, переселившемся в Трогир. Преобладание поземельных сделок в составе его хозяйственных операций подтверждает это предположение. Представителем прямо противоположной тенденции (стремления приобрести земли на суммы, накопленные в торговле и ростовщичестве) является Депа Дуймов *Морчегафаба*⁴⁸. По своему положению в городской администрации он бесспорно принадлежит к нобилитету: он — камерарий и многолетний экзаменатор, в последней должности он упомянут 221 раз (!); его богатства позволяют ему занять одно из первых мест в рядах этого нобилитета, но нас не может не смутить то, что у него нет ни родословной, ни потомков, которым он мог бы передать свое состояние. Нас интересует вопрос о том, как появились в его собственности

⁴⁵ I. Tkalčić. Historijski podatki za vjekopis i djelovanje bl. Augustina Kažotija, biskupa zagrebačkoga. VZA, god. I. sv. 2. Zagreb, 1899, стр. 73—85.

⁴⁶ Дуйм Чега, например, является попечителем («прокуратором») церкви св. Петра в сплитском округе, духовные лица назначают его своим уполномоченным в тяжбах, у него хранятся все документы нескольких сельских церквей — на это жалуются епископу священники (I, 60, 84, 85; II, 147, 148).

⁴⁷ Георгий Чега за 100 либр покупает барку, Стефан вступает в торговую компанию и организует экспедицию, нанимая для этой цели двух слуг и шесть матросов (I, 89, 293).

⁴⁸ Подробно об имущественном состоянии Морчегафаба см.: M. Mirković. Указ. соч., стр. 31.

многочисленные земельные владения. В сохранившейся описи его имущества названы земельные участки, и приобретение почти каждого из них мы можем проследить по имеющимся актам. Ничего сверх этого, никаких наследственных земель! Это дает основания предположить, что все его земли приобретены за счет капиталов, накопленных путем торговли и ростовщичества. Вот почему Деша Морчегафаба является, на наш взгляд, ярким выразителем тяги к превращению денег в земельную собственность, характерной для трогирских нобилей в такой же степени, как и для задарских⁴⁹.

Подведем итоги. Задача, которую мы поставили перед собой в настоящей работе, сводилась не только к решению вопроса о социальном составе города, но и к отысканию средств для этого решения. Практически второй аспект работы заключался в разработке методики обследования нотариальных актов, основного источника, способного, по нашему мнению, воссоздать социальный облик Трогира. Нам кажется, что массовые свидетельства нотариальных актов позволяют до известной степени восполнить отсутствие палоговых описей: они дают возможность произвести статистические подсчеты городского населения, а тем самым и решить вопрос о соотношении социальных прослоек в его составе. В составе городского населения Трогира (3000—3200 человек) можно выделить ремесленников (21,4%), торгово-денежную прослойку (9,8), нобилей (3,4%) и маломущих (16,0%). Кроме того, в его составе можно обнаружить группу состоятельных домо- и землевладельцев (8,4%), средних домо- и землевладельцев (22,6%) и наконец, домовладельцев, чье имущественное состояние трудно определить (10,3%).

Весьма характерно то, что в Трогире, как и в ряде других далматинских городов, в конце XIII в. еще сохраняется рабство. Рабов не только покупают на вывоз, но и используют в домашнем хозяйстве в качестве челядинцев. Правовой статус их не изменился, в частности по-прежнему запрещены законные браки между рабами, и тем не менее ряд явлений, например приобретение все большего числа рабов после войны Трогира со Сплитом и разорений в деревне, произведенных этой войной, дает основание полагать, что происходит процесс непопечения рабов на землю.

В составе трогирского купечества можно выделить несколько типичных фигур — крупный экспортер сельскохозяйственных продуктов, купец, имеющий своих агентов, посредник на рынке, состоятельный трогирянин, «не брезгающий» торговлей.

Наконец, трогирский патрициат, подобно патрициату других далматинских городов, заинтересован и торгово-ростовщическими операциями и концентрацией недвижимости. Преобладающим из этих стремлений является, кажется, второе. Насколько нам удастся заметить, для трогирских нобилей характерна тенденция обратить денежные суммы, накопленные в рыночных сделках, на приобретение земельной собственности.

⁴⁹ М. М. Фрейденберг. Патрициат далматинских городов XII — XIV вв. (По данным из Задара и Трогира). «Славянские исследования», Л., 1966, стр. 10—62.

И. С. Достян

**К ВОПРОСУ О ВОССТАНИИ МИЛЕТЫ РАДОЙКОВИЧА
1835 г. В СЕРБИИ**

(по материалам Архива внешней политики России)

В 1830—1833 гг. завершился важный этап в борьбе сербов за национальное освобождение. Под давлением России, требовавшей выполнения условий Аккерманской конвенции и Адрианопольского мира относительно Сербии, Порты официально признала права Сербии как автономной провинции в составе Османской империи.

Хатт-и шериф 1830 г. наметил в общих чертах основы внутреннего устройства Сербского княжества как монархического государства, в котором законодательная и исполнительная власть делится между князем и Советом¹. Организация основанного на этих принципах управления, создание аппарата власти, судебных органов, разработка гражданского и уголовного законодательства — все это предоставлялось сделать самим сербам под наблюдением царского правительства и Порты. От того, как будут решены эти вопросы, зависело, каким станет новое государство, возникшее на юго-восточной окраине Европы.

Первое десятилетие после введения хатт-и шерифов 1830 и 1833 гг. явилось решающим этапом на пути формирования сербского буржуазного государства, протекавшего в острой социальной борьбе. В это время в княжестве углубилась социальная дифференциация, и быстрыми темпами шло укрепление национального господствующего класса. Этот класс имел в Сербии свои специфические черты: формируясь из среды зажиточных торговцев и крестьян, он тесно срастался с чиновничье-бюрократическим аппаратом княжества. Чиновничья служба стала одним из средств приобщения к господствующему классу.

Во время турецкого господства у сербов отсутствовали сословия. Их не было и после создания Сербского княжества. Однако определенная тенденция к созданию подобия привилегированного сословия («благородства») наблюдалась здесь как в ходе первого сербского восстания 1804—1813 гг., так и в 20—30-е годы XIX в. Именно в это время получило новый социальный смысл звание «старейшина», которое ранее закреплялось за представителями местного общинного самоуправления. Старейшинами стали называть всех влиятельных людей, принимавших участие в общественных делах, всех представителей власти в Сербии. Старейши-

¹ Хатти-шериф весьма неопределенно говорил в § 2 о «скупщине старейшин», под которой, судя по § 15, подразумевался Совет старейшин.

ны стали играть наиболее активную роль в общественно-политической жизни страны.

Это были люди разные по экономическому и общественному положению и происхождению. Среди них находились бывшие кнезы и военные предводители, отличившиеся во время долгой борьбы с турками, а затем получившие от князя какие-либо должности, ставшие управителями округов. Старейшинами называли чиновников-профессионалов, занимавших высокие должности в органах власти княжества, среди которых значительная часть являлась выходцами из Австрии. Отсутствие в стране грамотных людей заставило князя Милоша Обреновича брать на службу австрийских сербов, имевших какое-то образование, часто очень поверхностное.

Среди старейшин встречались люди очень богатые, имевшие крупные земельные владения, много скота, лавки. Они нередко пользовались большим влиянием у народа, особенно в тех округах, где управляли и откуда были родом. Милош очень ревниво относился к популярности в народе своих бывших сподвижников и старался устранить их от участия в управлении и активной политической жизни. К этому побуждали князя также заговоры и восстания против его власти, организуемые некоторыми старейшинами в 20-е годы XIX в. Чиновники-профессионалы были обычно не столь богаты, не имели больших земельных владений. Они были слабо связаны с народом и не пользовались его доверием. Особенно непопулярными были чиновники — выходцы из Австрии.

Часть сербских старейшин, среди которых были лица, занимавшие высокие должности, и возглавили в начале 30-х годов оппозицию режиму Милоша Обреновича.

В данной статье нет возможности да и необходимости подробно характеризовать внутреннюю политику князя Милоша, приведшую к росту недовольства его властью среди различных слоев населения. Эти вопросы подробно освещены в ряде трудов по истории Сербии данного периода². Отметим только, что после официального признания Портой прав и привилегий Сербии, на первый план стало разрешение вопросов внутреннего устройства княжества, усилился протест против деспотической системы правления Милоша, привыкшего управлять страной методами турецких пашей. При всех внешних проявлениях преданности народа человеку, приведшему страну к освобождению от ига турок, вскоре же после издания султанских хатти-шерифов стало очевидным глубокое недовольство его властью, зревшее во всех слоях населения. Если кратко сформулировать, причины его сводились к следующему.

Многие заслуженные старейшины были озлоблены устранением от участия в управлении; чиновники страдали от неопределенности своего положения, недостаточности или отсутствия жалования, от произвола князя: купцы были недовольны ограничением свободы торговли, возникшим в результате установления торговых привилегий и монополий, которыми пользовался только князь; крестьяне не были уверены в закреплении прав на землю и страдали от трудовых повинностей князю и чиновникам. Личность и имущество граждан не были защищены от произвола князя и местных властей.

Оппозиция против князя Милоша сформировалась как борьба за принятие в Сербии конституции и письменных законов, которые должны были ограничить власть князя и его произвол. Их подготовка началась еще до издания хатти-шерифа 1830 г., но шла медленно, натолкнувшись на ряд трудностей. Как известно, для участия в составлении законов Милош при-

² См., напр.: Н. Попов. Россия и Сербия, т. 1. М., 1869; М. Петровић. Финансије и установе обновљене Србије, т. I—III. Београд, 1897; М. Гавриловић. Милош Обреновић, т. II. Београд, 1912; Д. Јанковић. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951; и др.

гласил в Сербию Вук Караджича. Но возмущенный порядками, царившим на его родине, Вук в конце 1831 г. уехал в Земун. Два с лишним года, проведенные в Сербии, позволили Караджичу не только хорошо узнать и описать в письме к князю все недостатки и пороки его системы правления, но и наметить некоторые меры для улучшения положения в стране. Первой из этих мер им названа конституция, в которой основываясь на хатти-шерифах, необходимо определить форму правления, учредить правительство, гарантировать каждому гражданину его права. Караджич считал нужным отменить барщину (кулук), ликвидировать всевозможные ограничения в торговле, всемерно развивать просвещение и т. д.³

Все эти мероприятия, предлагаемые Вуком, полностью совпадали с программой формирующегося в это время оппозиционного движения, первым открытым проявлением которого явилось восстание Милеты Радюковича, известное под названием Милетина буна.

На основании свидетельств современников можно следующим образом кратко изложить ход и результаты этого движения, поводом для которого послужил распространившийся в конце 1834 г. слух, что князь собирается отложить скупщину, назначенную на февраль 1835 г., и принять новые законы.

В конце декабря 1834 г., собравшись в доме одного из старейшин — Стояна Симича, где присутствовала и княгиня Любица, супруга князя Милоша, недовольные старейшины решили предъявить князю ряд требований. Милош узнал о заговоре, и это заставило старейшин действовать безотлагательно. К 8 января 1835 г. они собрались в Крагуевце, бывшем в то время центром управления страной, несколько тысяч вооруженных крестьян, заняли здание Народного суда, опечатали государственную кассу и послали к князю, находившемуся в Пожаревце, свою депутацию. Испуганный известиями о восстании, Милош сперва намеревался бежать из Сербии, но был удержан своими приверженцами, обещал удовлетворить все требования восставших и объявил о созыве скупщины. 2 февраля народная скупщина приняла первую конституцию Сербии. Этот так называемый Сретенский устав не был введен в жизнь. Провозглашение в Сербии конституции вызвало недовольство турецкого, русского и австрийского правительств, и через полтора месяца она была Милошем отменена.

О начальном периоде формирования в Сербии общественного движения, направленного против режима Милоша Обреновича, и о Милетиной буне сохранилось очень мало документальных материалов. Но этот интересный период в истории Сербии был подробно описан в трудах и мемуарах очевидцев и современников событий: в воспоминаниях Йована Хаджича (Милоша Светича)⁴, в рукописных замечаниях Якова Живановича на книгу С. Робера «Славяне в Турции»⁵ и труде Бартелеми Куниберта⁶. Йован Хаджич сам не был в Сербии во время Милетиной буны и описал ее, по-видимому, основываясь на рассказах очевидцев (например, Дмитрия Давидовича) и используя материалы книги Куниберта. Директор княжеской канцелярии Яков Живанович и княжеский лекарь пьемонтец Бартелеми Сильвестр Куниберт были ярыми приверженцами Милоша. Их труды созданы с целью защитить себя и сербского князя, которому они верно служили, от нападок противников Обреновичей и поэтому отлича-

³ Вук Караджич. Письмо кнезу Милошу. «Народна книга». Београд, 1961, стр. 10—11.

⁴ У. [J. Хаджич]. Спомени моего дневника. «Огледало српско», св. III, стр. 66—68.

⁵ J. Живанович. Несколько примечания на книгу «Славени у Турској» од Кипријана Роберта. «Споменик», кн. VI. Београд, 1890, стр. 26, 27.

⁶ Barthélemy-Silvestre Cunibert. Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'à 1850. Leipzig, 1855, t. II, стр. 146—171.

ются большой тенденциозностью. К тому же все они были написаны в конце 40—60-х годов, и их авторы, воспроизводя события по памяти, не могли быть вполне точными.

Рассказ о событиях начала 30-х годов и о восстании 1835 г. Кунцберта, дополненный сведениями, сообщенными Хаджичем и Живановичем, лег в основу описания истории Сербии этого периода русским историком Нилом Поповым в его двухтомном труде «Россия и Сербия», изданном в 1869 г. С тех пор источниковедческая база для изучения Милетиной бунты почти не расширилась. Сербские историки, изучавшие политическую историю этого периода, в основном опирались на те же материалы, что и Нил Попов. О восстании Милеты Радойковича говорилось в работах общего характера⁷ и в специальных исследованиях, посвященных уставу 1835 г. В статье М. Гавриловича «Отмена первой сербской конституции»⁸ привлечен новый материал из Государственного архива Сербии об отношении к Милетиной бунте и Сретенскому уставу Порты и русского правительства. Однако в отличие от своего труда «Милош Обренович», доведенного до 1835 г., но не касающегося вопросов внутреннего развития Сербии после 1830 г., Гаврилович в этой статье не привлек материалов из русских и западноевропейских архивов. Из последних исследований можно отметить статью М. Кандич⁹, посвященную анализу конституции 1835 г. В ней на основе указанных выше источников и литературы автор характеризует социальную базу Милетской бунты, программу этого движения, подчеркивает его массовый характер. К сожалению, скудость источников часто не дает возможности югославским историкам научно доказывать выдвигаемые ими положения.

Недостаточность документального материала по истории Сербии этого периода придает ценность сведениям, которые можно почерпнуть в русской дипломатической переписке. Движение против «законного правительства» и особенно провозглашение скупщиной в Крагуевце без согласования с Портой и русским двором конституции, вызвав большое неудовольствие царского правительства, привлекало его внимание к внутреннему положению в княжестве. Русский посол в Константинополе А. П. Бутенев сообщал вице-канцлеру графу К. В. Нессельроде все имеющиеся у него данные о положении в Сербии.

До 1838 г. Россия не имела своего консула в Сербии. Боясь возбудить у своего «друга и союзника» султана, а также западных держав подозрение, что русское правительство вмешивается во внутренние дела этой турецкой провинции, Николай I упорно отказывался от учреждения консульства в Белграде. Связи с Сербией осуществлялись путем переписки с князем Милошем, а сведения о внутреннем положении в ней поступали в императорское министерство иностранных дел от константинопольского посольства и бухарестского генерального консульства.

Русские источники информации в это время были более узкими, чем те, которыми пользовались Порты и австрийское правительство. Поэтому первые сведения о событиях в Сербии, происшедших в начале января 1835 г., были сообщены русскому послу А. П. Бутеневу австрийским интэрнунцием (послом) бароном Штюмером, получившим письмо от военного коменданта города Земуна генерала Фойта, а затем подтверждены рейс-эфенди (турецким министром иностранных дел) Мехмедом Акифом,

⁷ См.: Г. Јакшић и Д. Страњковић. Србија од 1813 до 1853 године. Београд, 1930, стр. 53—58; Ј. Продановић. Историја политичких странака и струја у Србији, књ. I. Београд, 1947, стр. 67—70 и др.

⁸ М. Гавриловић. Суспендовање првог српског устава. В књ. «Из нове српске историје». Београд, 1926, стр. 190—209.

⁹ L. K a n d i ć. Ustav od 1835 g. i njegov značaj za dalji razvitak ustavnosti u Srbiji. «Arhiv za pravne i društvene nauke», sv. 1—2. Београд, 1960, стр. 137—146.

сославшимся на донесение белградского визиря и другие известия. Интернунций и рейс-эфенди передали Бутеневу копии полученных ими донесений и писем, которые были немедленно отправлены послом в Петербург.

Это выписки из донесения Бейликчи-эфенди (Нури-эфенди), назначенного турецким послом в Англию и проезжавшего через Сербию в разгар Милетинской буны¹⁰, и из двух писем генерала Фойта с описанием январских событий в Сербии, сделанным по его утверждению, на основании сведений, полученных из нескольких разных источников, которые все совпали¹¹.

Позднее императорское министерство получило донесение генерального консула в Бухаресте М. Я. Минчаки с описанием беспорядков, возникших в Сербии¹², а через несколько месяцев новый генеральный консул в Молдавии и Валахии П. И. Рикман на основании «заслуживающих доверия сведений, собранных в Яссах и Бухаресте», составил специальную «Справку об обстоятельствах, которые предшествовали и сопровождали провозглашение в Сербии конституционного акта в феврале месяце»¹³.

Все указанные материалы, а также переписка с князем Милошем, донесения Бутенева вице-канцлеру позволили императорскому министерству собрать достаточно подробные сведения о событиях в Сербии, приведших к провозглашению скупщиной первой сербской конституции. Дипломатическая переписка русского министерства иностранных дел содержит интересные данные о восстании Милеты Радойковича, его характере, освещает вопрос о формировании старейшинской оппозиции.

Большую часть указанных материалов составляют описания событий в Сербии, сделанные на основе рассказов очевидцев во время восстания или вскоре после его окончания. Достоверность таких сведений различна. Так, военный комендант Земуна Фойт имел наиболее надежные источники информации. По описанию Боа-ле-Конта, находившийся при генерале — коменданте Земуна австрийский драгоман Васильевич исполнял как бы обязанности консула. Он ежедневно ездил в Белград, был в близких отношениях с Милошем и белградским пашой¹⁴. В противоположность этому русский консул в Бухаресте, по его же собственному признанию, имел мало возможностей получать сведения непосредственно из Сербии и иногда основывал свои сообщения на малодостоверных слухах и мнениях. Наиболее целостные описания формирования старейшинской оппозиции и январского восстания содержит «Справка» Рикмана. Она отражает такое отношение к событиям, которое могло исходить от лиц, не причастных к оппозиции. Весьма возможно, что это описание было сделано Рикманом при участии прибывшего по поручению Милоша в Бухарест в июне 1835 г. Михаила Германа.

¹⁰ В европейских и русских газетах сообщалось, что назначенный турецким послом при британском дворе Нури-эфенди (или Нури-бей) 27 января прибыл в Земунский карантин, а 17 февраля в Вену («Санктпетербургские ведомости», 12 февраля 1835 г., 23 февраля 1835 г.).

¹¹ Донесение А. П. Бутенева № 21 от 6 (18) февраля 1835 г. Приложение. Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, лл. 213—222.

¹² Донесение М. Я. Минчаки № 4 от 14(26) февраля 1835 г. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1830—1854 гг., д. 12, лл. 50—51; Донесение М. Я. Минчаки К. К. Родофинкину № 6 от 14/26 марта 1835 г. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1830 г., д. 11/1, лл. 85, 86.

¹³ «Renseignemens sur les circonstances qui ont amene et accompagne la promulgation en Servie de l'Act constitutif du mois de Fevrier dernier». Донесение П. И. Рикмана № 7 от 27 июня (3 июля) 1835 г. Приложение. АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, лл. 88—91.

¹⁴ С. Новаковић. Србија у години 1834. Писма графа Боа-ле-Конта де Рини министру иностраних дела у Паризу о тадашњем стању у Србији. «Споменик», кн. XXIV. Београд, 1894, стр. 36.

Русская дипломатическая переписка дает интересные дополнительные сведения и об отношении царского правительства и Порты к Милетиной буне и провозглашению конституции в Сербии.

* * *

На основании писем генерала Фойта и справки Рикмана можно составить следующую картину событий в Сербии, начиная с конца декабря 1834 г.

Сформировавшаяся к этому времени партия недовольных старейшин, по рассказу Рикмана, собралась в доме Стояна Симича в Крушевце. «Там было решено вызвать народное движение, чтобы принудить князя Милоша к принятию конституционного акта, который г-н Давидович поспешил подготовить, а в случае сопротивления со стороны князя объявить его смещенным и признать правителем сербов старшего сына Милоша при опекунстве Совета регентов»¹⁵.

В письме генерала Фойта Штюмеру от 14 января (26 января нового стиля) также говорится о сборе старейшин в Крушевце. Там присутствовала и княгиня Любича, которой старейшины предложили возвратиться в Крагуевац, обещая сообщить «очень важные вещи». Немедленно после прибытия княгини в Крагуевац «...Народный суд объявил ей, что беззакония в управлении князя, ее супруга, стали непереносимыми для народа, который единодушно со всеми сербскими старейшинами решил отстранить его от управления, и что с этого момента он перестает быть правителем сербского народа. Декларационный акт, составленный в этом смысле, был доложен княгине, которой было поручено тотчас передать его своему супругу в Пожаревац и заявить последнему, чтобы он ждал своей дальнейшей участи и воздерживался от приезда в Крагуевац. Сейчас же после отъезда Любичи в Пожаревац решение Народного суда было оглашено и на общественную кассу была наложена печать. Дальнейшие действия старейшин неизвестны, но несколько тысяч вооруженных сербов собрались в Крагуеваце в распоряжение суда»¹⁶. Эти данные Фойта дополняются «Справкой» Рикмана, писавшего: «Народным судом под председательством Лазаря Тодоровича без ведома князя различным старейшинам округов был разослан циркуляр с просьбой присоединить к депутатам, которые должны были отправиться в Крагуевац по случаю обычного собрания старейшин, некоторое число вооруженных людей... Более 5000 человек собрались в Крагуевац, и Смич воспользовался их присутствием для выполнения своих желаний, объявив народу, что Милош отказался обеспечить права и привилегии народа до отъезда в Константинополь и что старейшины тщетно предпринимали усилия, чтобы отвратить его от этого проекта; после того как было возбуждено таким образом сильное беспокойство среди этого собрания вооруженных людей, он принудил Народный суд объявить Милошу, что народ провозглашает учреждение режима, который может даровать ему гарантии порядка и безопасности»¹⁷.

Во втором письме Штюмеру от 22 января (3 февраля нового стиля) Фойт пишет: «После предварительного соглашения между старейшинами и сербскими депутатами, которые находились в Крагуеваце на национальной скупщине, было решено послать к Милошу депутацию, уполномоченную сообщить ему различные требования народа, получить ответ, хочет ли он удовлетворить их или нет, и доложить об этом народной скуп-

¹⁵ АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 89. Все использованные нами материалы (исключая письма князя Милоша) написаны на французском языке.

¹⁶ Там же, д. 47, л. 216.

¹⁷ Там же, д. 38, лл. 89, 90.

щине. Депутаты отправились в Пожаревац, чтобы сообщить Милошу, что сербский народ бесповоротно решил в случае, если князь не захочет выполнить свои прежние обещания, устранить его от управления страной и сделать князем его сына, наследника престола, преобразовать (deformer) Сенат, обнародовать и ввести в жизнь конституцию и законы страны и открыть народную скупщину.

Согласившись удовлетворить желания народа, князь Милош дал об этом письменную декларацию народной депутации, которая отправилась к нему с этой целью, и, чтобы усилить впечатление, уполномочил своего брата (находившегося при нем с начала восстания) сопровождать депутатов в Крагуевац, чтобы устно подтвердить письменное согласие на уступки, и затем вернуться в Пожаревац и представить верный отчет князю. Уступки, сделанные таким образом Милошем в пользу народа, были сочтены достаточными всеми старейшинами и депутатами, собравшимися в Крагуеваце (число которых в ожидании ответа увеличилось до 5 тысяч человек и возрастало с каждым днем)»¹⁸.

Далее Фойт сообщает, что в знак примирения скупщина направила Милошу адрес с выражением полной покорности и приглашением прибыть в Крагуевац, чтобы начать подготовку к скупщине.

Мы видим, что сообщения Фойта и Рикмана в основном подтверждают описания восстания 1835 г., сделанные позднее мемуаристами, хотя и опускают ряд приведенных ими фактов: раскрытие заговора старейшин князем, переговоры восставших с представителями Милоша в Крагуеваце, попытки Томы Вучича добиться примирения восставших с князем, ничего не говорят о разногласиях, возникших среди руководителей движения. Такого рода подробности могли остаться неизвестными иностранным наблюдателям или мало их интересовали. При описании событий в Сербии и Фойт, и Рикман выделяют то, что является важным для осведомления их правительств. Они пытаются, суммарно изложив факты, представить прежде всего характер движения и его размах. В этом отношении картина, нарисованная ими, несколько отличается от изображения событий мемуаристами.

Фойт и Рикман изображают Милетину буну как движение с четко продуманной и единой программой действий, направленных на то, чтобы заставить Милоша прекратить самоуправство, принять конституцию или отказаться от власти. По их описанию, восставшие открыто объявили о свержении князя Милоша и передаче власти его несовершеннолетнему сыну, т. е. фактически Любиче Обренович, которая, вероятно, явилась бы послушной исполнительницей всех замыслов старейшин. Письма Фойта подтверждают непосредственное участие в заговоре княгини. Об этом неприятном для княжеской семьи факте Кунцберт и Живанович старались не говорить прямо, хотя и не могли скрыть, что Любича имела какое-то отношение к заговору. Характерно, что Фойт и Рикман подчеркивают непосредственное руководство движением со стороны Народного суда в Крагуеваце, являвшегося в то время как бы центральным органом власти в стране.

В наших материалах собрание вооруженного народа в Крагуеваце 8—10 января 1835 г. изображено как народная скупщина, прибыть на которую пригласил Народный суд. От имени этой скупщины и была послана делегация к князю с ультиматумом принять требования народа и старейшин или отказаться от власти. Основываясь на сообщениях, полученных из Сербии турецким правительством, рейс-эфенди также говорил драгоману сербской делегации в Константинополе Александру Петропуло о «генеральной скупщине» в Крагуевце, на которую будто бы была

¹⁸ АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, лл. 221, 222.

приглашена княгиня со старшим сыном с целью вручения последнему власти¹⁹.

Характерно, что по рассказу Я. Живановича и Д. Давидович именовал восстание Милеты «незаконной скупщиной некоторых старейшин», сам же он называет его «демонстрацией Милеты» и упорно доказывает неправоту С. Робера, писавшего, что восставшие созвали в Крагуеваце большую скупщину²⁰.

Несомненно, что Фойт и Рикман несколько преувеличивают единство действий заговорщиков, четкость их программы. Они допускают и некоторые ошибки. Так, например, Рикман причисляет к заговорщикам Д. Давидовича. Эта ошибка отражает распространившуюся в Европе версию, основанную на том, что Давидович был автором Сретенского устава. Однако в целом изображенная ими картина событий заслуживает доверия и в некоторых отношениях корректирует сведения мемуаристов. Примечательно, например, что, в противоположность последним, Фойт и Рикман ничего не говорят о спаде движения еще до получения известия о согласии Милоша удовлетворить требования восставших. Наоборот, Фойт утверждает, что количество восставших увеличилось и только известие о согласии князя созвать скупщину для принятия устава привело к прекращению восстания. Такая версия представляется убедительной, если учесть, что Милошу быстро сообщалось обо всем, что происходило в Крагуеваце, и поэтому только сведения о нарастании движения могли принудить князя, привыкшего жестоко подавлять стихийные неорганизованные восстания, неоднократно вспыхивавшие в 20-е годы, пойти на полную капитуляцию.

Сведения о восстании в Сербии, исходящие из турецких источников, в целом подтверждают сообщения Фойта и Рикмана, однако содержат много преувеличений. Тем не менее для нас представляет определенный интерес выписка из донесения Порте Бейликти-эфенди, проезжавшего именно те районы Сербии, которые были охвачены восстанием. Не зная языка и натолкнувшись на нежелание сербов объяснить происходящее турецкому чиновнику, Бейликти-эфенди не мог правильно оценить увиденное. Однако и его наблюдения небезынтересны и заслуживают внимания. В пути Бейликти-эфенди заметил много военных отрядов и необычное движение народа, который направлялся массами к различным крепостям и деревням. Собирая постепенно сведения о происходящем, он узнал, «что капитаны и кнезы всех округов Сербии поднялись против князя Милоша, что к сегодняшнему дню собралось около 30 тыс. войска, что восставшие уже овладели домом и вещами (effets) Милоша, опечатали все бумаги и дела...»²¹ Жители говорили турецкому чиновнику, что они больше не подчиняются князю Милошу, что не могут сносить его злоупотреблений и восстали, так как не хотят, чтобы он был князем²².

Сообщая о восстании русскому правительству и Порте, Милош упорно скрывал истинные его причины и утверждал, что оно было вызвано нежеланием народа отпустить князя в Константинополь²³. Он писал в письме К. В. Нессельроде, что старейшины с целью воспрепятствовать его поездке в Константинополь хотели «ускорить собрание предстоявшего Сейма». «В бытность мою в Пожаревце у семейства моего, — продолжает Милош, — около пяти тысяч человек разных краев, предводимые своими старейшинами, поспешили, даже вооруженные, 8 генваря в Крагуевац

¹⁹ Сообщение драгомана сербской депутации в Константинополе Бутеневу от 27 января 1835 г. АВВР, ф. Посольство в Константинополе, 1835 г., д. 599, л. 4.

²⁰ Я. Живанович. Указ. соч., стр. 26.

²¹ АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, лл. 213, 214.

²² АВВР, ф. Посольство в Константинополе, 1835 г., д. 599, л. 4.

²³ По требованию Порты, поддержанному русским правительством, Милош должен был отправиться в турецкую столицу, чтобы выразить свои верноподданнические чувства султану в связи с дарованием Сербии хатти-шерифов.

и изложили в Суде народном Сербском протестации свои противу моего намерения представиться султану явно и с велегласным криком... Суд Народный не замедлил уведомить меня о сем событии, вместе же присовокупить, что известия из прочих Сербии округий делят мнение сих краев. Я же, видев такое расположение и прочих Сербии краев и желав воспрепятствовать собранию всех в Крагуевце, отвечал Суду, чтоб толпа народа сего пошла восвояси, а послала бы старейшин своих на предстоящий Сейм, где и их и прочих краев всех желания примутся в признание и будут удовлетворены, во сколько будут основательными и справедливыми. Вся толпа, получив сие уверение, оставила 10 генваря Крагуевац, не сделав ни малейшего какого-либо беспорядка ни в самом городе, ни на пути своем»²⁴.

Если мы исключим из этого описания мотивы, по которым старейшины и народ собрались в Крагуеваце и их требования, мы получим картину событий, в основном совпадающую с другими описаниями и несколько не преуменьшавшую размах народного движения, охватившего, по словам князя, все края страны.

С другой стороны, материалы указывают на то, что вопрос о поездке князя в турецкую столицу в определенном плане обсуждался восставшими. Как уже говорилось, по сообщению Рикмана, Симич объявил собравшимся в Крагуеваце, что князь отказался обеспечить права и привилегии народа до отъезда в Константинополь и что старейшины тщетно пытались заставить его сделать это. В донесении от 14(26) февраля русский генеральный консул в Бухаресте Минчаки писал, что, по сообщению из Черницкого карантина, «сербы собрались в числе 5 тыс. человек сперва под предлогом воспрепятствования поездке Милоша в Константинополь, а затем представили совершенно другие причины этой открытой оппозиции»²⁵.

Все это позволяет предположить, что во время Милетиной буны действительно поднимался вопрос о нежелательности поездки князя на поклон к султану, однако совсем не по тем причинам, какие выдвигал сам Милош. По-видимому, старейшины считали необходимым выработать основные законы страны именно до отъезда князя в Константинополь. Помимо того, что эта поездка откладывала решение конституционного вопроса на несколько месяцев, могло возникнуть опасение, что она в какой-то мере усилит позиции князя в борьбе с оппозицией или вынудит его к определенным уступкам Порте.

Как известно, Куниберт и Живанович утверждали, что Милетина буна не была широким народным движением, что в ней участвовали лишь некоторые старейшины («несколько горячих голов») и обманутый ими народ из округа Ягодинского и отчасти Чуприйского и Крушевацкого. Население же Пожаревацкого, Смедеревского и Белградского округов проявляло исключительную приверженность князю Милошу²⁶.

Приведенные выше материалы показывают, что движение против князя в январе 1835 г. было достаточно массовым и явилось следствием недовольства, зрелого во всех районах страны. Фойт, Минчаки, Рикман единодушно утверждают, что в Крагуеваце собралось 5 тыс. вооруженных людей. Характерно, что эту цифру называет и сам Милош в письме к Нессельроде.

В этой связи представляют интерес и сведения Фойта, касающиеся северных и центральных районов Сербии, о положении в которых Земунское военное командование имело возможность собрать более достоверные

²⁴ Письмо Милоша к Нессельроде от 25 января 1835 г. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1830, д. 11/1, лл. 82, 83.

²⁵ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1830—1854, д. 12, л. 50.

²⁶ Ж и в а н о в и ч. Указ. соч., стр. 27.

данные. «Серьезные события произошли в Сербии, — начинает Фойт свое письмо Штюмеру. — С октября месяца в округах Рудник, Смедерево, Шабач наблюдались революционные настроения, и народ заявлял без оговорок, что в случае, если князь еще отсрочит народную скупщину, которую он обещал созвать и на которой должен быть обнародован кодекс сербских законов, народ соберется без него и предложит создание Сената, который будет защищать интересы народа и положит конец насильственным поступкам Милоша»²⁷. Если верить Фойту, в северных и центральных округах Сербии, население которых не участвовало в Милетиной буне, еще осенью 1834 г. было подготовлено движение, ставившее все те же задачи: принятие народной скупщиной законов страны и ограничение самовласти князя Милоша.

В свете этого сообщения Фойта можно по-новому понять и рассказ Куниберта о положении в Белграде во время Милетиной буны. Он писал, что некоторые белградские чиновники радовались успеху восставших, но боялись высказывать свои чувства. Неосмотрительным оказался только Цветко Райович — полицмейстер города, который после того как в Белград пришла весть об успехах Милеты, стал открыто ругать князя и оправдывать восставших. Об этом было сообщено Милошу, который в приступе гнева приказал без суда расстрелять Райовича. Лишь благодаря случайности и вмешательству Ефрема Обреновича распоряжение князя не было приведено в исполнение²⁸.

Вряд ли князь Милош даже в приступе гнева мог распорядиться казнить без суда своего чиновника только потому, что тот ругал его и оправдывал восставших. По-видимому, вина Райовича была гораздо серьезнее и непосредственно связывалась с восстанием в Крагуеваце, в котором Райович, находясь в Белграде, не принимал непосредственного участия. Может быть, поэтому А. П. Бутенев после того, как в Константинополь по поручению князя Милоша приехал Михаил Герман, рассказавший послу все подробности январских событий в Сербии, причислил Райовича к «главным зачинщикам беспорядков»²⁹. Это же сделал в своей «Справке» несколькими месяцами позднее П. И. Рикман³⁰.

Все сказанное позволяет предположить, что восстание против князя могло вспыхнуть и в Белграде, чему помешало открытие заговора князем или просто быстрый исход событий в Крагуеваце.

О том, что Милетина буна грозила превратиться во всеобщее движение, не мог не знать сам князь. По существу именно об этом, хотя и в завуалированной форме, писал он в приведенном письме Нессельроде («...известия из прочих Сербии округий делят мнение сих краев»; «Я же, видев такое расположение прочих Сербии краев и желав воспрепятствовать собранию всех в Крагуеваце...»). Если бы князь Милош не пошел столь быстро на удовлетворение всех требований восставших, движение против его власти могло бы охватить всю страну.

* * *

Не только участники восстания Милеты Радойковича были сторонниками ограничения власти князя Милоша и введения в стране конституционных форм правления. Среди заговорщиков, например, не было будущего вождя уставобранителей Томы Вучича-Перишича и наиболее активного поборника введения в Сербии законодательных норм по образцу Кодекса Наполеона Дмитрия Давидовича. Но в ходе восстания опреде-

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 215.

²⁸ В. Cunibert. Указ. соч., т. 2, стр. 166, 167.

²⁹ Донесение А. П. Бутенева № 46 от 7 (19) марта 1835 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 355.

³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1835, д. 38, л. 88.

лилась часть вождей будущего движения уставобранителей, наметилась основа их программы.

Хотя попытка восстания в январе 1835 г. получила название по имени Милеты Радойковича, главным зачинщиком и идеологом этого движения был не он. Подготовили выступление против князя и определили его программу такие старейшины, как Стоян Симич, Аврам Петрониевич, Лазарь Тодорович, Георгий Протич, Милосав Ресавац-Здравкович и некоторые другие, т. е. в большинстве своем будущие вожди движения уставобранителей.

Для того чтобы старейшины могли осуществить свои цели, необходимо было привлечь на свою сторону народ. Но чиновники князя в большинстве случаев имели слабые связи с народом, а такие, как богатый Симич или выходцы из Австрии Петрониевич и Тодорович, явно не пользовались популярностью. Поэтому оппозиционерам было важно иметь на своей стороне таких старейшин, которые могли бы повести за собой народ. Известно, что заговорщики пытались вовлечь в свое предприятие очень популярного в народе Тому Вучича-Перишича, но он уклонился от участия в заговоре, хотя не был чужд замыслам оппозиционеров. Если десять лет назад Вучич, действуя по приказу князя, жестоко расправился с участниками Джаковой буны, то в 1835 г. он сделал все, чтобы добиться согласия Милоша на требования старейшин и народа, не доводя дела до вооруженного столкновения. А через несколько месяцев, в июле 1835 г., в письме к русскому консулу в Бухаресте Вучич резко осуждал внутреннюю политику князя Милоша и оправдывал участников январского восстания³¹.

Не менее влиятельным старейшиной в Сербии в это время являлся Милета Радойкович, сердар расписский, управитель Ягодинского, Крагуевацкого и Чуприйского округов, сподвижник Милоша во время борьбы с турками.

Основываясь на сведениях, полученных от Рикмана после поездки последнего в Сербию в июле 1835 г., Бутенев дал следующую характеристику Милеты в связи с представлением его к награде русским орденом: «Он считается одним из главных старейшин Сербии из-за доблести, проявленной на войне; он занимал всегда первые места и пользовался среди народа влиянием, почти равным влиянию князя...»³². Именно высокий авторитет Милеты Радойковича в народе заставил Симича и других оппозиционеров привлечь к заговору этого старейшину, которого всячески преследовал князь Милош, желая умалить его популярность.

Но собрав в Крагуевац 5 тыс. вооруженных крестьян, став военным вождем движения, Милета остался далеким планам главных заговорщиков и по существу был лишь использован ими с целью придать массовость движению.

В приведенном выше документе так характеризуется сущность Милетиной буны: «Хотя это движение стало предлогом для провозглашения конституционного акта, первые зачинщики этого восстания не предусматривали и не требовали подобной меры, которая не соответствовала ни их взглядам, ни их пониманию. Они хотели просто получить от князя обещание относительно прекращения злоупотреблений и жестокостей и припугнуть его своей силой, чтобы принудить отныне быть верным своим обещаниям»³³. Такая интерпретация целей вождей восстания, сделанная русскими дипломатами, не может быть отнесена к действительным зачинщикам этого движения, но она, по нашему мнению, правильно от-

³¹ АВПР, ф. Генеральное консульство в Бухаресте, 1835, д. 564, л. 18.

³² Донесение А. П. Бутенева № 6 от 7(19) января 1836 г. Приложение. АВПР, ф. Канцелярия, 1836 г., д. 40, л. 55.

³³ Там же, л. 59.

ражает стремления того крыла движения, которое возглавлял Милета Радойкович, а также простого народа, собравшегося в Крагуеваце.

Большая часть рядовых участников Милетиной буны примкнула к движению отчасти стихийно, выражая свой протест против злоупотреблений со стороны князя, беззаконий, царивших в стране, неупорядоченности ее управления. Но если требование введения конституционной формы правления, подобной существовавшим в западноевропейских государствах, еще не дошло до сознания простого необразованного серба, как это утверждали русские дипломаты, то каждый серб уже достаточно осознал свои социальные интересы. Представители всех общественных слоев, существовавших в Милетиной буне, как правильно утверждают югославские историки, выступали со своими требованиями, и значительная часть этих требований совпала³⁴. Крестьяне, торговцы и чиновники в той или иной степени были заинтересованы в том, чтобы в стране было урегулировано налогообложение, отменена барщина, были ликвидированы ограничения в торговле, упорядочена система управления и судопроизводства. Крестьянину или торговцу было не столь важно, кто правит страной, сам князь или его советники. Но каждый крестьянин и каждый торговец хотел быть уверенным, что его личность, имущество, обрабатываемая земля защищены от произвола и беззакония со стороны князя или местных властей. Поэтому требования участников Милетиной буны по существу были направлены на ликвидацию остатков феодальных порядков, закрепление буржуазных принципов в государственном устройстве Сербского княжества.

Причины Милетиной буны и программа этого движения довольно подробно освещены современниками и в литературе об этом периоде истории Сербии. Все наши материалы в той или иной мере касаются этих вопросов и в основном подтверждают уже известные факты, добавляя к ним некоторые распространенные в то время версии³⁵.

Мало изучен пока вопрос о воздействии внешних факторов на формирование конституционного движения в Сербии начала 30-х годов XIX в. Несомненно, однако, что на этот процесс в какой-то мере повлиял общий подъем революционного и либерального движения в Европе в это время. Со времени Великой Французской революции идеи о преимуществах конституционных форм правления, ограничения власти монархов стали распространяться в странах Европы. Они не могли не проникнуть постепенно и в балканские провинции Турции. Когда в конце 20-х годов в Сербии стали подготавливаться письменные законы, за образец было взято законодательство Наполеона. Июльская революция 1830 г. во Франции повела к еще большему распространению в европейских странах революционных и либеральных идей. Они отзывались определенным образом и в умах образованных сербов, наблюдавших за политической жизнью европейских государств, и не могли не ускорить идеологическое формирование оппозиционного движения, основой которого стало требование

³⁴ См., напр.: Г. Јакшић и Д. Страњковић. Указ. соч., стр. 54, 55; D. Јанковић. *Istorija drzave i prava Srbije XIX v.* Beograd, 1960, стр. 57; L. Kandić. Указ. соч., стр. 142.

³⁵ Так, Бейликтич-эфенди писал, что причины восстания связаны прежде всего с финансовой стороной управления князя Милоша, его бесконтрольным распоряжением народной кассой (АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 214). Основываясь на сообщении из Черницкого карантина, Минчаки утверждал, что восставшие выдвигали следующие требования: введение в действие нового устава, представление князем отчетов о приходах и расходах государства, удаление всех иностранцев, находящихся на службе у князя. По частному сообщению, полученному Минчаки, по-видимому, от какого-то сербского торговца, главной причиной «вооруженной оппозиции» названы монополии, которыми пользуется князь Милош во внутренней и внешней торговле (АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1830—1854, д. 12, лл. 50, 51).

конституции³⁶. Однако необходимо учитывать, что в 30-е годы влияние революционной европейской идеологии на развитие социальной борьбы в Сербии было еще очень поверхностным, ограниченным и не могло придать действительно революционного направления движению, нашедшему первое внешнее проявление в Милетиной буне 1835 г. К тому же влияние прогрессивной европейской идеологии этого времени не исчерпывает внешних факторов, ускоривших формирование оппозиционного движения и воздействовавших на его содержание.

Характеризуя возникновение оппозиции старейшин в Сербии, Рикман писал: «Самоуправное правление князя Милоша, его притеснения, монополии, которыми он пользовался в различных отраслях торговли, наконец, полное отсутствие письменных законов, гражданских и политических, — все это стало причиной недовольства сербских старейшин, стремившихся обеспечить свое вмешательство в общественные дела. Это недовольство началось с того времени, когда г-н Уркарт в связи со своим путешествием в Константинополь в 1833 г. посетил Сербию и установил отношения со старейшинами Стояном Симичем, Дмитрием Давидовичем, Георгием Протичем и Аврамом Петрониевичем. Именно в это время возникла идея ограничить власть князя и ввести в этой стране либеральные учреждения. Среди людей, которых можно назвать наиболее ревностными приверженцами идеи реформ, находится С. Симич, который поделился своими взглядами с Опрено и Павловичем, двумя финансистами из Валахии, уполномоченными представлять интересы князя Милоша в этой провинции»³⁷.

Таким образом, Рикман считает, что руководители заговора против князя Милоша стремились ввести в Сербию либеральные учреждения, видимо, в чем-то сходные с английской представительной системой правления, так как само возникновение оппозиции он связывает с пребыванием в Сербии английского дипломата, специалиста по восточным делам и яркого русофоба Давида Уркарта.

Путешествуя по Турции, Уркарт побывал в Сербии в апреле 1832 г. и в ноябре 1833 г., а также позднее — в 1837 г. В своих письмах к Пальмерстону и Тейлору Уркарт упоминал, что собирается составить географическое, экономическое и административное описание Сербии³⁸. Но Уркарт использовал свое пребывание в Сербии в 1832—1833 гг. не только для сбора сведений о ее положении, он установил отношения с рядом лиц, занимавших видные посты в управлении. Эти чиновники несомненно беседовали с английским дипломатом относительно подготовляемых в Сербии письменных законов, ибо после отъезда Уркарта распространился слух, что он высказывался против провозглашения письменных законов в такой патриархальной стране, как Сербия. Однако впоследствии Уркарт разъяснил Хаджиичу, что был неправильно понят, что он хвалил патриархальность, но при этом не исключал наличия в стране законов, соответствующих народному духу³⁹. В свете этих данных трудно судить, насколько реальным было влияние Уркарта на формирование движения, направленного на провозглашение конституции и ограничение власти князя. Возможно, что у русских дипломатов, призванных зорко наблюдать за всеми происками англичан в турецких владениях, вызывал подозрение уже сам факт пребывания в Сербии Уркарта и установление им связей со старейшинами.

³⁶ Вопрос о влиянии передовой европейской идеологии на формирование общественной мысли в Сербии в этот период требует специальной разработки. Об этом кратко изложено в кн.: В. Чубрилович. «История политичке мисли у Србији XIX века». Београд, 1958, стр. 142.

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 88.

³⁸ S. Pavlowitch. Anglo-russian rivalry in Serbia. 1837—1839. Paris, 1961, стр. 22, 186.

³⁹ J. Хаџић. Указ. соч., стр. 73.

Из иностранцев, кроме Уркарта, в Сербии побывал в июне 1834 г. француз Боа-ле-Конт. Сербия представилась этому роялисту идиллической страной, которой еще не коснулось разлагающее влияние европейской цивилизации. По его мнению, для такого народа, как сербы, введение конституции принесло бы больше вреда, чем пользы. Тем не менее Боа-ле-Конт много беседовал с Милошем, Д. Давидовичем и другими старейшинами о подготавливаемых в Сербии письменных законах и дал по просьбе князя отзыв на проект государственного устройства Сербии, вполне проявив при этом свои реакционные воззрения⁴⁰.

Пребывание в Сербии Д. Уркарта и Боа-ле-Конта несомненно оказало воздействие на процесс подготовки сербских законов. Но на движение за введение конституционных форм правления в стране более непосредственное влияние имел пример дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, общественно-политическое устройство которых было закреплено Органическими регламентами, введенными в жизнь в 1831—1832 гг. Особенно ревностным поклонником порядков, существовавших в этих соседних с Сербией провинциях, был один из главных вождей оппозиции Стоян Симич, служивший, а затем не раз бывавший в Валахии. Провозглашение Органических регламентов в княжествах стало как бы образцом для проведения подобной меры и в Сербии.

Но что же именно привлекало сербских старейшин в общественно-политическом устройстве соседних княжеств? Феодальные права и привилегии боярства, сохранившего по Органическим регламентам всю полноту власти над зависимым крестьянством? Или они стремились перенять внутреннее устройство этих турецких провинций, систему управления их, в которой вся власть принадлежала крупному боярству?

Сообщая о Милетиной буне, немецкие и австрийские газеты (например, «Augsburger Allgemeine Zeitung») писали, что сербские старейшины надеялись получить феодальные права спахиев и уподобиться боярам Молдавии и Валахии. Убедившись в неосуществимости своих планов, они восстали против князя. Такая интерпретация причин восстания могла основываться на сообщениях из канцелярии Милоша (как, например, это было с описанием восстания, появившимся в аугсбургской газете в октябре 1835 г.)⁴¹. Во всяком случае характерно, что эта версия в дальнейшем упорно поддерживалась Обреновичами и их сторонниками. Так, М. Герман, посланный в марте 1835 г. князем Милошем в Константинополь, был уполномочен подчеркнуть в переговорах с русским послом, что восставшие старейшины претендовали на права румынских бояр⁴².

В автобиографии князь Милош утверждал, что старейшины хотели получить владения спахиев и превратиться в дворянство («благородство»), которое не может существовать без поместий. Когда же старейшины поняли, что князь не удовлетворит подобных требований, они решили организовать заговор против его власти⁴³. О том же писал и Михаил Обренович в брошюре, направленной на защиту политики своего отца от нападок С. Робера.

Подробно останавливается на этих замыслах старейшин Куниберт. Он утверждает, что сербские старейшины и в первую очередь Симич рассчитывали получить феодальные права и привилегии, подобные тем, которыми пользовались молдавские и валашские бояре, сохранить и расширить свое право на крестьянскую барщину. Единственным препятствием на пути осуществления этих планов, по утверждению Куниберта, был Милош, который на скупщине в феврале 1834 г. заявил, что спахилуки

⁴⁰ С. Новаковић. Србија у години 1834, стр. 41—46.

⁴¹ Л. Ранке. История Сербии. Пер. с немецкого. М., 1876, стр. 358.

⁴² Донесение Бутенева № 46 от 7(19) марта 1835 г. АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 355.

⁴³ Князь Милош. Прича о себи. «Споменик», кн. XXI. Београд, 1893, стр. 19, 20.

не будут восстановлены. Это и заставило будто бы старейшин организовать заговор против его власти⁴⁴. Такая интерпретация данного вопроса, явно исходящая из лагеря приверженцев Обреновичей, но ни в какой мере не подтверждаемая программой самого движения, была поддержана Н. Поповым.

Югославские историки при рассмотрении социальной борьбы этого периода также обычно подчеркивают стремление старейшин получить спахилуки и сословные привилегии⁴⁵.

Нельзя отрицать, что в 20-е годы, до окончательного урегулирования аграрных отношений, когда Милош и его сподвижники захватывали и скупали турецкие государственные и частные поместья, у чиновников князя возникали надежды на возможность превратиться в феодальных собственников.

Однако даже в это время в ходе неоднократных восстаний против князя, в которых участвовали иногда и старейшины, такие требования открыто не выдвигались. После издания хатти-шерифов 1830 и 1833 гг. и в результате неуклонно нараставшего протеста крестьянства вопрос о закреплении за старейшинами феодальных прав и привилегий был по существу снят с повестки дня. К этому времени был в некоторой мере ограничен и старейшинский кулук, дополнявший жалование чиновников, хотя он все еще оставался значительным бременем для крестьян.

Наиболее цепко держался за эту привилегию сам князь, крупнейший землевладелец, все хозяйство которого в нескольких обширных поместьях основывалось на принудительном и бесплатном труде крестьян окружающих деревень. Собираясь отменить старейшинский кулук (в 1834 г. и позже), он рассчитывал сохранить за собой право на крестьянскую барщину. Это вызвало протест старейшин, апеллировавших к поддержке крестьянства. В Милетиной буне одним из главных требований было урегулирование налогообложения, что включало и отмену кулука. Можно предположить, что именно это требование являлось одним из тех, которое привлекло к движению широкие народные массы.

При рассмотрении этого вопроса необходимо также учитывать неоднородность состава и интересов вождей Милетиной буны. Возможно, что такие старейшины, как Стоян Симич, Милосав Ресавац-Здравкович, Милета Радойкович, — богачи, имевшие большое количество земли, и были тайне заинтересованы в сохранении своего права на крестьянскую барщину. Но среди вождей оппозиции находились и чиновники-профессионалы, как Георгий Протич, Аврам Петрович, Лазарь Тодорович, которые не имели значительных земельных владений и поэтому не были заинтересованы в сохранении барщины, заменявшей часть денежной платы чиновников. Последняя группа старейшин, наиболее просвещенных, побывавших в Константинополе и России, немного знакомых с порядками и законами, существующими в европейских государствах, играла значительную роль в руководстве оппозиционным движением и в его идеологическом формировании. Эти старейшины уже понимали, что возврат к отжившим свой век феодальным порядкам не отвечает ни духу времени, ни интересам сербских крестьян, которые неминуемо воспротивились бы такого рода преобразованиям.

В то же время все старейшины, так же как и крестьяне, были заинтересованы в закреплении за ними полного права собственности на землю.

Все сказанное приводит нас к заключению, что князь Милош, а также Кундберт и другие приверженцы Обреновичей умышленно раздували

⁴⁴ В. Сундберт. Указ. соч., т. 2, стр. 77—93, 119, 120 и др.

⁴⁵ См.: Г. Якшић и Д. Страняковић. Указ. соч., стр. 54; С. Јовановић. Јован Хаџић. Из наше историје и књижевности. Београд, 1831, стр. 71; Д. Јанковић. Указ. соч., стр. 75.

стремление старейшин-оппозиционеров стать феодальными землевладельцами, сохранить барщину, так как именно эта версия давала возможность представить князя защитником народных интересов.

В то же время Симич и его сообщники действительно основывали свое требование о провозглашении конституции в Сербии на примере Органических регламентов, введенных в румынских княжествах. При этом они предполагали заимствовать оттуда основы политического устройства, системы управления и широких политических прав боярства. Но эти заимствования не могли распространяться на регламентацию общественно-экономических отношений, которые в Сербии были слишком отличны от молдавских и валахских.

Отсутствие материалов не позволяет установить, сыграло ли пребывание Симича в Валахии какую-нибудь роль в практической подготовке заговора против князя, хотя, как мы видели, он делился своими планами с некоторыми лицами. Несомненно одно: Симич не состоял в каких-либо секретных отношениях с русским консулом в Бухаресте, не получал от русских дипломатов одобрения своим замыслам. Подобные утверждения Кушберта не подтверждаются материалами консульства и противоречат главным принципам внешней политики русского царизма в это время, которое не поддержало бы замыслов восстания против «законной власти» в Сербии.

Более подробно можно говорить о причастности к подготовке восстания против князя Милоша некоторых австрийских сербов. В декабре 1832 г., отправив русскому послу в Вене Д. П. Татищеву копию своего послания князю Милошу, В. Караджич описал в сопроводительном письме подготовку заговора против князя. Заговорщики будто бы собирались передать всю власть Сенату и просить австрийское правительство, «чтобы оно вместо князя дало им президента»⁴⁶. По словам Вука, о плане этого восстания ему рассказывал купец Стоян Спасич, бежавший из Сербии в Земун и, вероятно, сам принимавший непосредственное участие в подготовке восстания. Никаких конкретных данных о судьбе этого начинания не имеется, но маловероятно, чтобы австрийское правительство могло пойти на то, чтобы обещать какую-либо поддержку подобному авантюристическому плану, хотя бы из опасения вызвать осложнения в отношениях с русским правительством, ревниво оберегавшим свои права в Сербии.

Милетина буна, вероятно, не имела непосредственной связи с заговором против князя, подготовленным в 1832 г. Милош знал или подозревал, что нити заговора против его власти идут в Австрию. В письме к Бутеневу от 18 февраля 1835 г. он писал, что некоторые из числа его первых чиновников начали восстание, «ослепленные славой» и «подговоренные некоторыми австрийскими подданными, одна часть коих обретает на границе, а другая во внутренних австрийских владениях»⁴⁷. По сообщению Бутенева, Милош обратился с письмом и к австрийскому канцлеру Меттерниху, в котором писал, что некоторые сербы, рожденные и жившие в Австрии, были секретными подстрекателями восстания. По мнению Бутенева, это обвинение, возможно, имело основание⁴⁸.

* * *

Хотя Вук Степанович Караджич еще в конце 1832 г. писал русскому послу в Вене Д. П. Татищеву о готовящемся в Сербии восстании против

⁴⁶ «Писмо Вука Караџића кнезу Милошу. Вукова руска верзија». Београд, 1964, стр. 16.

⁴⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1835 г., д. 599, л. 11.

⁴⁸ Донесение Бутенева № 37 от 24 февраля (5 марта) 1835 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 310.

князя Милоша, русское Министерство иностранных дел, по-видимому, не придавало значения этому сообщению, и поэтому известие о Милетиной буне явилось для него полной неожиданностью. 30 января А. П. Бутенев сообщал вице-канцлеру о «досадном и непредвиденном событии в Сербии — восстании сербских старейшин против князя Милоша, которого они будто бы имеют смелость объявить низложенным ввиду его насильственных действий и требований»⁴⁹.

Как говорилось выше, эта новость была сообщена русскому послу австрийским интернунцием бароном Штюмером и подтверждена рейс-эфенди Мехмедом Акифом. Австрийский посол и Порта тотчас обратились к русскому послу⁵⁰. Турецкий министр захотел прежде всего выяснить его отношение к событиям в Сербии и посоветоваться о необходимых мерах. Бутенев, не колеблясь, «открыто осудил поведение нарушителей законного порядка» и предложил Порте «полную моральную поддержку» для восстановления спокойствия в Сербии⁵¹.

Таким образом, первые известия о восстании против князя Милоша в Сербии вызвали серьезные опасения у турецкого, русского и австрийского правительств, которые были готовы принять все необходимые меры, чтобы погасить движение в самом начале. Для столь единодушной позиции у каждого из этих правительств были свои веские основания. Государство османов все больше ослабевало под ударами национально-освободительных и сепаратистских движений. В 1835 г. Порта находилась под свежим впечатлением восстания египетского паши, которое не привело к катастрофическим последствиям для всего государства лишь благодаря помощи, оказанной султану Россией. Поэтому турецкое правительство страшилось любого восстания в своих владениях, а особенно в столь беспокойной провинции, какой была Сербия.

После революции 1830 г. во Франции и польского восстания 1830—1831 гг. для правительств России и Австрии распространение революционных идей стало страшным пугалом. От «революционной заразы» они хотели спасти хотя бы свои государства и страны, находящиеся в сфере их политических интересов, в том числе и балканские земли.

Ведущую роль в этом отношении играл русский царизм, политическое влияние которого на Порта после окончания русско-турецкой войны и особенно заключения Унклар-Искелессийского договора чрезвычайно расширилось. Чтобы сохранить это влияние, Николай I стремился на деле доказать султану, что Россия — лучший друг государства османов и способна спасти его от всех бед. Поэтому русское правительство в это время безоговорочно выступало не только против всех движений, которые можно было заподозрить в революционных тенденциях, но и против любого «нарушения законного порядка», которое могло бы ослабить или подорвать изнутри турецкое государство.

Не могло равнодушно наблюдать за возникшим в Сербии восстанием и австрийское правительство. Всякая внутренняя перемена в этой турецкой провинции могла оказаться неблагоприятной для Австрии, как-то отразиться на положении ее населенных югославянами владений. Однако венский двор в это время должен был полностью следовать в фарватере русской политики, которая вполне соответствовала его интересам, и не рисковал предпринимать самостоятельные политические акции в отношении Сербии. Но австрийские пограничные власти зорко следили за про-

⁴⁹ Донесение А. П. Бутенева № 18 от 30 января/11 февраля 1835 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, лл. 190, 191.

⁵⁰ Описывая отношение Порты к восстанию в Сербии, М. Гаврилович безосновательно полагает, что рейс-эфенди был встревожен только тем, что из-за восстания откладывался приезд князя Милоша в Константинополь, с чем Мехмед Акиф связывал торжество своей партии (М. Гаврилович. Указ. соч., стр. 192).

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 191.

исходящим в Сербию. Два австрийских полка получили приказ усилить наблюдение на границе с Сербией, а в Черницкий карантин было передано распоряжение принять без формальностей князя Милоша и его семью, если они перейдут границу⁵².

Все эти обстоятельства определили позицию Порты, русского и австрийского правительств в отношении восстания Милеты Радойковича.

В 1834—1835 гг. русский посол в Константинополе пользовался неограниченным влиянием на Порту, его позиции еще не были поколеблены тонкими интригами английских дипломатов, тайно поощряемыми венским двором. Поэтому, как мы увидим, именно русская миссия в Константинополе направляла все действия турецкого правительства, связанные с неожиданными событиями в Сербии.

После первого обсуждения положения с русским послом 27 января рейс-эфенди имел конфиденциальную беседу с драгоманом сербской делегации в Константинополе Александром Петропуло и заявил ему, что Бутенев должен сообщить Порте свое мнение относительно мер, которые необходимо предпринять: послать ли соответствующий приказ белградскому визирю или направить в Сербию со срочной миссией специального комиссара. Мехмед Акиф сказал, что по этому поводу примет решение Совет (Диван), которое затем будет одобрено султаном⁵³.

По совету Бутенева Порта решила послать в Сербию Ибрахима Наби-эфенди, который был уполномочен обследовать положение на месте. Турецкий комиссар должен был склонить старейшин к повиновению, официально поддерживая отношения только с самим князем и всемерно поднимая его авторитет⁵⁴. Наби-эфенди вез письма Порты князю Милошу и старейшинам, а также письмо Бутенева сербскому князю. Порта предлагала Милошу помощь в подавлении мятежа. В случае продолжения беспорядков князю предоставлялась возможность отправиться в Константинополь и оставаться там до прекращения восстания⁵⁵. Письмо великого визиря к сербским старейшинам было составлено в довольно резких выражениях и содержало требование, чтобы все жалобы народа, «союза» (ligne) и «сборища» (rassemblement), направленные против князя, были сообщены Порте для их рассмотрения и прекращения разногласий⁵⁶.

Содержание этих писем свидетельствовало о намерении турецкого правительства непосредственно вмешаться в конфликт, возникший в Сербии. Боясь, что резкий тон письма к старейшинам может вызвать лишь новые осложнения и усилить недовольство князем, Бутенев просил рейс-эфенди исправить первоначальный текст послания старейшинам, составив его в духе письма самого русского посла к князю Милошу⁵⁷.

Наби-эфенди отправился в путь уже после того, как в Константинополе были получены известия о том, что Милош вошел в соглашение с восставшими и в стране восстановлен порядок. К тому же по прибытии турецкого комиссара в Крагуевац князь Милош принял все меры, чтобы убедить его, что все сообщения о возникших беспорядках в Сербии являются преувеличенными и в стране царит полное спокойствие. Поэтому поездка Наби-эфенди по существу осталась безрезультатной и ничего не прибавила к тем сведениям о восстании в Сербии, которые раньше были известны в Константинополе⁵⁸.

⁵² Допесение М. Я. Минчаки № 4 от 14(26) февраля 1835 г. АВПР, Главный архив, 1—9, 1830 г., д. 11/1, л. 51.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 191.

⁵⁴ Там же, л. 205.

⁵⁵ Там же, л. 226.

⁵⁶ Там же, л. 224.

⁵⁷ Там же, лл. 204, 205.

⁵⁸ О миссии Наби-эфенди см. подробно: М. Гаврилович. Указ. соч., стр. 194—196.

Как говорилось выше, князь Милош в своих официальных сообщениях Порте и вице-канцлеру пытался представить Милетину буну как движение, вызванное нежеланием народа отпускать своего правителя в Константинополь. В таком же свете были изображены события в письмах, направленных в Константинополь с М. Германом в феврале 1835 г. (Правда, в беседах с Бутеневым Герман, по-видимому, не стал скрывать очевидных фактов и рассказал русскому послу о действительном положении вещей, хотя и не сообщил об этом в своем донесении князю)⁵⁹.

Такая позиция сербского князя, продолжавшего упорно отрицать всем известные факты, вызвала удивление и раздражение Бутенева, а у рейс-эфенди возникло подозрение, что восстание было инспирировано самим князем с целью отказаться от поездки в Константинополь⁶⁰. Но был ли князь Милош так наивен, что надеялся встретить доверие к своим сообщениям? Можно предположить, что князь не столько рассчитывал создать в Константинополе и Петербурге впечатление, что его власть прочна и стабильна⁶¹, сколько не желал своим официальным сообщением о прошедших событиях дать повод к вмешательству Порты или русского правительства во внутренние дела Сербии. К тому же Милош после Милетиной буны еще более, чем раньше, опасался отъезда из страны, которым могли воспользоваться его противники, и стремился обосновать задержку своего путешествия в турецкую столицу наиболее убедительным образом.

Быстрое окончание Милетиной буны исключило какое-либо вмешательство Порты или русского правительства в борьбу сербских старейшин и народа с князем. Но, как мы видели, при первых же известиях, о восстании оба правительства проявили полную готовность оказать помощь в ликвидации народного движения в Сербии и упрочении власти законного князя. Действия Порты в этом отношении корректно направлялись русским послом, считавшим, по-видимому, необходимым действовать в этом вопросе более осторожно и тактично, чем это привыкло делать турецкое правительство. При свидании с Бутеневым в начале февраля Мехмед Акиф заявил, что султану было доложено о решительной позиции, занятой русским послом в отношении попытки восстания сербских старейшин, и энергичных предостережениях, сделанных в этом смысле в письме князю Милошу, и султан был полностью удовлетворен этим⁶².

Милетина бунa и последовавшее за ней провозглашение первой сербской конституции вызвали беспокойство и привлекли интерес не только России, Турции и Австрии. Внимательно наблюдавший за всем происходившим в европейских провинциях Османской империи английский посол лорд Понсонби тотчас обратил внимание на известия о восстании в Сербии и попросил Давида Уркарта проездом в Константинополь побывать в Сербии, чтобы узнать, каково там положение и общественное мнение. Однако поездка Уркарта в это время в Сербию не состоялась⁶³.

Характерно, что восстание в Сербии и последовавшее за ним провозглашение первой сербской конституции довольно широко освещалось в европейской и особенно австрийской прессе. Из немецких газет эти сообщения перепечатывались в «Санктпетербургских ведомостях» и «Северной пчеле»⁶⁴. Они очень неточны и содержат много вымысла, но все составлены в духе поддержки сербского князя и осуждения заговорщиков.

⁵⁹ Донесение М. Германа также приведено в указанной статье Гавриловича (стр. 194—201).

⁶⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, л. 207.

⁶¹ М. Гаврилович. Указ. соч., стр. 190, 191.

⁶² Донесение А. П. Бутенева № 21 от 6(18) февраля 1835 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 47, лл. 207, 208.

⁶³ S. Pavlowitch. Указ. соч., стр. 187.

⁶⁴ «Санктпетербургские ведомости», 2 февраля 1835 г.; 14 февраля 1835 г.; 5 апреля 1835 г.; «Северная пчела», 7 февраля 1835 г.; 18 февраля 1835 г.; 22 февраля 1835 г.; 8 марта 1835 г.; 30 марта 1835 г.

Милетина буна и провозглашение Сретенского устава были первыми событиями внутренней жизни Сербии, привлечшими внимание европейских правительств и прессы. Они повысили интерес России и Австрии к получению более современной и достоверной информации о внутреннем положении в Сербском княжестве. Императорское министерство вскоре приняло меры к тому, чтобы генеральное консульство в Бухаресте внимательнее наблюдало за внутренним положением в Сербии, а венское правительство усилило хлопоты о получении разрешения Порты на основании австрийского консульства в Белграде.

* * *

В отличие от восстаний и мятежей, вспыхивавших в первый период правления Милоша Обреновича, Милетина буна фактически закончилась победой восставших, и ее прямым результатом было провозглашение народной скупщиной в Крагуеваце первой сербской конституции, так называемого Сретенского устава.

В данной статье мы не ставили своей целью анализировать первый конституционный закон Сербии.

Нам хотелось бы только подчеркнуть, что Сретенский устав, при всех своих недостатках, отражал насущные потребности сербского народа и удовлетворял требования, выдвигавшиеся в ходе восстания Милеты Радойковича.

В главе «Общепародные права серба» всем гражданам гарантировалось равенство перед законом и право занимать государственные должности, неприкосновенность личности и имущества, полные собственностиские права на обрабатываемую землю и свободное пользование лесами и пастбищами. Было урегулировано налогообложение и введен обязательный для всех без исключения граждан единый денежный налог, а барщинные повинности князю и чиновникам отменены. Конституция сильно ограничивала власть князя и фактически передавала всю законодательную, исполнительную и высшую судебную власть государственному совету, который контролировался скупщиной.

Хотя конституция 1835 г. так и не была введена, в Сербии был сохранен введенный Сретенской скупщиной единый налог в 6 талеров, что несколько облегчило налоговое бремя трудового населения страны. Основные положения Сретенского устава в измененном виде вошли в конституцию 1838 г.

Милетина буна явилась начальным этапом в формировании оппозиции режиму Обреновичей. Но в это время уже в основном сформировалась программа будущего движения уставобранителей, направленная на введение в стране буржуазной законности, ограничение власти князя путем участия в управлении страной старейшин. В этой программе, внешне соответствующей интересам основных слоев населения, еще трудно было обнаружить истинные планы оппозиционеров — планы введения в стране олигархической системы правления, которая на деле оказалась столь же враждебной народу, как деспотическое единовластие Милоша Обреновича.

И. В. Чуркина

**РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА
В СЛОВЕНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

(вторая половина XVIII — середина 70-х годов XIX в.)

Проблема развития капитализма в промышленности является одной из важнейших в истории Словении, ибо без нее невозможно понять ни характера и расстановки сил в словенском национальном движении, ни формирования и консолидации словенского пролетариата.

Начало развития капиталистических элементов в словенской промышленности относится приблизительно к концу первой половины XVIII в. Но прежде чем они окрепли, развились и заняли главенствующие позиции, прошло более столетия. Только со времени первого экономического кризиса в Австрии (1873 г.) можно с уверенностью говорить о победе капитализма в словенской промышленности. Именно поэтому хронологические рамки статьи определяются серединой XVIII в. — серединой 70-х годов XIX в.

В историографии тема развития капитализма в словенской промышленности еще не освещена в достаточной степени, хотя отдельные ее вопросы были объектом детального исследования ряда словенских ученых. В частности, имеется несколько интересных монографий, посвященных отдельным промышленным центрам словенских земель. Из них следует отметить работы И. Мохорича — книги «История ремесла и промышленности в Тржиче» (Любляна, 1957), «Рудник ртути в Идрии» (Идрия, 1960), «Индустриализация Межицкой долины» (Марибор, 1954), а также статьи о сельском ремесле. Работы Мохорича написаны с марксистских позиций на огромном архивном материале. Интересны исследования Й. Шорна о бумажной и текстильной промышленности в Словении. В. Валенчича — о стекольной промышленности и о сельском ремесле по изготовлению соломенных шляп, Я. Орожена — о Засавском угольном бассейне. Несколько книг и статей посвящено отдельным словенским городам — Целью (Я. Орожен), Краню (Й. Жонтар), Любляне (И. Врховец, И. Слокар). Но все эти работы, освещающие историю того или иного промышленного района или той или иной отрасли промышленности, при всех своих достоинствах не в состоянии дать полную картину развития капитализма в словенской промышленности. А разделы в обобщающих трудах по этой теме явно недостаточны и носят подчиненное значение по отношению к политической истории (Б. Графенауер. «История словенского народа», т. V; Ф. Гестрин и В. Мелик. «История словенцев 1813— 1914 гг.»).

Данная статья имеет целью на основе исследований словенских историков и привлечения некоторых материалов из советских архивов и словенской прессы дать общую картину зарождения и утверждения капитализма в словенской промышленности, постепенного отмирания в ней феодальных цеховых институтов.

В статье предполагается затронуть и вопросы соотношения словенского и немецкого капиталов в промышленности, а также проникновение в словенскую промышленность иностранного капитала.

* * *

Словенские земли в промышленном отношении занимали среднее положение в австрийской монархии. Они значительно отставали от Чехии и Нижней Австрии, главных индустриальных центров габсбургских владений, но вместе с тем были более развиты, чем Хорватия, Тироль или Галиция. Поскольку словенские земли входили в состав наследственных коронных земель Габсбургов, словенская промышленность пользовалась некоторым покровительством центрального правительства, заинтересованного в ее развитии, хотя, конечно, не в такой степени, как чешская и собственно австрийская промышленность.

Во второй половине XVIII в. наиболее консервативной в Словении была городская промышленность. В ней господствовали цехи, по-прежнему требовавшие для себя монополии на производство и продажу отдельных товаров, несмотря на то, что общий рост производительных сил уже сильно стеснял их узкими рамками. Отрасли городской промышленности были довольно разнообразны. Так, в Любляне в 1762 г. имелось более 60 видов ремесел, которыми занимались 396 цеховых мастеров¹, владевших своими собственными мастерскими², в г. Крапе в 1786 г. — около 40 различных видов ремесел и 220 самостоятельных ремесленников³.

Данные о количестве видов ремесел в Любляне и Крапе говорят о том, что ремесленное производство было в значительной степени дифференцировано. В Крапе, например, наряду с кожевниками имелись шорники, ременьщики, седельщики, прхары (замшевики, изготавлившие из кожи короткие брюки до колен).

Во второй половине XVIII в. многие словенские цехи объединяли ремесленников нескольких городов. Так, общий цех столяров, слесарей, часовщиков и оружейников г. Целья включал еще мастеров городов Брежнице и Словеньградца⁴; гончарный цех объединял гончаров Любляны, Локн, Крапя, Камника, Вишней Горы, Холмца и Шмартина⁵; цех шляпников — мастеров Целья, Словеньградца, Словенской Бистрицы, Коньницы, Любно, Лашко и Жальца⁶. Но наряду с этим иногда два одинаковых цеха имелись в одном городе — в частности, в Любляне у портных и сапожников⁷.

Цеховые правила почти не изменялись с XV—XVI вв. Только увеличилась регламентация, которая стала одним из главных тормозов развития городской промышленности. Каждый цех мог иметь только определенное количество мастеров. В Целье должно было быть только шесть мастеров-пекарей и четыре мастера-ткача⁸, в Любляне пять гончаров⁹. Шляпники могли иметь следующее количество мастеров в разных горо-

¹ Сюда входят и торговцы.

² I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletjih. Ljubljana, 1886, стр. 282.

³ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja. Ljubljana, 1939, стр. 247.

⁴ J. Orožen. Zgodovina Celja. Celje, 1927, стр. 60.

⁵ I. Vrhovec. Указ. соч., стр. 226.

⁶ J. Orožen. Zgodovina Celja, стр. 58.

⁷ I. Vrhovec. Указ. соч., стр. 226.

⁸ J. Orožen. Zgodovina Celja, стр. 37, 52.

⁹ I. Vrhovec. Указ. соч., стр. 235.

дах: в Целле — семь, в Словеньграде и в Словенской Бистрице — по три, в Коньнице и Любно — по два, в Лашко и Жальце — по одному¹⁰. В большинстве цехов ограничивалось и количество подмастерьев и учеников для каждой мастерской. Например, в Целле мясник не мог держать одновременно более двух подмастерьев и одного ученика, а портной — более трех подмастерьев¹¹.

По-видимому, все же запрет иметь больше работников, чем это полагалось по статуту, мастерами нарушался. В частности, в окрестностях Целлы во второй половине XVIII в. жило значительное количество поденщиков. В 1757 г. городской магистрат даже установил для них определенную поденную плату. Труд этих поденщиков применялся не только на разных подсобных работах, но и непосредственно в ремесленных мастерских. Статут красильщиков Целлы и округа запрещал мастерам использовать их на работе в красильнях¹².

Австрийское правительство, покровительствуя в финансовых интересах развитию промышленности и торговли в австрийских землях, понимало тормозящую роль цеховой организации. Оно пыталось ограничить привилегии и влияние цехов. В 1765 г. в словенских землях (как и во всей Австрии) все ремесла были разделены на коммерциальные и полицейские. Первая группа объединяла ремесла, работавшие на широкий рынок, главным образом текстильные и кузнечные. В этих отраслях цеховые ограничения были в значительной степени ликвидированы. Во второй группе ремесел, обслуживавших местный рынок, цехи остались в неприкосновенности. Власти всячески препятствовали организации новых цехов. В 1795 г. торговцы Крайна хотели установить свой цех с особыми привилегиями, но правительство им этого не разрешило¹³.

В период французского господства в словенских землях, входивших в состав Иллирийских провинций (Крайна, Приморье, Белякский округ Каринтии), цехи были отменены. Эта отмена осталась в силе и после ухода французов. Когда пекари г. Крайна попросили австрийские власти о восстановлении их привилегий, эта просьба осталась без внимания. Такая же участь постигла и просьбы люблянского магистрата разрешить деятельность цехов в 1821 г. и позднее. А в 1834 г. крайские власти даже издали строгий указ городским магистратам — не поддерживать нелегальные цехи¹⁴.

Однако в первой половине XIX в. и в Крайне и в Белякском округе Каринтии цехи продолжали существовать на полулегальном положении. Их активно поддерживали магистраты городов. В 1820 г. упоминается цех кузнецов в Тржище. Характерно, что в этом цехе, вероятно, уже не существовало ограничения количества подмастерьев для каждой мастерской, поскольку цехмейстер Игнац Земер имел шесть подмастерьев¹⁵. Никакого, даже приблизительного, равенства своих членов цехи, по-видимому, не старались обеспечить. Они стремились лишь защитить мелких производителей от напора своего главного конкурента — капитала.

В этом отношении интересна история полулегального цеха столяров в Любляне¹⁶. Он активизировал свою деятельность в связи с появлением опасного конкурента Якоба Цолнара, получившего в 1818 г. право заниматься столярным ремеслом в городе, хотя он и не был членом цеха. Мастера по мере сил и возможностей пытались чинить Цолнару препятствия, в частности, последний жаловался в 1822 г. на то, что ему мешают

¹⁰ J. Orožen. *Zgodovina Celja*, стр. 58.

¹¹ Там же, стр. 41, 58.

¹² Там же, стр. 34, 55.

¹³ J. Zontar. Указ. соч., стр. 281.

¹⁴ I. Slokar. *Zadružni nagibi pri cehovskih rokodelcih in prva obrtniška zadruga v Ljubljani*. «Zgodovinski časopis», 1958—1959, стр. 264.

¹⁵ I. Mohorič. *Zgodovina obrti in industrije v Trzinu*. Ljubljana, 1957, стр. 126.

¹⁶ I. Slokar. *Zadružni nagibi...*, стр. 261—266.

панимать подмастерьев. Все же его предприятие процветало, он продавал свои изделия по значительно более низким ценам, чем остальные столяры, построил для себя специальный магазин. Тогда 15 люблянских столяров в 1826 г. открыли общий магазин, в котором продавались их изделия. Это объединение цеховых ремесленников получило название «Объединенные местные городские мастера-столяры». Несмотря на поддержку городских властей, «Объединенные столяры» не смогли долго продержаться. С 1835 по 1843 г. они дают в газете ряд объявлений о продаже мебели по значительно сниженным ценам. Очевидно, после 1843 г. объединение столяров перестало существовать. И. Слокар, написавший об «Объединенных столярах» статью, считает эту организацию первой словенской кооперацией. Однако на основании приведенных им материалов можно сделать вывод, что это была скорее попытка цеховой организации приспособиться к новым условиям существования: росту конкуренции при отсутствии у цехов монопольного права на производство товаров.

Есть сведения и о существовании в Любляне цеха факшнов — грузчиков, весовщиков и других рабочих на таможне. В 1845 г. они избрали своим цехмейстером Якоба Новака¹⁷.

Из приведенных примеров видно, что цеховые организации, сохранявшиеся после ухода французов на полулегальном положении, существенно отличались от цехов XVIII в. Они не владели монопольным правом производства, часто не ограничивали количества подмастерьев в отдельных мастерских. В некоторых случаях для борьбы с конкуренцией цеховые мастера создавали более тесные организации. В тех словенских землях, которые не входили в состав Иллирийских провинций (словенская Штирия и Целовецкий округ Каринтии), на протяжении первой половины XIX в. цехи продолжали официально существовать. В 1830 г. в Целье имелось 11 цехов¹⁸. В Мариборе в первой половине XIX в. существовало 16 цехов, из них три объединяли только городских ремесленников (кузнецов, гончаров, мельников), а остальные — ремесленников всего Подравья¹⁹.

Законом 1859 г., объявивший свободу занятий ремеслами и торговлей, знаменовал гибель цехов. Вместо различного рода привилегий теперь вступал в силу закон свободной капиталистической конкуренции. Мануфактурная промышленность являлась опасным соперником цехов, более сильным и жизнеспособным, чем они. Она сумела значительно оттеснить цехи. Но полное поражение им панесла фабричная промышленность. Однако и в начале 70-х годов продолжали кое-где существовать организации ремесленников цехового типа. Так, в Боровлье была организация оружейников, которая распределяла работу между своими членами²⁰. В Любляне имелось общество пекарей, занимавшееся снабжением их мукой. Оно объединяло 16 человек (т. е. даже не всех люблянских пекарей) и представляло собой осколок старого цеха²¹.

Гибель цехов была непоправимым ударом для мелких городских производителей. Но и позднее сохранялось довольно большое количество самостоятельных мелких ремесленников: в Крапе еще в 1875 г. их насчитывался 81 человек²². Характерно, что большинство их было связано с непосредственным обслуживанием населения.

По имеющимся данным невозможно судить, какое количество из этих самостоятельных мелких производителей жило своим трудом, а какое

¹⁷ РОГПБ им. Салтыкова-Щедрина, архив Генриха и Этбина Рост.

¹⁸ A. Gub. o. Geschichte der Stadt Cilli. Graz, 1909, стр. 352.

¹⁹ E. Križičnik. Gospodarski razvoj Maribora. Maribor, 1956, стр. 14.

²⁰ J. Majciger, M. Pleteršnik, B. Raič. Slovanstvo. Ljubljana, 1873, стр. 167.

²¹ A. Kristan. O delavskem in socialističnem gibanju na Slovenskem do ustanovitve jugoslovanske socialno-demokratske stranke (1848—1896). Ljubljana, 1927, стр. 32.

²² J. Zontar. Указ. соч., стр. 329.

фактически превратилось в мелких предпринимателей, эксплуатировавших труд своих работников.

Вообще же во всей Крайне к 70-м годам XIX в. по подсчетам Р. Кйевского сохранилось 17 394 ремесленных мастерских с 7050 рабочими: на пять мастерских — два рабочих²³.

В более выгодном положении по сравнению с городским находилось сельское ремесло. Оно не было стеснено рамками цеховых привилегий, развивалось свободно и находилось на довольно высоком уровне. Это объясняется тем, что словенская деревня издавна жестоко страдала от малоземелья, обусловленного гористым характером местности. Кроме того, вплоть до 1868 г. в Словении действовал закон, не позволявший делить крестьянский надел. Вся земля и хозяйство крестьянина переходили по наследству к старшему сыну. Остальные наследники получали свою долю в деньгах, иногда — клочок земли для постройки дома. Закон о неделимости крестьянского надела способствовал росту безземельного сельского населения²⁴. Крохотные наделы не могли прокормить крестьян, и они вынуждены были заниматься подсобными промыслами: ремеслом, торговлей, извозом. В первой половине XIX в. треть всех жителей Крайны занималась ремеслом²⁵, в то время как в городах жило всего 4% ее населения²⁶.

Расцвет сельского ремесла приходится на конец XVIII — первую половину XIX в., когда создались благоприятные условия для его развития. В это время были в значительной степени ликвидированы привилегии цехов и допущена в известных границах свобода ремесла и торговли. В то же время фабричная индустрия еще находилась в зародыше и не могла препятствовать развитию ремесел.

Наиболее старинной отраслью деревенской промышленности являлось прядение и ткачество льняного полотна, производство которого было производственно в 1773 г. свободным ремеслом. Производство полотна особенно было распространено в гористой Верхней Крайне, где зимою занималось этим все сельское население. Ткали преимущественно мужчины. Особенно славилось чесаное суровое и беленое полотно округа Шкофьи Локи. В середине XIX в. здесь по меньшей мере 8 тыс. человек ткали полотно на дому²⁷. Особые сорта льняного полотна изготавливали в Каринтии — у Плиберка, Бекштейна, в Верхней Рожной долине.

Помимо изготовления полотна, в части Верхней Крайны ткали грубые сукна, вязали чулки.

Крестьяне Рибницкого и Кочевского округов изготавливали деревянные изделия — обода для сит и решет, деревянную кухонную утварь, а также глиняную посуду²⁸. По подсчетам М. Смоле, в начале XIX в. в Рибницком округе занималось гончарным ремеслом 250 семей, деревообрабатывающим — 100 семей. Около 300 семей изготавливали деревянные обода для волосяных сит, которые делали в Краньском округе²⁹.

Гончарные изделия, кроме того, производились в Любно, Шмартно, Коменде, Словенской Быстрице, Птуе, у Марибора. Но самым замечательным в этом отношении был Камницкий округ. В 1870 г. в Крайне име-

²³ R. K y o v s k ý. Zakon o koaliciji, prvi razredni spopadi in ustanovitev strokovnih društev ljubljanskega delavstva (1868—1874). «Socialistična misel», 1955, No 8—9, стр. 363, 364.

²⁴ P. B l a z n i k. Enote kmetijskih gospodarstev na Slovenskem. «Kronika», 1961, No 3, стр. 133.

²⁵ J. M a l. Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1928, стр. 113.

²⁶ B. G r a f e n a u e r. Zgodovina slovenskega naroda, zv. V. Ljubljana, 1961, стр. 154.

²⁷ I. M o h o r i č. Skofjeloško platnarstvo in njegov zaton. «Loški razgledi», II, 1955, стр. 71—72.

²⁸ J. M a l. Указ. соч., стр. 539.

²⁹ M. S m o l e. Gospodarski položaj ribniških podložnikov v začetku XIX st. «Kronika», 1956, No 3, стр. 170—172.

лось всего 37 кирпичных и 98 гончарных мастерских — 48 из них находились в районе г. Камника. Деревянные изделия, помимо Рибницы и Кочевья, хорошо мастерили жители Полянской, Селской и Бохиньской долин³⁰.

В Идрии жены рудокопов плели кружева, довольно высоко ценившиеся в Австрии, Италии, Хорватии. Кружева плели и в районе Боровель, однако в XIX в. этот промысел здесь почти исчез. Кожевенное дело было распространено в районах Шкофьи Локи, Есениц, Тржича.

В Краньском округе жители изготавливали различные изделия из конского волоса (главным образом сита). Необходимый для этого материал ввозили из Баварии, Чехии, Силезии³¹. В 1844 г. в Краньском округе делали сита из конского волоса 176 семей³².

Новым ремеслом, получившим значительное развитие, было плетение соломенных шляп. Оно было распространено в Камницком округе. Впервые это ремесло появилось в Ихане уже во второй половине XVIII в., занесенное туда, по-видимому, из Италии. Камницкие шляпы продавались по всему австрийскому государству и приносили жителям Камницкого округа значительный доход — в 1823 г., например, он равнялся 80 тыс. гульденов³³.

Кроме Камницкого округа, соломенные шляпы изготавливали в районе Ходич (Целовецкий округ).

Свободное от цеховых пут деревенское ремесло явилось важной базой для развития капиталистического производства, главным образом расселянной мануфактуры. В частности, такой базой стали ремесла по изготовлению изделий из конского волоса в округе Краия. Уже в 1769 г. житель Шкофьи Локи Йосип Демшар получил концессию на строительство мануфактуры по производству галстуков из конского волоса. За первый год работы на ней было сделано 170 тыс. галстуков. А сита он вывозил даже в Англию³⁴. В начале XIX в. все ремесла по изготовлению изделий из конского волоса в округе Краия принадлежали Наталису Пальяруцци и Антону Локару. Оба они имели мастерские, в которых происходила первичная обработка конского волоса. После этого конский волос шел к надомникам, которые и мастерили из него различные изделия. На Наталиса Пальяруцци работало более 100 семей³⁵. К 1840 г. Пальяруцци продал свое предприятие Локарам. На них стало работать более 300 надомников³⁶. В округе Камника, где процветало плетение соломенных шляп, это ремесло фактически находилось в руках торговцев-скупщиков. В 40-е годы XIX в. наиболее известными из них были тирольцы Мелитцеры и словенцы Клемен Блазник и Андрей Еленц. В отличие от Пальяруцци и Локаров эти торговцы не занимались непосредственно организацией производства, а ограничивались только скупкой готовых изделий³⁷.

Господство скупщиков было характерно и для такой широко распространенной отрасли сельской промышленности, как производство полотна и грубого сукна. В Верхней Крайне крупными скупщиками были краньские купцы Ерней Павлич и Валентин Плейвейс.

В первой половине XIX в. В. Плейвейс создал суконно-ткацкую мануфактуру, на которой было занято вместе с прядильщиками-надомниками около 100 человек. Такое же приблизительно предприятие было и у Фи-

³⁰ J. Majciger, M. Pleteršnik, B. Raič. Указ. соч., стр. 166.

³¹ J. Zontar. Указ. соч., стр. 252.

³² V. Schmidt. Doneski k problemu otroškega dela v začetku kapitalističnega razvoja na Slovenskem. «Zgodovinski časopis», 1956—1957, стр. 146.

³³ V. Valenčič. O slamnikarski domači obrti. «Kamniški zbornik», 1959, № 5, стр. 172, 173.

³⁴ J. Zontar. Указ. соч., стр. 253.

³⁵ Там же, стр. 282.

³⁶ Там же, стр. 304.

³⁷ V. Valenčič. O slamnikarski domači obrti..., стр. 174.

делиса Терпинца. В его ткацкой мастерской непосредственно работало десять рабочих, но пряжу для нее поставляло 80 семей сельских надомников³⁸.

Гораздо крупнее была Люблянская суконная мануфактура, основанная еще в первой половине XVIII в. В 1762—1763 гг. на ней работал 531 человек, большинство из которых являлись прядильщиками-надомниками. В 1802 г. мануфактура прекратила свое существование³⁹. К этому времени ее обслуживало около 1000 рабочих, из них не менее 80% были надомниками-прядильщиками. Приблизительно в тот же период действовала суконная мануфактура Тисса в Целовце. А с 1785 г. в Целовце стала работать суконная мануфактура братьев Моро, перенесенная три года спустя в Ветринь. Как и на упомянутых выше мануфактурах, на ней непосредственно работали только ткачи, пряжу же доставляли деревенские прядильщики из района Рожа, находившиеся в финансовой зависимости от братьев Моро⁴⁰. В первой половине XIX в. на мануфактуре Моро была введена в строй механическая прядильня, приводимая в движение силой воды. Она дала возможность братьям Моро отказаться от использования труда прядильщиков-надомников. В 30-е годы XIX в. на предприятии Моро работало около 350 человек.

Поскольку многие полотняные и шерстоткацкие мануфактуры зависели от сельских прядильщиков, то первоначально для обеспечения предприятий рабочей силой вся территория, на которой было распространено прядение, разделялась властями на округа. Каждый такой округ прикреплялся к определенной мануфактуре, и его жители могли работать только на нее. В Крайне такой раздел на округа был произведен в 1769 г. Этот полукрепостнический способ обеспечения рабочей силой предприятий был ликвидирован только при Иосифе II.

Уже с конца XVIII в. (т. е. со времени отмены личной зависимости крестьян при Иосифе II) на предприятиях почти повсеместно использовался свободный наемный труд. Правда, вплоть до 50-х годов многие рабочие, особенно текстильщики, еще были связаны с сельским хозяйством или самостоятельными промыслами, т. е. еще не превратились в пролетариат, лишенный всех средств производства. Только промышленный переворот привел к образованию в Словении такого пролетариата.

В первой половине XIX в. появляются и первые хлопчатобумажные предприятия. В 1828 г. была установлена первая механическая прядильня хлопчатобумажной нити в Айдовщине. Машины на ней приводились в движение силой воды. В 1841 г. на ней работало 317 рабочих. Такая же прядильня возникла в Преболде в 1839 г.⁴¹

В сельской местности имелись и новые отрасли промышленности, стекольная и бумажная, получившие распространение в словенских землях только в XVIII в. С самого начала они развивались вне цеховых рамок. В XVIII — первой половине XIX в. в Словении появилось несколько бумагоделательных предприятий. Некоторые из них прекратили свое существование уже в XVIII в., так и не выйдя за рамки обычной мастерской, другие — превратились в настоящие мануфактуры. Мануфактурой стало, например, бумагоделательное предприятие в Жужемберке. Оно сначала процветало в качестве обычной мастерской, но со второй половины XIX в. пришло в упадок. Только после перехода в 1792 г. в руки Клайнмайров, владельцев типографии и книжного магазина в Любляне, мастерская в Жужемберке была переоборудована в мануфактуру и в этом виде просуществовала до 1870 г.⁴²

³⁸ J. Zontar. Указ. соч., стр. 304, 305.

³⁹ J. Sorn. Ljubljanska suknarna «Zgodovinski časopis», IX, 1955, стр. 77—84.

⁴⁰ B. Grafenauer. Указ. соч., стр. 40, 41.

⁴¹ Там же, стр. 153.

⁴² J. Sorn. Razvoj papirnice Vevče. Ljubljana, стр. 12—14.

Бумагоделательное предприятие у Радеч, обеспечивавшее бумагой словенскую Штирию, тоже сначала было мастерской. В начале XIX в. ее купил владелец типографии в Граце. Мастерская была превращена в мануфактуру. Но наиболее значительным из всех бумагоделательных предприятий в XVIII в. являлось предприятие в Айдовщине (1767—1820). По-видимому, с самого начала оно стало мануфактурой, ибо в 1775 г. на нем изготовлялось 39 сортов бумаги, не считая оберточной⁴³. В 1795 г. в Подгоре у Горицы стала действовать бумажная мануфактура графа Ф. Турна. Она развивалась успешно и к 1841 г. имела уже 67 рабочих⁴⁴. Бумажные мануфактуры у Горичан и Лобницы имели в 50-е годы XIX в. 15—17 рабочих⁴⁵.

В XVIII в. в словенских землях появилось значительное количество стекольных мастерских. Одна из них была построена в 1774 г. торговцем из Триеста в Яворницком лесу (Внутренняя Крайна). В 1777 г. ее владельцем стал крестьянин из Церкницы Карл Обрезе, а в 1785 г. — триестинские торговцы стеклом братья Крейдл. Об этом стекольном предприятии почти нет никаких сведений. Но ясно, что оно было не мастерской мелкого производителя, а скорее всего простой капиталистической кооперацией или же капиталистической мануфактурой, поскольку его хозяева, за исключением Карла Обрезе, будучи купцами из Триеста, лично сами не могли работать на нем. Такого же типа было стекольное предприятие дворянина Сигизмунда Пальяруцци в Церкнице. В 1828 г. на нем было занято восемь постоянных рабочих⁴⁶.

Стекольные предприятия имелись в Кочевье, а также в Штирии, в Цельском и Мариборском округах. Наиболее значительными из всех стекольных предприятий словенской Штирии в 40-х годах XIX в. были мануфактуры в Худи Коте и в Лобнице. Каждое из них насчитывало по 200 человек⁴⁷. В Каринтии находилась большая мастерская зеркал.

В отличие от рассеянных мануфактур, базировавшихся на сельских промыслах, хлопчатобумажные, бумагоделательные и стекольные мануфактуры (т. е. новые отрасли промышленности) были концентрированными мануфактурами.

По статистике 1848 г. в Крайне имелось 88 промышленных предприятий и мануфактур, в словенской части Штирии — 75, в Триесте — 65, в Горице — 26⁴⁸. Большинство из этих предприятий являлись мануфактурами.

Наиболее значительными отраслями промышленности в Словении во второй половине XVIII—XIX в. продолжали оставаться горная, металлургическая и металлообрабатывающая. С раннего средневековья они развивались вне тесных цеховых рамок. Вместе с тем в отличие от сельского ремесла, часто испытывавшего недоброжелательное отношение со стороны властей, горная промышленность всегда находилась под покровительством правительства. Именно вследствие этих благоприятных условий горное дело являлось отраслью, где возникали и развивались новые формы производства. Так было в XVI в., когда первые ростки раннего капитализма появились именно в нем, так было и во второй половине XVIII в.

Самым крупным и старым предприятием горной промышленности в словенских землях являлся ртутный рудник в Идрии, эксплуатация которого началась еще в XVI в. Он принадлежал государству и был одним из

⁴³ J. Sorn. Razvoj papirnice Vevče..., стр. 15.

⁴⁴ J. Sorn. Starejši mlini na Slovenskem. «Zgodovinski časopis», 1954, стр. 96.

⁴⁵ J. Sorn. Se o mlinih za papir na Slovenskem. «Zgodovinski časopis», 1958—1959, стр. 271.

⁴⁶ V. Valenčič. Steklarni na Notranjskom Javorniku. «Kronika», 1955, № 3, стр. 87, 88, 91.

⁴⁷ F. Gestrin, V. Melik. Povijest slovenaca. 1813—1914. Zagreb, 1952, стр. 26.

⁴⁸ B. Grafenauer. Указ. соч., стр. 154.

наиболее значительных ртутных рудников в Европе. Во второй половине XVIII в. Идрийский рудник был хорошо организованной капиталистической мануфактурой. Добытая в шахтах руда шла на дробильню, а оттуда на сортировку (здесь ее пропускали через шесть-семь сит, помещенных одно под другим), и наконец — на плавку. В 1764 г. на всех этих операциях было занято 590 человек⁴⁹. Своего расцвета рудник достиг в последние два десятилетия XVIII в. В это время здесь обнаружили новые богатейшие залежи ртути. Подъему производства способствовало и временное прекращение деятельности давнего конкурента Идри — Альмаденского рудника. Вследствие этого испанское правительство в 1785 и 1792 гг. вынуждено было заключить пятилетние договоры с Идрией на поставку ртути. Чтобы обеспечить рудник достаточной рабочей силой, его дирекция наняла дополнительно большое количество рабочих из рудников Тироля, Венгрии, Каринтии; правительство в 1788 г. со своей стороны отменило рекрутский набор по всему Идрийскому округу. Число рабочих достигло 900 человек. Но уже в начале XIX в. намечается значительный спад производства ртути, вызванный рядом причин: окончанием торгового соглашения с Испанией, французскими оккупациями рудника, большим пожаром 1803 г. и т. д. В результате производство ртути уменьшилось на четверть, а количество рабочих упало с 900 до 500 человек. В период Иллирийских провинций положение рудника настолько ухудшилось, что в 1811 г. 200 семей идрийских рудокопов вынуждены были покинуть родные места⁵⁰.

В 20-х годах XIX в. австрийское правительство пыталось углубить шахты рудника. Но их затапливала вода, процент содержания ртути в руде неуклонно падал: в 1814—1817 гг. он составлял 8—12%, а в 1844 г. — только 2%. И если в 1816 г. 23 459 т добытой руды дали 2881 т ртути, то в 1847 г., несмотря на то, что руды было добыто более чем в три раза больше (75 631 т), ртути из нее получили только 1548 т⁵¹. Прежние методы эксплуатации Идрии явно изживали себя.

Помимо добычи ртути в словенских землях имела довольно большое значение добыча и обработка железной руды. Но если добыча ртути издавна концентрировалась в руках государства и была сосредоточена в основном на одном предприятии, то добыча и обработка железной руды происходила раздробленно, на сотнях мелких рудников и плавильен, владельцами которых являлись люди всех социальных категорий от простого крестьянина до знатного вельможи. Наиболее значительные залежи железной руды имелись на южных склонах Караванков (Верхняя Крайна). Крупнейшими и старейшими центрами добычи железной руды в Верхней Крайне были Железники, Кропа, Камна Горица, Бохиње, Яворник, Есенице. Встречалось железо также в Южной Каринтии и Южной Штирии.

Во второй половине XVIII в. все острее давала себя знать конкуренция более дешевого шведского железа, вытеснявшего словенское с его традиционных рынков сбыта (в частности, из Италии). Кроме того, в 1781 г. правительством были отменены все привилегии в торговле железом. Немного позднее было ликвидировано право плавильщиков жечь уголь в чужих лесах — теперь плавильщики могли жечь на уголь только те леса, которые являлись их собственностью. Все эти факторы способствовали, с одной стороны, закрытию ряда мелких плавильен, а с другой — некоторому техническому переоборудованию плавильен. Во второй половине XVIII в. в словенских землях начинают строиться доменные печи. К началу 40-х годов XIX в. здесь имелось уже довольно большое коли-

⁴⁹ I. Mohorič. Rudnik živega srebra v Idriji (1490—1960). Idrija, 1960, стр. 145—146.

⁵⁰ Там же, стр. 160, 167, 181.

⁵¹ Там же, стр. 195.

чество домен: 16 — в Крайне, 4 — в словенской Штирии и 4 — в словенской Каринтии⁵².

Все эти домы являлись крупными мануфактурами. Их оборудование и эксплуатация требовали значительных средств. Зато домы давали более дешевую продукцию, чем другие плавильни. Это приводило к постепенной концентрации металлургической промышленности. Так, в Крайне уже во второй половине XVIII в. крупнейшими владельцами металлургических предприятий были Цойсы. Они господствовали в Бохинье, Яворнике, Мисленье. Есенице находились в руках Руардов. В 20—30-х годах XIX в. Штейнауером была предпринята попытка объединить в своих руках всю железную металлургию в Южной Штирии: в 1824 г. он купил плавильню в Оплотнице, в 1826 г. — в Фужине, в 1831 г. — в Виптанье⁵³. В Межицкой долине (Южная Каринтия) металлургические предприятия с конца XVIII в. находились в руках графов Турнов⁵⁴.

Нужно, однако, отметить, что в конце XVIII — первой половине XIX в. сохранялись еще многие мелкие предприниматели-плавильщики, особенно в Кропе, Камной Горице, Железниках. В районе Тржича тоже имелось несколько небольших плавильен, принадлежавших Яборнику и Киллерам. На плавильнях Киллеров были заняты всего один мастер, шесть рабочих и один ученик⁵⁵. В 1855 г. в этих местах было девять владельцев плавильен, на которых работало 63 рабочих. Из них 22 были заняты на плавильне наследников барона Дитриха. Следовательно, на каждого из остальных восьми предпринимателей приходилось приблизительно по пять рабочих⁵⁶.

Металлургическая промышленность Словении после Венского конгресса переживала некоторый подъем, обусловленный как удешевлением производства металла, так и расширением рынков сбыта в связи с включением в австрийскую монархию Северной Италии. Подъем продолжался вплоть до конца 50-х годов XIX в. Он сделал возможным появление в Словении такого крупного металлургического предприятия, как предприятие в Превальях. Превальский металлургический завод, принадлежавший Росторнам, стал одним из самых значительных в Австрии. Именно на нем впервые в австрийской монархии применили при плавке бурый уголь, стали изготавливать рельсы для железных дорог, обода и оси для колес вагонов. Продукция его пользовалась хорошей славой на европейском рынке. В середине XIX в. на нем работало более 600 рабочих⁵⁷.

В словенской Штирии крупнейшим металлургическим предприятием был завод в Шторах, начавший действовать в 50-е годы XIX в.

Развитая черная металлургия стала основой развития железнотопливной промышленности в словенских землях. Основными очагами ее, как и металлургии, были Каринтия и Верхняя Крайна. Помимо обычных кузнецов в Словении в XVIII в. имелись специалисты по определенному виду обработки металлов. Так, Кропа, Камна Горица, Бела у Крайна, отчасти Железники (Крайна), Межицкая долина (Каринтия) славилась производством гвоздей; Тржич (Крайна), многие городки Южной Каринтии — производством сельскохозяйственных орудий (кос, серпов, топоров и т. п.), Боровлье (Каринтия) — оружейным делом.

Железотопливная промышленность почти целиком на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. находилась в руках мелких производителей, сохранявших вначале цеховую организацию. Так,

⁵² B. Grafenauer. Указ. соч., стр. 148, 149.

⁵³ J. Šorn. Vzpon in zaton spodnještajerskega fužinarstva. «Kronika», № 3, 1962, стр. 148.

⁵⁴ I. Mohorič. Industrializacija Mežiške doline. Maribor, 1954, стр. 13—20.

⁵⁵ I. Mohorič. Zgodovina, obrti in industrije v Tržiču, стр. 119—120.

⁵⁶ Там же, стр. 132.

⁵⁷ I. Mohorič. Industrializacija Mežiške doline, стр. 71—79, 81, 82, 85.

в. Тржиче в конце XVIII в. имелся цех кузнецов и изготовителей кос. В 1797 г. в нем было 42 кузнеца, в том числе 18 специалистов по косам⁵⁸. В отличие от других цехов Крайны, кузнецам Тржича были восстановлены после ухода французов их прежние привилегии и даже учреждены новые. Так, например, в 1819 г. по просьбе кузнечных мастеров Тржича была отменена обязательная воинская повинность для кузнечных подмастерьев. К 1844 г. в Тржиче произошла уже значительная концентрация производства сельскохозяйственных орудий. Вместо 18 мастерских в конце XVIII в. теперь имелось всего восемь мастерских. По существу это были уже небольшие предприятия, так как на них работало в большинстве по четыре-пять, а у Игнаца Земере даже девять человек. За год эти мастерские произвели 82 650 кос, 12 600 серпов, 1910 соломорезок.

В Каринтии центром производства сельскохозяйственных орудий являлась Цокава (Химмельберг). Сюда приходили для усовершенствования своего мастерства многие кузнечные подмастерья из Тржича. В Каринтии концентрация производства сельскохозяйственных орудий была большей, чем в Тржиче. В 1851 г. здесь имелось семь предприятий по изготовлению кос (их производилось в год до 251 424)⁵⁹. Судя по тому, что на них работал всего 101 рабочий (т. е. в среднем по 14 человек на предприятии), это были скорее всего или капиталистические кооперации, или мануфактуры.

Австрийское правительство было заинтересовано в производстве кос и других сельскохозяйственных орудий, считавшихся лучшими в Европе. Поэтому оно не только давало привилегии кузнецам-косовщикам, но и дважды (в 1807 и в 1815 гг.) официально запрещало им эмигрировать из Австрии⁶⁰.

Кузнецы-гвоздильщики в Камной Горице уже к концу XVIII в. потеряли самостоятельность и сдавали свою продукцию торговцам Камной Горицы и Кропы. Еще в большей зависимости были гвоздильщики Кропы. Здесь образовался особый слой — «поштеровцы». В отличие от купцов-скупщиков Камной Горицы, «поштеровцы» выходили из среды кузнецов, и некоторые из них продолжали заниматься кузнечным делом. «Поштеровцы» снабжали зависимых кузнецов не только железом, но и углем, и даже продуктами. За это кузнецы продавали им гвозди по определенной цене. Число «поштеровцев» в Кропе колебалось от 10 до 15. Каждый из них обслуживал по два — пять кузнецов-гвоздильщиков⁶¹.

Старинным центром по выделке оружия являлось Боровлье. В конце XVIII в. здесь трудилось около 500 самостоятельных мастеров-оружейников, которые в год могли делать до 50 тыс. ружей⁶². В первой половине XIX в. здесь тоже продолжало преобладать ремесленное производство, но наряду с этим появилось и чисто капиталистическое предприятие по изготовлению книжалов.

В словенских землях имелись некоторые запасы свинца. Они располагались главным образом в словенской Каринтии — в Зильских Альпах и Караванках. Здесь свинцовые рудники находились в Блейберге, Словенском Плиберке, Железной Капле и Межице. Меньшие по размерам рудники были в Кнаповжах у Соры и недалеко от Литии. Небольшие рудники были в Нижней Штирии, главным образом в Цельском округе. Имелся свинец и недалеко от Любляны.

В конце XVIII — первой половине XIX в. крупными собственниками свинцовых рудников в Межицкой долине были Турны и Жерьявы. Только

⁵⁸ I. Mohorič. Zgodovina, obrti in industrije v Tržiču, стр. 95.

⁵⁹ Там же, стр. 131, 169.

⁶⁰ J. Mal. Указ. соч., стр. 546.

⁶¹ J. Gašperšič. O nekdanjem žebjarstvu na bivšem Kranjskem. «Kronika», № 1, 1960, стр. 16.

⁶² J. Mal. Указ. соч., стр. 114.

на одном руднике Жерьявов в 1809 г. работало 40 рудокопов⁶³. У графа Турна в 1827 г. было 27 рудников.

Наконец, с конца XVIII в. в Словении начали добывать бурый и каменный уголь. Толчком к разработке залежей угля явилось истребление к середине XVIII в. значительных лесных массивов для промышленных целей. Поэтому в 1789 г. правительство издало указ, по которому рекомендовало промышленникам пользоваться каменным углем вместо древесного. Владельцам стекольных предприятий даже была обещана награда в 100 цехинов за успешную замену древесного угля каменным. Этот указ стимулировал переход ряда стекольных предприятий и плавильен на каменный и бурый уголь. По постановлению правительства разрешение на добычу угля мог получить каждый, обнаруживал ли он уголь на своей или чужой земле. В последнем случае владелец шахт просто платил ренту собственнику земли⁶⁴.

Наиболее крупные запасы угля в словенских землях находятся в Засавье — в районе Трбовель, Храстника, Загорья. Первым начал их разработку венский предприниматель Франц Маурер. Разрешение на открытие шахт Маурер получил в 1804 г. Однако дела шли неважно, уголь употребляли только для жжения извести и обжига кирпича, большого сбыта он не имел. Вскоре часть шахт и штолен была заброшена. За 1818 г. всего было добыто 400 центов угля. При сыновьях Маурера недалеко от шахт были поставлены печи для жжения извести и производства дегтя, построена стекольная мастерская. Стекольное предприятие Мауреров являлось мануфактурой и в 1860 г. имело 35 рабочих. Фактически оно давало средства на содержание угольных шахт, которые по-прежнему были небольшими (в 1846 г. на них работало 16 рудокопов и один чиновник⁶⁵). В 1847 г. в районе Трбовель появились и первые государственные угольные шахты.

В Храстнике уголь добывали с начала 20-х годов XIX в. Уже в 1828 г. все шахты были сосредоточены в руках люблянского торговца Лузнера⁶⁶. Он и его наследники владели ими до 1845 г.

В это же время началась добыча угля в Загорье и Лешах. Однако уголь пока добывался в сравнительно небольших количествах, так как спрос на него был невелик. Он резко увеличился только с постройкой железных дорог, с ростом числа пароходов, а также с использованием его в металлургической промышленности. Но все эти факторы начали давать себя знать лишь со второй половины XIX в.

* * *

Первые словенские механические прядильни появились уже в 20-е годы XIX в. Но по настоящему промышленный переворот в словенских землях начался с введением паровых машин в конце 30-х годов. Начальный его этап (вплоть до революции 1848 г.) протекал в условиях господства феодальных отношений. Поэтому промышленный переворот шел несколько замедленными темпами. Они значительно ускорились с 50-х годов XIX в., когда страна вступила на путь капиталистического развития.

В 1836 г. была установлена первая паровая машина в Словении — на сахаро-рафинадном заводе в Любляне. В 1838 г. получила паровую машину люблянская хлопчатобумажная прядильня Молине⁶⁷. Одна из

⁶³ I. Mohorič. Industrializacija Mežiške doline..., стр. 133, 138.

⁶⁴ J. Orožen. Zgodovina Trbovelj, Hrastnika in Dola. Trbovlje, стр. 300, 301.

⁶⁵ Там же, стр. 306, 307.

⁶⁶ Там же, стр. 342, 344.

⁶⁷ I. Slokar. Izdelovanje orodja, strojev in orožja, orožarne in skladišča smodnika v Ljubljani. «Kronika», 1960, № 2, стр. 175.

первых паровых машин в Крайне работала на стекольном предприятии Ауерсперга. Мощность ее исчислялась четырьмя лошадиными силами⁶⁸. На хлопчатобумажной прядильне в Айдовщине паровая машина была установлена в 1843 г.⁶⁹

С июня 1843 г. начала работать первая крупная фабрика на словенских землях — бумагоделательная фабрика в Вевчах, принадлежавшая обществу, организованному словенским торговцем Фиделисом Трпинцем. С самого начала на ней работало более 70 рабочих. В 50-х годах фабрика Трпинца имела их уже около 200⁷⁰. Кроме тряпья, в Вевчах для производства бумаги стали использовать и древесину. В 1870 г. на фабрике работало восемь турбин общей мощностью в 230 л. с., пять паровых машин по 100 л. с. каждая, два водяных колеса по 60 л. с. На предприятии было занято 510 человек⁷¹.

В 50-х годах были установлены паровые двигатели и на другом значительном бумагоделательном предприятии Словении — в Подгоре у Горичи⁷². Особенно много в 40—60-х годах XIX в. появляется паровых мельниц (Кочевье, Жужемберг, Люблина, Марибор и т. д.) и паровых лесопилок.

Таким образом, промышленный переворот затронул сначала хлопчатобумажную, стекольную, бумажную, отчасти пищевую и лесобрабатывающую отрасли промышленности.

Горная промышленность Словении вступила на путь фабричного развития несколько позже. Одним из стимулов для перестройки горной и металлургической промышленности явилось усиление иностранной конкуренции.

Самое крупное горнодобывающее предприятие Словении — Идрийский рудник — получил первые паровые машины в конце 30-х годов XIX в. Они были поставлены при черпальных механизмах на некоторых шахтах, которым угрожало затопление водой⁷³. Эти первые паровые машины в Идрии, конечно, не влияли на сам процесс производства, но они способствовали в известной мере росту производительности труда, поскольку уменьшили число рабочих на вспомогательных работах. Они положили начало превращения Идрии в фабрику. С середины 50-х годов до 1867 г. Идрийский рудник переживает депрессию. Но затем производство ртуты на нем неуклонно растет вплоть до 1875 г. Это было связано с техническим переоборудованием рудника: снова углубляются шахты, в 1874 г. на них устанавливаются паровые буровые машины; в 1872—1875 гг. строятся плавильные печи новейших образцов⁷⁴. К середине 70-х годов Идрия становится модернизированным предприятием фабричного типа.

В других отраслях горнодобывающей промышленности дело обстояло хуже. Второй по величине горнодобывающий район Словении — Засавский угольный бассейн — значительно отставал по техническому оснащению от Идрии. К концу 60-х годов в районе Трбовель угольными шахтами владели Мауреры и Воденское общество (Wodestollen Gewerkschaft), объединявшее люблянских купцов и предпринимателей. Последнему с 1867 г. принадлежали здесь бывшие государственные шахты. На шахтах Воденского общества в 1869 г. работало более 220 человек.

В 1872 г. было создано «Трбовельское угольное общество» (Trifailer Kohlenwerkgesellschaft)⁷⁵, которое постепенно объединило все шахты

⁶⁸ V. Valenčič. Še nekaj steklarn na Kranjskem. «Kronika», 1957, № 2, стр. 65.

⁶⁹ B. Grafenauer. Указ. соч., стр. 153.

⁷⁰ J. Sorn. Razvoj papirnice Vevče, стр. 24—26.

⁷¹ Там же, стр. 28.

⁷² J. Sorn. Starejši mlini na Slovenskem, стр. 96.

⁷³ I. Mohorič. Rudnik živega srebra v Idriji. (1490—1960), стр. 194.

⁷⁴ Там же, стр. 223—225.

⁷⁵ J. Orožen. Zgodovina Trbovelj, Hrastnika in Dola, стр. 328.

Воденского общества, Мауреров, в Загорье. В Храстнике шахты принадлежали Триестинскому угольному обществу (Triester Steinkohlergewerkschaft zu Hrastnik und Dol). Хотя добыча угля увеличивалась, но это происходило не в результате технических усовершенствований, а вследствие расширения производства. Уголь копали вручную и только с 1877 г. перешли к взрывным работам⁷⁶. На внутренней железной дороге в Трбовльском угольном бассейне использовали в качестве тяговой силы лошадей вплоть до 1883 г. Таким образом, в рассматриваемый период (вторая половина XVIII — середина 70-х годов XIX в.) на угольных шахтах Засавского бассейна техническое переоборудование даже не начиналось.

Добыча свинцовой руды в Крайне была модернизирована только в 80-е годы, а до этого велась самыми примитивными средствами⁷⁷. В Межицкой долине, где с конца 60-х годов действовало Блейбергское горное общество (Bleiberger Bergwerks-Union), ставшее самым крупным поставщиком свинца в Австро-Венгрии, механизация шахт, вероятно, была осуществлена в 1869—1872 гг. Именно за эти годы производство свинца в Межицкой долине увеличилось почти в 10 раз (с 221 до 2180 т)⁷⁸. Такой скачок за счет простого расширения производства маловероятен.

К 50-м годам относится начало модернизации металлургических предприятий. В 1855 г. в Черне (Межицкая долина) была поставлена первая паровая машина мощностью в 40 л. с. на прокатном стане⁷⁹. В это же время установлены первые паровые машины (паровые молоты) на металлургическом заводе в Превальях⁸⁰. Несколько позднее (к концу 60-х годов) в Превальях была построена доменная печь на коксе. Общая мощность паровых машин составляла 40 л. с. Кроме того, имелись водяная турбина в 60 л. с. и десять водяных колес в 50 л. с. Буквально за следующие 2—3 года механизация здесь резко возросла — уже к 1872 г. появилась бессемеровская установка с паровыми машинами общей мощностью в 7510 л. с.

В 50-е годы XIX в. началось переоборудование и металлургического предприятия в Шторах. Его владелец П. Путцер установил на нем первую паровую машину мощностью в 85 л. с. уже в 1852 г. В 1865 г. из 26 паровых машин общей мощностью в 656 л. с., приходившихся на всю словенскую Штирию, 9 общей мощностью в 290 л. с. было на металлургическом заводе в Шторах⁸¹.

Процесс модернизации металлургических предприятий наблюдался и в Верхней Крайне. В конце 50-х годов XIX в. здесь в тяжелое положение попали не только мелкие плавильни, но и крупные, принадлежавшие таким предпринимателям, как Цойсы, Руарды, Дитрихи. В 1869 г. они объединились в «Крайнское промышленное общество» (КИД)⁸². Главой КИДа стал Карл Лукманн. Обществу за 1870—1874 гг. удалось скупить многие плавильные предприятия Верхней Крайны и провести модернизацию верхнекрайнской металлургической промышленности⁸³.

Итак, уже к середине 70-х годов XIX в., помимо бумажной, хлопчатобумажной, стекольной, отчасти пищевой отраслей промышленности, была переведена с мануфактурных рельс на фабричные и металлургическая промышленность. В горном деле техническая модернизация только начиналась.

⁷⁶ Там же, стр. 386.

⁷⁷ I. Mohorič. Industrializacija Mežiške doline, стр. 164.

⁷⁸ Там же, стр. 164.

⁷⁹ Там же, стр. 18.

⁸⁰ Там же, стр. 82.

⁸¹ J. Sorn. Vzpon in zaton..., стр. 155.

⁸² I. Mohorič. Industrializacija Mežiške doline, стр. 95.

⁸³ J. Zonta. Указ. соч., стр. 330.

Переход от мануфактурного производства к фабричному, постройка железных дорог, вытеснение парусного судоходства паровым — все это привело к существенному изменению отраслевой структуры словенской промышленности. Прежде всего некоторые отрасли ее, связанные с мелкими производителями, с рассеянной мануфактурой, почти исчезли полностью.

Уже в 40-х годах XIX в. серьезные затруднения переживает полотняное дело. Полотно вытеснялось хлопчатобумажными тканями. Та же отрасль, где хлопчатобумажные ткани не могли конкурировать с полотном (изготовление парусов), постепенно ликвидировалась. Кроме того, с постройкой железных дорог и с отменой в 1858 г. защитительных пошлин, усилилась конкуренция более качественного чешского полотна. Не помогли и попытки сельскохозяйственного общества Крайны улучшить положение ткачей путем внедрения чешских прялок и распространения семян лучших сортов льна: в начале 70-х годов их покупали в России. Словенское полотняное дело постепенно исчезало⁸⁴.

Пришли в упадок и некоторые ремесла, обслуживавшие перевозный промысел в словенских землях. Со строительством железных дорог и увеличением количества пароходов прекратился перевоз товаров на барках и лошадях, потеряли своих заказчиков плотники, строившие барки и плоты, веревочники, делавшие для них веревки и канаты, кузнецы-подковщики. Один кузнец из Канальской долины (Каринтия) жаловался корреспонденту «Словенца», что строительство железной дороги Беляк (Филлах) — Целовец (Клагенфурт) погубит его предприятие. Если теперь он расходует в год на конские подковы 12—13 центов железа, то после резкого сокращения перевозок на лошадях ему не потребуется на это и одного цента⁸⁵.

В тяжелом положении находились красильное и кожевенное ремесла. Только немногие сельские ремесла удерживали позиции. Так, строительство фабрик по производству соломенных шляп в округе Камника не только не подорвало этого ремесла в окрестных деревнях, но даже способствовало его расцвету. Все окрестное население занималось приготовлением полуфабрикатов для этих предприятий — плетением соломенных коспчек, поскольку на фабриках имелись машины только для сшивания этих коспчек в шляпы. В 1875 г. в Камницком округе делали шляпы около 12 тыс. человек⁸⁶. Изготовление изделий из конского волоса в округе Крайна тоже продолжало находиться в руках отдельных мелких производителей и мануфактур.

Городские ремесленники, обслуживавшие местный рынок, терпели все возрастающую конкуренцию фабричной промышленности. Корреспондент «Словенца» из Юньской долины жаловался на свертывание мастерских: ремесленники, имевшие ранее по пять подмастерьев, обходились теперь одним⁸⁷. В Любляне, наиболее значительном из словенских городов, ремесленники, помимо фабрик, имели еще одного конкурента — заключенных люблянской тюрьмы, число которых достигало 300—350 человек. Тюремное начальство использовало их на разных работах, особенно в сапожном, портновском, столярном, перешплетном деле. Поскольку с ремесленников-заключенных не взимались налоги, орудия труда и пищу им предоставляли власти, и они не должны были содержать семей, то издержки производства у них были меньше, а изделия дешевле, чем у городских ремесленников. Например, пошив зимнего пальто обходился у люблянского портного в 16—20 гульденов, а у тюремного — в 6—8. Люблянские

⁸⁴ I. Mohorič. Škofjeloško platnarstvo..., стр. 75, 76, 78.

⁸⁵ «Slovenec», Celovec, 1865, № 50, стр. 199.

⁸⁶ V. Valenčič. O slamnikarski domači obrti, стр. 175, 176.

⁸⁷ «Slovenec», Celovec, 1865, № 92, стр. 367.

ремесленники летом 1873 г. обратились с петицией в министерство юстиции, в которой просили, чтобы заключенным не разрешали брать заказы от горожан, а заставляли их обслуживать армию⁸⁸.

Но наиболее тяжелое положение сложилось на мелких металлургических предприятиях. Это наблюдалось по всей Австрии. В 1871 г. из 179 австрийских металлургических предприятий 47 бездействовали⁸⁹. В словенских землях кризис наступил уже в конце 50-х годов. Одной из главных причин его явилась потеря внешних рынков как в связи с ростом конкуренции, так и из-за неблагоприятных политических условий. Так, торговля с Италией ранее давала карантийским металлургическим предпринимателям в год до 40 млн. гульденов дохода. В середине же 60-х годов — только 4—6 млн.⁹⁰ Упала выплавка металла на отдельных предприятиях: в Рокре, например, в 1854 г. производили 4400 центов железа, а через 10 лет — только 1800 центов. Многие металлургические предприятия, и даже такое крупное, как доменная печь во Дворе у Жуземберка, к началу 70-х годов прекратили свое существование⁹¹.

Но если на месте мелких старых металлургических предприятий в словенских землях возникли модернизированные металлургические заводы, то по-иному обстояло дело с металлообрабатывающей промышленностью. В рассматриваемый период она почти не имела крупных предприятий фабричного типа, а мастерские ремесленников и мелкие капиталистические предприятия владели жалкое существование. К началу 70-х годов по всей Австрии было закрыто приблизительно четверть всех мастерских, изготовлявших сельскохозяйственные орудия⁹². Но все же ремесленникам этой отрасли промышленности был нанесен наименее чувствительный удар. Их спасли заграничные рынки (в частности, России), где высоко ценилось качество каринтийских и тржицких кос.

Более трудным было положение оружейников. Правительственные военные заказы выполнялись теперь на крупных предприятиях. Вместе с тем правительство запрещало продавать оружие за границу. Многие предприниматели ремесленники, чтобы получить заказы. В 1865 г. выставка изделий боровельских оружейников была проведена в различных городах монархии и за границей. Заказы, однако, не увеличились. Путешествия с образцами боровельских изделий предприняли за свой счет городской советник Боровель Ф. Поппингер, а весной 1866 г. — А. Флоринянич⁹³. Редко перепадали боровельцам крупные заказы. Настоящее ликование в городе вызвал заказ оружейникам предпринимателя Росторна на переделку 5000 ружей. Этот заказ обеспечил их работой на 10 недель⁹⁴.

Только немногие ремесленные мастерские по обработке металла смогли превратиться в крупные предприятия. В частности, в Любляне уже в первой половине XIX в. существовала литейная мастерская краинского немца Самассы. В 60-е годы она была полностью переоборудована, а в 1867 г. впервые вписана в торговый регистр как машинный завод⁹⁵. Он специализировался на производстве опрыскивателей, противопожарной техники, колоколов. В 1863—1865 гг. Ротшильдами были построены в Мариборе вагоноремонтные мастерские, обслуживавшие Южную железную дорогу (Вена — Триест с ответвлениями)⁹⁶. Литейный завод Самассы и вагоноремонтные мастерские Ротшильдов были первыми

⁸⁸ «Slovenec», Ljubljana, 1873, № 78, 100, 140.

⁸⁹ ЦГВИА, ВУА, ф. 428к, д. 1420, стр. 61.

⁹⁰ «Slovenec», Celovec, 1866, № 16, стр. 62.

⁹¹ F. Gestrin, V. Melik. Указ. соч., стр. 108.

⁹² ЦГВИА, ВУА, ф. 428к, д. 1420, стр. 62.

⁹³ «Slovenec», Celovec, 1866, № 28, стр. 111.

⁹⁴ Там же, № 63, стр. 225.

⁹⁵ I. Slokar. Izdelovanje orodja..., стр. 174.

⁹⁶ E. Križičnik. Указ. соч., стр. 22.

капиталистическими машиностроительными предприятиями на словенских землях, если не считать существовавшую в первой половине XIX в. у Жужемберка мастерскую Ауерспергов по починке машин.

Некоторые старинные отрасли промышленности получили свое дальнейшее развитие. Большую роль играет промышленность по переработке сельскохозяйственных продуктов. Выше уже говорилось о мельницах. В 50—70-е годы это уже настоящие фабричные предприятия с паровыми двигателями. Растет число и винокуренных предприятий — в 1871 г. в Крайне их насчитывалось 2470, Штирии — 6685, Каринтии — 3701, Приморье — 4154. Характерно, что если в Штирии 107, а в Каринтии 45 винокуренных предприятий были фабрично-заводского типа, то все винокурни Крайны и Приморья относились к числу наиболее примитивных крестьянских винокурен. Пивоварен имелось значительно меньше: в Штирии — 76, Каринтии — 107, Крайне — 10, Приморье — 3⁹⁷. Очевидно, давала себя знать конкуренция чешского пива и дешевого отечественного вина. В некоторых районах Словении (Бохиньска Бистрица, Толмин) стало распространяться сыроварение. В Бохиньской Бистрице в 1873 г. был даже организован кооператив, объединявший сыроваров⁹⁸.

Помимо бумажных и стекольных предприятий, появились и другие предприятия химической промышленности: фабрики, изготавлившие суррогат кофе, в Мариборе и Любляне, спичечная мануфактура в Любляне, предприятия по выработке газа в Любляне, Мариборе, Целле и др.⁹⁹

Стала развиваться строительная промышленность. Особенно быстро строились кирпичные заводы. Это связано отчасти с появлением ряда капиталистических компаний, бравших подряды на строительство доходных жилых домов¹⁰⁰.

Таким образом, подводя итоги, мы можем констатировать, что промышленный переворот, с одной стороны, способствовал гибели и упадку ряда отраслей промышленности (полотняной, веревочной, некоторых видов металлообрабатывающей), но, с другой стороны, он способствовал развитию ряда старых отраслей (металлургической, пищевой и т. д.) и возникновению новых (химической, машиностроительной, строительной и др.). Из отраслей деревенского ремесла сохранились, главным образом, те, которые промышленный переворот или совсем не затронул, или затронул только частично.

* * *

Переход от мануфактурной стадии капитализма к фабричной повлек за собой и изменение состава владельцев промышленных предприятий. На первой стадии это были преимущественно лица местного происхождения: представители старинных и новых дворянских фамилий или богатые купцы, в большинстве своем немцы или итальянцы по национальности. Так, владельцами суконных мануфактур были братья Моро, владельцами металлургических предприятий — Руарды, бароны Цойсы, графы Турны, князья Ауерсперги. Турны же владели бумажной мануфактурой у Горичы, свинцовыми рудниками в Межницкой долине, Ауерсперги — домной и мастерской по ремонту машин у Жужемберка, хлопчатобумажной прядильней в Айдовщине, стекольной мануфактурой в районе Кочевья и т. д. Появились и первые предприниматели словенской национальности, как правило, владельцы небольших мануфактур, базировавшихся на сельском ремесле, или мастерских. В конце 60-х годов XVIII в. житель Шкофьи Локн Йосип Демшар был владельцем мануфактуры по производству галстуков и сит из конского волоса; горожанин Крапя Енко также имел

⁹⁷ ЦГВИА, ВУА, ф. 428к, д. 1420, стр. 64.

⁹⁸ J. Mal. Указ. соч., стр. 1060.

⁹⁹ F. Gestin, V. Melik. Указ. соч., стр. 109.

¹⁰⁰ P. Blaznik. Указ. соч., стр. 136—141.

предприятия по переработке конского волоса. Крупнейшими скупщиками изделий из конского волоса в районе Крапя в 40-х годах XIX в. были Локары. Небольшая стекольная мастерская у Церквицы принадлежала в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в. крестьянину Карлу Обрезе. Мелким предпринимателем стал к середине 40-х годов XIX в. мастер-кузнец в Тржице Игнац Земер, у которого работало девять подмастерьев.

Предприниматели — выходцы из других земель довольно быстро осваивались и оседали на словенских землях. В частности, венцы Мауреры, ставшие владельцами шахт в Трбовлях, вскоре поселились неподалеку от своих шахт; некоторые тирольцы — скупщики соломенных шляп в Камницком округе (Меллитцеры, Обервальдеры и др.), построившие несколько фабрик соломенных шляп в Домжалах и Менгеше в 60-х годах XIX в., также обосновались здесь со своими семьями.

В 40-е годы XIX в. появляется словенская промышленная буржуазия в полном смысле этого слова. Наиболее яркими ее представителями были Ф. Терпинц, братья Козлеры, Хочевары, Горуны и другие, разбогатевшие на откупках, торговле и ростовщичестве. Самое крупное предприятие Ф. Терпинца — бумажная фабрика в Вевчах. Его компаньонами по владению ею становятся люблянцы Ф. Галле, В. Зешко, Й. Бишоф. В 60-х годах Ф. Терпинц вместе с В. Зешко открыли в Любляне суконную фабрику¹⁰¹. С 1867 г. частью угольных шахт в Трбовлях владеет общество люблянских купцов и промышленников «Воденское общество», состоявшее как из словенцев (Козлеры, Криспер, Прашникар, Полай), так и из местных немцев (Баумгартнеры, Г. Паммер и др.). В «Краинское строительное общество», организованное в 1873 г., входили также люблянцы — Баумгартнеры, Козлеры, Криспер, Лукманн, Маллич и др. Позднее часть его акций купило Триестинское банковское общество, в котором состояли и словенцы Й. Горуш и Мартин Хочевар. Крупным объединением местных промышленников Крайны явилось «Краинское промышленное общество», владевшее почти всеми металлургическими предприятиями Верхней Крайны. Все эти общества объединяли представителей местной буржуазии, как немецкой, так и словенской национальности.

В 60-е годы XIX в. положение меняется. Усиление немецкой буржуазии, укрепление ее позиций в экономике собственно немецких земель Австрии увеличило ее экспансионистские стремления. Славянские окраины Габсбургской империи она рассматривала как рынки сбыта своей продукции, как выгодную сферу приложения своего капитала. Наступление на словенские земли капитала Вены, Граца, отчасти Триеста, несомненно, облегчило бурное строительство железных дорог в империи, и прежде всего постройку Южной железной дороги Вена — Триест. Переоборудование предприятий на современный лад стоило очень дорого, местных капиталов явно не хватало. Местный кредит был ничтожен. «Краинская сберегательная касса», организованная в 1820 г., по своим кредитным возможностям ни в коей мере не могла соперничать с банками Вены, Граца, Триеста. Попытка словенской буржуазии в начале 70-х годов создать свой банк «Словенско» была неудачной. Все это создало благоприятные условия для проникновения в словенскую промышленность капитала из собственно немецких земель Австрии и захвата в ней ключевых позиций. Этому способствовала и политика австрийского либерального правительства, всячески поддерживавшего экспансионистские стремления немецкой буржуазии.

Одним из наиболее технически оснащенных предприятий в Словении была бумажная фабрика Терпинца и К° в Вевчах. Но и она не смогла конкурировать с большим концерном типографской и бумажной промышленности («Лейкам — Йозефиталь А. Г. фюр Папир унд Друкиндустри

¹⁰¹ J. S o r n. Razvoj papirnice Vevče, стр. 24.

Грац») с центром сначала в Граце, а потом в Вене. 19 сентября 1870 г. общество Терпинца перестало существовать, а его предприятия были проданы концерну «Лейкам — Йозефштал» за 1270 тыс. гульденов¹⁰². За концерном «Лейкам — Йозефштал» стоял основанный в 1864 г. в Граце «Штейермеркише Эскомптбанк», который был его главным финансистом. Этот банк имел свои филиалы в Целовце, Любляне, Беляке, Мариборе, Горице¹⁰³, т. е. во всех важнейших центрах Словении. Такая же судьба постигла и некоторые другие общества местных словенских и немецких предпринимателей. В 1872 г. венским банком «Винербанкфереин» было организовано «Трбовельское угольное общество». Это общество заняло место Воденского общества в Трбовлях — из последнего в него вошли И. Криспер и братья Козлеры. 3 января 1873 г. Воденское общество продало все свое имущество, оцененное в 1250 тыс. гульденов, Трбовельскому обществу. Немного позднее (24 марта 1873 г.) Трбовельское общество приобрело шахты Маурера, а еще позднее — шахты в Загорье¹⁰⁴. Другая часть Засавского угольного бассейна (Храстник и Дол) с 40-х годов XIX в. находилась в руках Триестинского угольного общества, основанного главой австрийского Ллойда бароном Карлом Бруком. В 1874 г. шахты в Храстнике и Доле перешли в руки Венского угольного общества («Колериндустрифереин»)¹⁰⁵. Металлургическое предприятие в Превальях тоже потеряло свою самостоятельность и в 1869 г. должно было присоединиться к концерну каринтийской металлургической промышленности «Гюттенбергер Ейзенверкsgезельшафт», основной капитал которого составлял 12 млн. гульденов¹⁰⁶. Добычу свинца в Каринтии полностью сосредоточило в своих руках Блейбергское горное общество («Блейбергер Бергверке унion»), с чисто немецким капиталом.

Из объединений местных словенских и немецких предпринимателей сумели сохранить и укрепить свои позиции лишь «Кранское промышленное общество» и «Кранское строительное общество».

Уже с конца 50-х годов в словенские земли проникает не только капитал из собственно немецких земель Австрии, но и иностранный капитал, в частности французский. Этому способствовала политика австрийского правительства, оказавшегося в связи с неудачными войнами в тяжелом финансовом положении. Правительство пыталось найти выход из него путем продажи государственной собственности. В 1858 г. им была продана французскому акционерному обществу, в котором главенствовали Ротшильды, Южная железная дорога за 100 млн. гульденов¹⁰⁷. Эта цена составила только половину расходов на ее строительство¹⁰⁸. Для обслуживания Южной железной дороги Ротшильды построили вагоноремонтные мастерские в Мариборе. В 1865 г. правительство решило продать Ротшильдам и Идрию, но общественность словенских земель единодушно выступила против этого проекта и он так и не был осуществлен¹⁰⁹. Позднее, уже в 80-х годах, в зависимость от французского капитала попало и «Трбовельское общество».

* * *

Итак, можно ясно проследить два периода развития капитализма в словенской промышленности за время с середины XVIII в. до середины 70-х

¹⁰² J. S o r n. Razvoj papirnice Vevče..., стр. 31.

¹⁰³ J. S o r n. Jugoslovanska industrija papirja do osvoboditve. «Zgodovinski časopis», 1958—1959, XII—XIII, стр. 155, 156.

¹⁰⁴ J. O g o ž e n. Zgodovina Trbovelj, Hrastnika in Dola, стр. 328—330.

¹⁰⁵ Там же, стр. 344, 345, 350, 351.

¹⁰⁶ I. M o h o r i č. Industrializacija Mežiške doline, стр. 95.

¹⁰⁷ ЦГВИА, ВУА, ф. 428к, д. 82, стр. 72.

¹⁰⁸ J. J e n k o. 90-letni jubilej Gorenjske proge. «Kronika», 1961, № 1, стр. 114.

¹⁰⁹ I. M o h o r i č. Rudnik živega srebra v Idriji (1490—1960), стр. 221—223.

годов XIX в. Первый период (мануфактурный) продолжался до конца 30-х годов XIX в. Он характеризуется возникновением и развитием капиталистической мануфактуры, бурным ростом деревенских ремесел, являвшихся для нее важной базой. Большинство мануфактур, выросших из сельского ремесла (шерстоткацкие, полотняные, по выделке изделий из конского волоса и т. д.), были рассеянными, мануфактуры же в новых отраслях промышленности (стеклянные, бумажные, хлопчатобумажные и т. д.), как правило, централизованными. В этот период продолжают существовать и цехи. Но если вначале они обладают рядом привилегий, то впоследствии роль их в словенской промышленности фактически сведена на нет и сами они существуют на полулегальном положении. Многие предприятия в это время находятся в руках местных капиталистов-немцев или итальянцев.

Второй период капиталистического развития словенской промышленности (период промышленного переворота) начинается с конца 30-х годов XIX в. с введением первых паровых машин на промышленных предприятиях, и заканчивается в основном к середине 70-х годов XIX в. В это время происходит переход от мануфактурного производства к фабричному, окончившейся полной победой последнего в большинстве ведущих отраслей промышленности — в текстильной, металлургической, бумажной, пищевой, отчасти в горнодобывающей и т. д. Эта победа ознаменовалась не только вытеснением мануфактуры, но и гибелью сельских ремесел, упадком городского ремесла, а также изменением структуры словенской промышленности. Во второй период появляются первые крупные предприниматели словенской национальности (Козлеры, Терпинц и др.). Вместе с тем с необходимостью увеличения капиталовложений в предприятия и ростом конкуренции ключевые позиции некоторых наиболее важных отраслей промышленности переходят в руки немецкого капитала из собственно немецких областей габсбургской монархии. В словенскую промышленность начинает проникать и иностранный, в частности французский, капитал, чему в немалой степени способствовала политика австрийского правительства.

И. И. Лещиловская

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ХОРВАТИИ
И СЛАВОНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Вопрос о развитии национальной буржуазии в Хорватии и Славонии является чрезвычайно важным для выяснения особенностей национально-освободительной борьбы здесь в первой половине XIX в. В настоящей статье делается попытка рассмотрения характерных сторон экономического и социального развития национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии, которая была наиболее видным, развитым и активным слоем внутри национальной буржуазии в целом. В состав городской буржуазии в данном случае включается не только буржуазия свободных королевских городов, но и зависимых торгово-промышленных мест. Торговцы и предприниматели частновладельческих торгов, в особенности зажиточные, по типу своей хозяйственной деятельности по существу не отличались от буржуазии свободных городов.

В настоящей работе речь пойдет как о хорватской, так и сербской буржуазии в хорватских гражданских землях. Поэтому понятие «национальная буржуазия» употребляется здесь несколько условно, применительно к буржуазии, вышедшей из славянского населения, и в противовес немецкой, еврейской и прочим буржуазным группам. В первой половине XIX в. хорватская и сербская буржуазия представляла в Хорватии и Славонии целостную группировку. Условия, направление и особенности социально-экономического развития хорватской и сербской буржуазии были близкими, и четкого национального разграничения между той и другой еще не было. В национально-общественной борьбе хорватская и сербская буржуазия, за исключением, пожалуй, Сремской жупании, где положение было намного сложнее, в целом выступала единым фронтом. Поэтому для первой половины XIX в. нет необходимости рассматривать формирование и развитие хорватской и сербской буржуазии отдельно.

Вопрос о развитии национальной буржуазии в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. еще не был предметом специального рассмотрения. В 1951 г. вышла монография югославского экономиста Р. Бичанича «Период мануфактур в Хорватии и Славонии (1750—1860)»¹. Эта работа посвящена развитию промышленности в хорватских гражданских землях и Военной Границе на протяжении периода с середины XVIII до второй половины XIX в. Хотя автор в ней специально не рассматривает вопрос об особенностях социально-экономического развития национальной

¹ R. Bičanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951..

буржуазии в Хорватии и Славонии, тем не менее, он неоднократно его затрагивает. Наибольший интерес в этом плане представляет глава «Возникновение промышленной буржуазии в Хорватии». Здесь содержатся материалы о том, кто выступал собственниками капиталистических промышленных предприятий в хорватских гражданских областях. Эта глава проливает свет на источники формирования национальной промышленной буржуазии в Хорватии и Славонии. Некоторые черты развития преимущественно сербской буржуазии в Сремской жупании показаны в работах С. Гавриловича «Шид и Шидское поместье» и «Срем в революции 1848—1849»². Ряд фактических сведений содержится в статье К. Фирингера «Зачатки мануфактуры и фабричной промышленности в Осиеке»³.

В советской исторической литературе интересующая нас проблема вообще не ставилась.

Хорватия и Славония в первой половине XIX в. представляли собой аграрные области с низким уровнем развития промышленного капитализма. В капиталистической промышленности господствовали наиболее низкие формы производства — простая кооперация и мануфактура. На исходе первой половины XIX в. здесь появились первые фабрики, но они представляли собой небольшие предприятия, и число их было невелико. При этом капитализм развивался главным образом в тех отраслях промышленности, которые были заняты добычей сырья или первоначальной его обработкой. Создание капиталистической промышленности частично осуществлялось за счет австрийского и иностранного капитала. Однобокое хозяйственное развитие Хорватии и Славонии с аграрно-сырьевым уклоном экономики объяснялось господством крепостнических отношений, препятствовавших вообще развитию производительных сил, а также и ограничительной политикой австрийского правительства, стремившегося превратить хорватские гражданские земли, как и Венгрию, в источники продовольствия и сельскохозяйственного сырья для австрийских провинций и рынки для сбыта готовых изделий австрийской капиталистической промышленности.

Сложное влияние на уровень и темпы промышленного развития Хорватии и Славонии оказывал рост капитализма в австрийской части монархии. В целом подрывая феодальную форму хозяйства, австрийский промышленный капитализм вместе с тем мешал всестороннему развитию производительных сил в промышленности Хорватии и Славонии. Австрийское производство, всячески поддерживаемое государственной властью, обладало высокими конкурентными возможностями. Оно располагало исключительно благоприятными условиями для сбыта промышленных товаров на хорватском рынке.

Особенности экономического развития Хорватии и Славонии наложили отпечаток на социальную структуру хорватского общества. Здесь не сложилось сколько-нибудь экономически значительной и влиятельной национальной городской буржуазии.

Городская буржуазия в Хорватии и Славонии была очень малочисленной. В 1787 г. в хорватских гражданских землях (включая и Северинскую жупанию, куда входил весьма развитый в торгово-промышленном отношении город Рнека⁴) на 648 351 жителя приходилось мужчин-горожан, торговцев и ремесленников в селах — всего 3996 человек⁵. Около 1800 г.

² С. Гаврилович. Шид и Шидское владение. «Матица српска. Зборник за друштвене науке», св. 18. Нови Сад, 1957; Он же. Срем у революции 1848—1849. Београд, 1963.

³ K. Firinger. Počeci manufakture i industrije u Osijeku. «Osječki zbornik», br. VI. Osijek, 1953.

⁴ Северинская жупания входила в состав Хорватии до 1786 г.

⁵ И. Караман. Преглед становништва Хрватске, Славоније, Сријема и Бачке у доба Јосипа II (1787). «Матица српска. Зборник за друштвене науке», св. 29. Нови Сад, 1961, стр. 90.

в Хорватии насчитывалось только 28 500 горожан, что составляло 4,5 % населения. Даже самые крупные хорватские города на исходе первой половины XIX в. не насчитывали и полутора десятка тысяч жителей, в то время как население Вены насчитывалось в 400 тыс., а Пешта — 150 тыс. человек⁶.

Вышеприведенные материалы дают приблизительное представление об удельном весе городской буржуазии в Хорватии и Славонии в целом. Учитывая то, что значительная часть ее была инонациональной, фактическая численность хорвато-сербской буржуазии была здесь намного ниже.

В промышленности и торговле Хорватии и Славонии значительное место занимали представители других национальностей, в первую очередь немцы. Целые отрасли ремесел и торговли находились в руках инонациональных элементов. Еще в XVIII в. в Славонии, в том числе в городках Рума, Дарувар, Вуковар и других, осело большое число колонистов-ремесленников и торговцев немецкой национальности⁷. В начале XIX в. в Шиде такие ремесла, как бондарное, каретное, стекольное, шляпное, были целиком в их руках⁸.

Много немцев, греков, армян проживало в Осиеке⁹. Показательно, что почти все собственники пивоварен в Осиеке, Вуковаре, Руме и Каменице были немцы¹⁰. По воспоминаниям И. Ткалаца, видного общественно-политического деятеля второй половины XIX века, в начале столетия в Хорватии считалось традиционным, что портные по пошиву женской одежды, содержатели гостиниц были здесь преимущественно крайнцы, т. е. выходцы из Крайны (в основном немцы). Производством ракии и торговлей просом занимались, главным образом, евреи, торговлю колониальными товарами вели преимущественно крайнцы, а мануфактурными — крайнцы и евреи и т. д.¹¹

Часть торговцев и ремесленников, являвшихся по происхождению хорватами, в условиях усиленной германизации во второй половине XVIII в. была онемечена. Один из деятелей национального движения А. Немчиц-Гостовинский отмечал в 1843 г.: «Если бы какой-нибудь иностранец прибыл в Загреб и увидел надписи на лавках и эмблемы ремесленников, то в первый момент решил бы, что он находится в каком-то немецком городе, а не в столице Хорватии»¹². Немецкий язык и немецкие обычаи были распространены в Вараждине¹³ и других хорватских городах.

Большую роль не только во внешней, но и внутренней торговле Хорватии и Славонии играли торговцы турецкого происхождения и подданства. В конце XVIII — начале XIX в. они имели свои торговые колонии всюду от Земуна до Вены, обосновались в Загребе, Карловаце и других городах¹⁴.

Все это сужало сферу хозяйственной деятельности нарождавшейся хорвато-сербской буржуазии, источники ее накопления и затрудняло как ее численный рост, так и экономическое укрепление.

Концентрация денежных средств проходила в Хорватии и Славонии медленно и не достигла высокой степени. В конце XVIII в. в Вараждинской жупании насчитывалось 128 торговцев, из них лишь 11 крупных

⁶ «Преглед историје jugoslovenskih naroda», д. I. Београд, 1960, стр. 241.

⁷ F. Taube. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und des Herzogthumes Syrmien, B. II. Leipzig, 1777, стр. 20, 21; B. III, 1778, стр. 37, 63; С. Гаврилович. Срем..., стр. 8, 9.

⁸ С. Гаврилович. Шид..., стр. 5.

⁹ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 5.

¹⁰ K. Firingert. Počeci manufakture i industrije u Osijeku, стр. 144, 145; С. Гаврилович. Срем..., стр. 53.

¹¹ И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској, књ. II. Београд, 1929, стр. 23.

¹² A. Nemčić-Gostovinski. Putositnice, knj. I. Zagreb, 1942, стр. 83.

¹³ «Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske», 21.X 1846, стр. 352.

¹⁴ R. Bičanić. Doba..., стр. 240.

купцов-оптовиков¹⁵. По данным 1828 г., в Сремской жупании было 144 торговца скотом, хлебом и вином и 553 торговца лавочными товарами. Из них два торговца имели капитал по 8 тыс. форинтов, семь — по 5 тыс. форинтов, двенадцать — по 3 тыс. форинтов, восемнадцать — по 2 тыс. форинтов, двенадцать по — 1,5 тыс. форинтов, одиннадцать — по 1 тыс. форинтов. Остальные были мелкими торгашами¹⁶.

Лишь немногие горожане имели действительно крупные капиталы. Так, на миллионы форинтов заключал торговые сделки карловацкий торговец Стефан Ткалац. Об имущественной состоятельности его можно судить по тому факту, что его сын вскоре после смерти отца выплатил сестре наличными деньгами половину наследства в размере 218 тыс. форинтов золотом¹⁷. Карловацкий торговец Янко Маркез завещал в начале XIX в. городской общине свое состояние, оценивавшееся в 180 тыс. форинтов¹⁸.

Национальная городская буржуазия в Хорватии и Славонии была в основном торгово-ростовщической. Ряды ее составляли в первую очередь торговцы, занимавшиеся коммерческими и ростовщическими операциями и не связанные с производством, содержатели трактиров, гостиниц и т. д. Торговля, в особенности хлебом, скотом и древесными изделиями, была важнейшим источником накопления капитала в этих землях¹⁹.

Представителем этой части формирующейся национальной буржуазии был упомянутый выше карловацкий торговец Стефан Ткалац. Сын зависимого крестьянина, он юношей нанялся бурлаком на судно, транспортировавшее хлеб из южной Венгрии в Карловац. Через несколько лет Ткалац стал рулевым, а затем и совладельцем хлебного тумбаса, который ходил между Бечеем и Карловацем. Ткалац стал сам торговать хлебом. Используя благоприятную рыночную конъюнктуру в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг., он составил большое состояние в несколько сот тысяч форинтов. На реках Сава и Купа, составлявших часть наиболее важного торгового пути в Хорватии и Славонии, он вскоре имел 12 барок, на Черном и Адриатическом морях — два корабля, а в Бечее, Сисаке, Карловаце и Риэке собственные хлебные склады. Ткалац поддерживал торговые связи с Банатом, Валахией, Южной Россией и Италией²⁰.

Большой известностью пользовались во второй половине XVIII в. карловацкие же купцы Иван Гуттерер, Иван Калан, Матия Перинчич, торговые связи которых простирались далеко по Европе и даже Азии. Они получали товары из соответствующих складских мест²¹.

В конце XVIII в. видным торговцем был карловчанин Валентин Голнар. В 1786 г. он первый, построив в Карловаце два больших судна и нагрузив их банатской пшеницей и продукцией местного производства, отправился по Дунаю через Черное море в Константинополь. Одно его судно по дороге погибло, а другое благополучно добралось до греческого архипелага²². В 1792 г. ему был выдан королевский привилей на основание общества для торговли по Дунаю в Черном море и Средиземноморье. Обществу разрешалось основать хлебные склады в Белграде и Суне. Ему было предоставлено право пользования складами в Банате, Дубовце и на Каролинской дороге²³.

¹⁵ «Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slavonien nebst einigen ungedruckten Denkmälern Ungrischer Geschichte». Halle, 1798, стр. 293.

¹⁶ С. Гаврилович. Срем..., стр. 50.

¹⁷ И. Ткалац. Успомене..., кн. I, стр. 35.

¹⁸ Там же, стр. 129.

¹⁹ «Преглед историје југословенских народа», стр. 241.

²⁰ И. Ткалац. Успомене..., кн. I, стр. 9, 10.

²¹ R. Lopašić. Karlovac. Zagreb, 1879, стр. 59.

²² Al. Fényes. Statistik des Königreichs Ungarn, Th. I. Pesth, 1843, стр. 265; R. Lopašić. Karlovac, стр. 59.

²³ «Privreda Hrvatske XVII—XIX stoljeća». Zagreb, 1957, стр. 25.

Заметным сремским торговцем в конце XVIII в. был Марко Шупляйски из Инджичи. Как утверждала община, он стал богатым благодаря аренде лавки, корчмы и пустоши, где откармливал сотни коней, овец, коз и волов. В период австро-турецкой войны конца XVIII в. Шупляйски снабжал австрийскую армию, давал государству займы и т. д. Эти услуги, оказанные им монархии, позволили ему получить дворянство²⁴.

В первой половине XIX в. в городке Ирит (Славония) выделялись торговцы-дворяне братья Рогуличи. Их хозяйственная деятельность была весьма разнообразной. Рогуличи вели крупную торговлю скотом. В 1821 г. в Бае они продали 100 волов за 13 575 форинтов. Они продавали также скот торговцам в Нови Саде. Рогуличи имели торговую лавку в Ириге, а также палатки на базарах в Митровице, Руме и Ириге, где продавали всевозможные товары, включая книги. Рогуличи были заимодавцами многим торговцам и сотням крестьян из Срема на сумму около 66 500 форинтов. По данным 1840 г., в Добродоле они имели крупный копный завод²⁵.

Городские промышленные предприниматели, в особенности крупные, в свою очередь были тесно связаны с торговым капиталом. Национальные промышленники в Хорватии и Славонии в основном выходили из числа купцов. При этом торговцы, переведшие часть своих капиталов в промышленное производство, обычно продолжали заниматься коммерческими операциями. Показательно, что они сохраняли за собой наименование «торговцы». Так, производителями поташа и дубовой клепки выступали почти исключительно купцы. Среди собственников лесопилок, мельниц с относительно высокой мощностью (так и называвшихся торговыми), речных судоверфей, шелкомотальных предприятий и других большинство также составляли представители торгового капитала²⁶.

Постепенно расширявшийся перевод наиболее крупными торговцами части своих денежных средств в промышленное производство был показателем происходившего процесса превращения купца в капиталиста. Этот процесс знаменовал собой серьезные изменения в социально-экономической природе старого купечества.

Торговля лежала в основе обогащения известного торгово-предпринимательского дома Враницани. В первой половине XIX в. семья Враницани, наряду с торговлей, занималась производством дубовой клепки, организацией промышленных предприятий в Загребе, Риеке и Карловаце²⁷. Наиболее деятельный член этой фамилии Амброс Враницани-младший торговал в Карловаце с 1837 г. Он занимался, главным образом, торговлей хлебом, древесной и производством в больших масштабах дубовой клепки. С 1842 г. Враницани и торговец Котур из Сисака, купив лес у графа Эрдеди и Мославине, изготавливали 700—800 тыс. штук дубовых досок французского образца в год. В течение 1842—1849 гг. они вложили в предприятие капитал в 130—150 тыс. форинтов. Амброс Враницани был основателем первого национального пароходного общества «Слога» на Саве. Он много занимался вопросом о путях сообщения, поскольку от них зависело развитие торговли между Карловацем и Риекой²⁸.

Нередко занимались торговлей и вышедшие из мелких городских производителей буржуа. Случалось, что, связав себя с торговым капиталом, они на время и даже совсем порывали с промышленным производством. Показательна в этом отношении судьба осиекского кожевника Зария Стояновича. В конце XVIII в. он из мелкого производителя превратился

²⁴ С. Гаврилович. Срем..., стр. 51.

²⁵ Там же, стр. 50; Al. Fényes. Statistik..., стр. 189.

²⁶ R. Bičanić. Doba..., стр. 114, 116, 119, 250; K. Firinger. Указ. соч., стр. 147, 159, 163.

²⁷ R. Bičanić. Doba..., стр. 251, 416.

²⁸ Там же, стр. 108, 416.

в собственника капиталистической мастерской, предпринимателя, распоряжавшегося трудом массы домашних рабочих, и скупщика, эксплуатировавшего формально самостоятельных мастеров. Постепенно Зария Стоянович отошел от промышленной деятельности и занялся торговлей и разного рода промыслами. В лавке он продавал выделанные кожи, восковые свечи, козью и овечью шерсть. Зария финансировал лесные работы, арендовал трактир, скупал и продавал муку, изготовлял для жителей Оснека ракию, занимался извозным промыслом. Он имел также небольшое хозяйство²⁹. В конечном итоге торгово-промысловая деятельность взяла в его предпринимательстве верх.

Сложный путь прошел один из крупнейших буржуа, самоборский предприниматель Фрањо Райцер. Сын столяра и сам в прошлом ремесленник, Райцер составил себе состояние на торговле хлебом. Торговые операции он сочетал с широкой промышленной деятельностью и иного рода предпринимательством. Райцер купил за 90 тыс. форинтов медный рудник и медеплавильное предприятие в Самоборе. В больших масштабах он занимался производством поташа, являлся самым крупным производителем его в Австрийской империи. Райцер был собственником двух домов в Самоборе, поставщиком императорского ртутного рудника в Идричи. В течение 30 лет он держал на откупе сбор, взимающийся на мосту в Карловаце и являвшийся главной доходной статьей этого города. Райцер был собственником поместья Мирновец. Он выступал также совместно с великим жупаном арендатором десятка помещичьих имений³⁰.

Характерной чертой формирующейся национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии была крайняя недифференцированность ее предпринимательства. Хозяйственная деятельность отдельных буржуа, в особенности крупных, была весьма разнообразной. Наряду с внешней торговлей, они вели торговлю и на внутреннем рынке, при этом торговые операции их не были специализированы, занимались ростовщичеством. Они вкладывали капиталы в промышленное производство, притом нередко в такие его отрасли, которые не были связаны с профилем их торговой деятельности. Эти буржуа сдавали в наем дома, брали на откуп наиболее важные статьи городских доходов, арендовали помещичьи имения, извлекали доходы из собственных поместий и т. д.

Тесное переплетение торгового и промышленного капитала, преобладание первого над вторым естественны для ранних стадий капиталистического развития. Превалирование у национальной городской буржуазии Хорватии и Славонии торговой деятельности над промышленной, как и недифференцированность предпринимательства наиболее крупных ее представителей, отражали экономическую незрелость буржуазии. Это была буржуазия эпохи первоначального накопления.

В первой половине XIX в. городская торговая буржуазия была еще связана с замкнутыми корпоративными организациями, которые были характерны для феодального периода и преследовали цель защищать обособленные интересы торговцев. В это время были случаи образования таких объединений в тех местах, где их ранее не было. Так, в 1821 г. торговцы г. Копривница создали свою корпорацию, подобную ремесленным цехам³¹. Рождавшаяся национальная буржуазия, особенно состоятельная ее часть, сохраняла целый ряд черт, присущих старому феодальному купечеству, и пользовалась в ряде случаев чисто феодальными методами для ограждения и защиты своих интересов. Все это лишний раз подтверж-

²⁹ J. Bösendorfer. Zarija Stojanović tabak u donjem Osijeku. «Osječki zbornik», II i III. Osijek, 1948, стр. 146 и сл.

³⁰ M. Lang. Samobor. «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena», knj. XVII, sv. 2, стр. 321—322.

³¹ R. Horvat. Povijest slobodnoga i kraljevskoga grada Koprivnice. Zagreb, 1943, стр. 17.

дает тот факт, что процесс формирования буржуазного класса в Хорватии и Славонии в рассматриваемое время находился лишь в начальной стадии своего развития.

В своей хозяйственной деятельности национальная буржуазия Хорватии и Славонии была тесно связана с другими югославянскими землями. Она в значительной степени осуществляла торговлю со словенскими провинциями, Воеводиной, Сербией и Боснией. Все более широкими и устойчивыми становились торговые связи местной буржуазии Хорватии и Славонии с другими югославянскими областями³². В первой половине XIX в. торговцы из Хорватии и Славонии вложили часть своих капиталов в промышленную разработку природных богатств других югославянских земель³³. Растущие экономические связи национальной буржуазии Хорватии и Славонии с другими югославянскими областями имели немало важное значение в формировании ее югославянского сознания.

Городская национальная буржуазия в некоторой своей части не была самостоятельной в экономическом отношении. Многие средние и даже крупные буржуа находились в зависимости от австрийских и иностранных торговых и промышленных фирм. Торговцы, вкладывавшие капиталы в производство дубовой клепки, особенно в начале развития этой отрасли, поддерживали тесные связи с иностранными, главным образом французскими и немецкими, торговыми домами, закупавшими дубовую клепку, и были зависимы от них. Иностранные купцы, заинтересованные в этом товаре, обучили хорватских и сербских торговцев технике производства дубовой клепки, выбору древесины для изготовления досок и т. д. Нередко они финансировали местных предпринимателей. Крупные местные купцы, приспособившись к требованиям рынка и накопив необходимый капитал, через 15—20 лет стали в своей промышленной деятельности самостоятельными, менее состоятельные продолжали оставаться в зависимости. Торговцы Сисака и Карловаца зависели от триестинского капитала³⁴.

Богатые горожане были связаны с сельским хозяйством и вели его нередко феодальными методами. В условиях, неблагоприятных для перерастания торгового капитала в промышленный, торговцы вкладывали денежные средства в покупку земли. Наиболее крупные буржуа, обходя благодаря своему богатству положение о сословном владении землей, а после 1844 г. официально пользуясь правом покупать помещичьи владения³⁵, на дворянских правах владели заселенными крестьянами землями. Правда, покупка помещичьих земель и после 1844 г. для буржуазии затруднялась сохранившимся институтом авицитета — неотчуждаемости родовых дворянских имений, в силу которого помещик в любое время мог потребовать возвращения ему проданного им поместья. Другая часть состоятельной буржуазии имела сельскохозяйственные угодья на окраинах свободных королевских городов. Многие располагавшие денежными средствами торговцы скупали у крестьян виноградники и «крчевины» — производственно освоенные путем раскорчевки и расчистки участки земли (в таких случаях собственником этих угодий оставался помещик).

Как уже говорилось, Франьо Райцер имел поместье Мирновец. В 1820 г. карловацкий горожанин Анастасий Костиц купил у графа А. Баттани поместье Каштел близ Карловаца. Через 5 лет он продал его маршалу графу Л. Нугенту. В те же годы карловацкий торговец Франье

³² И. И. Лещиловская. Из истории торговли Хорватии — Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIV. М., 1962.

³³ R. Bićanić. Doba..., стр. 123.

³⁴ Там же, стр. 119, 351.

³⁵ F. Šišić. Hrvatska povijest, d. III. Zagreb, 1913, стр. 361.

Сендл приобрел в карловацком котаре Дрежничко имение³⁶. Около 1830 г. имение Шёнбах близ Загреба (собственность барона Радивревича), состоявшее из виноградника, фруктового сада, огорода, парка и строений, было продано и перешло в руки буржуазных семей. Одним из новых владельцев был торговец Кристофор Станкович, который приобрел и соседние земли. Он, в частности, устроил здесь купальни с гостиницей и сдавал их в аренду³⁷.

Торговец из Илока Йован Маргарет в 1823 г. оставил своим наследникам 100 мотыг виноградника, четыре сливовых сада, луг и водяную мельницу стоимостью в 4 тыс. форинтов³⁸. Недвижимое имущество одного шидского торговца в 1838 г. оценивалось в 800 форинтов серебром и состояло из дома, трех садов, семи кос луга, двух виноградников, сливового сада и 4,5 ютаров пашни, возделанной на крчевине³⁹.

Состоятельные торговцы арендовали помещичьи имения и отдельные угодья. Очень часто практиковалась ими аренда пустошей, где они откармливали скот для продажи. В течение первой половины XIX в. известные торговцы Грбичи из Инджии арендовали до четырех помещичьих пустошей, где содержали скот, предназначенный для рынка⁴⁰.

Состоятельная буржуазия использовала в целях обогащения самые разные феодальные институты. Особенно охотно она брала на откуп монопольные права дворянства (право на распивочную продажу спиртных напитков, содержание мясных лавок, устройство базаров, рыбной ловли и т. д.). Предпочтение отдавалось аренде корчем (в первую очередь помещичьих, но и общинных) с правом распивочной продажи спиртных напитков⁴¹.

Условия откупа монопольных дворянских прав обычно были благоприятными для торговцев. В 1810 г. три шидских торговца взяли на откуп у Шидского поместья на 3 года за 4065 форинтов ежегодной платы права на распивочную продажу спиртных напитков, продажу мяса и устройство базаров. Торговцы получали также возможность пасти в поместье 50 коров и 300 овец. Им предоставлялось 12 хватов дров для отопления гостиницы и была обещана в случае необходимости защита при торговле на базарах⁴². Сдача на откуп монопольных дворянских прав производилась с аукциона. Насколько торговцы были заинтересованы в откупах, свидетельствует следующий факт. В 1827 г. начальная сумма в 1500 форинтов на аукционе в Шиде поднялась до 2961 форинта, а в Беркасове — с 200 до 603 форинтов⁴³.

Торговцы покупали у помещиков барщинные дни и использовали подневольный труд крестьян для своих надобностей.

Зажиточные слои национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии характеризовала тесная связь с дворянско-помещичьим классом. Это была в первую очередь экономическая связь. Верхи национальной буржуазии (а она была прежде всего торговой буржуазией), произ-

³⁶ R. Strohál. Karlovački kotar od XV do XIX vijeka. «Zbornik za narodni život...», knj. XXX, sv. 2. Zagreb, 1936, стр. 76.

³⁷ L. Dobronić. Periferija Zagreba u 19 stoljeću.— «Iz starog i novog Zagreba», II. Zagreb, 1960, стр. 284, 285.

³⁸ С. Гаврилович. Срем..., стр. 53.

³⁹ С. Гаврилович. Шид..., стр. 14.

⁴⁰ См.: С. Гаврилович. Срем..., стр. 51. Сремские торговцы и богатые ремесленники арендовали пустошей в 1790 г. на 11 520 форинтов, в 1801 г.— на 17 435, в 1816 г.— на 33 180, в 1828 г.— на 37 860, в 1836 г.— на 43 570, в 1843 г.— на 24 595, в 1846 г.— на 36 775, в 1847 г.— на 36 480 форинтов (там же, таблица).

⁴¹ Арендная плата указанных выше сремских торговцев за корчмы составляла в 1790 г. 17 289 форинтов, в 1801 г.— 22 236, в 1828 г.— 17 395, в 1836 г.— 12 395, в 1843 г.— 16 595, в 1846 г.— 35 485, в 1847 г.— 32 560 форинтов (С. Гаврилович. Срем..., стр. 51, таблица).

⁴² С. Гаврилович. Шид..., стр. 12, 13.

⁴³ Там же, стр. 12.

водя коммерческие сделки, обслуживали в первую очередь втянутых в товарное производство помещиков. Торговцы-оптовики реализовали на внешнем и австрийском рынках продукты, получаемые помещиками в собственных хозяйствах и с крестьян в виде феодальной ренты, и приобретали за границей промышленные и колониальные товары, рассчитанные, главным образом, на потребление состоятельных классов. Финансовые операции ростовщиков на крупные суммы не в последнюю очередь касались землевладельцев. Наличие в руках состоятельных буржуа поместий, организованных на феодальный лад, аренда торговцами помещичьих земель и монопольных дворянских прав — все это еще более сближало хозяйственно городскую верхушку с помещиками.

Представители городской буржуазии, входя в состав органов городского управления, эксплуатировали кметов, принадлежавших свободным королевским городам, и присваивали часть создаваемого крестьянами прибавочного продукта. Так, населенные крестьянами земли имели города Загреб и Карловац⁴⁴. Шесть деревень принадлежало городу Пожеге⁴⁵.

Наиболее крупные торговцы и предприниматели, используя свое богатство и связи, покупали дворянские дипломы⁴⁶ или иным путем сословно приобщались к господствующему классу и переходили на дворянский образ жизни. Так, например, упомянутые выше Враницани, получившие в начале XIX в. дворянство, были солидными земельными собственниками. Они имели несколько богатых феодальных поместий⁴⁷. В городке Ириг, кроме Рогуличей, дворянство получил и торговый дом Лазара Илича, который приобрел богатство и выдвинулся благодаря торговле скотом и зерном. Подобным же образом получили известность Критовацци, Адамовичи, Лазаревичи, Банчи, Мачвански и другие в Руме, Вуковаре, Митровице и Каменнице^{47а}.

Переход в дворянство состоятельных торгово-промышленных фамилий был наглядным показателем сращивания верхов городской национальной буржуазии с дворянско-помещичьим классом.

Состоятельная городская буржуазия до некоторой степени была связана с дворянством и политически, участвуя от лица свободных королевских городов в работе хорватского сабора и Пожунского сейма, хотя, конечно, это участие было далеко несоразмерным с ее численностью⁴⁸. Показательно, что в Венгерском королевстве свободные королевские города старались направлять в Пожунский сейм в качестве своих представителей дворян⁴⁹. Это обстоятельство в первую очередь вызывалось условиями общественно-политической жизни в Венгрии, где только дворяне имели политический вес и влияние. Но оно не могло не содействовать сближению городских верхов с известными кругами дворянства.

Сотрудничество зажиточной буржуазии с помещиками имело место и в самой системе городского управления, куда избирались и представители господствующего класса. Длительное время в городском управлении Загреба участвовал Петар Томич, бывший посланником этого города на Пожунском сейме в 1807 г. Дворянин по присвождению, адвокат по профессии, приобретший в 1804 г. значительные земельные владения, Томич по своему социально-экономическому положению принадлежал к дворянско-помещичьей среде⁵⁰. В 1846 г. в органы городского управления Ва-

⁴⁴ «Novine...», 28.XI 1846, стр. 400; «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848».

⁴⁵ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 28.

⁴⁶ F. Šišić. Ban Josip Jelačić. «Savremenik», 1909, br. 7, стр. 371.

⁴⁷ R. Bičanić. Doba..., стр. 416, 417.

^{47а} С. Гаврилович. Срем..., стр. 50, 51.

⁴⁸ Свободные королевские города посылали в хорватский сабор по два представителя.

⁴⁹ В. Бропевский. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г., ч. 1. М., 1828, стр. 261.

⁵⁰ V. Klaić. Critice iz hrvatske prošlosti. Zagreb, 1928, стр. 30, 31.

раждина в числе прочих лиц были избраны также представители дворянского класса⁵¹. Все эти обстоятельства создавали возможность влияния на буржуазию со стороны крупных феодалов и высоких должностных лиц.

Хорвато-сербская городская буржуазия была малокультурна. Вышеупомянутый С. Ткалац, ворочавший миллионными капиталами, был неграмотен. Его внук, И. Ткалац, в своих воспоминаниях писал: «Словом, это был варвар, которого в силу тогдашнего положения крестьянского сословия в Венгрии и Хорватии не озарил ни один луч европейской культуры XVIII столетия»⁵². Провинциализм, политическая индифферентность, темнота характеризовали этого крупнейшего для своего времени купца Хорватии.

Тесная экономическая, а до некоторой степени политическая и даже социальная связь между зажиточной национальной городской буржуазией, с одной стороны, и обуржуазивающимся дворянством, с другой, определяли ограниченность интересов и политическую косность национальной городской верхушки и близость ее устремлений с устремлениями либерального крыла дворянско-помещичьего класса.

Сближению интересов буржуазной верхушки и части помещиков в свою очередь способствовали социально-экономические изменения, которые переживал в это время господствующий класс. Не говоря уже о тесных связях большинства помещиков с капиталистическим рынком, многие из них, особенно крупные, занимались промышленным и иного рода предпринимательством. Во второй половине XVIII в. барон И. Магдаленич, помимо промышленной деятельности, занимался чисто торговыми операциями, скупая и перепродавая зерно. Широкими торговыми связями был известен загребский епископ Врховац⁵³. Некоторые дворяне вступали в контакт с капиталистическими промышленниками в целях устройства в своих имениях промышленных предприятий. Граф Я. Драшковиц сотрудничал в этом отношении с неким Херцбергером, помещик И. Адамович — с Мейером, помещик И. Салопек — с торговыми помощниками из Праги братьями И. и Й. Либковитц и т. д.⁵⁴ Итак, дворяне в рассматриваемое время использовали все доступные им способы для обогащения. Это не могло не порождать в дворянско-помещичьей среде известные буржуазные устремления и не толкать либерально настроенных помещиков к союзу с городской верхушкой.

Положение мелкой городской буржуазии отличалось от положения зажиточных буржуазных верхов. Прежде всего городские ремесленники были объединены в цехи. Хотя цеховые отношения связывали предпринимательскую инициативу зажиточных мастеров, в то же время они создавали благоприятные условия для обеспечения их рабочей силой в лице учеников, подмастерьев, экономически слабых производителей и были орудием подавления конкуренции, которая возрастала с развитием капитализма. Поэтому цеховые мастера были заинтересованы в сохранении и укреплении цехового строя. Связь с цеховыми формами производства порождала консервативные черты в устремлениях этой части городской мелкобуржуазной среды.

С другой стороны, мелкая городская буржуазия подвергалась эксплуатации со стороны дворянско-помещичьего класса. Весьма большая часть не только мелких, но даже и средних торговцев и предпринимателей, проживавших не в свободных королевских городах, а в торгово-промышленных городках, принадлежавших крупным землевладельцам, находилась в феодальной зависимости от последних. Отношения между такого рода

⁵¹ «Novine...», 11.XI 1846, стр. 378.

⁵² И. Ткалац. Успомене..., кн. I, стр. 24.

⁵³ R. Bićanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952, стр. 79.

⁵⁴ R. Bićanić. Doba..., стр. 247, 248; K. Firinger. Počeci..., стр. 147.

торговцами и предпринимателями, с одной стороны, и помещиками, с другой, регулировались теми же документами, которые определяли отношения между крепостными крестьянами и помещиками. В пользу землевладельцев торговцы и ремесленники несли определенные повинности, которые на практике часто превышали установленную норму и имели тенденцию к росту.

В 1834 г. торговцы и ремесленники из Шиды жаловались жупанийским властям на чрезвычайно высокую таксу за торговлю и ремесло. По их словам, они задолжали и дошли до «нищенского состояния». Они были недовольны также тем, что обязаны нести барщину в размерах, превышавших норму инквилитов⁵⁵, а при откупе от нее выплачивали не по 10 крейцеров, как полагалось по урбаршу, а по 18 крейцеров за день⁵⁶. Помещики ограничивали хозяйственную деятельность торговцев и притесняли их.

Мелкая буржуазия подвергалась все возрастающему экономическому давлению со стороны государства и местных властей. За период с 1790 по 1848 г. основной государственный налог — контрибуция — и жупанийские поборы, возлагавшиеся в основном на крестьян, торговцев и ремесленников, в Сремской жупании увеличились на 91,6%, население же за это время выросло лишь на 24,41%⁵⁷. В 1832—1833 гг. в Сремской жупании инквилит-ремесленник III класса и инквилит-торговец того же класса соответственно платили налогов 11 форинтов 20⁵/₈ крейцера и 22 форинта 35²/₈ крейцера⁵⁸.

В большую тягость превращалась для мелких торговцев и предпринимателей жупанийская барщина. В 1833 и 1834 гг. торговцы и ремесленники Шиды жаловались властям на отягощенность общественными работами. На починке дорог они проводили по пять дней. В случае же неявки на барщину виновные подвергались штрафам и телесным наказаниям. Кроме починки дорог, они рубили дрова, поставляли лесоматериал и тростник для жупании. Торговцы и ремесленники обязаны были нести извозную повинность. Но поскольку они не имели лошадей, то вносили вместо нее таксу из расчета 30 крейцеров на форинт контрибуции. Некоторые из них выплачивали до 45 форинтов ежегодно. Они поставляли войскам сено и овес. Размеры этих поставок в денежном выражении возросли в последнее время с 15 крейцеров до 1 форинта — 1 форинта 30 крейцеров. За неуплату налогов их заключали в тюрьму, надевали колодки и подвергали телесным наказаниям⁵⁹.

В рассматриваемое время мелкая городская буржуазия была тесно связана с землей. В Хорватии, Славонии и даже Венгрии было распространенным явлением, что городские ремесленники имели земельные участки и занимались земледелием, главным образом виноградарством⁶⁰. Contemporaries отмечали, что в первой половине XIX в. в сремских городках сельское хозяйство занимало еще очень значительное место в экономике⁶¹.

Мелкие торговцы и промышленники, которые проживали в помещичьих городках, держали иногда наделные земли, но чаще внеселищные участки. В 1815 г. из 32 торговцев в сремском городке Ириг только один имел наделную землю, остальные были инквилитами и держали от 2 до

⁵⁵ Инквилит — крестьянин с домом и приусадебным участком, но без наделной земли, обязан был отработать на помещика 42 дней в год.

⁵⁶ С. Гаврилович. Шид..., стр. 44.

⁵⁷ С. Гаврилович. Срем..., стр. 14.

⁵⁸ Там же, стр. 16.

⁵⁹ Там же, стр. 9, 40.

⁶⁰ J. Demjan. Darstellung der Oesterreichischen Monarchie nach den neuesten statistischen Beziehungen, B. III, Abt. I. Wien, 1805, стр. 519; Al. Fényes. Statistik..., стр. 230.

⁶¹ С. Гаврилович. Срем..., стр. 47.

25 мотыг внеселищных виноградников и сливовые сады средней величины⁶². Такого рода земельные держания были связаны с дополнительными обязанностями в пользу помещиков.

Связь с землей крупных и мелких буржуа была по своему характеру различной. Эта разница определялась размерами земельных держаний. Если для первых земля была источником богатства, то для вторых, во всяком случае для ряда мелких торговцев и промышленников, она была передко средством получения необходимых жизненных средств. Наиболее крупные торговцы и промышленники были собственниками заселенных крепостными крестьянами земель, мелкие же — в значительной своей части держали участки на условиях феодальной аренды и обрабатывали их сами, хотя более состоятельные среди них применяли и наемный труд⁶³. Первых связь с землей сближала с дворянско-помещичьим классом, последних — с крестьянством.

По условиям своей жизни мелкая торгово-промышленная буржуазия занимала промежуточное положение между городской верхушкой и крестьянством. Хотя по жизненным условиям она имела много общего с крестьянством, все же положение ее было значительно лучше, чем кметов. Не говоря уже о мелких торговцах и промышленниках в свободных королевских городах, даже в торгово-промышленных зависимых городках, особенно тех, которые имели многолетние контракты с помещиками, мелкие торговцы и промышленники не подвергались такому гнету со стороны землевладельцев, как крестьяне. Поэтому стихийные устремления мелкой буржуазии отличались от устремлений не только помещиков и зажиточной торгово-промышленной верхушки, но и крестьянства. Показательно, что во время крупного крестьянского восстания 1807 г. под руководством Тицана в Среме мелкая буржуазия осталась в стороне от него даже в тех городках, которые находились на территории, охваченной восстанием. Мало того, она выражала удовлетворение своим положением и отношениями с помещиками. В начале XIX в. в Славонии мелкая городская буржуазия вообще не участвовала ни в одном из крестьянских выступлений⁶⁴. Угнетенная и бесправная городская мелкая буржуазия не могла не стремиться к последовательной ликвидации господства и власти помещиков. Но в то же время она не обнаруживала склонности к совместной с крестьянством антифеодальной борьбе.

Итак, национальная городская буржуазия в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. была слабой и неразвитой. Тем не менее, ее существование в условиях феодально-крепостнической системы имело важное значение для всей общественной жизни в этих землях. С ней был связан экономический прогресс Хорватии и Славонии. Ее деятельность укрепляла национальные связи. Хорвато-сербская городская буржуазия самым фактом своего развития оказывала влияние на социально-политическую линию господствующего класса, на психологию и воззрения его представителей. Она была той социальной силой, которая определила возникновение в Хорватии и Славонии национальной буржуазной идеологии. Хотя национальная буржуазия не играла решающей руководящей роли в развернувшемся здесь в первой половине XIX в. национальном движении, участие в нем зажиточных городских слоев усиливало его буржуазный характер.

⁶² Там же, стр. 53.

⁶³ Там же, стр. 40.

⁶⁴ С. Гаврилович. Аграрии покрети у Срему и Славонии почетком XIX в. Београд, 1960, стр. 61, 62, 210, 211.

В. И. Фрейдзон

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ
Е. КВАТЕРНИКА
(конец 50 — начало 70-х годов XIX в.)

В югославянских землях и, в частности, в Хорватии идейные традиции национально-освободительного движения 60—70-х годов XIX в. сказывались вплоть до эпохи социалистической революции. Вокруг этих традиций велась борьба, в ходе которой представители каждого идейно-политического течения трактовали взгляды национальных деятелей прошлого века в соответствии со своими задачами. Марксистская методология открыла возможность научной характеристики взглядов, деятельности и значения традиций идеологов национального движения.

Евгений Кватерник (1825—1871 гг.) привлекает внимание как представитель национального радикализма, сотрудничавший с деятелями освободительного движения других народов. В 1871 г. он попытался поднять восстание за независимость Хорватии.

Общественно-политическая позиция Кватерника определилась в условиях абсолютизма, последовавшего за поражением революции 1848—1849 гг.¹ Правящие круги Австрии расчищали путь буржуазному развитию империи: уничтожали препятствия свободному продвижению товаров (прежде всего изделиям промышленности собственно австрийских земель), форсировали железнодорожное строительство, начали проводить выкуп прежних крестьянских повинностей. Были резко увеличены налоги. В интересах австрийского² капитала осуществлялась германизация государственного аппарата, ликвидировались формальные остатки автономии земель.

Местное, в частности хорватское, производство подавлялось австрийским крупным капиталом, судьба местной торговли также зависела от интересов буржуазии и помещиков господствующей нации. В трудном положении после отмены барщины оказалось помещичье хозяйство, лишившееся большей части дарового труда. Крестьянская масса находилась под давлением еще сохраняющихся феодальных отношений и новых налогов, подвергалась произволу чиновничества, разорялась помещиками и

¹ О деятельности Кватерника до 1867 г. см.: В. И. Фрейдзон. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии. «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965.

² Термин «австрийский» (в смысле национальной принадлежности) применяется, как тождественный термину «австро-немецкий» или «немецкий» (относительно населения Австрии).

буржуазней. В этот переходный период почти все слои населения Хорватии и Славонии были встревожены создавшимся положением и не скрывали своего недовольства.

Политическая обстановка в государстве изменилась в 1859—1860 гг., когда Франц-Иосиф был вынужден провозгласить возврат к конституционным принципам и отказ от политики гермапизации всей империи. Стабилизация монархии началась в 1867 г. в результате компромисса между помещичье-буржуазными кругами Австрии и Венгрии (дуализм) и утвердилась в 70-х годах.

Но политический сдвиг в 1859—1860 гг. свидетельствовал лишь об изменении методов управления, эксплуатация народов империи продолжалась по-прежнему. Дуализм 1867 г. означал лишь раздел господства над угнетенными народами. Хорвато-венгерское соглашение 1868 г. не уничтожило зависимого положения Хорватии и Славонии. И в условиях жизни мелкобуржуазных слоев Хорватии в 60-х годах не произошло перемены, столь серьезных, чтобы они немедленно могли привести к повороту в идеологии национально-радикальных элементов.

В этих условиях политический принцип Кватерника, к которому он пришел в 50-х годах, оставался неизменным. Этим принципом был национальный суверенитет хорватского народа.

* * *

Кватерник — деятель *национального* движения. Наибольшее значение имели его воззрения в области национальной политики. Но для подхода к этой центральной для него проблеме, необходимо, хотя бы кратко, рассмотреть его социальные и экономические взгляды.

Перспективы экономического развития Хорватии глубоко занимали Кватерника. Экономические проблемы он считал «самыми жизненными»³. Будущее хорватов он связывал с интенсивным экономическим развитием страны. «Какая польза была б нам от всей политической славы, если б мы деградировали материально!»⁴

Важнейшим убеждением, к которому пришел Кватерник в 50-х годах, было то, что хорваты смогут поднять национальную экономику лишь добившись независимости («наша материальная будущность может расцвести только в условиях независимости»), после достижения которой Кватерник считал необходимым «подъем крестьянского населения»⁵. Эта точка зрения являлась следствием защиты Кватерником прослоек хорватских собственников (прежде всего собственников мелких), существование которых в условиях господства крупного австрийского капитала подвергалось наибольшей угрозе.

Независимость Хорватии — вот цель, объединявшая Кватерника, Антуна Старчевича и других радикальных деятелей 60-х годов — организаторов «партии права».

Социально-экономические взгляды Кватерника тесно связаны с его политической программой. Наряду с иными выступлениями, в которых

³ A. Cesarec. E. Kvaternik i ekonomski problemi njegova vremena. «Izraz». Zagreb, 1940, № 5.

⁴ E. Kvaternik. Hrvatski glavničar ili putokaz k narodnoj obrtnosti a kroz ovu k narodnomu blagostanju. U Zagrebu, 1863, стр. 206.

⁵ Ch. Segvić. Prvo progonstvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, стр. 206. Р. Шегвич — автор ряда сочинений по истории партии права, один из реакционеров, выдававших себя за «наследников» правшей 60-х годов XIX в. Дневник Кватерника (1857—1865 гг.) был им опубликован в двух выпусках с искажениями (Lj. Kuntić. E. Kvaternik prema nekim problemima hrvatske politike šezdesetih godina XIX st. «Radovi filozofskog fakulteta. Historijska grupa», I. Zagreb, 1959, стр. 65). Мы вынуждены сослаться на издание Шегвича за исключением случаев, когда опубликованы исправленные фрагменты текста.

они изложены, особенно привлекает внимание его брошюра «Хорватский капиталист»⁶.

Кватерник поставил себе задачу познакомить хорватского буржуа и помещика с опытом хозяйствования в передовых странах Запада, с экономической терминологией и т. п. «Мы — свидетели того, как нашими богатыми дарованными ценностями обогащается всякий скорее, чем мы сами..., более того, в то время как другие рядом с нами обогащаются, мы в этом отношении регрессируем, так как заметно пищаем (исключения не меняют правила) и до сих пор не проявили способности — хотя бы по примеру пришельцев — прочнее стать на ноги или пробудиться от глубоко засосавшего нас оцепенения, чтобы наконец начать жить самостоятельно»⁷. Автор жалуется на «невежество, малодушие, неповоротливость в делах, с одной стороны, бездеятельность, с другой», в среде хорватских собственников. Надо воспитать в народе восприимчивость к «деловому духу, с неодолимой силой потрясающему всем миром, чтобы народ мог идти в ногу со временем и не был бы унесен страшной силой стремительного потока». «Народ, не умеющий или легкомысленно упускающий возможность воспользоваться своими капиталами (естественными богатствами страны. — В. Ф.), открывает во всю ширь дверь лукавому иноземцу»⁸. Распродажа поместий дворянами приводит к закреплению иноземцев в стране.

О Кватернике А. Цесарец писал, что он «темпераментно и страстно желал своей стране наиболее быстрого развития и прогресса». Ему приписались по душе слова буржуазного экономиста Кэри о том, что человечество должно стремиться к господству над великими силами природы⁹. За экономическими рассуждениями Кватерника всегда стоит забота о судьбе Хорватии. Как и другие буржуазные идеологи эпохи поднимающегося капитализма, Кватерник озабочен проблемой подъема национальной буржуазии. В его брошюре выступает на передний план часто скрытая в публицистике основа политической борьбы — экономические интересы.

В «Хорватском капиталисте» Кватерник как будто молчаливо допускает возможность подъема экономики Хорватии в рамках Австрии. Мы не считаем, что отсюда можно сделать вывод об изменении взглядов Кватерника на национальную независимость: названная брошюра предназначалась для подготовки хорватских буржуа и помещиков к предпринимательской деятельности в существующих условиях. Но и здесь он отстаивает самостоятельность хорватской экономики.

Показательна полемика Кватерника с бароном Хелленбахом, требовавшим создать единый венгеро-хорватский банк. «Отдельный землевладелец, — писал Кватерник, — может приобретать капитал по своему усмотрению; для него безразлично, являются ли деньги английскими, немецкими или венгерскими, но когда речь идет о том, чтобы какой-либо целый народ лишиться собственного кредитного учреждения и подчинить его чужому, — кто не видит, что это убыточно для народа с точки зрения народнохозяйственной и политической, тот не является честным патриотом... или не понимает, что пишет...»¹⁰ Кватерник — последовательный противник вторжения инонационального капитала в Хорватию. Хорваты должны сами построить национальную экономику. Для этого «надо знать, как с наибольшей выгодой произвести и продать»¹¹.

⁶ Е. Kvaternik. Hrvatski glavničar. Zagreb. 1863. Следует отметить большое значение брошюры в истории хорватской науки. В ней популяризовались выводы английской классической политической экономии.

⁷ Там же, стр. I, II.

⁸ Там же, стр. III, V и 13.

⁹ А. Cesarec. Eugen Kvaternik kao politički ekonom. «Izraz». Zagreb, 1940, № 4, стр. 202, 203.

¹⁰ Е. Kvaternik. Hrvatski glavničar..., стр. 86.

¹¹ Там же, стр. VIII.

Тормоз экономического развития в прошлом Кватерник видел в феодальном строе: «Разве несчастные общественные условия паши, существовавшие до 1848 г., не препятствовали в полном смысле слова систематически всякому возможному прогрессу в развитии материальных производительных сил?»¹² Феодализм обуславливал безразличность крестьянина, труд которого «оплачивался палкой», в развитии хозяйства и поддерживал бездельность дворянства. Необходимо рационально организовать производство и торговлю. Кватерник, критикуя отсталую психологию хорватских помещиков, вместе с тем отмечает усиление их интереса к экономике, выражением коего он считал требования учредить в Хорватии кредитный банк и осуществить железнодорожное строительство. Вот где «широкое поле для национальной деятельности и посредством ее к народному благосостоянию»!¹³ Он целиком стоит на почве товарно-денежного хозяйства. В условиях пореформенной Хорватии пропаганда буржуазных взглядов, при всей их ограниченности, имела прогрессивный смысл.

В начале 60-х годов Кватерник пропагандировал трудовую теорию Адама Смита, которого он называл «отцом науки политической экономии». Торговцам, ростовщикам и землевладельцам он объяснял, что не спекуляция, а труд и «производительный капитал» — основа богатства общества. «Труд есть всеобщий закон человечества». Хотя под трудовым населением Кватерник понимал все слои, связанные с производством, он симпатизировал более всего крестьянам и ремесленникам, которые в основном и являлись представителями национального «трудового населения». Кватерник хотя и был идеологом буржуазного класса вообще, но ближе всего стоял к мелким собственникам и производителям города и деревни.

Он выступал против исключительно аграрного направления экономики, отстаивал подъем всех ее отраслей, в особенности промышленности. Это сближало его экономические взгляды со взглядами Лайоша Кошута и других радикальных национальных деятелей и, как и Кошута, приводило к идее национальной независимости¹⁴.

Для понимания перспектив развития Хорватии Кватерник призывал изучать хозяйственный строй и экономическую науку передовых капиталистических стран — Англии и Франции, «во всем служащих нам примером»¹⁵. Он ратовал за разделение труда, развитие обмена, денежного обращения, ибо все это определяет ступень, на которой находятся народы.

Вместе с тем Кватерник не видел антагонистического характера противоречий капитализма. Он полагал, что путем успешной борьбы с инонациональным политическим и экономическим господством можно обеспечить благосостояние народа. Его не останавливали вопиющие контрасты передовой капиталистической страны. «Простой англичанин, — писал он, — который ради корки хлеба целый божий день работает в поте лица своего, с какой-то гордостью занят делом, поняв из внушенных ему принципов, что все люди не могут пользоваться равным благосостоянием»¹⁶.

У хорватов нет возможности сразу поднять индустрию, поэтому, по Кватернику, «современный момент нашей народнохозяйственной жизни» требует развития сельскохозяйственного производства. С этим связаны успехи других отраслей хозяйства «и все материальное будущее наро-

¹² Там же, стр. V.

¹³ Там же, стр. IV.

¹⁴ Ср. напр.: М. А н т а л. Экономические взгляды Лайоша Кошута. «Очерки истории экономической мысли Венгрии». М., 1962, стр. 115—135.

¹⁵ Е. К в а т е р н и к. Hrvatski glavničar..., стр. 1 и 17.

¹⁶ Там же, стр. 8.

да». «...Мы, хорваты (за исключением приморцев), по крайней мере пока, призваны основать на сельском хозяйстве развитие остальных отраслей, которые обычно усиленно развиваются сами, как только земледелие вследствие большого подъема становится исходным пунктом национального богатства»¹⁷. Придерживаясь существенных для его взглядов идей о значении промышленности, Кватерник был вынужден подробнее заняться проблемами сельского хозяйства.

В рассуждениях о сельском хозяйстве, как и в случае с промышленностью, он исходит как из опыта Хорватии, так и западных стран. Там (во Франции и Бельгии) крупные хозяйства являются исключением, они дробятся, уступая место растущему «среднему сословию»¹⁸. Наиболее выгодны «небольшие владения и средние хозяйства» (средние — наиболее товарные)¹⁹. Он приводил мнение француза А. Бийера, что оптимальные размеры хозяйства зависят от его интенсивности. Распространение интенсивных культур (винограда и др.), — аргументирует Кватерник, — делает мелкое хозяйство в Хорватии очень выгодным. «Малое владение намного выгоднее», утверждает он, ибо оно дает «экономические, моральные и политические преимущества», а это важно для всякого, кто озабочен «достоинством и благосостоянием массы сельского населения»²⁰.

Мелкое хозяйство привлекло внимание Кватерника прежде всего потому, что именно оно было подлинно национальным. В условиях Хорватии 60-х годов XIX в. защита мелкого хозяйства была не отстаиванием патриархального хозяйства против крупного капиталистического (последнего еще не существовало), но крестьянского и развивающегося буржуазного хозяйства против латифундиального, которое еще в большой мере опиралось на полуфеодалскую эксплуатацию крестьян и экспроприировало трудящихся внеэкономическими методами. Кватерник так и заявляет: «сторонники крупных имений являются не кем иным, как защитниками кандалной эпохи феодализма, они охотно ее воскресили бы на гибель миллионам своих менее привилегированных сограждан»²¹. Он обрушился на барона Хелленбаха за то, что тот предложил организовать кредит, «которым могли бы пользоваться лишь помещики», а также городская буржуазия²². Кватерник требовал, чтобы организация кредитного дела в Хорватии была одобрена «плебеями»²³, чтобы для «всего народа», т. е. в основном крестьянства, были созданы лучшие условия ведения хозяйства.

В отличие от дворянских публицистов Кватерник подчеркивал сохранение сословного неравенства в Хорватии. В ответ на недоумение, выражаемое газетой либералов в связи с тем, что Кватерник различает дворян-помещиков и крестьян «даже после 1848 г., когда все стали земельными собственниками», он писал, что у бывших феодалов сохранились права, «по которым весь божий мир отличает дворян от остальных землевладельцев»²⁴.

Правда, Кватерник не всегда противопоставлял дворянство крестьянам, часто он говорил о «мелких собственниках» вообще, хотя крестьянство по своему положению (задруга, община, выкупные платежи и многое другое) еще сохраняло печать приниженного сословия. Защита Кватерником интересов крестьянства ограничена. Но при всем том его кри-

¹⁷ E. K v a t e r n i k. Hrvatski glavničar..., стр. 15.

¹⁸ Там же, стр. 25—27.

¹⁹ Там же, стр. 17, 28, 36.

²⁰ Там же, стр. 16 и 17.

²¹ Там же, стр. 17.

²² Там же, стр. 86 (Приложение).

²³ A. C e s a r e c. K v a t e r n i k i ekonomski problemi..., стр. 230, 231.

²⁴ E. K v a t e r n i k. Hrvatski glavničar..., стр. 86.

тика феодализма даже в пореформенной Хорватии была прогрессивна. Его выступления против гнета полуфеодалного австрийского государства, за экономический подъем страны соответствовали интересам масс. В Хорватии, как писал Кватерник, обращаясь уже к дворянству, необходимо, чтобы мелкие землевладельцы отказались от барских взглядов на хозяйство. «Надо, чтобы весь народ без различия происхождения и условий всеми силами обратился к сельскохозяйственному производству...», сдача же земли в аренду, в особенности исполу, за четверть урожая и т. д., как учил уже Адам Смит, — «достойный самого большого сожаления способ ведения хозяйства»²⁵. Итак, интенсификация хозяйства, укрепление сельской буржуазии, по Кватернику, главное звено в подъеме экономики Хорватии. Он мечтал о сотрудничестве всех классов в развитии национальной экономики.

Высшему дворянству, привыкшему растрачивать свои доходы в Пеште, Вене и Париже, Кватерник предлагает еще одну роль в экономике: если хорватские бояре, пишет он, «станут устраивать свои гнезда не в сердце чужой страны, а в сердце своего отечества, воздвигая в главном городе своем, скажем, не мраморные дворцы, как это делают русские князья, но со вкусом построенные особняки, разве не даст это сильный толчок оживлению наших промыслов?», если будут расходовать свои средства на родине, — разве не повлияет это на народное хозяйство? Если откроют общественно-политические салоны, — не будет ли это способствовать развитию науки и искусства?»²⁶

Кватерник ратовал за экономический прогресс, ему были чужды мысли о преимуществах старшины. Будучи в Петербурге и наблюдая работу крупнейшего порта России, хорватский эмигрант восхищался картиной оживленной деловой жизни. «Какая радость гулять по набережной Невы! — записал он в дневнике в мае 1858 г. — Какая деятельность, какое движение и суматоха! Туда и сюда движутся пароходы, садятся и сходят на берег люди. Видны иностранные корабли, иноземные люди. Я все время провожу на Неве...»²⁷

Но Кватерника, как мелкобуржуазного идеолога, возмущали отдельные стороны капитализма. Его привлекала критика Прудона таких проявлений капиталистической стихии, как спекуляция, ажиотаж и биржевые паники²⁸. Эта критика у Кватерника чисто словесная; она ведется с точки зрения нравственности. Называя биржу «рапой на теле человечества», он тут же поучает хорватских буржуа, как вести дела на бирже. Выразив пожелание, чтобы хорваты вкладывали капиталы в «серьезные» предприятия, Кватерник оговаривается, что «зло» (т. е. биржевые спекуляции и т. п.) «стиснуло нас со всех сторон», а потому его следует изучать²⁹. Кватерник вместе с тем мечтал, чтобы в Хорватии развился успешный капитализм: надо взять на Западе «все хорошее, а те каналы, по которым наш народ могло бы постигнуть несчастье, навсегда закрыть»³⁰.

Противоречия идеологии Кватерника получили во всем этом наглядное выражение. Он мечтал о «гармоничном» капитализме, но при наличии в Хорватии заводов, банков, биржи и помещичьего землевладения³¹. Кватерник по сути дела надеялся на то, что, развивая экономику, удастся устранить все пороки капитализма. Поэтому, когда он познакомился с сочинениями американского экономиста 40-х годов XIX в. Г. Ч. Кэри («Про-

²⁵ Там же, стр. 23, 24.

²⁶ Там же.

²⁷ Ch. Šegvić. Prvo progonstvo Eugena Kvaternika, стр. 51.

²⁸ E. Kvaternik. Hrvatski glavničar..., стр. 72.

²⁹ Там же, стр. 74.

³⁰ «Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu god. 1861». U Zagrebu, 1862, стр. 94; A. Cesarec. Ideološka pozicija E. Kvaternika. «Izraz». Zagreb, 1940, № 7—8, стр. 385.

³¹ A. Cesarec. Ideološka pozicija E. Kvaternika, стр. 385.

поведения гармонии интересов», как характеризовал его Маркс)³², то воспринял его критику классической политэкономии, ибо последняя в сущности признавала противоположность интересов в капиталистическом обществе³³. Кватерник вслед за Кэри критиковал англичан «за жестокость» их теории. Английская теория «вредная, истребительная, ибо учит, что для получения высокой прибыли нужна низкая цена труда», т. е. «что люди должны быть порабощены тем, кто владеет чем-либо». Получалось, что Кватерник критиковал не капитализм, но буржуазную науку, еще не перешедшую к приукрашиванию капитализма³⁴.

В ряд с классиками буржуазной политэкономии он поставил и Т. Мальтуса, критикуя последнего: «Мальтус стремится оправдать ужасный принцип нищеты масс в интересах отдельных богатей, кровопийц». «Рикардо и Мальтус объясняют грубое порабощение могущественными людьми бедняков как необходимую и predeterminedную роком беду ради пользы богатых»³⁵.

Приведенные высказывания, конечно, свидетельствуют, что Кватерник сочувствовал «маленькому человеку», что ему был свойствен «сильный социальный протест, протест бедняка и парии...»³⁶. Но этот «протест парии» был протестом приверженца частной собственности. Поэтому, выступая против изображения законов буржуазного общества как «божественных», он воспринял взгляды Кэри, что эти законы могут быть исправлены людьми (в рамках капитализма). «Прекрасно замечание Кэри, — писал Кватерник, — что по мере углубления в науку видишь, что нищета — результат не божественных, но человеческих законов, что теория, стремящаяся увековечить бедность и нищету, вызывает содрогание»³⁷. Аристократическая экономическая наука продолжал он, имея в виду классическую английскую политэкономия, рассматривает человека лишь в его материальных взаимоотношениях, чтобы узаконить его эксплуатацию «богатыми и сильными»³⁸. И Кватерник ищет утешения в моральной критике Рикардо (и Мальтуса) американским экономистом. Если выводы первых «богомерзки», то «учение Кэри соответствует принципам христианства», «благоприятно для труда и трудящихся». В отличие от англичан, «отрицающих дух», Кэри, утверждая веру в возможность счастья для всех, защищает дух, мораль. Таким образом один из «выходов» из противоречий капитализма — в религиозной идеологии³⁹.

Итак, Кватерник, критикуя феодализм и его пережитки, не выдвигал требования радикального изменения социальных отношений, но лишь доказывал преимущество буржуазного хозяйства. По социальным устремлениям он не был демократом, идеологом крестьянства. Хорошо заметил А. Цесарец: хотя Кватерник критиковал класс буржуазии (его деятелей — национал-либералов), он сам являлся идеологом этого класса. Тот

³² В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 113, 114.

³³ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 184, 185.

³⁴ Уход от анализа действительности — черта мелкобуржуазных идеологов. Так, Сисмонди, сочувствовавший страданиям масс и бичевавший пороки капитализма с точки зрения защитника частной собственности, искал причины бед в теоретической сфере (В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 210).

³⁵ A. Cesarac. Eugen Kvaternik kao politički ekonom. «Izraz», Zagreb, 1940, № 4, стр. 202, 203.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 202.

³⁸ Там же.

³⁹ Разительно отличие критики мальтузианства Кватерником не только от марксистской, но и революционно-демократической критики. Как и Кватерник, революционные демократы критиковали Мальтуса за цинизм, вражду к народу, но в отличие от него они видели причину нищеты в эксплуатации, а выход — в социализме (см., напр.: А. Н. М а с л и н. Материализм и революционно-демократическая идеология в 60-х годах XIX в. М., 1960, стр. 280—284).

же автор отмечал, что правящие 60-х годов были идеологами буржуазии, по в основном — ее менее обеспеченных слоев⁴⁰.

Говоря о прогрессивности социально-экономических взглядов Кватерника, мы прежде всего имели в виду отставание им развития национального производства во всех областях. Но, как отмечалось, в Хорватии национальным в преобладающей степени было то производство, которое находилось в руках мелкой буржуазии. Небогатое дворянство тоже все более сближалось по своему положению с мелкой буржуазией. Они терпели, хотя и в разной степени, гнет австрийского государства и австрийского капитала, последствия господства банкиров и полуфеодаловых магнатов. Положение мелкой буржуазии Военной Границы, находившейся в условиях военного управления, было еще тягостнее⁴¹.

Общественные взгляды Кватерника отразили этап формирования идеологии хорватской буржуазии как класса, но питательной средой для нее явились прежде всего условия жизни мелкобуржуазных слоев, занятых в торговле, сельском хозяйстве, промышленности (включая сюда ремесло), а также, по-видимому, части обуржуазивающегося небогатого дворянства.

Взгляды Кватерника были свойственны части национально-радикальной буржуазной интеллигенции. В них нет последовательного выражения требований какой-либо одной резко очерченной прослойки. Они в основном соответствовали интересам класса буржуазии⁴². Мы говорим об «идеальных» интересах, так как большинство представителей буржуазной интеллигенции не делало тех политических выводов, которые сделал Кватерник, т. е. не выдвигало требования независимости.

Стремление к «регулируемому» развитию капитализма нашло выражение в подходе Кватерника к социальным проблемам. На саборе 1861 г. в дебатах по законопроекту о разделе задруг некоторые либералы предлагали разрешить свободный раздел, который, по их мнению, привел бы к быстрому приливу населения в другие отрасли хозяйства. В качестве примера приводилось развитие западных государств⁴³. Кватерник, оговорившись, что он «сторонник западной цивилизации», защищал временное сохранение неделимого минимума участка: в отличие от Франции и Бельгии с их промышленностью, поглощающей рабочую силу, в Хорватии, считал он, свободное распоряжение крестьянской собственностью привело бы лишь к росту нищеты и обострению борьбы в деревне⁴⁴.

Но в свободе распоряжения землей были заинтересованы сами крестьяне. Консерватизм в данном вопросе — следствие отставания Кватерником прочности мелкого хозяйства, по его мнению, «оплота» хорватской национальности.

Кватерник стремился к устранению наиболее серьезных пережитков феодального строя в Хорватии, какими были права помещиков на горные и чиншевые земли. На саборе 1861 г. он выступил за ликвидацию всяких повинностей помещикам, за использование крестьянами этих участков, а также поддержал проекты их обязательного выкупа крестьянами⁴⁵. Проекты эти были выдвинуты либералами потому, что существо-

⁴⁰ А. Сесарец. Ideološka pozicija E. Kvaternika, стр. 379, 380, 382.

⁴¹ В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50 — начале 70-х годов XIX в. (кризис и ликвидация военной системы). «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXVI.

⁴² В конце 50 — первой половине 60-х годов Кватерник сам был близок к некоторым хорватским торговцам, активным национальным деятелям (например, Анте Якичу и Джуро Црнадаку). Его книгой «Хорватский капиталист» зачитывался М. Крешич, позднее крупный предприниматель.

⁴³ «Dnevnik sabora...», стр. 910, 911.

⁴⁴ Там же, стр. 914, а также: А. Сесарец. E. Kvaternik i ekonomski problemi..., стр. 227.

⁴⁵ Lj. Kuntić. E. Kvaternik prema nekim problemima..., стр. 82, 83.

вавшие отношения вызывали многочисленные конфликты. Но они не могли удовлетворить крестьянство, считавшее спорные земли своей собственностью.

В 1864 г. в Италии Кватерник в связи с известиями о крестьянских волнениях в Хорватии изложил свою аграрную программу. Не случайно аграрный вопрос был поднят в беседе с представителем польского освободительного движения Пшибыльским⁴⁶: восстание 1863—1864 гг. остро поставило проблему привлечения крестьянства к борьбе за свободу. Хотя речь шла о политике, которую следовало осуществить во время восстания, программа Кватерника в основном осталась той же, что и в 1861 г.: рассказав об «отношении крестьян к помещичьему землевладению, о разных повинностях и тяготах, я указал на необходимость, чтобы национальное правительство отменило горницу с возмещением за некоторые виды горницы, *jura regalia*..., а затем урегулировало пользование лесом и жировину, чтобы таким путем предупредить Австрию и добиться любви со стороны населения»⁴⁷. Очевидно, Кватерник учитывал опыт польских повстанцев, понимал необходимость поддержки масс для успеха революционных действий: «Эту деятельность, — говорил он в 1864 г. польскому эмигранту Юзефу Орденге, — надо основывать на простом народе...» В 1863 г. он выражал уверенность в сочувствии масс национально-освободительным идеям: «Масса хочет того же, что и мы». В 1864 г. он был убежден, что вокруг правашей «соберется весь цвет народа, особенно же массы»⁴⁸. Кватерник — деятель, ставивший перед собой революционные цели — должен был искать союзников среди демократических слоев. Взгляды Кватерника на методы борьбы против Австрии были демократическими (убежденность в необходимости поднять массы), но либеральная ограниченность социальных воззрений уменьшала реальное значение его тактических принципов⁴⁹.

Социальные и политические интересы венгерского и хорватского дворянства в 60-х годах XIX в. удерживали его от разрыва с Австрией. В этих условиях стремление Кватерника не оттолкнуть дворян лишней раз свидетельствовало о слабости национального движения в Хорватии. Конечно, социально-экономическая позиция Кватерника, Старчевича и их сторонников — правашей была глубокой основой и побудительной причиной их борьбы за национальную независимость. Но и эта борьба в свою очередь наложила печать на их взгляды, касавшиеся жгучих социальных вопросов. Стремление привлечь все социальные слои к борьбе за национальное освобождение побуждало Кватерника отстаивать сотрудничество классов. Широкое участие масс, т. е. прежде всего крестьянства, в национально-освободительном движении было условием его успеха. Но такое участие было возможно при соединении национальных задач движения с насущными требованиями крестьянства⁵⁰. Случалось, что национально-революционные деятели, даже если они не были плотью от плоти буржуазии и дворянства, чтобы не оттолкнуть относительно немногочисленные, но influentialные и организованные дворянские и буржуазные элементы, шли на ограничение социальных задач движения.

⁴⁶ Ch. Segvić. Drugo progonstvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, стр. 115.

⁴⁷ Lj. Kuntić. E. Kvaternik prema nekim problemima..., стр. 84. *Jura regalia* милога («малые королевские права») — привилегии помещиков: право продажи вина, устройства перевозов, рынков и др.; жировина — плата за право откорма свиней в помещичьем лесу.

⁴⁸ Ch. Segvić. Drugo progonstvo..., стр. 24, 72, 157.

⁴⁹ Аграрные требования Кватерника явились шагом назад по сравнению с позицией буржуазно-демократических деятелей в 1848 г., которые отстаивали ликвидацию феодальных повинностей без выкупа и ставили вопрос о возмещении крестьянам за эксплуатацию их помещиками (A. Jellačić. Hrvatski narodni pokret godine 1848 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925).

⁵⁰ На это указывал, например, Н. Г. Чернышевский (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1949, стр. 375).

Но для крестьян удовлетворение их социальных требований не могло быть предметом далеко идущих компромиссов, поэтому революционно-демократические элементы в национальных движениях добивались широкой постановки социальных вопросов. Жертвовать интересами крестьянства могли лишь те представители радикальной интеллигенции, взгляды которых определялись интересами средних слоев. Такова и позиция Кватерника.

Наряду с расчетами на иностранную поддержку, планы Кватерника были связаны с Военной Границей. Здесь эксплуататором населения было австрийское государство, поэтому в данном случае опасения отпугнуть хорватские имущие классы не могли играть роли. Кватерник и правящие требовали демилитаризации Границы, воссоединения области с Хорватией, передачи права распоряжения ее естественными богатствами из австрийских рук сабору, обеспечения прав граничар на пользование лесом и т. п. С социальной точки зрения, революционность программы правящей можно объяснить тем, что на Границе оставался в силе военно-феодальный порядок.

В 1864 г. Кватерник в беседе с итальянским дипломатом Черрути подчеркивал большие возможности массового движения граничар: в отличие от Польши, где борьбу вело дворянство, утверждал он, в Хорватии поднимется масса народа, и в этом сила национального протеста на Границе. Он «говорил о задругах, о Границе, о массах простого народа, которые бы поднялись на защиту своих жилищ, своего существования»⁵¹. Кватерник рассчитывал на восстание граничарского населения в момент, когда Австрия будет втянута в войну. Это обстоятельство характеризует Кватерника как деятеля национально-революционного направления.

Все сказанное свидетельствует, что общественные и экономические взгляды Кватерника не отличались последовательностью. Он то вслед за Смитом излагал основы буржуазной экономической науки, то вслед за Кэри искал выход в беспочвенных теориях и вслед за Прудоном осуждал капиталистическую стихию. Пропаганда развитого капитализма уживалась у него с мечтами о мелкобуржуазном благополучии. Его общедемократические воззрения (Кватерник, по собственному замечанию, был приверженцем «самых либеральных учреждений») не подкреплялись соответствующими требованиями в сфере общественных преобразований. По своим социальным взглядам Кватерник в основном был близок либералам. Почти все его практические предложения были направлены на ускорение капиталистического развития. Элементы его взглядов, связанные с идеями «самобытности» Хорватии (задруга) и «улучшения» капитализма, в общем менее существенны. Но их наличие говорит о том, что Кватернику, как мелкобуржуазному деятелю, были свойственны некоторые черты того «пошлого мещанского радикализма», который отмечал В. И. Ленин, характеризуя идеологию либеральных народников в России⁵². Конечно, не в области общественно-экономических отношений мог сказать новое слово мелкобуржуазный деятель. Но при характеристике значения деятельности Кватерника и не следует брать за основу эти его воззрения. Значение Кватерника определяется выдвинутым им требованием национального суверенитета, борьбой за его осуществление. Существенно, что это требование Кватерник отстаивал, связывая его с интересами развития национальной экономики.

* * *

Экономические интересы допускали компромисс более богатых либеральных слоев хорватской национальной буржуазии (а тем более поме-

⁵¹ Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., стр. 169.

⁵² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 272.

щников) с господствующими классами Австрии и Венгрии. Оппортунизм либеральной буржуазии проистекал не только из понимания либералами своей слабости. Он был обусловлен также надеждой на благоприятное развитие деловой активности в рамках империи, если будет обеспечена значительная автономия Хорватии. Для части же буржуазии (в особенности ростовщической) эти «рамки» открывали большие возможности. Наконец, заинтересованность в сильной власти также побуждала буржуазию стремиться к примирению с австрийским государством. Поэтому австрославизм или провенгерский униянизм устраивал буржуазную интеллигенцию⁵³. Мы уже не говорим о значительном слое служилой интеллигенции (чиновничестве), еще более склонном к оппортунизму.

Кватерник был убежден, что создание независимых национальных государств — историческая необходимость. Планы многонациональных федераций — дунайской, балканской, славянской, всевропейской и особенно австрийской (австрославизм) — он считал вредными и фантастическими — «умственной болезнью»⁵⁴.

Представители общественных слоев, заинтересованных в сохранении австрийской империи, приняли на вооружение так называемую «теорию централизации»⁵⁵ (Ф. Палацкий), т. е. доказывали, что историческое развитие ведет к сплочению наций в обширных государствах. Они таким образом обращали внимание на одну из тенденций эпохи капитализма. В противовес этому Й. Фрич, Е. Кватерник и другие радикалы считали, что «Австрия не нужна», что распад ее необходим и неизбежен⁵⁶.

Кватерник заявлял, что всякое объединение хорватов с другими (более сильными) нациями чревато опасностью. Это последовательный национальный радикализм. Он был реакцией на объективную тенденцию капитализма — «сближение» наций путем порабощения слабых. Борьба против этой тенденции вела к созданию наиболее благоприятных и нормальных условий для развития капиталистической национальной экономики — к образованию независимых государств.

Праваша выдвигали тезис: Хорватия не так уж слаба, как это изображают оппортунистические политики (1848 год, когда «хорваты спасли» австрийский трон, приводился в качестве доказательства этого; кроме того, Кватерник ссылался на пример Бельгии и Черногории — малых независимых стран). Дело в решимости хорватов постоять за себя. Хотя Австрийская империя — великая держава, но враги ее — внутренние и особенно внешние — многочисленны, и в тяжелый момент она уступит хорватам (признает их суверенитет) или же погибнет. Возможность опереться на границар и на иностранные державы вселяет уверенность в успехе — таковы утверждения Кватерника и А. Старчевича.

В соответствии с этим находится бескомпромиссная критика австрославизма, развернутая Кватерником и правашами. После 1867 г. часть влиятельных дворянско-буржуазных кругов Австрии, в частности военщины, стремилась вновь подавить Венгрию и восстановить централизованную империю. Сторонники же федерализации государства, в том числе хорватские либералы-народники, со своей стороны усилили борьбу

⁵³ Речь идет о непосредственных политических целях буржуазии в рамках Австрии. Но буржуазная интеллигенция была проникнута идеей объединенного южно-славянского государства. Оно являлось ее отдаленной целью или даже мечтой, надежды на осуществление которой проистекали из представлений о национальной общности южных славян и из развития национально-освободительного движения в Европе. Часть австрославистов практически не шла дальше проектов федерализации Австрии.

⁵⁴ Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., стр. 26.

⁵⁵ Не смешивать с защитой централизма.

⁵⁶ Й. В. Фрич — чешский буржуазный национально-революционный деятель, сторонник национального суверенитета чешского народа, враг габсбургской империи. О Фриче см.: «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře». Praha, 1956.

против дуализма. Правашки, будучи противниками дуализма, считали федерализацию империи, со сторонниками которой заигрывали венские политики, еще большим злом, чем дуализм, маскировкой австро-немецких централизаторских намерений. Кватерник доказывал, что, как и в 1848 г., попытки австрославистов осуществить федерацию путем соглашения с правящими кругами Вены, да еще (как и в 1848 г.) с помощью верных Габсбургам генералов-хорватов, патриотов à la Елачич, пойдут на пользу централистам и кончатся для хорватов катастрофой. Поэтому урокам 1848—1849 гг. Кватерник и вообще публицистика «партии права» уделяли пристальное внимание.

Анализ этих уроков был одним из важных достижений Кватерника, Старчевича, и других правашей. Критика действий иллирийской группировки в 40-х годах и во время революции 1848 г. началась еще в 50-х годах и приобрела размах в 1870—1871 гг. Развенчание Елачича, снятие ореола патриота, которым наделяли его реакционные круги и большая часть либералов, было необходимо правашам, так как в Хорватии вновь распространялись надежды на австрийских генералов — «славянских патриотов». Нелепо ждать спасения от назначения на высокий пост какого-нибудь «пча» (окончание югославянских фамилий), пронизировал Кватерник, ибо вся мораль любого из них — Gott, Kaizer, Österreich. Но бороться против дуализма во имя немецкого ярма — безумие, подчеркивал он. Уж если приносить жертвы, то ради полной национальной свободы, и «лучше погибнуть всем до последнего, чем владеть жалкое существование в немецком рабстве». Ныне, писал Кватерник в 1870 г., возмущенные венгерским господством народняки славят Елачича, забывая, что этот «защитник славян» стал «слепым орудием австрийской реакции». Елачича могут «прославлять реакционеры во славу австрогерманизма», но мы, «свидетели нашего позора», с оружием в руках шедшие за Елачичем, помним о «кровавых наших хлопотах и еще более кровавой награде, доставшейся нам от баховско-елаичевского господства». В ответ на утверждения, что Елачич «питал добрые намерения» и ему «была свойственна идея», Кватерник восклицал: «Какую идею этого диктатора славите вы? Может быть, закон о печати? Или октроированную конституцию?»⁵⁷ Или ein einiges Österreich, за которую Елачич пошел в бой?» И ныне, заключал автор, австро-федералистская программа служит «скрытной подготовке новой елаичиады»⁵⁸. Кватерник писал, что лидеры хорватского национального движения в 1848 г. не обладали политической зрелостью. Они, в частности, сетовали на то, возмущался Кватерник, что немцы и венгры «связали руки» государю, и выражали готовность отомстить за это тем и другим, т. е. «задушить свободу» в Венгрии, а потом и повсюду⁵⁹.

Кватерник анализировал венгеро-хорватские отношения в 1848 г. Кошут, писал он, до 1848 г. возглавлявший враждебную хорватам партию, по мере обострения ситуации стал понимать возможность использования хорватско-венгерского конфликта австрийской реакцией и даже сделал шаг к примирению с хорватами. Кошут был прав, когда упрекал Елачича и его последователей, что они стремятся отделить Хорватию от венгерской короны не для того, чтобы сделать ее независимой, а чтобы подчиниться австрийскому правительству⁶⁰. В начале августа 1848 г.

⁵⁷ Бан Елачич, получив от хорватского сабора (в июле 1848 г.) диктаторские полномочия, вскоре ввел строгую цензуру, а в марте 1849 г. приказал опубликовать изданную Францем-Иосифом имперскую конституцию, нарушавшую автономию Хорватии.

⁵⁸ E. K v a t e r n i k. Rieč u zgodno vrieime. Zagreb, 1870, стр. 12—16, 25.

⁵⁹ Там же, стр. 35.

⁶⁰ К Кошуту Кватерник в последние годы жизни относился с большим уважением. Он писал, что в 1848 г. «Кошут был душой и сердцем венгерского народа» (E. K v a t e r n i k. Opet rieč u zgodno vrieime. «Нерватска», № 22, 1871).

Кошут указывал на опасность пангерманизма и иллюзорность австро-славистских планов. Еще через месяц — накануне войны — Кошут говорил об интригах австрийской реакции. «Венгерский народ, — цитировал эту речь Кватерник, — *готов удовлетворить все подлинные и справедливые пожелания хорватов*», а конфликт «желает урегулировать мирным путем». «В этих условиях, — говорил Кватерник, — *надо ли было, полезно ли было, человечно ли было... нападать на венгров 11 сентября?*» И все же нападение совершилось по указке реакции. «Кто не видит, что чужая, проклятая рука управляла нашей судьбой в 1848 г.?» Кватерник считал, что в 1848 г. хорваты должны были вооружиться и отстаивать свою свободу, но не ввязываться в войну, чуждую их интересам. Все это урок хорватам, но и венгры должны помнить, что оба народа оказались жертвами интриг и своей вины. Ныне (1871 г.) вновь создается опасная ситуация. «Хорваты, бдительность!»⁶¹

В критике австрославизма Кватерник и правашки перегибали палку, заявляя, что хорватские народняки — простая агентура Австрии, германизма и т. п. Однако страстное выступление против «елачичнады» 1848 г. и разоблачение маневров реакции в 1870—1871 гг. были обоснованными. Эта деятельность Кватерника и правашей развигляла национальное самосознание хорватов и усиливала буржуазно-демократическую тенденцию в хорватском национальном движении.

Главной опасностью для судьбы Хорватии и других стран юго-востока Европы правашки считали германскую экспансию. Особую тревогу вызвало у них возникновение Германской империи. В венских центристах они видели лишь передовой отряд германского «дранга». Поэтому для Кватерника оппозиция любым планам укрепления Австрии была частью борьбы с великодержавными устремлениями бисмарковской Пруссии (Германии), по поводу которых правашки в конце 60—начале 70-х годов неустанно били тревогу. Эти выступления Кватерника — один из важных элементов его деятельности.

* * *

Свои взгляды на международные взаимоотношения Кватерник изложил в 1861 г. в «Политических исследованиях»⁶². Его наблюдения над отношениями между буржуазными государствами не оставляли места для иллюзий в этой области. Непосредственным поводом к написанию названной брошюры явилась ситуация в Австрии в 1860 г., когда в связи с крахом абсолютизма лидерам хорватской буржуазии предстояло избрать направление своей политики. Кватерник предостерегал от поспешных решений, в особенности от отказа требования национального суверенитета. Для взаимоотношений между народами, в особенности соседними, характерны вражда, если не явная, то скрытая, поучал Кватерник, ибо «каждый народ стремился *расширить* свои границы *за счет* соседних»⁶³. Любое государство эгоистично и стремится использовать других в своих интересах. В мире, где идет борьба всех против всех, надо уметь обойти других. «Высшим принципом всякой умело осуществляемой национальной политики является: ...не доверяй никому, кроме своего ума и опыта»⁶⁴. Ложь, хитрость, обман — орудия дипломатии. Кватерник ссылаясь при этом на Макиавелли и Талейрана. В предлагаемых им методах нашли воплощение принципы национализма.

С указанной точки зрения Кватерник рассматривал отношение хорватов к разным государствам и народам Европы. Главной его задачей было подвести читателя к мысли об отказе от ориентации на Венгрию, Австрию

⁶¹ Е. Кватерник. Opet rieč u zgodno vrieme. «Hrvatska», № 22, 1871.

⁶² Е. Кватерник. Politička razmatranja na razkrižju hrvatskog naroda. U Zagrebu, 1861.

⁶³ Там же, стр. 47, 48.

⁶⁴ Там же, стр. 26, 36, 39, 46, 47, 63.

(хотя о последней прямо не говорилось), а также Италию. Австрия и Венгрия несут угрозу Хорватии, и против них надо бороться, опираясь на географически отдаленные государства (подразумевалась Франция). Но в отличие от хвалебных статей по адресу Наполеона III, помещавшихся позже в печати партии права, в «Политических исследованиях» Кватерник не идеализирует Бонапарта. Наполеон III, указывал Кватерник, ловкий дипломат, ведет политику, столь же корыстную, как и другие⁶⁵, но его «принцип национальности» выгоден хорватам. Отношения между славянами Кватерник рассматривал в том же духе. В интересах хорватов, писал он, что между державами, «решающими судьбы всего мира», есть и одна славянская. Это гарантия лучшего будущего Хорватии хотя бы потому, что, боясь России, австрийцы будут вынуждены пойти хорватам на уступки. Вместе с тем Кватерник выступал против панславистского романтизма⁶⁶.

Как отмечалось, правашки представляли общественные элементы, остро ощущавшие и осознававшие национальные противоречия и потому не склонные к их приукрашиванию. Их национализм, направленный против австрийского гнета, исторически оправдан⁶⁷. Но буржуазному национализму были присущи и реакционные стороны, в частности обоспование «национального эгоизма», которое проявилось у Кватерника.

Кватерник критиковал политику царского правительства России, которая в 60-х годах в общем была направлена на соглашение с Австрией. В 1849 г. царское правительство спасло от гибели Австрийскую империю. Поэтому ориентация на Россию, казалось правашам, не могла принести результата в близком будущем. Правда, в первый период после Крымской войны, когда отношения между Австрией и Россией были напряженными, Кватерник ориентировался на Россию. В конце же 50-х и в 60-е годы решающей для настроений Кватерника была вера в силу западноевропейских государств, прежде всего Франции. В этих условиях провозглашение дружеских чувств к официальной России, считали правашки, лишь сеяло бы подозрения у западных держав и уменьшало возможности хорватов⁶⁸. Но правашки охотно обратились бы к России, если бы надеялись на благоприятный результат. В связи с этим понятна их пропаганда франко-русского союза, усилившаяся после образования Германской империи, и их поворот к ориентации на Россию после освобождения Болгарии в 1878 г. Правашки 60-х годов выступали против реакционных панславистских идей.

Для либеральных и даже революционных национальных деятелей в Сербии и Болгарии соображения о порядках в России в большинстве случаев отступали на второй план перед лицом антитурецкой политики России. Они понимали заинтересованность России в ликвидации турецкого господства на Балканах и в то же время видели невозможность установить здесь власть царизма; таковы, например, взгляды Л. Каравелова⁶⁹.

И для Кватерника соображения о реакционности царизма не имели значения, пока он рассчитывал на помощь России. Решающим для него стало иное: взаимоотношения России с Австрией, а также с Сербией,

⁶⁵ Там же, стр. 41, 69, 75.

⁶⁶ Там же, стр. 60. См. также: В. И. Фрейдзон. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии. «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965.

⁶⁷ Демократические национальные идеи имеются также в выступлениях Анте Старчевича — другого основателя партии. Однако (что и определило судьбу наследия Старчевича, как и Кватерника) эти идеи сочетались у него с панхорватизмом. Взятые в целом его взгляды глубоко противоречивы.

⁶⁸ Н. Г. Чернышевский в борьбе против славянофилов приводил аналогичную аргументацию (1861 г.) (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 837).

⁶⁹ «Избранные произведения болгарских революционных демократов». М., 1959, стр. 241.

поддержка царизмом православия на Балканах. Отвергая обвинения в антирусской тенденции, Кватерник подчеркивал в 1871 г., что он «осуждает политику русского правительства» и что борьба против этой реакционной политики — «в интересах самой России». «Если я осуждаю эту мрачную политику, то не могу переоценить и не уважать то множество просвещенных русских людей, с которыми я имел честь и счастье соприкасаться в России и вне ее и общения с которыми никогда не забуду». «Многие из них, — продолжал Кватерник, — были противниками правительственной политики и подвергались преследованиям за свои политические убеждения»⁷⁰. Под реакционной политикой царизма он также имел в виду великодержавную политику в Польше. Кватерник горячо сочувствовал борьбе польского народа за независимость.

Критикуя политику компромиссов правительства Александра II с Австрией и Германией (Пруссией), Кватерник и другие правящие возлагали надежды на усиление влияния в России антинемецких элементов, хотя бы реакционных панславистов, либо на победу демократического переворота, которая, по их мнению, привела бы к ликвидации германского влияния в России⁷¹. Правящие, вообще отстаивавшие идеи конституционности и буржуазного демократизма, переменами положения в России интересовались главным образом с точки зрения их последствий для хорватов.

В 50—60-х годах XIX в. бонапартизм выдвигал во внешнеполитических целях «национальный принцип», т. е. признание прав народов на воссоединение и независимость. При всем различии целей Бонапарта и угнетенных народов Европы имелось определенное соприкосновение их интересов, что и давало возможность французскому правительству в 50—60-х годах эксплуатировать «национальный принцип», как одну из «наполеоновских идей», в целях установления своей гегемонии в Европе. Правительство России тоже обращалось к «национальному принципу», когда это соответствовало его внешнеполитическим задачам.

К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали стремление европейских монархий (Франции или России) использовать борьбу народов за национальную свободу и так называемый «национальный принцип» в своих целях⁷². Они заботились об обеспечении демократического характера национальных движений в Европе, об их независимости от правительств великих держав. Классики марксизма в своем отношении к национальным движениям исходили из интересов революции. Их деятельность в вопросах объединения Германии и Италии, национального освобождения польского, венгерского и других народов была направлена на активизацию демократических революционных сил в этих странах. Так, приветствуя Кошута как лидера национальной революции. Маркс критиковал его за колебания в вопросе об ориентации на Бонапарта в конце 50-х годов⁷³. Сохранение независимости демократических движений и использование ими противоречий между силами реакции, — такова точка зрения Маркса.

Хорватские деятели национально-революционного направления из-за слабости хорватского национального движения придавали решающее значение внешнеполитической обстановке. Поэтому в публицистике правящей огромный интерес уделялось европейским событиям и относительно малое внутрихорватским (последнее было связано с подходом правящей к социальным проблемам вообще). «Вопрос нашего национального будущего, — писал Кватерник в 1861 г., — мы намерены рассматривать с точки зрения *европейской*, приспособлять его рассмотрение к любому возмож-

⁷⁰ Е. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», № 6, 1871.

⁷¹ А. Flaker. Pravaši i Rusija. «Historijski zbornik», X—XI. Zagreb, 1960, стр. 105—118.

⁷² К. Маркс. Господин Форт. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14.

⁷³ К. Маркс. Кошут и Луи-Наполеон. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 524—530.

ному варианту, короче: будем стремиться так пробуждать и просвещать мнение народа, чтобы — поскольку это можно слабым человеческим умом предвидеть и предвосхитить — ни один вариант не мог заставить нас врасплох». «Мы, хорваты... нынешнего более свободного положения достигли только вследствие внешних, т. е. европейских, движений (войны 1859 г. — В. Ф.), нет сомнения, что мы сможем обеспечить себе свободу и на будущее, если сможем достойно относиться и к себе и к внешним движениям, ...исключительно в этих столкновениях мы должны искать гарантию нашего будущего национального счастья..., умея сочетать интересы нашей национальной политики с разными общеевропейскими интересами...»⁷⁴.

Опора на великую державу, враждебную Австрии, надежды на конфликты, особенно ввиду нерешенности итальянского и восточного вопросов, — принципы правашей. Они обычно подчеркивали свою приверженность «наполеоновской идее». Даже в 1879 г. газета партии права «Свобода» утверждала: «Мы, хорваты, расчлененные, денационализированные и натравленные друг на друга ничтожеством, обязанным нам своим существованием (речь идет об империи Габсбургов. — В. Ф.), не видели спасения ни в чем, кроме как в наполеоновской идее. Наполеоновская идея — не что иное, как идея партии права»⁷⁵.

В этом смысл восхваления правашами Наполеона III. Национал-радикалы 60-х годов стремились сплотить вокруг себя политическую армию, и для этого было необходимо убедить возможно большее число людей, что принцип национального суверенитета, революционный в условиях Австрии, не только справедлив, но и осуществим, что в Европе имеются силы, способные оказать поддержку хорватам. В идеализации Бонапарта правашами проявлялась их надежда на Францию, проистекавшая из убеждения, что интересы последней противоположны интересам Австрии и Германии. В 1859 и 1863 гг. Кватерник искренне верил в «миссию наполеонидов», рассчитывал на получение финансовой и военной помощи от Парижа. Хотя события разочаровывали, пропаганда правашей в указанном духе продолжалась, так как она была нужна партии права. Поэтому в 1871 г., после Седана, партия права заявила, что присутствие Бонапартов во Франции — дело второстепенное, главное же — роль Франции в Европе⁷⁶. Когда международная обстановка стала неблагоприятной (образование Германии, подготовка «союза трех императоров»), правашин выражали уверенность в своей победе в связи с неизбежностью франко-русского союза против Германии и Австрии.

Кватерник понимал, что в случае военного разгрома Австрии интересы хорватов не будут обеспечены, если широкие слои народа не воспримут национально-революционные принципы. По его мнению, хорваты в прошлом не могли воспользоваться возникавшей благоприятной для национального освобождения ситуацией из-за доверия к династии, пассивности и потому, что их обманывали «австрийские патриоты» (австро-слависты в 1848 г.). Как вспоминал позднее Кватерник, во время эмиграции он стремился разбудить хорватов, «потому что и русские, и итальянцы, и французы единодушно мне говорили, что мои усилия будут напрасными, если я не выведу из оцепенения своих земляков, так как кто за них предпримет что-либо, если они сами о себе не заботятся?»⁷⁷. Опортунистических политиков он обвинял в эгоизме⁷⁸. Когда в начале 1860 г. в Италии разнесся слух о будто бы начавшемся в Венгрии восстании и итальянцы интересовались, участвуют ли хорваты, Кватерник «невольно усмехнулся: хорваты и бунт! В Хорватии умеют делать бунты под

⁷⁴ E. Kvaternik. Politička razmatranja..., стр. 6, 7.

⁷⁵ M. Nehajev. Djela, VII, стр. 223.

⁷⁶ «Hèrvatska», № 1, 1871.

⁷⁷ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hèrvatska», № 8, 1871.

⁷⁸ Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., стр. 26.

девизом *Aula est pro nobis* («Двор за нас», — говорили сторонники иллирийской партии в 40-х годах XIX в. — В. Ф.). Революции, предводительствуемые Елачичами из Вены, Штросмайерами из военного Сисака⁷⁹ — это им удается, правда на пользу Вене!»⁸⁰

Хотя за границей Кватерник заявлял, что в Хорватии нетрудно поднять восстание против Австрии, он знал о еще прочной вере простых людей в «доброго императора»: «Чувствуют себя хорватами, но австрийщина в их душе», — записал он после разговора с солдатами в 1865 г.⁸¹ Скептицизм в отношении возможностей самого хорватского народа в 60-х годах побуждал Кватерника возлагать надежды на иностранную помощь, а для привлечения последней приходилось в публичных выступлениях преувеличивать силы хорватского национального движения⁸². Кватерник и ряд деятелей 60 — начала 70-х годов не только основывали свои планы на военном поражении Австрии и восстании хорватов, но и стремились *подготовить* такое восстание.

Социально-экономические позиции либеральной буржуазии, допускавшие возможность поддержки ею австрославистских проектов, открывали также перспективу для ее сотрудничества с сербской, словенской и даже болгарской буржуазией, т. е. в конечном счете для объединения южных славян на основе соглашения между буржуазными верхами каждой национальности. Такое соглашение обеспечило бы торговой буржуазии Хорватии (крупное купечество занимало ведущее положение в лагере национальной буржуазии) южнославянский рынок, на котором ее отношения с богатым купечеством других национальностей сводились в большей мере к деловой кооперации, чем к конкуренции (транзитные, оптовые перевозки хлеба, леса, кожи, иностранных изделий и т. п.). Это же обстоятельство имело силу и в определении политической линии большей части промышленной и особенно банковской хорватской буржуазии в последующую эпоху и служило основой для «широкого взгляда» на национальную проблему, для либеральной идеологии югославизма (ср. хорвато-сербская коалиция в начале XX в.)⁸³. Но идеи союза и федерации южных славян имели общедемократическое содержание и поэтому были свойственны демократической, а затем и социалистической среде. При этом они подвергались трансформации; из них устранялись оппортунизм, консерватизм, черты национального эгоизма, свойственные буржуазии, развивалось их революционное, демократическое содержание. Наконец, пролетариат и его партия придали идеям федерации подлинно народное, социалистическое содержание, связав их с борьбой против капиталистического строя, оказавшегося неспособным решить национальный вопрос в югославянских землях. Капитализм потерпел идейно-политический крах в жизненно важном для народов Балканского полуострова национальном вопросе.

Мелкая буржуазия более чувствительно относилась не только к ущемлению своих национальных прав, своих экономических интересов австрийцами или венграми, но и к возможности такого ущемления со стороны близкой ей в национальном отношении сербской буржуазии (в вопросах экономической политики, тарифов, налогов и т. п.). Поэтому, считали ее идеологи, если в перспективе — объединение югославян, то оно должно

⁷⁹ Имеется в виду кампания, направленная против Соглашения 1868 г. и венгерской власти над Хорватией, проводившаяся газетой «Заточник», которая печаталась на Военной Границе под покровительством австрийского командования.

⁸⁰ E. Kvaternik. Gorko uspomene. «Hèrvatska», № 8, 1871.

⁸¹ Ch. Segvić. Drugo progonstvo..., стр. 221.

⁸² Этот скептицизм нельзя свести к неверию в силу масс. В Хорватии еще не было широкого революционного движения. Крестьяне проявляли свой протест лишь в локальных волнениях.

⁸³ При этом надо иметь в виду, что либералы далеко не были свободны от шовинистических воззрений, подчас проявлявшихся открыто.

совершиться только во главе с хорватами! Мелкая буржуазия в большей степени, чем более богатые слои, опасалась национальной конкуренции и острее ощущала хорвато-сербские противоречия в самой Хорватии — Славонии, где сербы (с учетом населения Военной Границы) составляли четвертую часть жителей. Мелкая буржуазия была самой патриотической и самой националистической прослойкой. Это нашло наиболее последовательное выражение в публицистике А. Старчевича и Е. Кватерника (различия между их взглядами не имели решающего значения).

Правашин, в трудных условиях отчаянно боровшиеся за утверждение хорватской самостоятельности, за экономическую независимость, придерживались крайней националистической точки зрения и по отношению к другим (не хорватским) национальным образованиям, в частности к крепнущей сербской нации. Они считали, что теория югославизма (утверждение о наличии нескольких родственных южнославянских «племен», теория их единства или единого южнославянского народа) ослабляет национальные позиции хорватов даже в Хорватии, Славонии и Далмации, не говоря уже о Боснии и Герцеговине, так как не утверждает исключительно хорватского характера этих земель. Сербская национальность укреплялась не только в Сербии, но и в этих землях, а велико-сербские публицисты объявляли хорватов «сербским племенем» или же относили к хорватам лишь население, говорившее на кайкавском наречии. И вот, стремясь укрепить позиции хорватской нации и обеспечить за ней прежде всего всю территорию Тринецкого королевства (Хорватия, Славония, Далмация) и Военной Границы, а затем и Боснию и Герцеговину с их хорвато-сербским населением, правашин заявляли, что в хорватских землях имеются только хорваты — католики и православные. Но правашин не удовлетворялись этим. Они привлекли свое оружие — «историческое право», заявляя претензии на все территории, когда-либо в прошлом входившие в состав Хорватии, даже если население этих земель в XIX в. не признавало себя хорватским. Наконец, в противовес велико-сербской теории они объявляли всех сербов (как и словенцев) хорватами. Как и народняки, правашин стремились к объединению югославян (под именем хорватов, но выделяли наряду с хорватами болгар, как отдельную нацию). В сущности их лозунг — Хорватия, охватывающая словенские, хорватские и сербские земли⁸⁴.

Условием такого объединения они считали ликвидацию особого национального сознания и растворение сербов и словенцев в единой хорватской нации (панхорватизм)⁸⁵. Панхорватизм, по их представлениям, в любой ситуации гарантировал хорватские интересы, в том числе и при объединении югославян. Панхорватизм, конечно, дал новый толчок хорватскому национальному сознанию, однако пропаганда его (как и пан-сербской идеологии), хотя формально она направлялась на защиту принципа единства и государственной независимости югославян, не могла не способствовать розни между ними. Шовинисты всех толков были повинны в ухудшении межнациональных взаимоотношений. Уже в 60-х годах правящие круги габсбургской монархии использовали это обстоятельство, разжигая национальные противоречия.

Более того, шовинизм правашей в сущности отрицал возможность объединения югославян. На практике поэтому панхорватизм использовался для утверждения об исключительно хорватском национальном со-

⁸⁴ Е. Кватерник. *Promemorija princu Jérômeu Napoléonu*. Zagreb, 1936.

⁸⁵ На юго-востоке задача хорватов, по Кватернику, — «политически абсорбировать тамошнее сербство, по языку с нами полностью гомогенное». (Там же, стр. 48). В конце 50 — начале 60-х годов Кватерник, сотрудничавший с народняками, публично выступал за совместную борьбу хорватов и сербов. Но и тогда он стремился к тому, чтобы плодами борьбы воспользовалась хорватская буржуазия (см. напр.: Ch. Segvić. *Prvo progonstvo...*, стр. 198; Ch. Segvić. *Drugo progonstvo...*, стр. 2).

ставе Триединого королевства и для отстаивания претензий на спорные области, в особенности Боснию и Герцеговину⁸⁶. Кватерник, вероятно, понимал бесперспективность попыток «ассимиляции» всего сербского населения, и он не раз выступал за объединение югославянских земель без Сербского княжества, т. е. без ядра сербской нации⁸⁷. От панхорватизма до «великохорватских» планов большого государства (в действительности по населению хорвато-сербского), не включающего наиболее развитые в национальном отношении части сербского населения, всего один шаг: достаточно было националистическим идеологам убедиться в невозможности подавления другой нации в едином государстве.

В своих переговорах с представителями польской и венгерской эмиграции Кватерник, стремясь не допустить поддержки ими сербского национального движения, утверждал, что Сербия — аванпост России. В действительности же его беспокоила поддержка, оказываемая Россией Сербии. Он стремился к тому, чтобы Сербия не получила поддержки и на Западе⁸⁸. Таким образом, соперничество с сербским национальным движением — одна из причин, оттолкнувших правашей от России. С этим же связан и тезис Кватерника о важности для Запада защищать хорватов, а тем самым «западную культуру и католичество» против «византизма» на Балканах. Эти взгляды Кватерник излагал не только иностранцам (т. е. они выдвигались не только в тактических целях), но и в переписке с хорватскими деятелями (Ф. Рачкич)⁸⁹.

Во взглядах Кватерника на словенское национальное движение сказались тот же панхорватизм. Словенцы в наибольшей степени из всех южных славян подвергались германизации и итальянизации. Кватерник горячо выступал против включения словенских земель в германскую конфедерацию, против денационализации словенцев и планов создания «германского моста» к Адриатике, против итальянских претензий на словенские земли. Практической задачей Кватерника объективно было утверждение югославянской принадлежности этой территории⁹⁰. Чтобы спастись от национальной смерти, считал Кватерник, словенцы должны сплотиться с хорватами в независимом государстве. Он призывал защищать словенцев от германского «дранга». Но при этом он называл их «хорватами-горцами», «караптанскими хорватами»⁹¹. Хорватское государственное право — вот щит для словенцев. Но получалось, что за защиту они должны заплатить национальной самобытностью. И здесь великохорватская теория мешала сплочению народов в борьбе за свободу.

Сказанное о панхорватизме свидетельствует, что глубоко ошибочна всякая тенденция к сглаживанию пороков, свойственных этой теории. Такое «отстаивание единства» югославян несло в себе зародыш самых реакционных идей, нередко толкало к контакту с реакционными элементами. Поэтому правильно, но недостаточно указать на существенное отличие взглядов и деятельности правашей 60-х годов XIX в. от правашей 1900-х годов и следует критиковать те черты идеологии первых, за которые ухватились реакционные «наследники»⁹².

⁸⁶ Праваше 60-х годов были противниками австрийского проникновения в Боснию и Герцеговину. Не желая присоединения этих провинций к Сербии, они предпочитали их временное оставление в руках турок.

⁸⁷ О границе Хорватии по Дрине см.: Ё. Kvaternik, Gorke uspomene. «Нерватска», № 7, 1871; Ch. Segvić. Drugo prgonstvo..., стр. 17, 168.

⁸⁸ Ch. Segvić. Drugo prgonstvo..., стр. 122.

⁸⁹ Ch. Segvić. Prvo prgonstvo..., стр. 139.

⁹⁰ Lj. Kuntić. Slovenija u političkom programu stranke prava do 1871. «Jadranski zbornik», III, 1958, стр. 122, 125.

⁹¹ Там же, стр. 115, 124.

⁹² В югославской науке выдвигалось суждение, что А. Старчевич с чувством симпатии относился к сербам, но возражал лишь против их национального имени (названия), так как считал их хорватами (это суждение встречало и встречает категорические возражения среди других югославских историков). Справедливо, что

Таким образом, борьба правашей против югославизма как идеи⁹³ неизбежно ослабляла позиции хорватского национального движения. Идеология буржуазии, даже боровшейся за освобождение, выявила здесь свою противоречивую природу: наряду с прогрессивным — реакционное содержание. Желая всем народам национальной свободы, т. е. в принципе придерживаясь демократических взглядов в национальном вопросе, правашки оказались неспособными к применению этого принципа к южным славянам, ибо он затрагивал интересы хорватской мелкой буржуазии⁹⁴. Пока речь шла о других народах, Кватерник, а более последовательно Старчевич пропагандировали сотрудничество между свободными народами; с присущей ему непримиримостью Старчевич осуждал национальный гнет, абсолютизм. Но перед национальным движением южных славян стояли проблемы особой сложности. Они возникли как следствие своеобразия развития наций в условиях особого размещения народов (наличие территорий со смешанным хорвато-сербским населением, говорящим на одном языке), этнической общности югославян, зачастую национальной неопределенности населения в середине XIX в. (остатки локального сознания), прогрессивности объединения югославянских народов с точки зрения экономической и политической, значительной общности их культуры. Решить эти проблемы мелкобуржуазные идеологи были не в состоянии. Здесь проявилась историческая несостоятельность буржуазии в национальном вопросе. Решение задач, стоящих перед югославянскими народами, мог взять в свои руки только рабочий класс.

Существенное значение в системе национально-политических взглядов Кватерника имело его отношение к Венгрии. Считая наиболее опасным противником Австрию, Кватерник, за исключением, пожалуй, лишь 1860 года, боролся против использования австрийскими правящими кругами венгеро-хорватских разногласий. В Венгрии он видел возможного союзника Хорватии против австрийских централистских планов, поползновений других государств на господство в бассейне Дуная и, наконец, против усиления сербского влияния⁹⁵. Выше мы отмечали анализ Кватерником хода событий 1848 г. Вину за хорвато-венгерский конфликт 1848 г. он возлагал на австрийскую реакцию, Елачича и их последователей. Хорвато-венгерский политический союз, по Кватернику, возможен, но только как союз равноправных государств. После преобразования Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию правашки, борясь против венгерского господства над Хорватией, подчеркивали, что решающей силой, угнетающей хорватов, оставалась Австрия: «...швабы отдали нас мадярам», чтобы держать в руках и венгров и хорватов.

Итак, идеология правашей таила в себе противоречия и конфликты. Но для существа их деятельности в 60 — начале 70-х годов и, в частности, деятельности Кватерника и его сторонников решающей была не точка зрения на южных славян, но национально-революционная пропаганда и борьба против гнета габсбургской монархии, против опасности герман-

А. Старчевич опасался денационализации сербского населения (например, в Банате), называл жителей Сербии «лучшей частью хорватского народа», считал деятелей сербских восстаний против турецкого ига, сербских государей эпохи средних веков, объявляя их хорватами. Старчевич, конечно, боролся не против сербов вообще, а «только» против признания сербской нации, сербского национального самосознания и особой государственности. Выступление Старчевича против «сербского имени» выражало позицию националистическую, реакционную.

⁹³ Речь идет именно о критике правашками идей югославизма, принципа хорвато-сербского сотрудничества в борьбе за национальную свободу, но не о критике империалистической югославистки построенных империалистических элементов.

⁹⁴ Формально правашки выступали против признания сербской и словенской наций, исходя из интересов освободительного движения. Они заявляли, что «раскол хорватов» на несколько народов выгоден их угнетателям.

⁹⁵ Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., стр. 89.

ской экспансии на юго-востоке Европы, за суверенитет хорватского народа⁹⁶.

Важной чертой национальной идеологии хорватской буржуазии 60-х годов XIX в. (как и позднее) была ссылка на «историческое право» хорватов. «Партия права» отразила это в своем названии. В борьбе за объединение и самостоятельность Хорватии в качестве аргумента приводились давшие средневековых источников о территории Хорватии, о суверенных правах ее королей и сабора.

В понятие «историческое право» каждое политическое течение вкладывало разное содержание. Прежде государственно-правовая идеология являлась орудием феодального класса. Историческим правом обладали лишь некоторые народы австрийской империи и в их числе хорваты. С помощью этой теории дворянство (в частности, венгерское, польское) обосновывало свои притязания на господство над другими народами или на определенные автономные права, имевшие сословное происхождение. Хорватское дворянство, например, в XVIII в. таким путем отстаивало «муниципальные права» хорватского королевства (или, что для дворянства было тем же самым, свои привилегии) против централистской политики австрийских государей. Определяющей чертой «исторического права», как идеологии дворян-помещиков, являлся консерватизм. Но его содержание изменяется уже в ходе иллирийского движения, в процессе обуржуазивания дворянства и развития буржуазии.

Австрийский либерализм — идеология крупной австро-немецкой торгово-промышленной и банковской буржуазии — направлял свои усилия на ликвидацию остатков средневековых перегородок внутри империи. «Историческое право» венгров или хорватов поэтому третировалось австрийскими шовинистами как средневековый пережиток. Австрийские либералы противопоставляли «запыленным пергаментам» новые, «реальные» отношения, экономические и политические связи между областями империи, их «общие интересы».

В 60-х годах XIX в. «историческое право» выдвигалось хорватским дворянством для обоснования своей провенгерской (унионистской) политики: объединение Хорватии (на условиях весьма ограниченной автономии) с Венгрией, где господствовали земельные магнаты, сузило дворянам сохранение их классовых позиций, поэтому дворянство превозносило старинную венгеро-хорватскую конституционность. Консервативное содержание правовой теории, таким образом, в определенной мере сохранилось. Но само дворянство все более проникалось буржуазными интересами, кроме того, унионизм или же федералистские требования со ссылками на «право» защищала либеральная буржуазия, стремившаяся поставить преграду австрийскому хозяйничанью в Хорватии — Славонии. Ссылки на историческое право имели поэтому и другую подоплеку — озабоченность развитием капиталистической экономики страны.

Иное применение получила теория «исторического права» в радикальных кругах (праваша в Хорватии, венгерские радикалы, в Чехии — Й. Фрпч). Она давала возможность легально выдвигать требование на-

⁹⁶ Поэтому, в частности, праваша пользовались сочувствием не только антиавстрийских буржуазных элементов, не разделявших их великохорватской идеологии, но даже сербского революционного демократа Светозара Марковича. Сочувствие Марковича питалось также наличием в партии права революционного демократического крыла, представлявшего интересы трудящихся (об этом см.: В. И. Фрейдзон. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии. «Советское славяноведение», 1965, № 5). Квартерник был готов сотрудничать с решительными противниками австрийского господства, не придерживавшимися великохорватских взглядов. Например, он положительно отзывался о М. Пуиче (Drugo progovstvo..., стр. 100), доверял убежденному югослависту далматинцу Н. Нодило, перешедшему на сербскую службу А. Орешковичу (там же, стр. 110), народняку Дж. Припадуку (там же, стр. 104). Требование ликвидации военного режима на Границе привлекло к правашам население, не имевшее и понятия о великохорватстве.

национального суверенитета, т. е. стала знаменем борьбы за независимость. Остались элементы средневековой фразеологии, сам же лозунг приобрел буржуазно-демократическое содержание⁹⁷.

Но его смысл не исчерпывался этим. Черта «правовой» идеологии — пренебрежение к правам других народов — сохранилась. Поэтому ссылки на «историческое право» оказались весьма удобными для сторонников панхорватизма. Так как средневековые сербские государства правящи называли хорватскими, сфера хорватского исторического права еще более раздвигалась. Поскольку и это оказывалось недостаточным для обоснования требования объединения югославян (хорватов, сербов и словенцев), привлекалось и естественное право народов на объединение и независимость.

«Национальный принцип» (или «естественное право» нации на суверенитет, самоопределение) родился в эпоху подъема буржуазии, сопровождал процесс развития нации. Французская революция конца XVIII в. разнесла эти идеи по Европе. Уже в период подъема национального движения в 40-х годах XIX в. и особенно в 1848—1849 гг. хорватские буржуазные деятели исходили в своих требованиях из «естественного права» народов на национальную свободу — исторически прогрессивного буржуазного принципа XVIII—XIX вв.⁹⁸ И в 60-х годах этот принцип находит применение хорватского национального движения: правящи применяли его как для обоснования права на суверенитет и независимость, так и в панхорватских целях.

Кватерник совмещает «историческое» и «естественное» национальное право в следующей формуле: «Земли, охватываемые государственным правом хорватов, с точки зрения истории и народности простираются от Германии до Македонии, от Дуная до моря, по нынешним особым провинциальным названиям — следующие... (перечислены словенские, хорватские и сербские земли. — В. Ф.), а все вместе действительно называются государством Хорватией»⁹⁹. В другом месте он писал (1864 г.): «Под Хорватией я понимаю все королевство Хорватию, историческое и естественное, простирающееся от Норических Альп (Каринтия, Крайны и т. п.) до рек Дрины, Ибара и Бояны в Албании с одной стороны, а с другой, от Сочи до Дуная (Горица — Петроварадин)»¹⁰⁰.

Национальный принцип всегда выдвигался Кватерником. Например, уже осенью 1860 г. он призывал австрийское правительство «опереться на принцип национальности»¹⁰¹. Еще раньше он отмечал в своем дневнике (речь шла о венгерских дворянско-буржуазных политиках, претендовавших на господство над народами всех земель венгерского королевства): «венгры могут существовать лишь благодаря легитимной насилие (т. е. историческому праву. — В. Ф.), но принцип национальности их убивает»¹⁰². Здесь «правовой принцип» отвергается Кватерником, когда он противоречит хорватским требованиям¹⁰³.

⁹⁷ Политическая борьба со ссылками на «историческое право» побудила национальных деятелей усиленно заняться отечественной историей (И. Кукулевич, Ф. Рачкий и др.). Кватерник занимался историей Хорватии в политических целях.

⁹⁸ Но следует смешивать провозглашение этого принципа борцами за свободу народов со спекуляцией на этом принципе реакционными кругами, в частности Наполеоном III.

⁹⁹ Lj. Kun ti ć. Slovenija u političkom programu..., стр. 132. Современники событий А. Пыпин и В. Спасович («История славянских литератур», I. СПб., 1879, стр. 257, 258) считают, что этот текст принадлежит А. Старчевичу (курсив мой. — В. Ф.).

¹⁰⁰ E. K v a t e r n i k. Promemorija..., стр. 36 (курсив мой. — В. Ф.).

¹⁰¹ Ch. Seg vi ć. Prvo progonoštvo..., стр. 171.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Позднее, в 1879 г. в газете «Слобода» основная цель партии права была сформулирована так: «Те, кто естественно связан общим происхождением, одним и тем же языком, общими обычаями, общими интересами, должны сдружились в одно государственное целое и если не прошлое, то будущее должно быть для всех общим...» (M. Ne ħ a j e v. Djela, VII. стр. 223).

Достоин внимания сравнение идеологии национального революционного движения в Хорватии и Италии. Идеология итальянского национального движения оказала мощное воздействие на югославян¹⁰⁴. Конечно, в 60 — начале 70-х годов XIX в. Хорватия далеко отставала от соседней Италии по уровню экономического и социально-политического развития, в особенности от Северной Италии. Но в Хорватии, как и в Италии, перед национально-революционными деятелями стояла задача: достижение национальной независимости и объединение национальной территории. И здесь эти деятели, хотя и стремились втянуть в движение более широкие слои народа и связывали достижение национальной свободы с введением политических свобод и буржуазно-демократического строя, не выдвигали задачи коренных аграрных преобразований¹⁰⁵.

Революционная интуиция подсказала Гарибальди необходимость вовлечения крестьян в свои отряды. Но в целом мадзинистское движение осталось чуждым интересам крестьянства. Основной контингент сторонников Мадзини составляли учащиеся, рабочие, демократические элементы городского населения, интеллигенты, немногие представители привилегированных слоев. Так как в 1848 г. Мадзини проявил пренебрежение к социальным требованиям масс, Маркс охарактеризовал итальянского революционера как главу «республиканских формалистов»¹⁰⁶. В этом же видел причину слабости национально-освободительного движения в Италии Н. Г. Чернышевский¹⁰⁷. Его взгляды на данный вопрос замечательно близки точке зрения Маркса.

Однако игнорировать социальные проблемы в 50—60-х годах было уже невозможно. Опыт же политической борьбы (в частности, миланское восстание 1853 г.) убеждал Мадзини и его сторонников, что их революционные призывы встречают отклик прежде всего в народных низах. «Итак, большим прогрессом для партии Мадзини является то, что она, наконец, убедилась, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеют место классовые различия и не от высших классов надо ожидать в наше время революционного движения. Может быть, сторонники Мадзини сделают еще шаг вперед и проникнутся сознанием, что им надо серьезно заняться материальным положением сельского населения Италии, если они хотят встретить отклик на свой лозунг «Dio e popolo»»¹⁰⁸.

Обстановка побуждала мадзинистов уделять внимание «рабочему вопросу», но они стремились сделать пролетариат резервом радикальной буржуазии. Величие Мадзини заключалось в борьбе за национальную свободу Италии, его слабость — в ограниченности буржуазного деятеля, действовавшего в эпоху, когда общественный прогресс все более зависел от активности трудящихся масс и прежде всего пролетариата.

Несмотря на существенные различия между обстановкой в Италии и Хорватии, в социальной основе «национальной партии» Италии и «партии права» в Хорватии имелось сходство. Но в Хорватии национально-революционные элементы были малочисленными вследствие социально-экономической отсталости страны. В отличие от итальянцев Кватерник и правалии в 60 — начале 70-х годов вообще не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительные силы, если бы они не обратились к деревне.

¹⁰⁴ Ж. Скерлиф. Омладина и њена книжевност. Београд, 1925, стр. 187—200.

¹⁰⁵ Проблема отношения к рабочему движению, актуальная в Италии уже в 1848 г., встала перед хорватскими деятелями национально-революционного направления позднее.

¹⁰⁶ К. Маркс. Мадзини и Наполеон. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 434.

¹⁰⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 375.

¹⁰⁸ К. Маркс. Кошут и Мадзини. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 573.

Кватерник, однако, в аграрной области не вышел за пределы буржуазного реформизма.

Социальные проблемы вызвали вскоре после 1848—1849 гг. противоречия и раскол в партии Мадзини, хотя мадзинисты хотели сохранить ее как партию общенародную. Аналогичное явление, хотя и на два десятилетия позднее, обнаружилось в среде правашей, тоже мечтавших об общенародной партии.

Различия в положении итальянского и хорватского народов обусловили разницу в тактике деятелей национально-революционного направления. «Национальная партия» Мадзини в основном рассчитывала на собственные силы итальянского народа, все же значительные даже при отсутствии массового аграрного движения. Она с недоверием относилась к политике Наполеона III. Впрочем, от колебаний в этом вопросе не был свободен и сам Мадзини. Праваше, хотя и рассчитывали на восстание граничар, понимали слабость революционных сил Хорватии. Кроме того, праваше не могли рассчитывать на опору в свободной национальной территории (вне Австрии). Сербское княжество, в определенной, но еще слабой мере выполнявшее роль притягательного центра для югославян, не принималось ими в расчет. Поэтому основные надежды праваше связывали с иностранной помощью.

Может показаться, что Кватернику была свойственна большая, по сравнению с Мадзини, доверчивость к политике Наполеона III. Ведь Мадзини разоблачал корыстные планы Бонапарта в Италии, а праваше хвалили его. Но выше мы говорили о пропагандистских целях правашей. В действительности между позициями мадзинистов и правашей было много общего. Недоверие к Бонапарту имело немаловажной причиной географическое расположение Италии: экспансионистские устремления французских правящих кругов представляли угрозу для Италии. Хорватские же деятели считали, что для них Франция из-за ее удаленности от Балкан не представляет опасности. Но стоило Кватернику прочесть, будто французское правительство намерено аннексировать альпийские районы, как он записал в дневнике, что это приближение Франции к границам хорватских земель является угрозой для «хорватско-французской политики» правашей¹⁰⁹. Выяснилась его точка зрения на Наполеона III, аналогичная взглядам мадзинистов.

Родство общественной природы деятелей, подобных Мадзини в Италии, Кватернику в Хорватии, Й. Фричу в Чехии (сюда можно причислить и ряд борцов за национальное освобождение Польши), нашло свое выражение в однотипности их политической пропаганды (единство всех слоев населения ради национального освобождения), в их буржуазном национализме, в подчеркнутой религиозности многих из них. Наконец, во враждебном отношении к рабочему движению¹¹⁰. В связи со сказанным не кажется случайной близость основного лозунга правашей — «Бог и хорваты» (Bog i hrvati) лозунгу Мадзини — «Бог и народ» (Dio e popolo).

«Бог и народ» — классический лозунг Мадзини. В нем нашли выражение и прогрессивность и ограниченность буржуазной национальной идеологии. В нем содержится мысль, что интересы всей нации — едины и представлены национальным движением, что нет интересов выше национальных. Здесь нет места ни верноподданническим чувствам по отноше-

¹⁰⁹ Представляет большой интерес следующее перечисление Кватерником доводов в пользу ориентации на Францию: «...Франция... наиболее благоприятный для нас союзник: как защитница католицизма, как естественная противница германизма, как конкурент Италии (а два последние элемента кровно враждебны нам), далека от нас, принадлежит к другому племени» (!) (V. Bogdanov. Historija političkih stranka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, стр. 732).

¹¹⁰ Об этом см.: В. И. Фрейдаш. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии. «Советское славяноведение», 1965, № 5.

нию к царствующей династии, или верности традиционным государственным объединениям. Кроме «народа», на знамени движения — только «бог».

Для идеологии хорватского национального движения этот лозунг имел еще большую значимость, чем для итальянского. Если в Италии верноподданические чувства к Габсбургам не имели прочной традиции, то в Хорватии, сотни лет входившей в состав государства Габсбургов, положение было иным. Здесь национальное движение с 30-х годов XIX в. развивалось в условиях маневров двора, использовавшего претензии венгерских буржуазно-дворянских кругов на господство над Хорватией для противопоставления народов друг другу. Династия длительное время изображала из себя защитника национальных прав хорватов. Среди хорватской буржуазии в 60-х годах (а в 1848 г. и среди дворянства) наибольшим влиянием пользовалась идеология австрославизма, принципом которой была ориентация на союз с династией. В этих обстоятельствах слова о «боге и народе» звучали необычно. Хотя праваша формально не выдвигали требования республики, фактически в своей пропаганде, особенно в начале 70-х годов, они признавали только суверенную волю нации, резко выступали против монархического тезиса о «двух равноправных факторах» государства — народе и государе¹¹¹. Но в лозунге нет выражения классовых интересов масс. Эта «бесклассовость» в действительности отражала представления буржуазии, ее готовность удовлетвориться решением минимальной, но зато наиболее общей задачи.

«Бог и хорваты» — в сущности мадзинистский лозунг, перенесенный на хорватскую почву¹¹². Но отличие лозунга «Бог и хорваты» от формулы «Бог и народ» имело для А. Старчевича и Е. Кватерника принципиальное значение. «Хорваты» заменили «народ» потому, что тем самым устранялись различные толкования слова «народ». Югослависты-народники нередко пользовались словами «наш народ» для обозначения южных славян. Это позволяло им отвлекаться от споров о названии «народа». Для правашей же было важно не только призвать хорватов к борьбе с гнетом, но и подтвердить свое непризнание других национальностей в Хорватии. В этом лозунге, таким образом, сосредоточились противоречия идеологии правашей. Вновь подчеркиваем, что в 60 — начале 70-х годов XIX в. решающей для характеристики правашей была их освободительная борьба против национального гнета. Но нельзя игнорировать отрицательное воздействие идей, противоречивших демократическим целям этой реальной борьбы.

Радикальная интеллигенция 60 — начала 70-х годов XIX в., как правило, толковала лозунг в указанном смысле: нет ничего выше нации. Но для клерикалов, в особенности в конце XIX — начале XX в., когда клерикальная реакция перешла в наступление, упоминание бога в основном лозунге национального движения было средством укрепления влияния церкви на массы. Сам Кватерник, глубоко религиозный, связывал интересы национального движения с «богом», но не с политикой Ватикана или высших сановников церкви Габсбургской империи, как это делали клерикалы в XX в. В толковании лозунга правашей нашла отражение эволюция идеологии буржуазии во второй половине XIX — начале XX в., сказалась отмеченная выше судьба идейного наследия правашей: некоторые его стороны использовала реакция.

Социальные и национальные условия деятельности Кватерника способствовали укреплению его религиозности. Это — крайние трудности, вы-

¹¹¹ Отсутствие лозунга республики позволило правашам легально выдвигать требование национального суверенитета, оставляя открытой дверь для соглашения с любой династией и даже с Габсбургами. Но, конечно, возможность соглашения с Габсбургами на условиях правашей сводилась к нулю.

¹¹² Данный лозунг также свидетельствовал о том, что не ссылка на «историческое право» являлась главной чертой мировоззрения правашей, а утверждение права на национальный суверенитет.

павшие на долю небогатых собственников и мелких производителей Хорватии в третьей четверти XIX в., неуверенность в будущем, разорение части из них. Национальное положение хорватского народа воспринималось Кватерником сквозь призму его общественной среды. Усилившееся после 1848 г. вторжение инационального крупного капитала в хорватские земли, рост централистских и германизаторских тенденций в 50-х годах XIX в. — все это вызвало мрачные оценки национальных перспектив для хорватов (хотя именно эти оценки возбуждали ненависть к угнетателям и толкали наиболее активных национальных идеологов на путь борьбы за национальную независимость). Наконец, в том же направлении шло и развитие классовой борьбы не только в Хорватии или Австрийской империи, но и в Европе в целом, рост рабочего класса, распространение социалистических учений. Элементы «христианского социализма» во взглядах Кватерника отражали настроение собственнических элементов, мелкой буржуазии.

Трудное национальное положение хорватов и неудачи, которые преследовали и без того религиозного Кватерника в его деятельности, все более толкали его к вере в чудо, в «божественное предначертание», в особую его роль в деле освобождения Хорватии. Эта вера поддерживала его упорство в борьбе. Необходимость такой «опоры» свидетельствовала о незначительности реальных сил, на которые мог опираться Кватерник.

Югославский историк Л. Кунтич в связи с этим указал, что бог был для Кватерника «вторым я», служил той же политической цели, т. е. делу национального освобождения, подобно тому, как ранние социалисты считали борьбу за интересы широких масс божьей заповедью¹¹³. Действительно, Кватерник каждый шаг в своей деятельности подкреплял ссылкой на волю бога, даже молитвы имели у него сугубо политический характер¹¹⁴. Можно добавить, что католическая религия, по убеждению Кватерника, — «продолжение» национальных интересов Хорватии. Он связывал политические причины своей профранцузской ориентации в 60-х годах с религиозными (Франция — католическая страна)¹¹⁵. Католицизм изображался в качестве фактора, способствующего укреплению хорватов как особой нации. Подчеркивание Кватерником перед польскими и французскими политическими деятелями значения католической религии как оплота хорватов и «западной цивилизации» имело политическую цель. Однако сами клерикальные настроения коренились не в национальном положении хорватов вообще, а в социальных условиях жизни мелкой буржуазии. Подчеркивание католической религиозности Кватерником — способ отстаивания национальных интересов с позиции этого слоя. Кватерник защищал светскую власть папы, враждебно относился к теориям происхождения христианства, отступавшим от католической догмы¹¹⁶.

Но взгляды Кватерника на религию не являлись господствующими в партии права. Ни с национальной точки зрения, ни с социально-политической они не могли удовлетворить всю партию. «Великую Хорватию» нельзя было успешно пропагандировать, не признавая полного равноправия различных религий. Демократическое же крыло партии принципиально выступало против религиозной идеологии¹¹⁷. Вопрос об отношении

¹¹³ Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., стр. 66, 67.

¹¹⁴ Ch. Segvić. Prvo progonstvo..., стр. 172.

¹¹⁵ M. Pavlinović. Studije. Eseji. Prikazi. Zagreb, 1930, стр. 136, 137; M. Pavlinović. Lični dodiri Eugena Kvaternika s Mihovilom Pavlinovićem. «Historijski pregled», 1962, № 4, стр. 276. Сказанное относится к периоду, когда Кватерник ждал помощи от Наполеона III. До этого времени в России он говорил о реакционности политики, основанной на религии, ибо это соответствовало его политическим целям.

¹¹⁶ При всем том надо иметь в виду, что, как и А. Старчевич, Кватерник отрицал претензии духовенства на руководство политической жизнью, т. е. клерикализм в политике. Это связано с австрославистской или же унионистской позицией духовенства.

¹¹⁷ См. ст.: В. И. Фрейдзон. «Буржуазные национал-радикалы...».

к религии явился одним из поводов к острым разногласиям среди руководства правашей, и Кватерник оказался в меньшинстве (1871 г.). Однако его клерикализм не остался незамеченным церковной реакцией. Кватерника пытались привлечь к редактированию клерикальной газеты¹¹⁸.

Приведенные факты вновь свидетельствуют о том, что если нельзя считать хорватских клерикалов 1900-х годов и сторонников «Великой Хорватии» (в составе «Великой Австрии» во главе с Францем-Фердинандом) прямыми наследниками правашей 60-х годов XIX в., то нельзя и не видеть связи между ними и использования первыми реакционных сторон мировоззрения правашей 60-х годов XIX в.

* * *

Основные черты идеологии Кватерника, в частности, его национально-политические принципы, сформировались на основе хорватской действительности 50—60-х годов XIX в. В них нашли выражение противоречия условий жизни небогатых собственнических (т. е. в основном мелкобуржуазных) слоев хорватского общества. Идеальным материалом для них послужила часть наследия французской революции XVIII в., а именно: демократические идеи «естественных прав» народов на объединение своих земель, на суверенитет нации, на политическую свободу. Хорватское национальное возрождение (илиризм), идеи 1848 г., национально-освободительные движения других народов, в особенности сербов, итальянцев, венгров и поляков, — также важный источник идеологии Кватерника. Принцип национального суверенитета был развит Кватерником путем критики илиризма и австрославизма. Вся политика илиризма в 1848—1849 гг. была подвергнута правашами особенно острой критике. В отличие от национал-либералов (австрославистов) 60-х годов, которые, ощущая всю горечь краха национального движения 1848—1849 гг., возлагали вину за этот исход в основном на другие народы, Кватерник призывал пересмотреть основы идеологии хорватского национального движения с тем, чтобы никогда правящие круги Австрии, австрийские центристы и германизаторы не смогли больше получить поддержку хорватов сознательную или несознательную.

Принцип национального суверенитета возник как один из прогрессивных буржуазных принципов эпохи поднимающегося капитализма, он был направлен против национального гнета, абсолютизма и феодализма. Для Кватерника другие буржуазно-демократические лозунги имели значение лишь постольку, поскольку они способствовали осуществлению его основного принципа. В осуществлении каких-либо буржуазных преобразований он был готов идти на компромиссы, так как не являлся революционным демократом, но без национального суверенитета будущее хорватов, по его мнению, не было обеспечено, и суверенитет должен быть завоеван во что бы то ни стало. Кватерник опровергал утверждения буржуазно-помещичьих деятелей о неспособности Хорватии существовать как независимое государство. Поэтому для либеральных политиков он и его товарищи — «фантазеры» и «бунтовщики». С экономической и этнической точки зрения объединение югославянских земель было бы прогрессивным явлением, но Кватерник в националистических интересах развил великохорватскую теорию, находившуюся в противоречии с демократическими принципами. Вопреки его стремлениям, австрийская реакция ухватилась за эти идеи и в дальнейшем вновь смогла получить поддержку части хорватской буржуазии. Однако не великохорватство как шовинистическая доктрина, а отстаивание требования независимости определяет значение Кватерника в политической борьбе 1857—1871 гг.

О стройной системе взглядов Кватерника можно говорить лишь при-

¹¹⁸ М. Негаје в. Djela, VII, стр. 89.

ментально к национальному вопросу. Во всем остальном его воззрения, выражавшие идеи и интересы буржуазии, по преимуществу мелкой, не представляли чего-либо цельного. На его мировоззрение оказали влияние буржуазные и мелкобуржуазные экономисты и социологи эпохи, когда буржуазная общественная мысль уже клонилась к упадку. Но вся «система» его социальных воззрений была органически связана — в Хорватии иначе и не могло быть — с национальной проблемой.

И по своим целям и по методам действия Кватерник был революционером. В отличие от буржуазно-помещичьих национал-либералов он не боялся движения масс народа, т. е. в основном крестьянства, предполагая направить его в русло борьбы за национальную независимость. Учитывая опыт революций 1848—1849 гг. и особенно польского восстания 1863 г., он пытался увязать национальное движение с некоторыми социальными требованиями крестьян. Относительно границар он выдвигал программу полной ликвидации существующего на Военной Границе реакционного строя. Во всем этом проявились черты демократизма в его взглядах, но ограниченного и непоследовательного.

Для богатых слоев буржуазии этого было достаточно, чтобы отвернуться от Кватерника. Буржуазия отказывалась открыто провозглашать революционную цель, хотя ее достижение соответствовало наиболее общим интересам развития капитализма в Хорватии.

Но Кватерник не ставил материальные интересы масс в основу своей деятельности. Отсюда его главная надежда на помощь иностранных правительств.

Однако после возвращения в Хорватию (1867 г.) Кватерник сотрудничал в борьбе за национальную свободу с немногочисленными и еще не выработавшими прочных взглядов хорватскими демократическими социалистическо-народническими элементами. Партия права в конце 60-х годов расширяла свое влияние именно на эту демократическую среду, на разночинную молодежь, на «людей без власти и денег» (А. Старчевич)¹¹⁹. К их общественно-политическим тенденциям Кватерник относился несочувственно, но позиция Кватерника в национальном вопросе толкала его к поискам союзников в демократической сфере.

Прогрессивные деятели хорватского народа боролись против попыток реакционеров объявить себя «наследниками» правашей 60-х годов XIX в. Не теньевые и попросту реакционные черты доктрины правашей, а ее прогрессивные тенденции и сама деятельность Кватерника, боровшегося за свободу Хорватии в исключительно трудных условиях, явились, в частности, определяющими моментами для отношения к нему выдающегося хорватского писателя-коммуниста Августа Цесарца¹²⁰.

Не идеализируя Кватерника и других близких ему в идейно-политическом отношении деятелей национальных движений, мы можем указать на их роль в истории своих народов. При всей исторически обусловленной ограниченности взглядов Кватерник был смелым и преданным делу борцом за национальное освобождение своего народа. Во имя этой цели в 1871 г. он стал под пули австрийских солдат.

¹¹⁹ V. Bogdanov. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj, стр. 734.

¹²⁰ В 1940 г. Цесарец создал драму «Сын отечества» (Sin domovine), материалом для которой послужили эпизоды из жизни Кватерника. Эта пьеса — одно из примечательных произведений хорватской литературы — тогда же была удостоена премии.

В. Г. Карасев

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ РУССКИХ
И СЕРБСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
В ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ В БОСНИИ
И ГЕРЦЕГОВИНЕ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX В.**

Об участии русских революционеров С. М. Степняка-Кравчинского, М. П. Сажина, Д. А. Клеменца, Н. Д. Далматова, Васильевского и других в Боснийско-Герцеговинском восстании 1875—1878 гг. и их связях с сербскими революционерами достаточно известно в литературе. Но русско-сербские революционные связи на почве подготовки восстания в Боснии и Герцеговине возникли отнюдь не в середине 70-х годов, а гораздо раньше. К сожалению, до недавнего прошлого об этом было известно очень мало.

Пятнадцать лет назад в I томе «Ученых записок Института славяноведения АН СССР» было напечатано сообщение советского историка Е. Н. Кушевой¹, в котором впервые приводился весьма примечательный архивный документ — извлечение из записной книжки русского революционера Ивана Мартыновича Ковальского, арестованного в Одессе 30 января 1878 г. и вскоре расстрелянного. Бумаги, отобранные при аресте у Ковальского, не сохранились. До нас дошла лишь копия, снятая с его записной книжки и хранящаяся ныне в Центральном государственном историческом архиве в Москве². Документ представляет собой словарь-шифр для конспиративной переписки с заграницей.

Сообщение Е. Н. Кушевой вызвало большой интерес советских и югославских историков, занимающихся изучением русско-сербских революционных связей³.

¹ См. Е. Н. Кушева. Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. 1, 1949 г., стр. 343—358.

² ЦГАОР, III отд., III экзп., д. 95, 1878 г.

³ См. новые материалы по этому вопросу: Љубомир Дурковић-Јакшић. Припреме за ослободилачку борбу. Спомена поводом осмодесетгодишњице окупације Босне и Херцеговине (1878—1958), педесетгодишњице анексије (1908—1958) и четрдесетгодишњице ослобођења и уједињења (1918—1958). Београд, 1959, стр. 71, 72; В. Н. Кошдратьева. Новые архивные материалы по истории Объединенной сербской омолодине. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XX. М., 1960, стр. 306—330; Она же. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году (по русским архивным материалам). «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXVIII. М., 1964, стр. 143—164; Восо Војводић. Рад Србије на политичкој пропаганди у Босни и Херцеговини (1868—1872). «Историјски Гласник», бр. 2, 3—4. Београд, 1960; Милоград Екмеџић. Устанак у Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960; Д-р Коста Милутиновић. Црна Гора и Приморје у Омладинском покрету. «Историјски записи», година VI, књ. IX, 1953, св. 1, стр. 1—46 и др.

Комментируя документ и делая попытку его дешифровки, Е. Н. Кушева высказала мысль, что многие сербские фамилии словаря находят себе отождествление именно среди лиц, группирующихся около Марковича, другие — среди его современников⁴.

Достаточно самого беглого знакомства с документом, чтобы убедиться, что речь в нем идет о подготовке переворота в Сербии с участием русских революционеров.

Как известно, начало русско-сербским революционным связям положил Светозар Маркович во время пребывания в Петербурге в качестве студента Института инженеров путей сообщения (1866—1869 гг.). Он был тесно связан с русским революционером И. И. Бочкаревым, присутствовавшим на II съезде Объединения сербской молодежи (Омладина) в 1867 г. в Белграде; был также близок к тайной русской революционной организации в Петербурге конца 60-х годов XIX в., известной под названием «Сморгонская академия»⁵.

Будучи в Петербурге, Светозар Маркович много времени, сил и энергии отдавал подготовке восстания в сербских областях Турецкой империи с целью их освобождения от иноземного гнета⁶. Уже 8 октября 1866 г. он писал брату Ефрему из Петербурга о существовании сербского народного комитета в Герцеговине и необходимости объединения всех сербских патриотов⁷.

Подготовка к освободительной борьбе велась в рамках Омладины. В Петербурге при активном участии Марковича в 1866 г. было создано омладинское общество «Сербская община», преобразованное в 1868 г. в Южнославянскую организацию⁸. В этот период Маркович и его единомышленники переносили центр тяжести в решении задачи национального освобождения сербского народа на внешнеполитические акции. При этом большие надежды возлагались на сербского князя Михаила Обреновича. В письме брату от 16 февраля 1868 г. Светозар Маркович так кратко формулировал мнение «Общины» на этот счет: «...люди, которые хотят действовать, должны заставить наше правительство, чтобы оно дало им средства»⁹.

На обращение омладинского общества «Зора» в Вене — создать при омладинских организациях «Комитеты единства»¹⁰ — «Сербская община» в Петербурге отвечала, что аналогичный комитет под названием «Общинный комитет» уже существует и что он будет выполнять функции «Комитета единства»¹¹. Сообщался и его состав: Сава Груич, Димитрие Джурич, Йован Дреч, Стеван Дамьянович и Йован Самарджич¹². Члены «Общины» брали на себя обязательство «писать статьи и брошюры о наших (т. е. сербских. — В. К.) народных делах для здешней публики»¹³. Одна такая статья, говорилось далее в ответе «Общины», уже подготовлена для печати¹⁴.

⁴ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 350.

⁵ Светозар Маркович. Избранные сочинения. М., 1956 г. (Предисловие к книге); Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «Белого террора». М., 1929 г.; Витомир Вулетић. Једна руска веза Уједињене омладине српске. «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», књ. 7—8, 1962—1963, стр. 143—155.

⁶ Светозар Маркович. Сабрани списи, 1. Београд, 1960, стр. 5.

⁷ Там же, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 18.

⁹ Там же, стр. 7.

¹⁰ «Србија», број 13 (25 марта 1867 — 6 апреля 1867 год).

¹¹ «Србија», број 22 (27 маја 1867 — 8 јуна 1867 год).

¹² Там же.

¹³ Светозар Маркович. Избранные сочинения, стр. 860—862, Устав «Сербской общины».

¹⁴ Вероятнее всего, здесь имелась в виду статья Светозара Марковича «Партии в Сербии», опубликованная в журнале «Отечественные записки» (т. CLXXV (175), год 29, № XI, кн. 22. СПб., 1867 г., стр. 307—327), за подписью «Из Белграда». Автор-

В «Общине» и через нее устанавливались контакты с болгарскими и русскими революционерами. Теперь можно уже с уверенностью утверждать, что «Община» в своей деятельности по подготовке восстания на Балканах была тесно связана, в частности, с известным болгарским революционером Любеном Каравеловым еще в бытность его в России. Этот факт до сих пор не был отмечен в литературе. Бесспорным доказательством этих связей служит коллективное письмо членов «Комитета единства» Сербской общины в Петербурге Л. Каравелову:

Каравелов!

Мы ждем твоего письма, о котором ты упомянул, что пошлешь его нам, и ожидаем, что ты подробно известишь нас обо всем, что слышишь и видишь. Пиши, следовательно, не шути, без ответа не оставим; а пока кратко: мнение здешнего общества о наших делах остается таким, каким мы можем желать, чтобы оно было; из его теперешнего настроения видно, какую бы мы прекрасную помощь получили здесь, если бы начали там действовать; отклик был бы большой и значительный.

Вчера мы прочитали в «Голосе» корреспонденцию из Белграда, в которой сообщается речь Кальевича. Действительно ли общее мнение там таково? Если так — счастье, нам тогда нечего бояться. Дай бог, и единство наше и будет хорошо, и что ни говори — встретимся на Дарданеллах.

Твой Дреч.

Петербург, 3 марта 1867 года.

И на обороте:

Каравелов!

Да, мы получили твою записку в несколько слов; не было нужды рассказывать нам, в каком ты находился состоянии, когда ее писал, так как это видно по письму. Итак, ты должен знать, что такое попы сербской столицы!

Кстати, как и сколько ты успел в твоём намерении? Скоро ли дождемся первого результата братского труда? Каково тамошнее настроение? Скажи мне, можешь ли, хотя бы по внешним признакам, сделать вывод, что замышляют, делают и готовят что-либо серьезное?

Настроение здешнего русского общества превосходно, а с каждым днем надежды все более возрастают. Ожидают только *наши дела*, с тем, чтобы и отсюда откликнуться делом.

Статья в «Голосе», в котором речь Кальевича, характер мнения и настроения тамошнего, всем нам нравится. Благословенна твоя вера.

Передай привет моей семье.
Димитрие Джурич¹⁵.

В отчете председателя Комитета на годовичном собрании «Сербской общины» в Петербурге, помещенном в газете «Застава» (№ 19 и 20 от 7 и 10 марта ст. ст. 1868 г.) говорится, в частности, о том, насколько «Община» достигла своей главной цели: трудиться над сближением сербов, находиться в России и знакомить русскую публику с сербским народом¹⁶. Выполняя эту статью устава, «Община» следила за «всеми важнейшими политическими и социальными событиями в сербских землях, поддержи-

ство этой статьи установил известный югославский ученый, исследователь творчества С. Марковича, Радослав Перович. До сих пор была известна только одна статья С. Марковича, опубликованная им в русской периодической печати («Корреспонденция из Белграда». «Неделя», № 5, 1866, стр. 1832—1835), оставшаяся незавершенной вследствие прекращения выхода газеты. Честь открытия и этой статьи принадлежит также профессору Радославу Перовичу. За сообщение этих фактов приношу ему сердечную благодарность.

¹⁵ Государственный архив Народной Республики Сербии, фонд дарений и откупов, д. 70 (ДАНРС, П. О., д. 70).

¹⁶ Светозар Маркович. Собрание списи, 1. Београд, 1960, стр. 19. Обращает на себя внимание, что в опубликованном автором настоящей статьи уставе «Сербской общины» вторая часть этой статьи отсутствует. Статья 1 устава гласит: «Сербская община» есть товарищество, которое поставило себе целью взаимное сближение всех сербов, находящихся в России; материальное воспомоществование недостаточным своим соотечественникам, прибывшим сюда наук ради, равно как и взаимная поддержка в случаях нужды и болезни (Светозар Маркович. Избранные сочинения, стр. 860).

вала связь с оmlадинскими обществами «Зора» в Вене и «Преодница» в Пеште и с отдельными честными сербами». Председатель отметил поездки членов «Общины» Дучича, Грунча и Марковича по сербским землям и участие «Общины» в создании Омладины на Новисадском съезде в 1866 г.

Отдельные члены «Общины», например, Светозар Маркович, в корреспонденциях из Петербурга обращали особое внимание на подготовку войны России с Турцией и различного рода дипломатические акции в связи с восточным вопросом¹⁷.

Что касается знакомства русской публики с сербским народом, то «Община», говорится в отчете, «не могла действовать как единое целое, во-первых, из-за своего состава, а во-вторых, в силу своего положения в России. Поэтому она стремилась реализовать ее [цель], широко открыв двери своих собраний каждому брату Русскому, сочувствующему целям *Общины* [по уставу «друзья *Общины*»], путем личных контактов и с помощью литературной деятельности отдельных членов». Результатом этой деятельности было то, что «Община» получила приглашение участвовать в создании Славянского клуба в Петербурге¹⁸.

«Сербская община» в Петербурге вела переговоры об объединении не только с болгарами, но и с чехами. Однако в связи с подготовкой организации Славянского клуба произошло объединение лишь с болгарами. Первая статья Устава новой организации, формулировавшая ее главный принцип, гласила: «Южнославянская община является обществом, возникшим из сознания, что для свободы южных славян, а именно сербов, болгар, хорватов и словенцев, необходимо равноправное единство»¹⁹.

Таким образом, отчетное собрание «Сербской общины» за 1867 г. превратилось в учредительное собрание, на котором была создана южнославянская организация. Устав остался прежним, с той лишь разницей, что был теперь распространен на всех южных славян, проживавших в России. В Комитет Южнославянской общины были избраны Сава Янкович (торговец, серб), Стача Димитриевич (кухмистер, болгарин), доктор Кирович и офицер Кесяков (болгары), Дучич и Маркович (учащиеся, сербы)²⁰. Как значится в отчете, на годичном собрании «Сербской общины» присутствовало несколько русских²¹.

Из приведенных фактов следует, что уже в конце 60-х годов XIX в. между южнославянскими и русскими революционерами устанавливаются первые связи. Предпринимались даже попытки создания совместных организаций. Главнейшей их целью была помощь освобождению южнославянских народов от турецкого ига. Ярким примером русско-славянского революционного сотрудничества в те годы явилась деятельность И. И. Бочкарева и Светозара Марковича²².

В начале 1869 г. Маркович оставил Петербург и переехал в Цюрих. Дело в том, что 11 октября 1868 г. был арестован Бочкарев, то же грозило и Марковичу. Трезво оценив обстановку, он решил, что лучшего места для продолжения революционной деятельности, чем Швейцария, не найти;

¹⁷ См. две корреспонденции С. Марковича из Петербурга в газете «Србija» (от 24 января и 21 февраля 1878 года). Эти корреспонденции вошли в первый том его собрания сочинений (Сабрани списи, I, Београд, 1960, стр. 11—17).

¹⁸ Идея создания Славянского клуба возникла, по-видимому, в тайном русском обществе «Сморгонская академия». В бумагах И. И. Бочкарева сохранился список членов правления (15 русских и один серб — Грунч) и черновой набросок проекта устава «Славянской беседы» (так называется организация у Бочкарева) (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, д. 354). Однако из-за ареста Бочкарева в октябре 1868 г. и последующего прекращения деятельности «Сморгонской академии» эта идея осталась нереализованной (Б. П. Козьмин. Указ. соч.).

¹⁹ Светозар Маркович. Сабрани списи, т. 1. Београд, 1960, стр. 21.

²⁰ Там же, стр. 22.

²¹ Там же.

²² Б. П. Козьмин. Указ. соч.; Витомир Вулетич. Указ. соч.; Он же. Светозар Маркович и руски революционарши демократи. Нови Сад, 1964.

к тому же он хорошо знал от Бочкарева, что там находилось много русских эмигрантов.

Светозар Маркович был далеко не единственным сербом, оставившим в начале 1869 г. Петербург. Готовясь к отъезду из России, он посоветовал некоторым своим друзьям-единомышленникам переехать учиться в Москву, куда переместился тогда центр русского революционного подполья. Среди них были Дреч и Филипович.

Иван Дреч был родом из Герцеговины, уроженец города Мостара²³. Он прибыл в Россию²⁴ в 1858 г. По окончании курса Третьей С.-Петербургской гимназии в 1864 г., он в сентябре того же года поступил в Медико-хирургическую Академию, но уже в сентябре 1867 г. «за неуспехи в науках» был уволен. 31 августа 1868 г. согласно прошению был принят в число студентов физико-математического факультета С.-Петербургского университета²⁵, а в январе 1869 г. подал прошение на имя ректора с просьбой о переводе в Московский университет, куда вскоре и был зачислен.

Георгий (Джордже) Филипович, серб, родился в 1844 г. в Пивском округе Герцеговины. В 1868 г. поступил в Первую С.-Петербургскую духовную семинарию. Согласно свидетельству от 21 августа 1869 г.²⁶ он уволен из третьего класса духовной семинарии для поступления в Императорский Московский университет.

Решением Совета Московского университета от 27 марта 1869 г. он был принят в число студентов первого курса медицинского факультета на 1869/70 учебный год. С 1 мая 1869 г. ему была назначена стипендия русского правительства в размере 250 рублей серебром в год.

Оказавшись в Москве, Иван Дреч, Георгий Филипович, а несколько позже Иван Ленава²⁷ быстро устанавливают связи с русской революционной студенческой молодежью. Одновременно они поддерживают тесные контакты со Светозаром Марковичем, находившимся в Швейцарии.

О том, чем занимались три сербских студента из Герцеговины в Московском университете, помимо изучения медицины, о их связях с русской революционной молодежью мы узнаем из дел III отделения «собственной Его Императорского Величества» канцелярии (секретный архив). В так называемых «справках» III отделения о Филиповиче, например, говорится следующее:

«Филипович Георгий, бывший студент Московского университета. В 1871 году Филипович бывал на сходках членов тайного общества «Самообразования и тайной деятельности», каковые сходки происходили в квартире Валериана Карпова — и высказывал полное сочувствие проводившимся там антиправительственным идеям.

В том же году Филипович, проживая в Москве, организовал вместе со студентами Дречем и Ленава коммуну, в которой приняли также участие студенты Бик и

²³ Настоящая фамилия Дреча — Миличевич (Е. Л. Марков. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб., 1903, стр. 472).

²⁴ Дреч принадлежал к первой группе герцеговинцев, направленных из Мостара на учебу в разные места России. В их числе: Иован Дреч — в Петербург, Иован Пичета (отец известного советского ученого-слависта, академика В. И. Пичеты) — в Херсон, Никола Билич и Васо Остоич — в Одессу (В. Горовиц. Мостар и его окрестности. Београд, 1933, стр. 64).

²⁵ ГИАМО, ф. 148, оп. 38, д. 56, 1869 г., лл. 4, 5. (Дело Совета Императорского Московского университета о принятии в число студентов Московского университета Ивана Дреча).

²⁶ ГИАМО, ф. 418, оп. 38, д. 670, 1869 г. «Дело Совета Императорского Московского университета о принятии в студенты Георгия Филиповича», л. 6. Свидетельство педагогического собрания правления С.-Петербургской духовной семинарии, в котором говорится, что Филипович очень хороших способностей, усердного прилежания и весьма хорошего поведения.

²⁷ Иван Ленава — серб, поступил на медицинский факультет Московского университета годом позже Дреча и Филиповича, в сентябре 1870 г. Обращает на себя внимание, что он прибыл в юга России, из Киева. В университете получал стипендию от русского правительства (ГИАМО, ф. 418, оп. 39, д. 52, 1870, лл. 1—5. О принятии в студенты Ивана Ленавы).

Николаев и крестьянка Мельгунова. На общей квартире устраивались сходки, на которых Филипович высказывал необходимость разделения России на отдельные республики по национальностям и, для более успешного распространения в народе революционных идей, предлагал завести типографию и кассы.

Затем Филипович, при содействии Мельгуновой, основал белопшивую мастерскую на артельных началах и написал вместе с Биком устав этой мастерской.

В начале 1872 года Филипович, передав заведывание белопшивой мастерской Николаю Бикю, уехал за границу»²⁸.

13 августа 1870 г. студент Московского университета Георгий Брунс послал из Симферополя письмо Г. Филиповичу, которое обратило на себя внимание полиции и было перлюстрировано. В письме говорилось, в частности, следующее:

«Как идут дела нашей кассы? С своей стороны я успел достать в нашу библиотеку несколько книг очень деловых: Флеровского «Положение рабочего класса в России», Щапова «О социальном развитии России...» и «Наши законы о печати». Все эти сочинения выписаны специально для нашей кассы одною барышнею — женщиной эмансипированной. Каковы у нас барышни? Желательно было бы, чтобы наша компания в будущем представляла что-нибудь более осмысленное, чем это было до сих пор. Во всяком случае я уверяю, что теперь дело пойдет лучше: все мы перезнакомились между собой, нам позачем будет фигурировать своими мнениями и убеждениями, да и кроме того, опыт послужит в пользу.

Письмо передай студенту Ивану Дречу»²⁹.

За студентами Брунсом и Филиповичем был установлен строгий полицейский надзор. В донесении жандармского управления из Москвы от 9 июля 1871 г. говорилось, что «состоящий по распоряжению 3 отделения СЕИВК от 3 сентября 1870 года под секретным наблюдением студент Московского университета, медицинского факультета, из сербов, Георгий Петров Филипович в исходе прошлого июня переехал из Москвы на дачу в Московский уезд, в деревню Бурково, близ села Болшаго, находящегося между Мытищинской и Пушкинской станциями Ярославской железной дороги, где нажил у крестьянина за 7 рублей чулан и предполагает пробыть там до августа месяца... Хотя Филипович, Кузьмины и Пьянковские иногда бывают в обществе крестьян, занимающихся большей частью работами на фабрике и, как известно, направление Филиповича еще не имело влияния на крестьян, но тем не менее пребывание этих лиц в сказанной местности крайне вредно»³⁰. Отвечая на это донесение, III отделение посоветовало пока не высылать из Москвы студента Филиповича, «а следить за ним до известного времени»³¹.

Между тем, как явствует из справки III отделения, три серба из Герцеговины развернули в Москве очень активную нелегальную деятельность вместе с русскими революционерами — чайковцами, во главе которых стоял Самуил Львович Клячко, студент медицинского факультета Московского университета³². Клячко поддерживал связи со студентами Харьковского, Петербургского, Казанского и Одесского университетов, а также с русскими эмигрантами за границей. Будучи во главе Московского отделения кружка чайковцев, Клячко находился в сношениях с петербургскими чайковцами, был посредником в переписке с русскими эмигрантами — Смирновым, Эльсинцем и другими. В справке III отделения говорится, что «Клячко вместе со студентами Филиповичем, Дречем и Биком

²⁸ ЦГАОР, ф. III отд., д. 223.

²⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 509, л. 1. «Переписка с начальником Московского губернского жандармского управления с наблюдением за студентом Московского университета Филиповичем Г. П. Начато 13 августа 1870, окончено 14 июня 1871 г.».

³⁰ Там же, лл. 9, 10.

³¹ Там же, л. 11.

³² Активными членами Московской организации чайковцев были Цакки Николай Петрович, Карпов Валериан Порфирьевич, Николаев Николай Николаевич и др. См.: Б. С. Итсберг. Движение революционного народничества (Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в.). М., 1965.

принимал участие в устройстве белошвейной мастерской на артельных началах³³.

О связях сербских студентов Московского университета с русскими революционерами других университетских городов России, особенно на Юге, что имеет большое значение для выяснения вопроса о происхождении записок Ковальского, говорит выписка из письма из Москвы Ивана Лепавы от 25 октября 1870 г. к Александру Кулябко-Корецкому, студенту Киевского университета.

В этом письме, говорится:

«Для того, чтобы могла установиться между нами какая-нибудь солидарность, я должен в нескольких словах тебе объяснить мои убеждения, на которых будет основана вся моя деятельность. Желательно, чтобы ты заявил себя pro или contra.

Выяснив тебе, как потерялась личная свобода и явилась монархия и правительство, как руководители менее опытных собратий, перехожу к тому, как в позднейшее время правительство получило иной характер: оно стало опираться на то, что оно избрано народом и самим Богом утверждено. Такому правительству, которое существует по воле Божией, должны были повиноваться все члены общества и на помощь ему явились штыки, как свидетельство личных, узких интересов правительства. Правительство печется об общественном благе, то и надзирает над всем, и так как часто стоящий во главе человек и его помощники не имеют общих интересов с народом, то отсюда является угнетение личности, а вместе с тем и целого общества.

Рождается вопрос: есть ли интерес поддерживать такое правительство? Ровно никакого, мы должны стремиться к лучшему, к большему обеспечению своей свободы.

Посмотрим теперь, какое правительство самое удобное для общественного блага. В настоящее время рабства и невежества решительно невозможно обойтись без правительства; отыщем же правительство, нам необходимое. Правительство монархическое, неограниченное, что тоже деспотическое, немыслимое для общего блага народа. Здесь, не принимая во внимание всех подлостей, совершаемых правительством, одно только то, что мы ставим над собой кого-то, очень, может быть, стоит выше нас самих по разуму, не может быть допущено. Долой подобного рода правительства! Нам не нужно его; но нужно же заменить его чем-нибудь.

Если народ находится еще в рабском состоянии, то и свободы ему невозможно сейчас же дать; сначала нужно постараться, чтобы узнал он, в чем состоит настоящая свобода. Следовательно, мы должны перейти к меньшему злу, которое есть конституционная монархия. При конституции не будет столько угнетен народ.

В таком состоянии находится Россия. Ей необходимо немедленно дать конституцию со всеми ее благотворными последствиями. Само собой разумеется, если каждый член государства будет возлагать заботы об этом на специалистов, а сам не постарается нисколько, то долго еще придется рабствовать. Каждый член по силе своей должен стремиться к свободе тем или другим способом; в противном случае мы теряем свое достоинство, являемся тряпками, которыми кухарки вытирают посуду. Мы являемся недостойными имени человека, которого цель — стремиться к свободе личности и истине. Если же народ понимает, что такое свобода, и если он способен жить свободно, то мы должны стараться об окончательном освобождении. Этого мы можем достигнуть в республиканском образе правления как конечной форме всевозможных правительств.

Вот конечная цель гражданского развития в настоящее время.

Ну, да об этом впоследствии³⁴.

На письме шеф жандармов наложил резолюцию: «На эти две личности следует обратить особое внимание и в особенности на пишущего из Москвы».

Несмотря на то, что за Филиповичем и Лепавой был установлен строгий полицейский контроль, они не пострадали. Произошло это потому, что они оставили университет и выехали за границу раньше, чем была раскрыта деятельность московского отделения чайковцев (Клячко был арестован в апреле 1872 г., Цакни — в мае того же года).

Почти одновременно (Иван Дреч и Георгий Филипович 3 марта, а Иван Лепава 6 марта 1872 г.) три сербских студента подали на имя ректора прошение об увольнении³⁵, которое было удовлетворено. Причины вре-

³³ ЦГАОР, III отд., д. 556, справки.

³⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1745, 1870 г., лл. 1—3.

³⁵ ГИАМО, ф. 418, оп. 41, д. 317, 1872 г., л. 4.

менного увольнения Ивана Лепавы из Московского университета не совсем ясны. В своем прошении он ссылается на домашние обстоятельства и на неполучение стипендии из Азиатского департамента³⁶. Скорее всего, это был только повод, подлинные же причины, по всей вероятности, лежали глубже. Можно предположить, что поездка Лепавы на Украину была связана с особым поручением московской организации чайковцев.

Помимо старых связей Лепавы с революционерами на Украине наше предположение основывается также и на том, что одновременно с Лепавой подал аналогичное прошение об увольнении из Московского университета серб Димитрие (Мита) Ценич и тоже с весьма неправдоподобной причиной — «по домашним обстоятельствам и по болезни»³⁷.

Такое совпадение отнюдь не случайно. Известный сербский революционер Мита Ценич³⁸ был одним из ближайших соратников Светозара Марковича. Его фамилия значится в списке Ковальского.

Об истинных мотивах увольнения из университета Дреча, Филиповича и Лепавы нет ничего и в архиве III отделения. Между тем теперь нам хорошо известно, что быстрый и «загадочный» их отъезд из России был связан с подготовкой восстания в Боснии и Герцеговине. Есть основания полагать, что они поступили так по просьбе Светозара Марковича, находившегося в это время в эмиграции в Нови Сади. Известно, в частности, что незадолго до их отъезда в январе 1872 г. Москву тайно посетил русский революционер-эмигрант В. Смирнов³⁹, заведовавший библиотекой русских студентов в Цюрихе. С ним был связан Маркович. Возможно, что письмо от Марковича сербским студентам в Москве с просьбой о возвращении привез Смирнов, поэтому оно и не попало в руки полиции. Подробности этого дела неизвестны. Зато известно, что Дреч и Филипович еще в феврале 1872 г. обратились в Славянский благотворительный комитет в Москве с просьбой о выдаче денежного пособия для возвращения на родину и получения там мест народных учителей. Славянский комитет пошел им навстречу⁴⁰.

Есть сведения, что по пути в Герцеговину Дреч и Филипович посетили Нови Сад и вели переговоры с С. Милетичем⁴¹, затем задержались в Белграде, где 13 апреля 1872 г. в Министерстве просвещения получили книги (по 11 экз. каждый) для нужд преподавания в школах Герцеговины⁴².

Филипович в конце мая или начале июня 1872 г. посетил Нови Сад и встретился с членами Новисадского комитета, а позднее в Белграде с Ефремом Марковичем и И. Ристичем⁴³.

Для выяснения предыстории шифра, найденного у Ковальского, остановимся подробнее на революционной деятельности Миты Ценича, особенно в деле подготовки восстания в Боснии и Герцеговине в 1872 г. Поездка Ценича в Россию имела своей целью не столько получение образования, сколько установление связей с русскими революционерами. Оставив в январе 1871 г. Москву, Ценич через Вену вернулся в Белград⁴⁴.

³⁶ ГИАМО, ф. 418, оп. 40, д. 621, л. 22.

³⁷ Там же, л. 26. Мита Ценич был принят в Московский университет в сентябре 1870 г. по ходатайству секретаря Московского славянского комитета Н. А. Попова. В письме на имя ректора Н. А. Попов писал: «Славянский комитет поручил мне обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой о принятии в число студентов Медицинского факультета серба Димитрия Ценича, бывшего на 2-м курсе Белградской Великой школы» (ГИАМО, ф. 418, оп. 39, д. 621, л. 1).

³⁸ Dragoslav Slić. Mita Cenić. Beograd, 1960.

³⁹ Б. С. Итенберг. Указ. соч., стр. 199.

⁴⁰ «Переписка Славянского благотворительного общества с разными лицами и учреждениями о развитии сети школ на Балканах и об обучении славян в России и за границей за счет общества» (ЦГАДА, д. 70, 1872—1873 гг.).

⁴¹ Васо Војводић. Указ. соч., стр. 16.

⁴² ДАНРС. М. II, VIII, 13/1874, д. 1899.

⁴³ Васо Војводић. Указ. соч., стр. 17.

⁴⁴ Мы не располагаем сведениями, проезжал ли Ценич по пути на родину в Швейцарию, но такая возможность не исключена.

где с июня 1871 г. Светозар Маркович стал издавать свою первую социалистическую газету «Раденик». Вокруг редакции «Раденика» объединилась социалистически настроенная молодежь Сербии. «Разумеется, — вспоминал десять лет спустя Цетич, — что Светозар был душою всего, а из молодежи больше всего пахотился в редакции Ст. Милетича, я и А. Н.⁴⁵, который был самым даровитым среди нас... Поскольку я был самым отважным, Светозар и его брат Ефрем полностью доверяли мне, поручая ответственные задания»⁴⁶.

Вторая половина 1871 и 1872 год — период наивысшей активности сербских революционеров по подготовке восстания в Боснии и Герцеговине. В 1871 г. участниками запрещенной австрийскими властями Омадины была основана в Петинье «Дружина объединения и освобождения сербов»⁴⁷. Центром ее стал Нови Сад. Дружина имела организации во всех частях Балканского полуострова. Наибольшую активность проявляли революционеры сербского княжества. В начале 1872 г. они основали тайное общество — шумадийский комитет «Освобождения сербов в Турции» с центром в Крагуеваце. Был разработан и принят устав (статут) общества⁴⁸. Комитет установил контакты с людьми и организациями в Боснии, Герцеговине, Воеводине, Черногории, Военной Границе, Далмации, Болгарии и других областях. Мита Цетич доставлял тайную почту из Белграда в Нови Сад и обратно.

Руководящую роль в тайном обществе «Освобождения сербов в Турции» играли братья Марковичи и Сава Груич. По поручению общества Ефрем Маркович вел переговоры с сербским правительством. О подготовке восстания и переговорах по этому поводу с сербскими регентами сохранилось несколько свидетельств. Если проследить их в хронологической последовательности, то получится следующая картина⁴⁹.

8 апреля 1872 г. Ефрем Маркович писал Крагуевацкому Комитету Освобождения следующее: «Податель этого письма — наш друг по делу Пера Велимирович⁵⁰. Он прибыл за получением полномочий Комитета, скрепленных печатью. Это необходимо для трех герцеговинцев, которые из России возвращаются в Герцеговину⁵¹ и согласились работать вместе с нами в деле общего освобождения. Кроме того, выдайте еще одно полномочие для некоего Ристы, который должен отправиться агитировать по Боснии. И еще для некоторых, имена которых будут Вам названы»⁵².

Что касается переговоров наших и Народной сербской партии в Австрии⁵³ с сербским правительством, то согласились на том, что необходимо заключить союз с Грецией, и тогда правительство согласно начать борьбу четами, а затем и своими силами, как то требует меморандум, который «Сербская либеральная партия»⁵⁴ представила сербскому правительству.

Такой ответ доставил вчера Кальевич в Нови Сад, а из Нови Сада уже выделили своего человека, который должен отправиться в Грецию для

⁴⁵ По-видимому, Андре Николч.

⁴⁶ «Радник», 1881, № 12 (статья «Радник» и «Самоуправа»).

⁴⁷ Др. Коста Милутиновић. Црна Гора и Приморје у омладинском покрету. «Историски записи», година VI, књ. IX, св. 1. Цетинье, 1953, стр. 1—46. Автор приводит текст Статута Дружины.

⁴⁸ Љубомир Дурковић-Јакшић. Указ. соч., стр. 71, 72.

⁴⁹ Недавно опубликовано ранее неизвестное письмо С. Марковича брату Ефрему, датированное 25. II 1872 г. В нем говорится: «Деньги Дречу и Филиповичу необходимо послать как можно скорее и пусть они идут в Далмацию к Метковичу, откуда недалеко их место Мостар» («Prilozi za istoriju socijalizma», 2. Beograd, 1965, стр. 345).

⁵⁰ Фамилия Велимировича значится в списке Ковальского.

⁵¹ Речь идет о Дрече, Филиповиче и Лепаве.

⁵² Далее в тексте письма зачеркнута фраза: «Я считаю, что для последнего (т. е. Ристы. — В. К.) это не нужно, хотя мне было предложено это сделать со стороны нашей повисадской дружины».

⁵³ Имеется в виду народная либеральная партия Светозара Милетича в Воеводине.

⁵⁴ Партия Светозара Милетича.

заклучения союза о совместной борьбе с греческими гетеристами. Я же еще до или сразу после Пасхи еду в Валахию для переговоров с болгарам. Обо всем известим Вас, что и как нам удалось сделать»⁵⁵.

В следующем письме, от 20 апреля 1872 г., адресованном Велимировичу, Ефрем Маркович выражал удовлетворение настроением друзей в Крагуеваце и давал ряд поручений и указаний по активизации подготовки восстания. В конце он сообщал, что Дреч и товарищи завтра уезжают в Герцеговину через Нови Сад, а он в субботу или воскресенье отбывает в Валахию, где не предполагает задерживаться более 10 дней⁵⁶.

Весьма интересно письмо Светозара Марковича из Нови Сада⁵⁷ от 28 апреля 1872 г., в котором рассказывается о подготовке восстания и его трудностях:

«Братя и Дружина!

Податель этого письма Милаш Джорджевич — профессор здешней гимназии. Он посетит «Главный Комитет» в качестве посланца здешней сербской народной партии в связи с той целью, ради которой «Главный Комитет» создан. Это впервые, когда здешняя Народная партия обращается к людям дела, которые могут и хотят не только говорить, но и действовать во имя сербского освобождения. До сих пор нам пришлось потратить немало труда, прежде чем убедить их отказаться раз и навсегда от таких ветропопов, как Куянджич, Кальевич и другие, которые способны только писать газетные статьи о войне, и обратиться к людям, которые хотят воевать сами.

Брат Милаш расскажет Вам, какими средствами может располагать здешняя народная партия, если бы только решилась оставить свой бесконечный парламентский путь и взяться за активную деятельность. Еще в прошлом году она договорилась с Черногорией о совместной деятельности в этом деле и установить связь с правительством в Сербии. С этой целью они образовали комитет в Цетинье, Нови Саде и Белграде, но все их эти комитеты ничего не делали, пока мы, как Вам известно, не создали Шумадийский Комитет и пока по-настоящему не вытащили их в Белград, чтобы начать переговоры с Сербией.

Я сообщаю Вам все эти подробности, чтобы Вы знали с какими людьми имеете дело, хотя мое это сообщение может их компрометировать перед Вами (впрочем, во всем этом Вам признается и их посланец). Но следует знать, что эта их перешителность отнюдь не проистекает из слабости Народной партии. Вне всякого сомнения, за очень короткое время она может располагать и деньгами и людьми для вторжения в Боснию и Герцеговину вдоль всей границы Далмации, если только однажды на это энергично решится. Но вплоть до настоящего времени она никак не хотела отказаться от своего «легитимного» пути и вступить на путь действительно революционный. Вплоть до настоящего времени она ожидала, чтобы правительства в Сербии и Черногории начали борьбу с Турцией, а они только легитимным путем поддержат эту борьбу. Между тем, наше предложение заключалось в том, чтобы восстание подготовить и начать в Герцеговине, Боснии, Албании и Болгарии, по соглашению с Черногорией, как Вам сообщил об этом Пера. Они согласились с этим предложением, но все равно колебались до сих пор. Уже начали собирать деньги, но душа всего дела — Милетич, все равно не решался посвятить этому делу всю свою энергию, боясь неуспеха и позора. В конце концов на позавчерашнем заседании решили непосредственно обратиться к Вам, чтобы убедиться своими глазами и ушами, что в Сербии есть люди, которые думают и трудятся над тем, чтобы с помощью восстания вовлечь Сербию в борьбу. В то же время они желают лично познакомиться с этими людьми, чтобы знать с кем работают (так как до сих пор знали только меня, Ефрема и очень мало Перу), чтобы знать на кого и на что могут опереться. На том же заседании решено немедленно послать представителя и сразу с нами определить дату восстания. Поэтому, разумеется, подготовка здесь начнется со всей энергией, чего до сих пор было.

⁵⁵ С. Л. Комадинић. Писма Светозара и Ефрема Марковић о организовању устанка у Босни и Херцеговини. «Савременик», 1957, № 5, стр. 617. Так как письма С. Марковича, связанные с подготовкой восстания в Боснии и Герцеговине в 1872 г., не вошли в русское издание его сочинений (Светозар Маркович. Избранные сочинения), поэтому мы в настоящей статье старались, по возможности, воспроизвести их как можно полнее.

⁵⁶ С. Л. Комадинић. Указ. соч., стр. 617—618.

⁵⁷ Как известно, в начале 1872 г. С. Маркович вынужден был эмигрировать из Белграда в Нови Сад. Причина эмиграции, на наш взгляд, объяснена более убедительно Митой Ценичем в упоминавшейся выше статье «Радник и «Самоуправа», нежелая И. Скерличем в монографии «Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје» (Београд, 1922, стр. 68).

Было бы хорошо подробно информировать этого представителя о военном положении в Боснии и Герцеговине, о способе и средствах, с которыми можно начать восстания, и о средствах, которые на первый случай могут быть употреблены в Сербии для этой цели.

С братским приветом.

С. Маркович⁵⁸.

Из письма следует, что в начале 1872 г. подготовка к восстанию шла полным ходом. Создавалось впечатление, что подготавливаемое многие годы восстание, наконец, должно вспыхнуть. Но, как известно, этого не случилось. В письме Светозара Марковича невестке (жене Ефрема) от 5 июня 1872 г., посланном через Филиповича, сквозят уже другие ноты, далекие от оптимизма. «Филипович, — писал Светозар, —...прибыл главным образом ради Ефрема, и если Ефрема еще не будет, он его должен ждать. То дело, ради которого он пришел, в настоящее время находится в таком состоянии, что для нас нет никакого интереса в нем участвовать. Все благоприятные моменты пропущены, а между тем дело получило такую огласку, что с трудом можно отступить с честью назад; особенно потому, что Ефрема приглашают сейчас в Цетинье, где будет договорено о деле. Я поручил Филиповичу, чтобы он передал так и Пере и Пае⁵⁹, что нам следует принять участие в деле только в том случае, если бы присоединились к этому наши офицеры и если была бы реальная перспектива, что мы не превратимся в мост для приобретения короны Петровичами, как мы не хотели быть мостом и для Обреновичей»⁶⁰.

Другое письмо Светозара Марковича, написанное в конце июня 1872 г. и адресованное Ефрему, еще полнее раскрывает причины срыва столь тщательно готовившегося восстания. Письмо это настолько важно для раскрытия темы, что мы приводим его целиком:

«Ефрем, во вторник я должен выехать. Меня, конечно, сейчас не гонят из Н. Сада, но у меня в Цюрихе есть еще дело, о котором тебе несомненно говорил Перо. Я должен встретиться с Бакуиным и завершить переговоры о переносе нашей типографии. Оно в основном решено, осталось только перенести, но этот перенос необходимо организовать и сделать и ждут только меня, чтобы я это дело закончил. Деньги на дорогу я занял здесь. Теперь имею всего 20 [дукатов] долга⁶¹. Когда будешь в состоянии дать мне столько, то ты пошли их Арсе Пайовичу или передай Пасе, чтобы он послал. У меня есть билет за половинную цену во втором классе до Вены и обратно. Это составляет приблизительно 14 ф. всего, а в Цюрихе я имею бесплатное жилище. Следовательно, с тем, что имею, я обойдусь, так как не буду задерживаться более 15 дней.

Что касается внешней деятельности и внешних сборов, то я тебе уже однажды писал, что нет ничего. Прежде говорилось, что Лаза⁶² поедет на несколько дней в Цетинье, но теперь об этом и не вспоминают. Между тем мы вызвали этих людей из Герцеговины, побудили их оставить школы, и теперь они видят, что обмануты. Тем временем Дреч пишет, что им нужны деньги, а что я мог ему на это ответить, разве только «Нет ничего — жди!» А до каких пор? Это все неизвестно. Одним словом, если думаешь, что выйдет что-нибудь из этого дела, ты сам должен будешь сюда приехать и переговорить с ними, особенно с Милетичем. Я говорил и говорил, да ничего не помогает. Приезжай и посмотри, тогда сам убедишься, кто такие народники.

Я писал Пасе, чтобы он попытался с помощью одного способа собрать некоторое количество денег для Дреча и дружины. Этот же способ мы испробуем и здесь.

Расскажу тебе, что я писал Б.⁶³ Я думал рассказать тебе это устно, но как мне пишет невестка, этот растяпа Никетич не сообщил тебе сразу же вечером в понедельник, что я в Земуне, хотя я ему несколько раз говорил.

Я сказал Б., что я вообще был за то, чтобы как можно скорее началось восстание в Турции и чтобы был разрешен Восточный вопрос, какое бы сербское государ-

⁵⁸ Сл. Комадинић. Указ. соч., стр. 616.

⁵⁹ Имеются в виду Пера Велимирович и Пая Михайлович.

⁶⁰ Илија Стопојичић. Два досад непозната писма Светозара Марковића. «Огледни». Сборник радова. Београд, 1963, стр. 21.

⁶¹ Знак, обозначающий дукат, дан в тексте словом. — *Ред.*

⁶² Имеется в виду Лаза Костич.

⁶³ Милан Петрович Блазнавац, княжеский регент.

ство не возникло из этого восстания. Как социалист я считал, что для нашей пропаганды необходим этот первый шаг. В то же время я сказал ему, что я для этой цели в различное время предлагал нашим прогрессивным партиям организовать как единая активная сила для того, чтобы поднять восстание в Турции и тем самым либо вовлечь, либо припудить Сербию пачать войну. В то же время я заявил ему открыто, что цель этой партии заключалась бы в том, чтобы своей деятельностью завоевать положение в народе и не допустить, чтобы освобождение сербов завершилось только коронацией и парадами. Здесь я напомнил ему мое предложение Владимиру⁶⁴, чтобы князь Николай в 1868 г. выставил свою кандидатуру на сербский престол и наше предложение 1870 г. Милетичу и Омладине — предложить князю Николаю отказаться от династических притязаний, развить республиканское знамя и пачать войну за освобождение, а если он на это не согласится — прекратить всякое заигрывание с Цетинье.

Что касается нашей теперешней деятельности, сказал я ему, то она начата с той же целью и на той же основе. Мы остались социалистами. Народная партия и Омладина остались республиканцами и конституционными монархистами, но все мы были согласны в том, чтобы организовать действующую партию и чтобы практическое решение внутренних вопросов оставить на период, когда война за освобождение будет окончена. Но каждый, разумеется, сохранял за собой право и впредь проповедовать свои теоретические принципы. На этой же самой основе мы вели переговоры и с Б. и позднее с правительством.

После я ему объяснил то, что он сказал о тебе, что ты, мол, его мистифицировал, использовал его имя, чтобы склонить на свою сторону офицеров, и что мы хотели совершить социальную революцию в Сербии. Я сказал ему, что офицеры согласились сотрудничать с нами по собственному убеждению, так как были согласны с нами в принципе и многие из них были личными друзьями, но хотели лишь, чтобы Б. знал об этом деле. Я сказал ему, что переговоры с Цетинье и народной партией были пачаты гораздо раньше, чем ему дело стало известно, а что получилось не так, как ты ему говорил, причина та, что другие не сделали то, что должны были сделать по договоренности.

О социальной революции я сказал, что в Сербии она бессмыслица, так как не с чем ее начинать, а в Боснии должен был бы он ее поднять сам. Государственные перевороты опять-таки совершают люди, которые имеют власть, а таковым является сам Б., а не мы. О самом себе я сказал ему, что удивлюсь, что он только в последнее время открыл, что я не действую искренно в пользу Обреновичей; а я никогда не действовал и не обещал, что когда-нибудь буду действовать, и что я согласился действовать за сербское освобождение, оставаясь верным своим принципам. Правительство Обреновичей я признавал только как существующий факт в Сербии и не больше. То, что мы к нему обратились, я обосновывал следующими доводами: 1) мы слышали от офицеров, что он среди высших офицеров — единственный авторитет в нашем войске; 2) очень славолубив и властолюбив и очень храбр, когда видит, что может свою определенную цель достигнуть и 3) мы полагали, что он не имеет никаких династических предрассудков, а его отношение к Обреновичам мы рассматривали как дело политической мудрости, а не династической приверженности. Одним словом, что он человек, который обладает собственными достоинствами и сможет действовать без «государственной власти», сам по своему усмотрению.

О Ристиче я сказал, что он своих достоинств не имеет и что он может играть первую роль только как представитель власти и государственный министр и поэтому он всегда будет портить все то, что делается помимо государства, как, впрочем, и испортит. Между тем, мы должны были и с ним переговоры, так как народная партия хотела вести переговоры с «правительством», а не с «отдельными лицами», а либеральная партия как раз желала обойти, если возможно, Б. Это в основном все. Сава⁶⁵ меня упрекнул за то, что я ему писал, несомненно, ему Б. сказал, по крайней мере, о содержании письма (или так, как ему было угодно), но я себя не упрекаю. Пусть знает с кем имеет дело и *как ему заблагорассудится* (на ако му подноси). В остальном я считаю, что нет никакого смысла что-либо с ним предпринимать пока мы сами ничего не делаем. Важно чтобы мы сами стали партией и только после этого можем что-нибудь предпринять, что отвечает нашим принципам. В противном случае — только замараемся, ведь нас уже упрекают за дружбу с ним!⁶⁶

До свидания, твой Светозар»⁶⁷

Некоторые дополнительные сведения о разногласиях сербских революционеров с регентами по вопросу о готовящемся восстании сообщили

⁶⁴ Владимир Новопович.

⁶⁵ Сава Грунич.

⁶⁶ «Prilozi za istoriju socijalizma», 2, стр. 247 (письмо С. Марковича брату Ефрему от 18—19 июня 1872 г.).

⁶⁷ Илија Станојичић. Указ. соч., стр. 22—23.

Ценич. Белградское правительство, писал он, обещало помочь деньгами, а также разрешить отряду войск с батареями пушек присоединиться к восставшим. Со своей стороны воеводинские либералы обещали предоставить деньги и произвести вербовку добровольцев. Ефрем Маркович намеревался продать баржу строевого леса и вырученные деньги употребить для этой цели. Джока Филипович был послан к черногорскому князю для ведения переговоров, но столкнулся с непреодолимым препятствием в вопросе о том, кто станет королем или царем, когда произойдет освобождение. Поэтому, заключает Ценич, «из этого ничего не вышло, вследствие отсутствия согласия с белградским правительством»⁶⁸.

Убедившись в истинных целях сербского правительства и воеводинских либералов, С. Маркович отправляется на сербский социалистический съезд в Цюрих, где находилась тогда большая группа сербских и русских революционеров. Об этом съезде, состоявшемся в начале июля 1872 г., известно еще далеко не все. Согласно утверждению Скерлича, руководящую роль на съезде играл Михаил Бакунин. На нем была обсуждена и принята программа Сербской социалистической партии, составленная Бакуниным в духе его анархических идей⁶⁹.

Присутствовавший на съезде в качестве делегата от социалистов Нови Сада Светозар Маркович не разделял взглядов Бакунина, но не решился открыто выступить против него. Вот как он говорит о своем поведении на съезде в письме Николе Пашичу от 5 августа 1872 г.: «Наша ошибка состояла в том, что программа создавалась в Цюрихе. Но в этой ошибке я повинен столько же, сколько все остальные. К сожалению, я увидел это поздно, когда предложил рассматривать эту программу только как проект, а окончательно программу создавать в Сербии. Но тогда было уже поздно. Это мы должны были сказать раньше и не обсуждать таким образом программу. Тогда бы мы очень легко отвергли Бакунина. Получилось так, что цюрижане взяли на себя составление программы сербской социалистической партии и когда я прибыл, они имели уже две программы и были расколоты, хотя еще это скрывалось. В остальном я признаю одну свою ошибку, а именно, что не выступил сразу против Бакунина и что тут же не сказал, чтобы он не вмешивался в сербские дела, когда в них ничего не понимает. Я думал разговаривать с ним совсем о других вещах, а не об организации сербской социалистической партии. Нужно было бы сразу высказать ему наше отношение, и это бы я, конечно, сделал, если бы не многочисленные разговоры и упреки, которые только привели к раздору. А я этого не сделаю просто потому, что спасовал перед авторитетом Бакунина»⁷⁰.

Отсюда видно, что Маркович прибыл в Цюрих для переговоров о каких-то «других вещах», а не для обсуждения социалистической программы. Имел ли он при этом в виду только типографию⁷¹, о чем накануне съезда писал брату Ефрему? Думается, что нет. Дело в том, что сербы-бакунисты разрабатывали планы социальной революции в Сербии еще до приезда Марковича в Цюрих. Летом 1872 г. Сербия посетил Риста Данич и Маша Коич. Эмиссары Бакунина убедились, что без Светозара Марко-

⁶⁸ «Радник» и «Самоуправа». «Радник», 1881, № 12.

⁶⁹ Јован Скерлић. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје, стр. 82—85.

⁷⁰ Там же, стр. 86.

⁷¹ Приобретенная на средства Джоки Миятовича типография находилась в руках бакунистов. Маркович хотел перенести ее в Нови Сад, чтобы печатать революционные прокламации. Известна одна такая прокламация, краткое изложение которой впервые было дано В. Н. Кондратьевой («Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XX, 1960, стр. 326). По мнению известного югославского историка проф. Р. Перовича, автором прокламации является Светозар Маркович. Обращает на себя внимание то, что прокламация появилась в августе 1872 г. О печатании прокламаций говорится и в письме С. Марковича брату Ефрему от 25.II 1872 («Prilozi za istoriju socijalizma», 2, стр. 345).

вича и его сторонников в Сербии ничего не сделать⁷². Тогда, по всей вероятности, и возникла идея съезда с приглашением на него С. Марковича.

Приведенные выше факты дают, как нам кажется, основание сделать вывод, что словарь для шифрованной переписки, обнаруженный у Ковальского в 1878 г., был составлен именно в это время. Вот еще некоторые доводы в пользу такого предположения.

Внимательное изучение словаря не оставляет сомнений, что он был составлен в июле-августе 1872 г. К такому заключению мы приходим на основании двух бесспорных фактов: 1) упоминание в словаре военного министра, которого публикатор Е. Н. Кушева с полным основанием идентифицирует с М. П. Блазнавацем. Блазнавац стал главой правительства и военным министром только после провозглашения совершеннолетия Милана Обреновича, которое состоялось 10(22) августа 1872 г.; 2) среди фамилий русских революционеров следом за Бакуниным стоит Нечаев. Как известно, Нечаев был арестован в Цюрихе 14 августа н. ст. 1872 г. Вряд ли было целесообразно включать Нечаева в список после неудачи всех попыток его освобождения, а тем более после отправки 26 октября 1872 г. в Россию.

Такая датировка снимает ряд вопросов, поставленных в публикации Е. Н. Кушевой. В частности то, что «одной из неясных сторон документа остается перечисление в нем русских и сербских революционеров разных — иной раз резко расхоdivшихся по ряду вопросов — направлений»⁷³, так как документ вырабатывался и составлялся в тот период, когда этих разногласий либо еще не было, либо они только начинались. Во всяком случае они еще не являлись непреодолимым препятствием для совместных действий в подготовке восстания в Сербии, Боснии или Герцеговине, которое должно было послужить сигналом к общербалканскому взрыву. Включенные в шифр слова «программа» и «Статут», вероятнее всего, следует раскрыть как «Программа сербской социалистической партии» и «Статут главного шумадийского комитета в Крагуеваце». Мы согласны с догадкой Е. Н. Кушевой, что словарь был доставлен Ковальскому скорее всего «Красной нечаевщиной» — Е. Н. Южаковой.

Поскольку мы не знаем, как долго оставался С. Маркович в Цюрихе, нельзя утверждать, принимал ли он личное участие в составлении шифра и подготовке восстания. Не знаем мы и деталей плана нового восстания, чтобы судить о его характере. И все же некоторые предположения напрашиваются. В письме брату Маркович писал, что намерен остаться в Цюрихе 15 дней. Во всяком случае после разрыва с сербским правительством и неудачи плана восстания, рассчитанного на его поддержку, морально он был готов к этому. Нам хорошо известно, что мысль о народном восстании в славянских областях турецкой империи Маркович не оставлял до конца своей жизни. Но могут возразить, что если согласиться с этим, то как тогда можно объяснить включение в список Сергея Нечаева, резко отрицательное отношение к которому он высказал еще в августе 1871 г.⁷⁴ К этому времени Маркович мог изменить свое мнение о Нечаеве, конечно, не в оценке значения его деятельности в русском революционном движении, а в отношении использования в сербском революционном деле. Весьма интересна с этой точки зрения статья Миты Ценича «Сергей Геннадиевич Нечаев», помещенная в газете «Радник»⁷⁵. Статья появилась вскоре после смерти Нечаева. Ценич задался целью реабилитировать Нечаева, которого он считал «творцом тогдашнего движения в России». Сделать это, по

⁷² Јован Скерлић. Указ, соч., стр. 87.

⁷³ Е. Н. Кушева. Указ, соч., стр. 358.

⁷⁴ В. Г. Карасев. Статья Светозара Марковича «Русские революционеры и Нечаев». В сб.: «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957, стр. 315—333.

⁷⁵ «Сергије Геннадјевић Нечајевић». «Радник», број 50, 6 јуна 1881 г.

мнению Ценича, было необходимо потому, что в свое время «старый Радник» (т. е. «Радник» С. Марковича.— В. К.) по незнанию и неумышленно поступил в отношении Нечаева несправедливо, представив его последним человеком. Теперешний «Радник» (М. Ценича.— В. К.) обязан исправить прежнюю ошибку и представить Нечаева в более достойном свете. Заявляя так, Ценич, конечно, имел в виду статью С. Марковича «Русские революционеры и Нечаев».

Статья Ценича написана с любовью к Нечаеву и с такими подробностями, знать которые мог только человек, лично знакомый с ним⁷⁶.

Мита Ценич, бесспорно, одно из главных действующих лиц в реализации плана нового восстания. Как известно, вскоре после цюрихского съезда между Марковичем и его сторонниками, с одной стороны, и сербам-бакунистами, с другой, произошел окончательный разрыв. Маркович был исключен бакунистами из Сербской социалистической партии⁷⁷. Несмотря на это, планы подготовки восстания не были оставлены. Об участии Светозара Марковича в них в этот период мы ничего не знаем. Зато известно, что осенью 1873 г. вместе с Милоевичем Мита Ценич пытался совершить покушение на князя Милана в Париже, за что в 1874 г., после возвращения из Лондона в Сербию, был арестован в Шабаце и осужден на 8 лет каторжных работ. Мы располагаем документами, говорящими о том, что не только Мита Ценич, но и другие сербские революционеры предпринимали практические шаги по реализации нового плана восстания. Одним из таких документов является письмо Георгия Филиповича из Парижа от 30 сентября нового стиля 1872 г. к Николаю Николаевичу Бику, студенту Московского университета, за подписью: «Ваш Жорж».

«Я давно обещал тебе более обширно писать о наших делах, но все нет как-то расположения вследствие некоторых обстоятельств; скоро все будет ясно и тогда все сообщу. Дорогие друзья! Поздравляю Вас с годовщиной нашего дела; какое бы счастье было для меня провести с Вами 29 августа, но приходится только вспоминать, воображать и в уме воскресить все прошлое и будущее нашего дела! Вы, друзья, вообразите, что я Вас в этот день обнимаю и целую. Вышлите мне сколько-нибудь денег. Я рад, что Ваши дела начинают поправляться. Что же касается соединения с Бакуниной, то будьте осторожны. От Дреча не получаю письма; меня это беспокоит; писал он недавно Марковичу, но ничего интересного; это я объясняю только боязнью, чтобы не попало оно в руки турок. В следующем письме объясню, почему должен был удалиться с места действий.

ПВЧМВЕ⁷⁸ действительно арестован; он защищается под чужим именем, т. е. он не признает себя за ПВЧМВЕ. Кто выиграет, неизвестно; ибо ОЙМЕЧРЮВРЬСЮЕЙ⁷⁹ Швейц[арии] не выдаст его, если он будет признан преступником политическим»⁸⁰.

Приведенное письмо представляет большой интерес и нуждается в комментариях. Но прежде чем это сделать, воспроизведем данные царской охраны в связи с этим письмом, которые также представляют интерес.

⁷⁶ Ценич описывает, как после убийства студента Иванова в Москве Нечаев бежал из России в Западную Европу через Молдавию, Валахию и Сербию. Возможно, что в это время он и познакомился с Нечаевым и под его влиянием оставил Белградскую великую школу, чтобы отправиться в Москву. Затем он подробно рассказывает о попытке освобождения Нечаева при переводе из Цюрихской тюрьмы на вокзал, упоминая при этом о подвиге серба Милоша Андреевича. Заметим попутно, что Нечаев был арестован с сербским паспортом.

⁷⁷ *Јован Скерлић*. Указ. соч., стр. 87.

⁷⁸ Нечаев (примечание переписчика).

⁷⁹ Правительство (примечание переписчика).

⁸⁰ Выписки из писем Семевского М., Кулябко-Корецкого Н., Филиповича Г. П. и др. к Булюбашу И. П., Бiku Н. Н., Аркасу Н., Муромцевой Е. А. и др. об аресте Нечаева, преследовании эмигрантов—сторонников Нечаева и другим вопросам см.: ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 435, лл. 11, 12. Это дело возникло вследствие просмотра писем из-за границы в Россию, особенно из Швейцарии, в связи с нечаевской историей и его арестом. Делались выписки из всех писем, где упоминалось его имя и обстоятельства его ареста.

«Вследствие предложения Вашего Превосходительства от 9 сего октября,— говорилось в донесении начальника Московского губернского жандармского управления от 14 октября 1872 года управляющему III отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии,— имею честь донести, что в Московском университете есть студент 4-го курса медицинского факультета, Николай Николаевич Бик, из обер-офицерских детей, который, как видно из имеющихся при вверенном мне управлении сведений по наблюдению за учащеюся молодежью, находится в самых близких отношениях с бывшими студентами Московского университета Георгием Петровичем Филиповичем, Иваном Федоровичем Дречем и Иваном Лазаревичем Лепаво, выбывшими из университета в Сербию для занятий там должностей народных учителей. Филипович, проживая в Москве на одной квартире с Дречем и Лепаво, студентами здешнего университета... (следуют фамилии 10 лиц, студентов, мещан и крестьян), называл как группу этих лиц, так и посещавших ее общих знакомых... (перечисляются 7 фамилий) своею коммуной, в которой проводились идеи о разделении России на мелкие, федеративные республики по национальностям и говорились об устройстве своей кассы и типографии. Филипович, изучив особенно оба тома сочинения Лассали, энергически настаивал о распространении этого сочинения и намеревался сделать сбор денег для покупки его. Некоторые из лиц, бывших у Филиповича, поймав его как деятеля более корыстного, стремившегося к собственной своей выгоде, относились к исполнению проводимых Филиповичем идей не вполне сочувственно. Уезжая из Москвы, Филипович всем лицам, составившим, по его выражению, коммуну, предлагал сохранить навсегда состоявшуюся между ними дружбу и тесную связь по задуманному предприятию. Бик и Николаев ведут с Филиповичем и Дреч и до настоящего времени переписку, которая, между прочим, держится ими в полном секрете и точчас же по получению сжигается. На этих днях вышеупомянутый студент Зубович объяснил, что вследствие уничтожения в России сочинения Лассали, предполагается печатать таковые на русском языке за границей. Филипович и Дреч знакомы с эмигрантом, бывшим студентом Московского университета Валерианом Смирновым и кандидатом математических наук Германом Эльстниц. Филипович в письмах подписывается Жорж»⁸¹.

16 ноября 1872 года начальник Московского губернского жандармского управления доносил дополнительно в III отделение.

«Впоследствии записки моей от 14 прошлого октября..., по поводу письма из Парижа, на имя студента Московского университета Николая Николаевича Бика, Вашему Превосходительству имею честь донести, что письмо это, как оказалось по собранным негласно сведениям, действительно писано бывшим студентом Московского университета Георгием Филиповичем к студенту такого же университета Николаю Николаевичу Бик. Выражения в письме: «О наших делах... Поздравляю Вас с годовщиной нашего дела; какое бы счастье было для меня провести с Вами 29 августа» — означают дела той коммуны, которую устроил Филипович в упомянутом донесении моем; годовщина этой коммуны 29 августа. Упоминаемый в письме Маркович — студент здешнего университета 4-го курса, Станислав Антонов Маркевич также находился в означенной коммуне и ведет переписку с Филиповичем. В настоящее время некоторые из товарищей сего последнего отзываются о нем, как о личности, в высшей степени бесчестной, но энергичным в революционном деле и способным по характеру своему на даружество.

— Адрес студента Филиповича в Париже, писанный студентом Николаем Биком, при сем к Вашему Превосходительству представить честь имею: Paris, Rue de l'école de Medicin ou coin de la place hôtel de Madrid Cabinet № 76»⁸².

Третье отделение придавало этому письму и сообщаемым в нем фактам чрезвычайное значение. Парижскому агенту были даны указания установить наблюдения за Филиповичем и сообщить адрес последнего. На все пограничные пункты были разосланы телеграммы о производстве у Филиповича тщательного досмотра в случае пересечения им границы Российской империи.

На основании этих трех документов можно заключить: во-первых, хотя Филипович не объясняет, почему он должен был покинуть Герцеговину и отправиться в Париж, тем не менее ясно, что произошло это после того, как планы восстания рухнули. Поездка Филиповича была связана с новыми планами восстания, уже без участия сербского правительства. Но и из этого, как мы знаем, также ничего не вышло.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 435, лл. 14, 15.

⁸² Там же, лл. 16—19.

Во-вторых, упоминаемый в письме Филиповича Маркович не кто иной, как Светозар Маркович, а не студент Московского университета Маркевич.

В-третьих, во втором документе имеется прямое свидетельство о знакомстве Дреча и Филиповича с русским эмигрантом В. Смирновым. О значении этого факта говорилось выше.

Пока не станут известными многие детали, связанные с подготовкой сербскими и русскими революционерами восстания в южнославянских областях Турецкой империи в 1872—1873 гг. XIX в., преждевременно делать окончательный вывод о значении шифра для тайной переписки между революционерами, найденного у Ковальского. Но уже сам факт появления этого документа, свидетельствующего о тесных русско-сербских революционных связях, имеет большое значение. Теперь можно с определенностью утверждать, что совместная деятельность сербских и русских революционеров в начале 70-х годов XIX в. сыграла далеко не последнюю роль в подготовке и в ходе восстания в Боснии и Герцеговине, вспыхнувшего летом 1875 г.

В. Н. Кондратьева

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НА КРИТЕ

Со второй половины XIX века среди поработанных султанской Турцией народов усилилось стремление к общей борьбе за освобождение от турецкого ига, стремление к действиям, которые, опираясь на единство цели и взаимопомощь в национально-освободительной борьбе, могли бы привести их к освобождению.

Освободительное движение на Крите 60—70-х годов XIX века являлось составной частью этой общей борьбы.

В 1866—1869 гг. здесь вспыхнуло мощное антитурецкое восстание. Чтобы удержать за собой мятежный остров, Порта пустила в ход крупные вооруженные силы и поспешила ввести так называемый «Органический устав», по которому на Крите учреждался административный совет и судебные органы в санджаках. Создавая эти институты, турецкое правительство не рисковало утратить на Крите всю полноту своей власти.

Все дела в административном совете стали вершить первый советник при турецком генерал-губернаторе Хамид-бей и его компаньоны в торговых делах, а также бегги¹ и богатые торговцы. От произвола турецких властей по-прежнему страдала как греческая, так и турецкая беднота.

Хотя восстание и было подавлено, мечта об освобождении продолжала жить в народе Крита. Поэтому первые же известия о восстании в Боснии и Герцеговине вызвали не только горячую волну сочувствия критянам, но и пробудили у них новые надежды.

Критяне пристально следили за развертыванием событий на Балканах, и снова, как в 1866—1869 гг., ждали от Греции помощи и руководства.

Турецкие власти вместе с богатыми бегами не без основания опасались, что как отголосок восстания славян на Балканском полуострове вспыхнет восстание и на Крите. Когда Порта потребовала, чтобы с острова было послано в Герцеговину три батальона войск, генерал-губернатор Крита Самих-паша в ответ просил не уменьшать количество турецких войск на Крите «из опасения нарушения спокойствия»². В то же время генерал-губернатор деятельно занимался снабжением боеприпасами турецких крепостей. Турецкие войска размещались на стратегически важных пунктах острова³.

¹ Крупные землевладельцы-мусульмане.

² Архив внешней политики России, Главный Архив (далее АВПР, ГА), Посольство в Константинополе, 1875 г., д. 1903, л. 105.

³ АВПР, ГА, V А₂, Канея, 1875 г., д. 486, л. 99.

Среди крестьян и городской бедноты происходили волнения. Народ Крита ждал решительных действий от своих вождей, но последние, доносит русский консул на Крите Лаговский 11 августа 1875 года, «не зная размеров восстания..., а главное не получая *mot d'ordre* из Греции, удерживают нетерпеливых»⁴.

И далее: «...бездействие в настоящую эпоху сильно тревожит несчастных патриотов, которые больше всего боятся пропустить удобное время и тем отдалить минуту освобождения отечества»⁵.

Критские патриоты на своих сходах в горах составили записку на имя тогдашнего главы греческого правительства Кумудурса и передали ее греческому консулу Логофети для пересылки по назначению. В записке критяне выражали доверие Кумудурсу, но высказывали сожаление о том, что Греция «смотрит хладнокровно на события в Боснии и Герцеговине и не думает о нетерпении критян в настоящую удобную эпоху»⁶. Греческий консул заверил критян, что Греция деятельно готовится к борьбе, однако заметил, что она «не начнет ничего прежде Сербии и Черногории...»⁷.

Таким образом, уклончивая позиция греческого правительства стала вырисовываться с самого начала. Ответом Логофети критские патриоты были на время успокоены, однако нетерпение их росло, и они «не оставляли мысли помочь своим единоверцам в Герцеговине и замыслили послать туда до 300 охотников»⁸.

Критяне делали попытки установить прямую связь с восставшими герцеговинцами. Они послали письмо в Герцеговину к повстанцам, в котором выражали солидарность их борьбе и обещали всевозможную поддержку⁹.

Ссылаясь на письма критских эмигрантов из Австрии, Лаговский отмечал в сообщении от 19 октября 1875 г., что обращение критян к восставшим славянам в Боснии и Герцеговине произвело на последних сильное впечатление.

По мере развертывания событий среди критских вождей в вопросах политической ориентации и подготовки к восстанию наметилось несколько различных течений. Часть вождей быстро теряла веру в действительную поддержку их борьбы Грецией. Они понимали, что Греция в конце концов передаст решение критского вопроса европейским великим державам. Среди этой части вождей получила распространение идея, выдвинутая критскими эмигрантами в Австрии о создании на Крите самостоятельного княжества, находящегося в вассальных отношениях с Турцией. Эта идея выдвигалась еще в 1867 году, и тогда уже было произнесено имя князя Испланты.

Другая группировка критских вождей все надежды возлагала на Грецию. Из Греции этим вождям писали, что правительство Кумудурса развернуло энергичные военные приготовления, «по окончанию которых будет дан с нетерпением ожидаемый *mot d'ordre* к общему восстанию в Эпире, Фессалии и Крите»¹⁰. Критские патриоты из Австрии подтверждали, что Греция готовится к военным действиям, однако при этом высказывали опасения, что приготовления ведутся крайне медленно.

Вожди освободительного движения на Крите не упускали из виду и позицию, занятую великими европейскими державами по отношению к национально-освободительному движению славянских народов на Бал-

⁴ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1875 г., д. 1903, л. 102.

⁵ Там же, л. 111.

⁶ Там же, л. 134.

⁷ Там же, л. 135.

⁸ Там же, л. 137.

⁹ См. приложение.

¹⁰ АВПР, ГА, V A₂, 1875 г., д. 486, л. 77.

капах, пристально следя за теми мерами, которые принимали державы к прекращению восстания в Боснии и Герцеговине.

Россия и Австро-Венгрия искали возможности не допустить дальнейшего обострения положения на Балканах. Австрийский министр иностранных дел граф Андраши, по поручению Союза трех императоров, составил ноту турецкому правительству, в которой были рекомендованы меры, которые турецкое правительство должно было принять для умиротворения восставших провинций. Слухи о готовящейся ноте министра иностранных дел Австрии графа Андраши усиленно раздувались в то время европейской печатью. Лаговский писал о надеждах, возникших в связи с этим у кипрских вождей: «пылкое воображение здешних христиан... довело несчастных до убеждения, что австрийский министр в своей ноте потребует если не окончательного освобождения христиан от турецкого владычества, то, по меньшей мере, полного самоуправления европейских провинций Турции»¹¹. 19(31) января 1876 года нота была передана Порте. Требования ее сводились к введению для восставших провинций свободы вероисповедания, уничтожения откупа податей и налогов, и учреждение комиссии для наблюдения за проведением реформ в жизнь. Ознакомившись с содержанием ноты, критские богатые мусульмане облегченно вздохнули, а простой народ Крита был поражен и разочарован ограниченностью заключенных в ней требований¹².

Критяне пришли к выводу, что помочь им может только вооруженное восстание и что «только этим способом можно обратить на себя внимание Европы»¹³.

Их надежды все больше сосредоточивались теперь «на упорстве восставших славян и на присоединении к ним Сербии и Черногории»¹⁴.

Воодушевляли их и хорошие вести, которые продолжали приходить из восставшей Герцеговины. «Известие об успехах герцеговинцев, несмотря на тщательные вырезки в греческих газетах (турецкими властями на острове.— В. К.), быстро распространилось здесь и произвело отрадное впечатление...»¹⁵,— сообщал Лаговский Игнатьеву 24 ноября 1875 года.

Народ Крита по-прежнему хотел оказать действительную помощь герцеговинским повстанцам и возобновить борьбу за свое освобождение: «Надежда перейти от сочувствия к помощи восставшим и от приготовлений к восстанию не покидает здешних патриотов»¹⁶,— писал Лаговский в донесении от 16 февраля 1876 г.

Тайные приготовления к восстанию на Крите продолжались. Прибывали ружья и боеприпасы. «...с самого начала герцеговинского восстания,— сообщал русский консул,— медленно, но постоянно, возобновляются здесь истребленные дождями запасы пороха. По расчетам оптимистов, теперь им достает пороха по крайней мере на три месяца; они насчитывают в Крите также до пяти тысяч карабинов новой системы»¹⁷.

Турецкое правительство тоже готовилось. Увеличилась численность гарнизонов, прибывало вооружение. Постоянно проводились учения рекрутов. «Из Бенгази пишут,— сообщает Лаговский,— что расположенным там войскам отдан приказ быть наготове и по первому востребованию двинуться на Крит»¹⁸.

В феврале 1876 года критяне послали в Афины доверенное лицо — выснить намерения Кумудурса. Последний категорически заявил, что «пока Черногория и Сербия не примут прямого участия в восстании, кри-

¹¹ АВПР, ГА, V A₂, Канел, 1876, д. 488, лл. 40, 41.

¹² Там же, л. 41.

¹³ Там же, л. 12.

¹⁴ Там же, л. 43.

¹⁵ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе 1875 г., д. 1903, л. 168.

¹⁶ АВПР, ГА, V A₂, 1876 г., д. 488, л. 29.

¹⁷ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1876 г., д. 1904, л. 22.

¹⁸ АВПР, ГА, V A₂, 1876 г., д. 488, л. 32.

тяне не могут рассчитывать на помощь Греции и должны воздерживаться от всякого движения, если же вышеупомянутые княжества объявят войну Порте, то не только Крит, но и другие турецкие провинции последуют их примеру и получают поддержку со стороны Греции»¹⁹.

Сторонники проекта правления Ипсиланти на Крите хотели выяснить, действительно ли князь готовится помочь восстанию на Крите. Но Ипсиланти, как и Кумудурос, старался удержать критян от решительных действий²⁰.

Бездействие Греции, снова требовавшей от критян «терпения до весны», провал проекта правления Ипсиланти не сломили, однако, боевого настроения критян. «Желание критян освободиться от турецкого владычества так сильно, — пишет Лаговский 17 октября 1876 года, — что даже после целого ряда самых горьких разочарований, новые надежды все-таки находят уголок в сердцах здешних патриотов»²¹.

Критский комитет в Афинах при создавшемся положении считал, что он должен продолжать «действовать в пользу Крита» и стараться добиться для Крита самоуправления. Кумудурос заявил критскому комитету в Афинах, что «Греция поможет критянам только в видах присоединения»²².

Вместо выдвинутого греческим правительством лозунга «присоединение или ничего», критские патриоты в Афинах выдвинули лозунг — «присоединение или полное самоуправление»²³.

Афинский комитет решил обратиться к богатым грекам, живущим в Европе, чтобы они дали средства на покупку оружия и боеприпасов для критян. Народные вожди Крита заявляли, что «в случае войны на Балканском полуострове они не намерены удерживать нетерпеливый народ и восстанут с ним даже с недостаточными средствами»²⁴, писал Лаговский 8 ноября 1876 года.

Турецкие власти на Крите находились в тревоге, так как волнения в округах продолжались и начались обряды братской клятвы²⁵. В Канейском округе Крита в селениях Карамьи начались волнения. 10 января 1877 года Лаговский писал Игнатьеву: «...обряды братской клятвы и народные, по этому поводу, сходки продолжаются здесь с особенной торжественностью и мало-помалу принимают политический характер»²⁶.

Несмотря на то, что генерал-губернатор Реуф-паша усилил турецкие гарнизоны в Сфакья и Апокороно, на сходках и в горах появились вооруженные люди.

Критский комитет в Афинах известил критских вождей о том, что собрано до восьмидесяти тысяч франков и что комитет ждет заказанных для Крита оружия и боеприпасов²⁷.

Греческий консул Логофети продолжал получать от греческого правительства приказание «удерживать критян и убедить их в несвоевременности, бесполезности и опасности всякого с их стороны движения». Обращения Логофети к критянам вызывали у последних вспышки гнева. Вожди заявляли греческому консулу, что критяне больше не пужаются в советах греческого правительства и сами позаботятся о себе²⁸. Они объяви-

¹⁹ АВПР, ГА, V A₂, 1876 г., д. 488, л. 20.

²⁰ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1876 г., д. 1904, л. 43.

²¹ АВПР, ГА, V A₂, 1876 г., д. 488, л. 124.

²² АВПР, ГА, V A₂ Каней, 1877 г., д. 490, л. 38.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Когда народ Крита возобновлял борьбу, то по обычаю своих предков общины собирались на сходки, на которых клялись друг другу в братской верности и стойкости.

²⁶ АВПР, ГА, V A₂, 1876 г., д. 488, л. 5.

²⁷ АВПР, ГА, V A₂, 1877 г., д. 490, л. 11.

²⁸ Там же, лл. 5, 6.

ли, что «решились не терять случая улучшить свою участь, и что лишь начнется война, никто не удержит их от восстания»²⁹.

Назревавшее новое восстание на Крите угасло, так и не успев разгореться.

Недостаток оружия, боеприпасов, бездействие Греции, традиционная игра великих держав судьбами малых народов — все это не позволило критянам принять активное участие в освободительной борьбе славян 1875—1878 гг.

Однако сам факт солидарности маленького народа со своими поработанными братьями, желание оказать посильную помощь и принять участие в общей борьбе, является светлой страницей истории и составной частью национально-освободительной борьбы балканских народов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо, направленное вождями и капитанами Крита
повстанцам Боснии и Герцеговины³⁰

Дорогие наши герцеговинские и боснийские братья!

С великой болью мы узнали недавно о том, что некоторые органы славянской печати обвиняют нас в безразличном отношении к вашему героическому решению с оружием в руках защищать перед христианской Европой свои священные и неотъемлемые права, в течение многих веков попираемые тираном. Подобный упрек был бы несправедлив в отношении такого народа, как народ Греции, который проливал потоки крови, приносил в жертву своих детей и свое имущество, чей родной очаг так часто бывал разрушен, народ, припавший муку, чтобы вновь обрести утраченную свободу. Нет, герцеговинские и боснийские братья, критянин не остается холодным и безучастным перед лицом восстания героического и сдвоенного народа против нестерпимого османского ига. Критянин никогда не забывал, что в последнем длительном и кровопролитном восстании этого многострадального острова, много славянских братьев сражалось с ним рядом, переносил те же лишения и страдания, что и он. Критянин не забыл, что спасением тысяч женщин и детей, избежавших резни и бесчестия, он во многом обязан славянам. Нет, наши восставшие братья, народ Крита не может быть неблагодарен; не безразличен, а сочувствие питает он к вашей борьбе. Если он еще не приветствовал вас звоном оружия, то оттого, что вспыхнувшее в ваших провинциях восстание еще не распространилось за их пределы и в особенности оттого, что ни Сербия, ни Черногория еще не считают нужным выступить открыто. Успокойтесь же пока, и если другие ваши славянские соотечественники примут участие в вашей борьбе, вы снова услышите звуки мартовской трубы в наших занятых кровью горах. Продлите, насколько возможно, свое сопротивление туркам и отнеситесь с доверием к предстоящему нашему сотрудничеству. Не обращайтесь ни малейшего внимания на то, что пишет так называемая греческая печать в Константинополе.

Гора Ида, 5 сент. 1875, вожди и капитаны Крита

²⁹ Там же, л. 13.

³⁰ АВВР, ГА, V А₂, 1875 г., д. 486, л. 52. Текст письма на греческом и французском языках. Перевод мой.— В. К.

С. Гринберг

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
БОЛГАРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX В.
(переход к политике протекционизма
и поощрения крупной промышленности)

Первые полтора десятилетия существования самостоятельного болгарского государства ознаменовались существенными изменениями в его промышленности. Процесс перехода от ремесленного и мануфактурного производства к капиталистической фабрике, начавшийся еще до Освобождения, заметно ускорился, особенно после воссоединения Северной и Южной Болгарии. К сожалению, отсутствие промышленной статистики в этот период не позволяет нам точно установить количество фабричных предприятий, возникших в стране в эти годы.

По данным частной анкеты буржуазного экономиста Д. М. Ябланского, в 1900 г. насчитывалось 72 поощряемых государством промышленных предприятия, основанных до 1894 г. включительно. Это были наиболее крупные из существовавших тогда предприятий, основной капитал которых составлял не менее 25 тыс. левов; или же количество рабочих — минимум 20 чел. Однако среди этих предприятий наряду с крупными габровскими шерстяными фабриками, на которых работало по 100—200 рабочих, насчитывалось 18 предприятий с числом рабочих от 3 до 15 человек и 15 шерстяных предприятий в Сливене, оборудованных деревянными ручными ткацкими станками¹. Таким образом, количество действительно капиталистических фабрик было незначительно.

Главными препятствиями, тормозившими развитие фабричной промышленности, были конкуренция западноевропейских промышленных товаров и недостаток капиталов. Экономически слабое молодое болгарское государство сразу же после своего возникновения стало объектом эксплуатации со стороны крупных европейских капиталистических держав и превратилось в рынок сбыта промышленных товаров. Проникновение иностранных промышленных товаров облегчалось так называемой системой свободной торговли, унаследованной Болгарией от Османской империи согласно решениям Берлинского конгресса. Болгарским промышленникам приходилось вести борьбу за внутренний рынок в крайне тяжелых для них условиях. Многие внешние рынки после Освобождения были утрачены в связи с отделением независимой Болгарии от хозяйственного организма Османской империи, захватом Боснии и Герцеговины

¹ Д. М. Яблански. Каква трябва да бъде икономическата политика на България — изобщо и частно — спремо съседните ѝ държави? «Списание на българското икономическо дружество» (СБИД), год. V, 1901, кн. 4—5, стр. 214—221.

Австро-Венгрией и введением запретительных пошлин на болгарские промышленные товары в соседних странах — Сербии и Румынии.

Недостаток капиталов определялся прежде всего особенностями процесса первоначального накопления капитала в Болгарии: отсутствием таких мощных средств образования крупных капиталов, как колониальный грабёж, работорговля, система протекционизма и торговые войны, которые применялись старыми капиталистическими державами; он, кроме того, усугублялся почти постоянным пассивным внешнеторговым балансом Болгарии, следствием которого был отлив значительных денежных средств из страны. Распродажа земель выселившимися турками также привела к вывозу большого количества золота за границу².

Следует также иметь в виду, что значительные денежные средства, накопленные в сфере торговли, не притекали в сферу промышленности. И после Освобождения богатые болгары предпочитали вкладывать свои деньги в ростовнические операции. К. Иречек отмечал в 1891 г., что «большинство местных крупных торговцев всех народностей и вероисповеданий, много эснафов и торговых компаний и все богатые люди в городах занимаются ростовщичеством»³.

Болгарская промышленная буржуазия видела выход из этих трудностей в активном вмешательстве государства в экономическую жизнь страны. Она добивалась ограничения ввоза в страну иностранных промышленных товаров, организации дешевого кредита, принятия специальных мер, обеспечивающих болгарским промышленным изделиям преимуществ при сбыте их на внутреннем рынке, предоставления особых льгот (налоговых, транспортных и др.) крупным промышленным предприятиям и т. п.

Одновременно с процессом становления крупной капиталистической промышленности в Болгарии после Освобождения происходил процесс упадка ремесла, домашней промышленности и массового разорения мелких производителей. Именно со стороны последних раздались первые требования вмешательства государства в целях защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции⁴.

Правительство не могло не считаться с растущим недовольством массы разоряющихся ремесленников и рабочих домашней промышленности, требовавших облегчения своей участи. Но оно стремилось удовлетворить и требования зарождающейся болгарской промышленной буржуазии. Этими обстоятельствами определялись характер и содержание государственной политики в области промышленности вплоть до первой половины 90-х годов.

Начиная с 1883 г. болгарские правительства неоднократно пытались осуществить меры, направленные на покровительство отечественной промышленности. С этой целью издавались законы, постановления и распоряжения⁵. Один из них должны были содействовать подъему ремесла, другие же — поощрять фабричную промышленность. Однако результаты их оставались ничтожными.

Меры, предпринимавшиеся государством, противоречили друг другу,

² К. Иречек. Княжество България, ч. 1. Пловдив, 1899 г., стр. 276.

³ Там же.

⁴ Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България. М., 1944 г., стр. 42; «Дневници на III Обикновено народно събрание» (ОНС), I редовна сесия, кн. 1. София, 1883 г., стр. 646—647, 652—655.

⁵ «Дневници на III ОНС», II извънредна сесия, кн. II, стр. 42, 43, 54—56, 303—311; «Дневници на V ОНС», II редовна сесия, кн. III, стр. 68—70; «Дневници на VI ОНС», I редовна сесия, кн. II, стр. 339—341; II редовна сесия, кн. II, стр. 29; кн. III, стр. 33, 34; кн. IV, стр. 226, 227; кн. V, стр. 2, 110, 111; кн. VI, стр. 54—56, 64—66; кн. VII, стр. 183, 184; III редовна сесия, кн. II, стр. 206, 207, 288—297, 298—300; кн. IV, стр. 2, 3, 69, 70, 95, 96, 103; «Доклад до негово царско височество българския княз Фердинанд I от министерския съвет». София, 1907 г., стр. 495, 496, 499, 500.

так как пельзя было одновременно поощрять две промышленные системы, одна из которых могла развиваться только за счет вытеснения другой; они не были выражением продуманной и последовательной политики, а представляли собой случайные и разрозненные усилия. «До начала истекшего десятилетия, — писал Д. Благоев в 1903 г., — наше государство не руководствовалось определенной экономической политикой»⁶.

По мере развития капитализма интересы промышленной буржуазии все более выступали на первый план и приходили в столкновение с интересами мелких производителей. Промышленная буржуазия, недовольная непоследовательной политикой правительства, добивалась через своих представителей в Народном собрании не отдельных уступок, а системы государственных мероприятий, направленных на покровительство и поощрение крупной промышленности в целом⁷. Она стремилась с помощью государства переложить тяготы, связанные с созданием крупной промышленности, на плечи всего народа, обеспечить себе высокие прибыли за его счет.

Требования крупной промышленной буржуазии были зафиксированы в решениях первого в истории Болгарии земледельческо-промышленного съезда, состоявшегося в сентябре 1892 г. в Пловдиве и сыгравшего исключительно важную роль в определении главного направления нового курса экономической политики болгарского буржуазного государства. Постановления съезда, сформулированные его председателем, известным буржуазным экономистом И. Е. Гешовым, наиболее полно отражали интересы болгарской промышленной буржуазии.

Съезд требовал от правительства издания закона о поощрении болгарской промышленности, аналогичного дословно приведенному в резолюции румынскому закону от 1887 г.; заключения с промышленниками долгосрочных контрактов на поставку отечественных изделий, требующихся для армии, жандармерии и других государственных органов; перехода к политике протекционизма в целях защиты болгарской промышленности от иностранной конкуренции; принятия мер по обеспечению дешевого кредита путем поощрения организации новых кредитных учреждений; ускорения строительства новых железных и шоссейных дорог; учреждения при министерстве финансов самостоятельной дирекции земледелия, промышленности и торговли и т. п.⁸ Эта программа стала основой экономической политики болгарского буржуазного государства.

* * *

Осуществление пловдивской программы началось только после падения диктатуры Стамболова, когда к власти пришла партия «народников», наиболее полно выражавшая интересы крупной торгово-промышленной буржуазии.

Первостепенное значение имел закон о поощрении местной (отечественной) промышленности, принятый 20 декабря 1894 г. и дополненный 26 февраля 1897 г.⁹ Этот закон предоставлял владельцам предприятий ряда отраслей промышленности, оборудованных «усовершенствованными средствами производства» и имеющих основной капитал минимум 25 тыс. левов или не менее 20 рабочих, ряд льгот и привилегий. Только с принятием этого закона было положено действительное начало экономической

⁶ Д. Благоев. Икономичното развитие на България. Индустрия или земледелие. Варна, 1903 г., стр. 3.

⁷ «Дневници на VI ОНС», II редовна сесия, кн. I. София, 1892 г., стр. 373—381.

⁸ И. Е. Гешов. Спомени и студии. София, 1928 г., стр. 332—339.

⁹ «Дневници на VIII ОНС», I редовна сесия, кн. I. София, 1895 г., стр. 634—649; кн. II, 1895 г., стр. 839—843; «Дневници на IX ОНС», I редовна сесия; кн. IV. София, 1897 г., стр. 556, 557.

политики, направленной на поощрение крупной фабрично-заводской промышленности.

Важным фактором, содействовавшим политике покровительства и поощрения болгарской отечественной промышленности, были торгово-промышленные палаты. Их возникновение было вызвано всем содержанием и духом пловдивских решений.

Закон, принятый 19 декабря 1894 г.¹⁰, предусматривал создание в «наиболее важных» городах страны по одной торгово-промышленной палате. В соответствии с княжеским указом от 17 апреля 1895 г. были учреждены четыре торгово-промышленные палаты (Софийская, Пловдивская, Русенская и Варненская). Выборы в палаты были проведены 28 мая 1895 г., а в июне того же года, собравшись на первую сессию, палаты начали свою деятельность¹¹.

Необходимо сказать, что в исследованиях болгарских экономистов роли торгово-промышленных палат в развитии капиталистической промышленности уделяется незаслуженно мало внимания. Между тем выдвинутые палатами многочисленные требования и рекомендации, выражавшие потребности развивающейся крупной капиталистической промышленности, по существу представляли дальнейшее развитие пловдивской программы и оказали большое влияние на экономическую политику государства. К наиболее важным из них относятся следующие: осуществление протекционистской внешнеторговой и таможенной политики¹², распространение льгот закона 1894 г. на все отрасли промышленности и проведение непредусмотренных этим законом дополнительных мер в целях поощрения отечественной промышленности¹³, улучшение транспортной системы¹⁴, создание покровительствуемых государством торгово-промышленных синдикатов с целью повышения конкурентоспособности болгарских товаров на внешних рынках¹⁵.

Далеко не все требования и предложения палат принимались во внимание правительством. Однако если рассматривать экономическую политику, проводившуюся болгарским буржуазным государством в целом, то в основе ее несомненно лежала программа, выдвинутая пловдивским съездом, дополненная и развитая торгово-промышленными палатами.

Следующим важным шагом, содействовавшим развитию болгарской фабричной промышленности, был переход к политике протекционизма. Этот переход требовал преодоления серьезных препятствий в связи с тем, что Болгария все еще оставалась вассальным княжеством, связанным постановлениями Берлинского договора, и была лишена возможности проводить самостоятельную торговую и таможенную политику. Срок торговых договоров, навязанных европейскими державами Османской империи еще в 1860—1861 гг. и сохранявших свою силу и для болгарского княжества, истекал только в 1889—1890 гг. До этого времени Болгарии запрещалось вносить какие-либо изменения в установленный для нее режим торговли.

Только в декабре 1896 г. Болгарии удалось заключить первый долгосрочный (сроком на 7 лет — с 1 января 1897 г. по 31 декабря 1903 г.) торговый договор с Австро-Венгрией, который послужил образцом для других торговых договоров и соглашений, заключенных вскоре после него Болгарией с Францией, Россией, Англией, Италией, Германией, Бельгией и другими странами. Все эти договоры и соглашения предусматривали

¹⁰ «Дневници на VIII ОНС», I редовна сесия, кн. II. София, 1895 г., стр. 141—144, 945—949.

¹¹ «Юбилеен сборник на търговско-индустриалните камари в царството». София, 1920 г., стр. 16, 20.

¹² Там же, стр. 25, 179, 282, 289—290, 331, 346, 350, 351, 363, 415, 435—436, 510, 514.

¹³ Там же, стр. 25, 28, 170, 171, 173—175, 185, 186, 189, 271, 410, 411, 435, 438.

¹⁴ Там же, стр. 30, 170, 426, 427, 445.

¹⁵ Там же, стр. 312, 319.

обложение ввозимых в Болгарию товаров в среднем 14-процентной пошлиной, в соответствии с новым таможенным тарифом, утвержденным Народным собранием в декабре 1896 г. и вступившим в силу с 1 января 1897 г. Для различных товаров ввозные пошлины колебались в размерах от 8 до 25% ad valorem, а на некоторые товары были введены специфические пошлины¹⁶.

Высокие пошлины (от 14 до 25%) преследовали цели защиты ряда болгарских отраслей промышленности от иностранной конкуренции. 14-процентной пошлиной облагались все товары, которые не перечислялись в тарифе¹⁷. Впервые Болгария получила возможность использовать таможенную и торговую политику для протекционистских целей, в интересах развития национальной промышленности.

Большое влияние на промышленность оказывало успешное развитие транспортной системы. К 1894 г. протяженность всей железнодорожной сети Болгарии составляла 829 км, из них только 258 км были построены после Освобождения на болгарские средства¹⁸. Темпы железнодорожного строительства значительно ускорились в 1894—1900 гг. Всего за эти 6 лет было построено и введено в эксплуатацию 727 км железных дорог¹⁹, почти в три раза больше, чем за первые 16 лет после Освобождения.

Строительство железных дорог содействовало расширению внутреннего рынка и явилось, таким образом, важным фактором, ускорившим развитие капиталистической промышленности. Кроме того, оно непосредственно стимулировало развитие таких отраслей промышленности, как каменноугольная, лесопильная и металлообрабатывающая. Осуществляемое под руководством правительства и на государственные средства железнодорожное строительство являлось составной частью экономической политики государства, направленной на поощрение крупной капиталистической промышленности.

Расширению внутреннего рынка способствовало также увеличение сети шоссейных дорог. За 10 лет (1887—1897 гг.), как сообщает Ст. Станев, было построено 792,85 км новых шоссейных дорог и улучшено 1671,15 км существовавших²⁰. По сведениям Н. Овсяного, в 1899 г. в Болгарии насчитывалось 3680 км шоссейных дорог всех категорий и 1486 км дорог строилось²¹.

Большое значение для развития морского транспорта имело начатое в середине 90-х годов сооружение современных портов в Варне и Бургасе на государственные средства²².

Перед нами, таким образом, целый комплекс государственных мероприятий по поощрению крупной капиталистической фабричной промышленности.

¹⁶ «Доклад до негово величество Фердинанд I от министерския съвет». София, 1912 г., стр. 188, 189; Н. Пиперов. Икономическа България в миналото и настоящето. Лейпциг, т. 1, стр. 13, 14; Ch. Abadjieff. Die Handelspolitik Bulgariens. Leipzig, 1910, стр. 33, 34, 36, 40; Ch. Georgieff. Entwicklung der Ein- und Ausfuhr Bulgariens. Halle, 1908, стр. 21, 22, 24, 27, 30.

¹⁷ «Доклад до негово величество Фердинанд I от министерския съвет», стр. 188, 189; Я. Н. Чакалов. Търговските договори на България от 1897 година насам. СВИД, 1902, год. VI, кн. 2, стр. 97; W. K. Weiß-Bartenstein. Bulgariens Volkswirtschaft und ihre Entwicklungsmöglichkeiten. Berlin. 1918, стр. 177.

¹⁸ «Доклад до негово царско височество, българския княз Фердинанд I от министерския съвет». София, 1907 г., стр. 617.

¹⁹ Там же; см. также: Iwan Karosseroff. Zur Entwicklung der Bulgarischen Eisenbahnen. Erlangen, 1907, стр. 151.

²⁰ St. Staneff. Das Gewerwesen und die Gewerbepolitik in Bulgarien. Rustschuk, 1901, стр. 89.

²¹ Н. Овсяный. Болгария и болгары. С.-Петербург, 1900, стр. 166—168.

²² В. Морфов и Юр. Данчов. Железните пътища в България. СВИД, 1921, год. XX, кн. 1—2—3, стр. 102; N. Sakaroff. Die industrielle Entwicklung Bulgariens. Berlin, 1904, стр. 49.

Рассмотрим теперь вопросы об эффективности экономической политики государства, о ее первых результатах и значении в развитии болгарской капиталистической промышленности.

Следует иметь в виду, что анализ развития фабричной промышленности Болгарии в изучаемый нами период весьма затрудняется отсутствием официальных статистических данных. Имеющиеся в нашем распоряжении неофициальные данные буржуазных исследователей неполны и неточны, нередко противоречивы.

Характеристика развития болгарской промышленности, основывающаяся на этих данных, не может поэтому претендовать на полноту и точность.

Влияние закона 1894 г. на те отрасли промышленности, в которых капиталистическая фабрика стала ведущей формой производства еще до 1894 г. (т. е. без помощи государства) и которые поэтому пользовались только частично его льготами, было ограниченным; оно выразилось не в росте количества предприятий, а главным образом в концентрации производства, увеличении производственной мощности уже существовавших предприятий, совершенствовании оборудования и технологии производства, улучшении качества и увеличении ассортимента продукции. К этим отраслям промышленности относятся прежде всего шерстопрядильная и суконная, а также пивоваренная.

Так, к поощряемым государством 25 шерстопрядильным и суконным фабрикам, существовавшим в 1894 г.²³, за 1895—1900 гг. прибавились только две — в Самокове²⁴ и Котеле²⁵. За те же годы три фабрики в Трявне обанкротились и закрылись²⁶. Несмотря на то, что число фабрик сократилось с 25 до 24, число действующих механических ткацких станков увеличилось с 97 до 134, мощность механических двигателей возросла с 876 до 914 л. с., число рабочих — с 1481 до 1582 человек и количество переработанной шерсти — с 1455 до 1760 тыс. окн. Только число действующих веретен уменьшилось с 15 717 до 14 637²⁷.

Началось техническое перевооружение сливенских суконных фабрик — замена ручных ткацких станков механическими²⁸. За 1895—1900 гг. число действующих ручных ткацких станков сократилось с 220 до 135, а число действующих механических станков увеличилось с 7 до 26. Только с этого времени сливенские шерстяные полумануфактуры-полуфабрики начали превращаться в подлинно капиталистические фабрики. Часть сливенских фабрик перешла к производству тканей более высокого качества²⁹.

На некоторых фабриках были установлены новые, более мощные гидравлические двигатели и усовершенствованные прядильные машины для производства камвольной пряжи³⁰.

В пивоваренной промышленности в последние годы XIX в. наметился процесс концентрации производства. Число пивоваренных заводов с 25 в 1894 г.³¹ сократилось до 22 в 1900 г.³², несмотря на то, что за это время

²³ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 214—221.

²⁴ Д. Йорданов. Преглед на българските дружества и банки. София, 1923 г., стр. 214.

²⁵ St. Staneff. Указ. соч., стр. 122.

²⁶ Там же, стр. 126.

²⁷ Там же.

²⁸ Стимулом послужило также образование в 1898 г. синдиката сливенских фабрикантов, которому военное министерство поручило поставку сукна для армии (Д. Мишайков. Очерк на фабричната вялна индустрия. СБИД, год. VIII, 1904, кн. 7—8, стр. 485).

²⁹ St. Staneff. Указ. соч., стр. 121, 126.

³⁰ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 109.

³¹ СБИД, год II, 1898, кн. 6—7, стр. 324.

³² Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 108.

открылось шесть новых заводов³³. Это сокращение произошло за счет мелких, даже «микроскопических», как их называет Чакалов³⁴, пивоваренных заводов, которые, не выдержав конкуренции с крупными заводами, закрылись³⁵. Несмотря на уменьшение числа заводов, объем продукции пивоваренной промышленности увеличился. Среднегодовое производство пива в 1895—1900 гг. увеличилось по сравнению с 1888—1894 гг. с 2 152 556³⁶ до 4 284 883 литров³⁷, т. е. почти в два раза.

Большое влияние на эти отрасли промышленности оказали протекционистский таможенный тариф 1896 г. и торговые договоры 1897 г. Они дали им возможность успешно бороться с внешней конкуренцией и укрепить свои позиции на внутреннем рынке. Так, среднегодовой ввоз шерстяных тканей и шерстяного платья сократился с 409 757 кг стоимостью 4 479 482 лева в 1891—1895 гг. до 366 398 кг стоимостью 3 567 728 левов в 1896—1900 гг.³⁸ Ввоз пива сократился с 335 506 литров в 1895 г. до 138 083 литров в 1900 г.³⁹, что составляло только 3,4% от количества пива, произведенного в этом году болгарскими заводами. Таким образом, к концу XIX в. пивоваренная промышленность Болгарии в основном удовлетворяла потребности внутреннего рынка.

Гораздо более важную роль закон 1894 г. сыграл в развитии тех отраслей промышленности, в которых фабричное производство полностью отсутствовало или находилось в первоначальной стадии. Он содействовал переходу к фабричной форме производства и появлению ряда новых фабрик и заводов, более крупных и более совершенных по техническому оснащению, чем существовавшие до этого. К этим отраслям промышленности относятся пеньковая, керамических изделий и металлообрабатывающая, пользовавшиеся льготами и привилегиями закона в полном объеме, а также деревообрабатывающая, кожевенная и некоторые другие отрасли, пользовавшиеся ими только частично.

Во второй половине 90-х годов совершается переход к капиталистической фабрике в канатном производстве. В 1896—1897 гг. были построены три канатные фабрики (две в Софии и одна в с. Куртово Конаре, близ Пловдива)⁴⁰. Появление этих фабрик и введение 25-процентной пошлины на канатные изделия привели к резкому падению импорта последних. Стоимость ввезенных канатных изделий уменьшилась с 961 326 левов в 1894 г. до 336 283 левов в 1900 г.⁴¹

В 1895—1900 гг. вступило в строй пять заводов керамических изделий. Их основной капитал, по данным Ябланского, был больше основного капитала четырех заводов, построенных до 1894 г., в 1,8 раза, оборотный капитал — в 2,8 раза, количество рабочих в 2,2 раза⁴². Самым крупным из вновь построенных был завод болгарского акционерного общества «Изида» на ст. Новоселци (Елин Пелин). Согласно Юрданову, его основной капитал составлял 800 тыс. левов, а число рабочих — 650 человек⁴³.

³³ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 214—221; Ж. Натан и Л. Беров. Монополистический капитализм в Българии. София, 1958, стр. 63, 64.

³⁴ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 110.

³⁵ Г. Н. Колушки. Нашето пивоварство. СБИД, год III, 1898, кн. I, стр. 19.

³⁶ Там же, стр. 9.

³⁷ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 108.

³⁸ Д. Мишайков. Възникните текстилни фабрики в България и техните пазари. СБИД, год XII, 1908, кн. 2—3, стр. 69, 70.

³⁹ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 108.

⁴⁰ Д. Юрданов. Принос за промишлената история на града София. София, 1928 г., стр. 63; СБИД, год I, 1896, кн. 2, стр. 133.

⁴¹ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 103.

⁴² Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 214—221.

⁴³ Д. Юрданов. София, като индустриален център. «Юбилейна книга на град София». София, 1928 г., стр. 244.

Завод производил в год 8—9 млн. штук кирпича, 4—5 тыс. т гипса, большое количество черепицы, клинкера, кафеля, цемента, извести, труб для канализации и водопровода, плит для мощения тротуаров и пр.⁴⁴

Быстрый рост керамической промышленности привел к значительному сокращению ввоза керамических изделий (с 2,53 млн. левов в 1895 г. до 1,64 млн. левов в 1900 г.)⁴⁵.

Появились крупные предприятия по добыче и обработке мрамора, а также по обработке дерева. В 1896 г. софийский промышленник Д. Сотиров начал эксплуатацию мраморного карьера у ст. Белово (близ Пазарджика) и построил первый в стране завод по обработке мрамора, оборудованный современными машинами. На заводе работало около 60 человек⁴⁶. Другой завод по обработке мрамора появился в 1899 г. в Берковце⁴⁷.

За 1895—1900 гг., по сведениям Ябланского, были построены две большие деревообрабатывающие фабрики в Софии и в с. Куртово Конаре; их основной капитал составлял 300 тыс. левов, оборотный капитал — 200 тыс. левов, число рабочих — 75 человек⁴⁸. Д. Йорданов упоминает еще об одном поощряемом законом деревообрабатывающем предприятии, основанном в 1897 г. в Софии Хр. Крыстевым⁴⁹, а Станев — о двух мебельных фабриках в Пазарджике и Русе, основанных в 1899—1900 гг.⁵⁰

Среди этих предприятий выделялась «придворная его царского высочества» мебельная фабрика И. Бруха и Г. Гавранлова в Софии, построенная в 1895 г. На фабрике были установлены механические станки по обработке дерева, приводившиеся в движение паровой машиной. Фабрика изготовляла мебель, оконные переплеты и дверные рамы, паркет; она перерабатывала 25—30 вагонов леса в год. Число регулярно работающих составляло, по сведениям Спасова, 40—60 человек, а временами доходило до 70⁵¹.

Закон 1894 г. и высокие пошлины на кожу и готовую обувь способствовали ускорению темпов развития кожевенной промышленности. В 1900 г., по данным Ябланского, насчитывалось семь поощряемых законом кожевенных заводов, из них четыре возникли в 1895—1900 гг. Основной капитал заводов, построенных до 1894 г., составлял 215 тыс. левов, а новых — 775 тыс. левов, оборотный капитал — соответственно 340 и 740 тыс. левов, число рабочих — 155 и 127 человек⁵². В среднем на один из старых заводов приходилось основного капитала 71,7 тыс. левов, оборотного капитала — 113,3 тыс. левов, рабочих — 52 человека, а на один из вновь построенных заводов приходилось основного капитала — 193,7 тыс. левов, оборотного капитала — 185 тыс. левов, рабочих — 32 человека. Значительное увеличение основного капитала и сокращение числа рабочих свидетельствует о том, что новые кожевенные заводы были больших размеров и лучше оборудованы. При этом надо учесть, что данные Ябланского явно занижены. Так, по сведениям Спасова и Йорданова, основной капитал только софийского кожевенного завода, построенного в 1895 г., составлял к 1900 г. миллион левов, а число рабочих — 120 чел. На заводе была установлена паровая машина мощностью в 50 л. с. Завод изготовлял различные виды кожи,

⁴⁴ A. D. Spassow. Der Verfall des alten Handwerks und die Entstehung des modernen Gewerbes in Bulgarien während des 19 Jahrhunderts. Greifswald, 1900, стр. 58, 59; СБВД, год VIII, 1904, кн. 1.

⁴⁵ N. Sakaroff. Указ. соч., стр. 74.

⁴⁶ Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София, стр. 32; СБВД, 1896, год 1, кн. 5, стр. 363.

⁴⁷ Д. М. Ябланский. Указ. соч., стр. 214—221.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София, стр. 34.

⁵⁰ St. Staneff. Указ. соч., стр. 107.

⁵¹ A. D. Spassow. Указ. соч., стр. 57, 58.

⁵² Д. М. Ябланский. Указ. соч., стр. 222.

а обувная мастерская при нем производила обувь для армии. Склады его продукции имелись, кроме Софии, также в Бургасе и Варне⁵³.

Успехи кожевенной промышленности позволили сократить ввоз кожи и обуви с 3 318 300 левов в 1894 г. до 1 761 902 в 1900 г.⁵⁴

Известный прогресс был достигнут и в металлообрабатывающей промышленности. По данным Ябланского, после 1894 г. было основано только одно маленькое металлообрабатывающее предприятие в Софии (основной капитал — 40 тыс. левов, оборотный капитал — 20 тыс. левов, число рабочих — 4 человека)⁵⁵. Однако сведения Ябланского являются далеко не полными. Известно, что в 1897 г. торгово-промышленное общество «Светлина» открыло в Свиштове фабрику по изготовлению железных бидонов для керосина. Основной капитал этой фабрики составлял в 1898 г. 308 тысяч левов. На ней работало 42 рабочих, изготовлявших до 800 бидонов в день⁵⁶. В Русе в 1897 г. был основан первый в стране машиностроительный завод, который впоследствии превратился в крупное предприятие⁵⁷. Машиностроительный завод был построен в 1899 г. также в Пазарджике⁵⁸.

Экономическая политика народняков явилась важным фактором, содействовавшим усилению проникновения иностранного капитала в болгарскую промышленность. Первостепенную роль в этом отношении сыграл закон о поощрении промышленности от 1894 г. и дополнения к нему, принятые в 1897 г. Закон появился в то время, когда в развитых капиталистических странах Европы завершался процесс перерастания «свободного капитализма» в монополистический, когда для этого «нового капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала»⁵⁹. «Избыточный» капитал из стран, в которых капитализм «перезрел», устремлялся в отсталые страны, где «прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»⁶⁰. В. И. Ленин указывал, что возможность вывоза капитала в отсталые страны создается тем, что ряд из них «втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д.»⁶¹.

Именно такой отсталой страной была к концу XIX в. Болгария.

Закон 1894—1897 гг. впервые гарантировал иностранным капиталистам точно определенные привилегии и льготы, открывая им широкий доступ в страну. Западноевропейские капиталисты не замедлили этим воспользоваться. Во второй половине 90-х годов приток иностранных капиталов в болгарскую промышленность усилился в огромной степени. Иностранные капиталисты построили крупные предприятия, превосходившие по размерам все известные до этого в Болгарии, и заложили основы новых отраслей промышленности — сахарной, хлопкопрядильной, электроэнергетической и спичечной.

Первой концессией, предоставленной на основании закона 1894 г. иностранцу, была концессия на сооружение и эксплуатацию сахарного завода в Софии; ее получил в апреле 1895 г. бельгийский капиталист Люсьен Дрикс. Созданная им акционерная компания построила и в

⁵³ A. D. Sprassow. Указ. соч., стр. 57; Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София, стр. 48, 49.

⁵⁴ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 103.

⁵⁵ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 214—221.

⁵⁶ «Работническото движение в България. Материали 1878—1904», т. 1, 1953 г., док. № 142, стр. 204; СВИД, 1898, год II, кн. 9—10, стр. 465, 466.

⁵⁷ W. K. Weiß-Bartenstein. Указ. соч., стр. 124.

⁵⁸ St. Staneff. Указ. соч., стр. 107.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 359.

⁶⁰ Там же, стр. 360.

⁶¹ Там же.

1898 г. пустила в эксплуатацию первый в Болгарии сахарный завод, основной капитал которого составлял 3 220 087 левов, оборотный — 1 млн. левов, число рабочих — 300 человек⁶². Это было самое крупное и наиболее усовершенствованное промышленное предприятие страны.

Другим крупнейшим промышленным предприятием, созданным иностранным капиталом, была первая в стране хлопкопрядильная фабрика «Князь Борис» в Варне. Концессию на постройку и эксплуатацию хлопкопрядильной фабрики получило в 1897 г. созданное английскими капиталистами анонимное акционерное общество «Князь Борис»⁶³. В январе 1899 г. фабрика начала работать⁶⁴. По данным Ябланского, ее основной капитал составлял 1200 тыс. левов, оборотный капитал — 300 тыс. левов, число рабочих — 450 человек⁶⁵. На фабрике насчитывалось 14 108 веретен, которые приводились в движение паровой машиной мощностью в 500 л. с.⁶⁶ В первые годы фабрика ежегодно производила 1135 тыс. кг грубой небеленой пряжи стоимостью в 2 млн. левов⁶⁷. Варненская хлопкопрядильная фабрика была тогда самой большой текстильной фабрикой в Болгарии.

Первая в стране электростанция также оказалась в руках иностранных капиталистов. Концессию на постройку и эксплуатацию электростанции на срок в 40 лет получило 7 декабря 1898 г. французское акционерное общество. Электростанция была построена близ Софии (в с. Папчерево на р. Искыр) и пущена в эксплуатацию 1 ноября 1900 г. Ее мощность составляла 4000 л. с. — четыре гидротурбины по 500 л. с. каждая и четыре паровые машины общей мощностью в 2000 л. с. Это были тогда самые мощные энергетические машины в Болгарии. Первоначальный основной капитал электростанции составил 3 432 785 левов⁶⁸.

Иностранным капиталом была создана также первая в стране спичечная фабрика. Концессия на постройку спичечной фабрики с правом монопольного производства спичек в течение 10 лет в районе Софийского, Кюстендилского, Трынского и Пазарджикского округов была предоставлена 7 сентября 1898 г. основанному французским предпринимателем Луи Брали «Французскому привилегированному обществу по производству спичек в Болгарии». Построенная этим обществом на ст. Костенец-Баня (Софийский округ) спичечная фабрика начала работать в июне 1901 г.⁶⁹ Ее основной капитал составлял 750 тыс. левов. Проектная мощность фабрики была рассчитана на ежегодное производство 30 тыс. ящиков спичек стоимостью в 1,5 млн. левов⁷⁰.

В руки бельгийских капиталистов перешел кожевенный завод «Пенков и Попов» в Русе, который был ими реконструирован и превратился в один из крупнейших кожевенных заводов в стране. Австрийские капиталисты основали два пивоваренных завода в Пловдиве и Ломе. Итальянским капиталистом был основан пороховой завод в Пловдиве. Иностран-

⁶² Г. Н. Колушки. Чуждые капиталы в България. СБД, 1901, год V, кн. 6—7, стр. 419; Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 222; Ch. Russeff. Die Fortschritte der staatlich unterstützten Fabrikindustrie in Bulgarien. Halle, 1914, стр. 42.

⁶³ Д. Йорданов. Преглед на българските дружества и банки. София, 1923, стр. 223.

⁶⁴ Г. Н. Колушки. Указ. соч., стр. 414.

⁶⁵ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 222. Станев определяет количество рабочих в 550 человек (St. Staneff. Указ. соч., стр. 136).

⁶⁶ St. Staneff. Указ. соч., стр. 136. По данным Колушки, число веретен составляло 11 400 (Г. Н. Колушки. Указ. соч., стр. 414).

⁶⁷ Г. Н. Колушки. Указ. соч., стр. 415.

⁶⁸ J. Slawoff. Beitrag zu der Frage der ausländischen Kapitalien in Bulgarien. Erlangen, 1909, стр. 94—96, 98.

⁶⁹ Г. Н. Колушки. Указ. соч., стр. 416—418; Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София, стр. 69, 70.

⁷⁰ J. Slawoff. Указ. соч., стр. 86, 91.

ному капиталу, кроме того, принадлежал еще ряд более мелких промышленных предприятий⁷¹.

Кроме перечисленных предприятий, иностранные капиталисты в этот период получили также пять концессий на эксплуатацию горнодобывающих предприятий. «Болгарское металлургическое и каменноугольное анонимное общество», основанное бельгийским капиталом, приобрело у болгар три концессии: две — на эксплуатацию угольных шахт «Троян» и «Надежда» в Софийском округе и одну — на эксплуатацию железного рудника «Спасенне» близ Брезника. Французское акционерное общество получило концессию на эксплуатацию угольной шахты «Князь Борис» близ Трявны⁷². Американский капиталист Уолтер Уиллер получил концессию на эксплуатацию медного рудника «Плакальница» близ железнодорожной станции Елисейна, которая вскоре перешла к Т. Маврокордато — русскому подданному из Константинополя⁷³. В отличие от других принадлежавших иностранному капиталу предприятий, занимавших монопольное положение в стране, эти предприятия играли малозаметную роль в горнодобывающей промышленности. Так, в 1900 г. частные шахты дали 2,1% всей угледобычи в стране⁷⁴.

* * *

Наряду с процессом концентрации промышленного производства в 1895—1900 гг. в Болгарии совершался интенсивный процесс централизации капитала.

Начало политики поощрения крупной промышленности совпало с периодом быстрого расширения кредитной системы Болгарии. Если до этого почти единственным кредитором болгарских промышленников, не считая ростовщиков, был государственный Болгарский народный банк, а частных банков в 1887 г. было только три, то в 1895 г. уже насчитывалось 25 частных банков, а в 1900 г. — 27⁷⁵. Кроме того, в 1894—1898 гг., по данным Ст. Бочева, возникло в разных местах Болгарии по крайней мере 20 акционерных сберегательных и кредитных обществ⁷⁶.

Развитие капиталистических форм кредита содействовало быстрому росту количества промышленных акционерных обществ. По сведениям Ст. Бочева, за период 1880—1901 гг. было основано всего 32 промышленных акционерных общества, из них 23 — в 1895—1900 гг.⁷⁷

Впервые в изучаемый нами период в Болгарии появился иностранный акционерный капитал, который основал наиболее крупные и усовершенствованные промышленные предприятия в стране: сахарный завод и электростанцию в Софии, хлопкопрядильную фабрику в Варне и спичечную фабрику в Костенец-Баня.

Согласно Ябланскому, в 1900 г. из 103 поощряемых государством промышленных предприятий 29 принадлежали акционерным обществам⁷⁸. Эти данные представляются нам заниженными. Станев, например, сообщает, что уже к концу 1895 г. в Болгарии насчитывалось 29 промышленных акционерных обществ и только за два года (1896—1897) их количество увеличилось еще на 13⁷⁹.

⁷¹ Ж. Натан и Л. Беров. Указ соч., стр. 56, 63—64.

⁷² Г. Н. Колушки. Указ соч., стр. 409—412.

⁷³ W. K. Weiß-Bartenstein. Указ соч., стр. 7; Ж. Натан и Л. Беров. Указ соч., стр. 61, 62.

⁷⁴ «Статистически годишник на Българското царство», година трета, 1911 г. София, 1914, стр. 258.

⁷⁵ К. Попов. Стопанска България. София, 1916, стр. 400.

⁷⁶ Ст. Бочев. Акционерното дело в България. В кн.: «Акционерното дело в странство и у нас». София, 1925, стр. 287.

⁷⁷ Там же, стр. 285, 286.

⁷⁸ Д. Яблански. Указ соч., стр. 224.

⁷⁹ St. Stanef. Указ соч., стр. 98.

Акционерные общества, являясь формой централизации капитала, стали необходимым условием развития крупной промышленности. Удельный вес этой организационной формы капиталистических предприятий в болгарской промышленности значительно увеличился. Рост акционерных обществ — свидетельство перехода болгарской промышленности к новой, более высокой стадии развития.

* * *

Попытаемся теперь подвести итоги развития болгарской промышленности в целом и охарактеризовать ее состояние в 1900 г. Подробные, хотя далеко не полные и не точные, сведения о развитии поощряемой государством промышленности в 1895—1900 гг. содержатся только в анкете Ябланского. Это по существу единственный источник, который дает нам более или менее систематизированный материал для определенных выводов.

Согласно данным Ябланского, количество вновь основанных крупных промышленных предприятий, пользовавшихся льготами закона о поощрении промышленности, составило: в 1895 г. — восемь, в 1896 г. — семь, в 1897 г. — шесть, в 1898 г. — два, в 1899 г. — пять, в 1900 г. — три, всего 31 предприятие. Их основной капитал составил в 1900 г. 8907 тыс. левов, оборотный капитал — 4314,5 тыс. левов, число рабочих — 1689 человек⁸⁰.

Следует подчеркнуть, что рост болгарской поощряемой промышленности происходил преимущественно за счет иностранных капиталовложений, которые составили более половины всех капиталовложений за этот период (4880 тыс. из 8907 тыс. левов). Доля иностранных капиталовложений в болгарской поощряемой промышленности за 1895—1900 гг. выросла в огромной степени. Если в 1894 г. она составляла только 4% всего основного капитала, то в 1900 г. — 27% (5320 тыс. из 19 823 тыс. левов)⁸¹.

Состояние всей поощряемой государством промышленности в 1900 г., согласно Ябланскому, характеризуется следующими данными: количество предприятий — 103, основной капитал — 19 823 тыс. левов, в том числе болгарский — 14 503 тыс., иностранный — 5320 тыс. оборотный капитал — 12 829,5 тыс. левов, количество рабочих — 4716 человек⁸².

Сопоставляя эти данные с данными 1894 г., Ябланский приходит к выводу, что болгарская крупная промышленность «была создана и развивалась больше всего в период 1883—1894 годов» и «без всякого поощрения и жертв со стороны государства». Он пытается доказать, что закон 1894 г. не содействовал развитию промышленности, что темпы развития промышленности после 1894 г. замедлились, а «жертвы со стороны государства» были напрасны⁸³. Однако методы доказательств, к которым он прибегает, никак нельзя назвать научными. Данные, собранные самим Ябланским, опровергают его утверждения.

Во-первых, Ябланский, анализируя составленную им таблицу⁸⁴, утверждает, что все 72 поощряемых государством предприятия, основанных до 1894 г., возникли в 1883—1894 гг. Между тем из самой таблицы явствует, что 11 из этих предприятий построены в 1875—1882 гг.; кроме того, указывается, что 15 шерстоткацких фабрик в Сливене основаны в 1845—1892 гг., следовательно, часть из них возникла до 1883 г. Известно, что вскоре после Освобождения возобновила работу суконная фабрика, основанная еще в 1836 г. Добри Желязковым⁸⁵, и прядильная фабрика,

⁸⁰ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 214—221, 222.

⁸¹ Там же, стр. 222.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, стр. 224—226.

⁸⁴ Там же, стр. 214—221.

⁸⁵ С. Табаков. История на град Сливен, т. III. София, 1929, стр. 114, 115.

основанная в 1874 г. братьями Маноловыми⁸⁶, а в 1880 г. вступила в строй еще одна суконная фабрика, построенная Сараивановым, Кювлиевым и Поповичем⁸⁷. Таким образом в 1883—1894 гг. в действительности основано только 58 предприятий.

Во-вторых, надо учесть, что из двух периодов (первый — 1883—1894 гг., второй — 1895—1900 гг.), которые сравнивает Ябланский, первый в два раза продолжительнее второго. Если в течение первого периода (12 лет) было основано 58 предприятий, а в течение второго периода (6 лет) — 31 предприятие, то это говорит не о снижении темпа роста строительства предприятий, а, наоборот, о некотором его увеличении.

В-третьих, — и это главное — нельзя ограничиваться только сравнением числа основанных предприятий, игнорируя все другие показатели, как это делает Ябланский. Между тем анализ данных об основном и оборотном капитале и о количестве рабочих приводит нас к выводу, что в последние 6 лет XIX в. темпы формирования крупной промышленности значительно ускорились.

Так, основной капитал ооцряемых предприятий, как известно, составил в 1900 г. 19 823 тыс. левов. Из этой суммы на 31 предприятие, основанное после 1894 г., приходится 8907 тыс., а на 72 предприятия, возникших до 1894 г., — 10 916 тыс. левов. Таким образом, основной капитал предприятий, созданных только за последние 6 лет XIX в., составил более $\frac{4}{5}$ основного капитала всех предприятий, возникших до 1894 г. Иначе говоря, если количество предприятий за 1895—1900 гг. выросло на 43,0%, то основной капитал за эти годы вырос на 81,6%. На одно предприятие, построенное до 1894 г., приходится в среднем 151 611 левов основного капитала, а после 1894 г., — 287 тыс. левов.

Оборотный капитал предприятий, основанных до 1894 г., составил в 1900 г. 8515 тыс. левов, а после 1894 г. — 4314,5 тыс. левов, т. е. почти в два раза меньше. Но в среднем на одно предприятие первой группы приходилось оборотного капитала 118 264 лева, а на одно предприятие второй группы — 139 161 лев.

На предприятиях, созданных до 1894 г., работало в 1900 г. всего 3027 рабочих, или в среднем на одном предприятии 42 рабочих, а на основанных после 1894 г. — 1689 рабочих, или в среднем на одном предприятии 54 рабочих.

Все это говорит о том, что вновь возникшие предприятия были крупнее тех, которые существовали до этого, что процесс концентрации производства после 1894 г. значительно ускорился.

Новые предприятия были также лучше оборудованы, технически совершеннее. Об этом можно судить по тому, что в первой группе предприятий (построенных до 1894 г.) основной капитал был больше оборотного в 1,3 раза, а во второй группе предприятий (возникших после 1894 г.) — в два с лишним раза. В среднем на одно предприятие второй группы приходилось больше, чем на одно предприятие первой группы: основного капитала — на 89,3%, рабочих — только на 28,5%. Основной капитал, следовательно, рос гораздо быстрее оборотного и количества рабочих.

Таким образом, анализ данных анкеты Ябланского убеждает нас в том, что экономическая политика государства оказала благоприятное влияние на болгарскую промышленность, она содействовала ускорению темпов ее развития и усилению процесса концентрации производства.

⁸⁶ К. Иречек. Княжество България. Пловдив, 1899, ч. II, стр. 708; К. Ламбрев. Положением на работническата класа в България от Освобождението до началото на XX век (1878—1904). София, 1954, стр. 45.

⁸⁷ Д. Мишайков. Очерк на фабричната вялна индустрия в България. СБИНД, 1904, год VIII, кн. 7—8, стр. 476.

В действительности прогресс, достигнутый в развитии болгарской поощряемой промышленности в конце XIX в., был более значительным, чем об этом можно судить по заниженным данным анкеты Ябланского.

Известное представление о развитии промышленности дают нам также данные торговой статистики. Косвенным доказательством роста промышленного производства является, с одной стороны, сокращение ввоза ряда промышленных изделий, производство которых увеличилось в самой Болгарии, с другой стороны, — одновременный рост ввоза промышленного сырья и оборудования. Общая стоимость ряда промышленных товаров, ввезенных в страну (спирт и спиртные напитки, виноградное вино, пиво, сахар, кожа, обувь, шерстяные ткани, готовое платье, хозяйственное мыло и канатные изделия), сократилась с 21 130 816 левов в 1894 г. до 6 045 503 левов в 1900 г.⁸⁸, т. е. почти в 3,5 раза. Надо, конечно, учесть, что вследствие торгового-финансового кризиса резко уменьшился импорт в целом. Однако, если ввоз перечисленных товаров сократился в 3,5 раза, то общий ввоз только в 2,1 раза (с 99 229 193 левов в 1894 г. до 46 342 100 левов в 1900 г.)⁸⁹.

Еще более доказательны данные об увеличении импорта некоторых видов промышленного сырья и оборудования. Так, в 1900 г. стоимость всех импортируемых товаров сократилась по сравнению с 1899 г. с 60 178 079 левов до 46 342 100 левов⁹⁰, т. е. на 23%, а стоимость ввезенного за эти же годы промышленного сырья увеличилась на 40%⁹¹. В огромной степени увеличился ввоз промышленного оборудования (машин, аппаратов, инструментов и др.), а именно, с 176 тыс. левов в 1894 г. до 1177 тыс. в 1900 г.⁹² Это свидетельствует о том, что при поддержке государства промышленность даже в период торгового-финансового кризиса продолжала успешно развиваться.

Важнейшая особенность, присущая болгарской поощряемой промышленности, заключалась в одностороннем характере ее развития. Промышленность, производившая средства производства, развивалась крайне слабо, объем ее продукции был ничтожным. Доминировали те отрасли промышленности, для которых продукты земледелия и животноводства составляли основную сырьевую базу — текстильная и пищевая. В 1900 г. на эти обе отрасли приходилось 61% предприятий, 73% основного капитала, 70% оборотного капитала и 70% рабочих всей поощряемой промышленности⁹³.

У Ябланского мы также находим сведения о состоянии всей болгарской фабричной промышленности, включая и поощряемую государством.

Согласно его подсчетам, в 1900 г. насчитывалось всего 339 фабрик, их основной капитал составлял 25 633,9 тыс. левов, в том числе 6055 тыс. левов иностранного, оборотный капитал — 22 152,7 тыс. левов, количество рабочих — 7439 человек⁹⁴.

Приведенные данные несопоставимы с официальными данными министерства торговли и земледелия о состоянии болгарской промышленности в 1894 г.⁹⁵ Там речь идет о фабриках и мастерских, вместе взятых, здесь же говорится только о фабриках. Это обстоятельство лишает нас возмож-

⁸⁸ Я. Н. Чакалов. Указ. соч., стр. 103.

⁸⁹ «Статистически годишник на Българското царство», година трета, 1911, стр. 259.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Ch. Georgieff. Указ. соч., стр. 43.

⁹² Ch. Abadjieff. Указ. соч., стр. 151.

⁹³ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 222.

⁹⁴ Там же, стр. 223.

⁹⁵ Согласно этим данным, в 1894 г. в Болгарии насчитывалась 501 фабрика и мастерская, основной и оборотный капитал которых составлял 34 201 757 левов, количество рабочих — 5732 человека (СБИД, год II, 1898, кн. 6—7, стр. 324).

ности определить, насколько выросло общее количество фабрик за 1894—1900 гг. Во всяком случае мы вправе утверждать, что количество фабричных предприятий, существовавших в 1900 г., в действительности было больше, чем указывает Ябланский, так как в перечне предприятий, составленном последним, отсутствуют шахты, типографии и др.

Среди непоощряемых предприятий больше всего было мукомольных (77), табачных (49)⁹⁶, вино-водочных (33) и по производству содовой воды и лимонада (25). За счет этих предприятий удельный вес пищевой промышленности в болгарской промышленности в целом был еще более высоким, чем в промышленности, поощряемой государством. На пищевую промышленность (вместе с табачной) приходилось 68,1% предприятий, 52,9% основного капитала, 55,8% оборотного капитала и 41,7% рабочих всей фабричной промышленности⁹⁷.

Таким образом, болгарская фабричная промышленность в целом в еще большей степени, чем поощряемая государством, развивалась односторонне, в ее структуре мы обнаруживаем те черты и особенности, которые характерны для промышленности отсталых аграрных стран, зависимых от иностранного капитала.

* * *

Проблемы экономического развития страны, и в частности вопрос о наиболее целесообразной экономической политике, находились в центре внимания болгарских буржуазных экономистов и вызывали ожесточенные споры. Политика протекционизма и поощрения крупной промышленности имела своих сторонников и противников.

Одним из наиболее деятельных защитников политики государственного покровительства крупной промышленности был видный буржуазный экономист Г. Данаилов. В реферате, представленном им в 1900 г. болгарскому экономическому обществу⁹⁸. Данаилов доказывал, что в Болгарии имелись все условия, необходимые для развития фабричной промышленности, и задача государства, следовательно, заключалась в том, чтобы своей политикой содействовать наиболее полному использованию этих условий. Поддерживая в принципе экономическую политику государства, Данаилов вместе с тем добивался более решительных и эффективных мер, направленных на защиту промышленности от иностранной конкуренции, и прежде всего установления соответствующего этой цели нового таможенного тарифа.

Главным противником Данаилова в то время выступал Ябланский. Взгляды Ябланского нашли выражение в реферате, прочитанном им на собраниях Болгарского экономического общества 5 и 12 января 1901 г.⁹⁹ Свои выводы Ябланский пытается аргументировать с помощью материалов проведенной им в 1900 г. анкеты среди поощряемых государством предприятий. Но даже тенденциозно подобранные данные этой анкеты Ябланский по существу игнорирует, его выводы совершенно произвольны.

Ябланский тщится доказать, что попытки развивать промышленность в Болгарии дали отрицательные результаты, и полагает, что «наступило время остановиться, опомниться и извлечь необходимые уроки из прошлого и настоящего»¹⁰⁰. Успешное развитие промышленности, по его мне-

⁹⁶ Согласно Т. Иванчову, в 1900 г. в Болгарии насчитывалось 77 табачных фабрик (Т. Иванчов. Настоящего законоположение върху тютюна в България. СБД, 1901, год V, кн. 8, стр. 477), а Н. Сакаров, ссылаясь на официальную статистику, утверждает, что табачных фабрик было 79 (N. Sakaroff. Указ. соч., стр. 67).

⁹⁷ Д. М. Яблански. Указ. соч., стр. 223.

⁹⁸ Г. Т. Данаилов. Проект за един митнишки тариф в свързка с нашата търговска политика. СБД, 1900, год IV, кн. 7.

⁹⁹ Д. М. Яблански. Указ. соч.

¹⁰⁰ Там же, стр. 238.

нию, невозможно, так как «в Болгарии совершенно отсутствуют капиталы», а для привлечения иностранных капиталов якобы нет необходимых условий¹⁰¹. При этом он полностью игнорирует тот факт, что именно в последние годы XIX в. начался усиленный приток иностранного капитала в болгарскую промышленность.

Положительные результаты политики покровительства крупной промышленности и успехи промышленного развития Болгарии, кроме Ябланского, отрицали и другие болгарские буржуазные экономисты: А. Спасов, К. Попов, Д. Йорданов¹⁰².

Несостоятельность взглядов противников политики поощрения болгарской крупной промышленности была убедительно доказана Д. Благоевым в книге «Икономичното развитие на България. Индустрия или земледелие», вышедшей в 1903 г. Д. Благоев, опираясь на многочисленные факты из экономической жизни Болгарии, доказывает, что политика покровительства крупной промышленности оправдывает себя. Ни одно из промышленных предприятий, возникших после принятия закона 1894 г. о поощрении промышленности, говорит Д. Благоев, не жаловалось на недостаток рабочих рук, все фабрики и заводы находили рынки для сбыта своих товаров благодаря тому, что в результате разрушения натурального хозяйства рос и ширился внутренний рынок¹⁰³.

* * *

Болгарская фабричная промышленность возникла и развивалась в первый период после Освобождения без помощи государства. Переход болгарского государства к политике протекционизма и поощрения крупной фабричной промышленности следует рассматривать не как средство для искусственного «насаждения капитализма», а как меру, призванную ускорить победу капитализма, уже достигшего известной степени развития. «Система протекционизма,— говорил К. Маркс,— была искусственным средством... насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному»¹⁰⁴.

Мы считаем поэтому неудачным применяемое Ж. Натаном выражение «насаждение капитализма». Ж. Натан утверждает, что при правительстве К. Стоилова «проводилась сознательная политика насаждения новых, капиталистических отношений»¹⁰⁵, что «покровительственная политика в тот период означала сознательное насаждение капитализма с помощью государственной власти...»¹⁰⁶.

Известно, что В. И. Ленин в своих работах «К характеристике экономического романтизма» и «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» доказал полную несостоятельность суждений Сисмонди и русского сисмондиста, либерального народника Н. — она (Н. Ф. Даниельсона), а также «друзей народа» — Кривенко, Южакова и других — о «насаждении капитализма». В. И. Ленин показал, что царское правительство не «насаждало» капитализм, а служило интересам уже сложившегося промышленного капитала. «И когда этот капитал,— писал В. И. Ленин,— окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся

¹⁰¹ Там же, стр. 238, 239.

¹⁰² А. Д. Спасов. Указ. соч., стр. 66; К. Г. Попов. Погляд вверху икономического развитие на България. СБИД, 1907, год XI, кн. 4—5, стр. 238, 239; Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София, стр. 94, 96.

¹⁰³ Д. Благоев. Икономичното развитие на България. Индустрия или земледелие, стр. 17—19, 24, 26, 29, 30, 32, 34, 42.

¹⁰⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 767 (курсив мой.— С. Г.).

¹⁰⁵ Ж. Натан. История экономического развития Болгарии. М., 1961, стр. 255.

¹⁰⁶ Там же, стр. 260.

ся, целые районы — начинает прямо уже и без стеснений давить на правительство, обращая его в своего лакея, — тогда наши остроумные „друзья народа“ поднимают вопли о „насаждении капитализма“, об „искусственном создании“ его!»¹⁰⁷

Вскрывая ошибочность взглядов Сисмонди, который называл капитализм «искусственным» и «насажденным» и рассматривал политику протекционизма европейских правительств вне связи с хозяйственным строем, как политику, якобы насильствующую природу, В. И. Ленин указывал на «тот несомненный и неоспоримый факт, что протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего *преобладающую* роль в народном хозяйстве...»¹⁰⁸

Таким «реальным классом» в Болгарии стала к 90-м годам торгово-промышленная буржуазия. «Реальные интересы» этого класса, в руках которого находилась государственная власть, заключались в том, чтобы максимально использовать это могущественное средство для своего обогащения. Данной цели должна была служить политика протекционизма и поощрения фабричной промышленности. Вызванная к жизни интересами крупной торгово-промышленной буржуазии, эта политика вместе с тем соответствовала потребностям экономического прогресса Болгарии.

В конце XIX в., когда капиталистическая фабрика в Болгарии находилась еще в стадии своего становления, политика протекционизма и поощрения промышленности играла прогрессивную роль и в целом себя оправдала. Она ускорила процесс развития крупной капиталистической промышленности, содействовала возникновению новых ее отраслей, расширению и техническому совершенствованию уже существовавших, ускорила темпы лавинавшегося в Болгарии промышленного переворота.

Быстрый рост фабричной промышленности после 1894 г. был прежде всего результатом закончившегося в основном к этому времени процесса первоначального накопления капитала. Экономическая же политика государства, являясь одним из методов первоначального накопления капитала, сыграла роль ускорителя этого процесса на заключительной его стадии. Она способствовала, с одной стороны, дальнейшему накоплению капиталов в руках крупной буржуазии, с другой — усилению пауперизации широких масс крестьянства и ремесленничества.

Экономическая политика правящей болгарской буржуазии, оказавшая в целом положительное влияние на развитие промышленности, вместе с тем привела к опасным для страны отрицательным результатам. Она не только не содействовала укреплению экономической независимости Болгарии, но даже усилила процесс ее экономического порабощения иностранным капиталом, начавшийся еще в конце 80-х годов с заключением первых внешних займов.

В истории развития крупной капиталистической промышленности Болгарии 90-е годы занимают особое место. Они завершают собой весь начальный период развития капиталистической фабрики и являются переломными в экономическом развитии страны. Важнейшая особенность этого этапа — переход болгарского буржуазного государства к политике покровительства и поощрения крупной промышленности, политике, которая, несмотря на ряд отрицательных ее сторон, содействовала развитию производительных сил страны и утверждению капиталистического способа производства.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 223, 224.

¹⁰⁸ Там же, т. 2, стр. 188.

Н. И. Хитрова

**ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЧЕРНОГОРИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
И ВВЕДЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ**

Развитие капиталистических отношений в Черногории в конце XIX в. сопровождалось усилением борьбы народных масс против самодержавного режима князя Николая за проведение в стране буржуазно-демократических преобразований. Черногория, имевшая с Россией тесные традиционные связи, подверглась воздействию первой русской революции 1905—1907 гг., которая послужила мощным толчком в подъеме буржуазно-демократического и национально-освободительного движения на Балканах¹. В 1905 г. в Черногории была провозглашена конституция.

Проблема освещения борьбы народных масс Черногории против самодержавного режима князя Николая изучена недостаточно. В советской исторической литературе Ю. А. Писарев в статье «Народы Югославии и первая русская революция 1905—1907 гг.»² лишь в общих чертах говорит о Черногории.

Этого же вопроса касались русские буржуазные историографы П. А. Ровинский и А. Л. Погодин. Введение в 1905 г. конституции Ровинский³ считал добровольным актом князя, хотя и признавал влияние на события в Черногории русского общественного движения. Погодин⁴ указал на возникновение в 1882 г. оппозиции, которая стремилась ограничить власть князя конституцией, и выражал сомнение, что провозглашение конституции явилось добровольным актом.

В югославской историографии следует упомянуть работы Я. Йовановича, Н. Шкеровича и В. Винавера. Йованович⁵ отмечает возникновение в конце XIX в. оппозиции племенных старейшин и пробуждение политического сознания среди рабочего класса. Он считает, что князь Николай даровал конституцию под давлением усиливавшегося в стране народного движения. Шкерович⁶ отмечает влияние русской общественной мысли и сербского либерализма на оппозиционное движение в Черногории.

¹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 269.

² «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. 1. М., 1955, стр. 470—473.

³ П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. III. СПб., стр. 94, 98, 99.

⁴ А. Л. Погодин. Черногория (1900—1910). История нашего времени (Современная культура и ее проблемы), выпуск тринадцатый. СПб., 1913.

⁵ Ј. Јовановић. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 године. Цетиње, 1948, стр. 354—357.

⁶ Н. Шкеровић. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964, стр. 82.

Винавер⁷ приводит некоторые сведения о представителях черногорской оппозиции.

В старой черногорской литературе имеются три книги — И. Джоновича, М. Бацковича и Т. Божовича, авторы которых были очевидцами описываемых ими событий. Джонович участвовал в политической борьбе Черногории, являясь одним из видных деятелей Народной партии. В книге «Конституционная и политическая борьба в Черногории, 1905—1910»⁸ он характеризует два поколения черногорской политической эмиграции и приводит сведения о деятельности черногорской студенческой организации в Белграде. В памфлете Бацковича⁹ сохранились сведения о деятельности образованного в 1880 г. в Черногории тайного политического общества и характеристика участников оппозиционного движения.

В данной статье автор поставил своей задачей показать внутривнутриполитическую борьбу в Черногории в конце XIX — начале XX века. В качестве источников были использованы материалы Архива внешней политики России и Центрального военно-исторического архива. Из опубликованных изданий важной группой источников явилась черногорская, сербская и русская периодическая печать и законодательные акты Черногории¹⁰.

В конце XIX в. Черногория являлась отсталой аграрной страной с преобладанием натурального хозяйства¹¹. После успешного завершения русско-турецкой войны (1877—1878 гг.), в которой участвовала Черногория, последняя добилась признания своей независимости и в ней были созданы более благоприятные условия для экономического развития. Увеличение почти в два раза территории княжества позволило частично ликвидировать в стране аграрное перенаселение. Если раньше основным занятием населения являлось скотоводство, то после присоединения плодородных земель значительное место в сельском хозяйстве приобрело земледелие.

Несмотря на расширение территории, в Черногории продолжал ощущаться недостаток пахотной земли. В 1900 г. 90% всех земельных собственников владели земельным наделом всего лишь в 0,2—4 га. Хотя владения крупных землевладельцев из-за недостатка земель не могли достигнуть больших размеров, в то же время некоторые из них имели больше земли, чем 100, 500, иногда 1000 крестьян вместе взятых¹². Родовые пережитки и значительные остатки феодализма (самодержавие и чичийские отношения в крупном землевладении) тормозили развитие капитализма.

Присоединение к Черногории в 1878 г. городов Подгорицы, Никшича, Колашина, Бара и Ульциня увеличило удельный вес в ее экономике ремесла и торговли. В 1881—1882 гг. в стране насчитывалось 286 различных ремесленных мастерских и 705 торговых лавок¹³. В конце XIX в. в княжестве стали создаваться лесопилки, пивоварни, сукновальни, маслобойни и другие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Потребность обороны страны в борьбе с Турцией привела к возникновению еще в середине XIX в. нескольких оружейных мастерских.

⁷ Вук Винавер. Ивањдански терор и Црногорци. «Историски гласник». Београд, 1958, књ. 1—2, стр. 53—59.

⁸ Ј. Ђоновић. Уставне и политичке борбе у Црној Гори, 1905—1910. Београд, 1939, стр. 28—30, 94—95; Т. Божовић и Ј. Ђоновић. Црна Гора и напредни покрет. Београд, 1911, стр. 71—101, 216—222.

⁹ М. Бацковић. Црна Гора при крају деветнаестог вијека, Београд, 1895.

¹⁰ «Устав за књажевину Црну Гору» и «Закоп о штампи у књажевини Црној Гори». Цетиње, 1905.

¹¹ Н. И. Хитрова. К вопросу об экономическом развитии Черногории в конце XIX и начале XX века. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XXVI. М., 1963, стр. 138—165.

¹² Ж. Булајић. Аграрни односи у Црној Гори (1878—1912). Титоград, 1959, стр. 268, 270.

¹³ М. Ђуровић. Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX вијека. Цетиње, 1958, стр. 140—141.

Под действием развивавшихся капиталистических отношений происходило увеличение городского населения. В 1909 г. число жителей городов достигло 34 569 человек, что составляло 15,6% общего количества населения (222 015 человек)¹⁴. В городах возрастало число ремесленников, торговцев, мелких предпринимателей, чиновников и интеллигенции.

Получение Черногорией выхода к морю способствовало расширению ее внешней торговли. В 90-х годах XIX в. налаживаются торговые связи с Францией, Италией и Англией, куда стал вывозиться скот и продукты скотоводства. Благодаря росту товарно-денежных отношений происходило накопление капитала у черногорской буржуазии. В городах возникает слой влиятельных торговцев, которые монополизировали почти всю городскую торговлю. Два торговых дома (Вулетич из Цетинья и братья Мариичи из Колашина) сосредоточили в своих руках значительную часть экспорта скота из Черногории. В 1902 г. Вулетич и Мариич вывезли во Францию 25 тыс. овец¹⁵. Как следствие дифференциации крестьянства в селах возрастает и крепнет сельская торговая буржуазия.

В начале XX в. в княжестве были основаны первые кредитные учреждения и первые акционерные общества. Значительную помощь в развитии торговли сыграло созданное в 1904 г. «Торговое объединение», которое содействовало облегчению торговых сделок. Вслед за ним стали возникать и другие акционерные общества. В 1905 г. в Цетинье был открыт банк. Несмотря на некоторые сдвиги в экономике, развитие капитализма в Черногории переживало лишь начальную стадию. Все созданные предприятия были мелкого, ремесленного типа, имели примитивное оборудование и небольшое количество рабочих (примерно по десять человек). В связи со слабым развитием промышленности города в Черногории по-прежнему продолжали оставаться главным образом торговыми центрами.

С перерастанием мирового капитализма в высшую стадию — империализм Черногория стала объектом проникновения иностранного капитала, преимущественно австрийского и итальянского. Австрийский капитал занял господствующие позиции во внешней торговле Черногории. В торговом обороте циркулировали австрийские деньги. С каждым годом росла ее задолженность по иностранным займам, большая часть которой приходилась на австрийские банки.

В первые годы XX в. ключевые позиции в экономике Черногории захватило итальянское «Анонимное общество», которому в 1903 г. черногорское правительство предоставило реализацию табачной монополии. Компания скупала табак у крестьян по заниженным ценам и лучше его сорта вывозила за границу, в то время как низкосортный табак после переработки продавался на черногорском рынке по завышенным ценам. Таким путем, эксплуатируя крестьянство и ущемляя интересы потребителей, итальянский капитал извлекал двойную прибыль. Хищническое господство итальянской компании привело к сокращению табачных плантаций¹⁶.

В 1905 г. черногорское правительство заключило соглашение с итальянской компанией об образовании итало-черногорского синдиката для постройки и эксплуатации порта в Баре и узкоколейной железной дороги Бар — Вирпазар. Итальянская компания завладела также пароходным сообщением по Скадарскому озеру и получила новую концессию на разработку лесных и рудных богатств на всей территории княжества¹⁷. По мере проникновения иностранного капитала усиливалась экономическая зависимость Черногории от Австро-Венгрии и Италии.

¹⁴ «Глас Црногорца», 15 января 1911 г.

¹⁵ М. Ђуровић. Трговачки капитал..., стр. 182.

¹⁶ Ј. Јовановић. Указ. соч., стр. 348.

¹⁷ Н. И. Хитрова. К вопросу об экономическом развитии Черногории..., стр. 162.

К концу XIX в. в Черногории была завершена ликвидация остатков племенного самоуправления и произошло укрепление самодержавного режима. В дальнейшем были проведены некоторые буржуазные преобразования в государственном управлении. В 1879 г. были учреждены Государственный совет из восьми лиц, кабинет министров и Верховный суд. Благодаря административной реформе территория Черногории была разделена на десять нахий, которые подразделялись на капитании. Законы, изданные в 1901--1903 гг., определили компетенции правительства, Государственного совета и обязанности чиновников. Одновременно с этим был создан Главный государственный контроль и учреждены три судебных инстанции: Верховный суд, областные суды и капитанские суды. Во главе областей были поставлены управляющие. Но проведенные преобразования не поколебали основы самодержавной власти князя Николая.

Самодержавный режим и экономическая отсталость сочетались в Черногории с полным политическим бесправием народа. Князь Николай окружил себя придворной камарильей из числа своих родственников и угодных ему племенных старейшин, которые занимали при дворе все высшие государственные должности. Правящая группировка расширила свои земельные владения после присоединения к Черногории в 1878 г. плодородных районов. Самым крупным земельным собственником являлся черногорский князь, который располагал 182 га земли. Окружавшие его племенные старейшины владели 30—40 га.

Правящая верхушка Черногории расходовала на свои прихоти значительную часть государственного бюджета. Расходы на содержание княжеского двора в 1881 г. исчислялись суммой в 176 682 флорина, а в 1907 г. возросли до 256 811 флоринов, что составляло почти столько же, сколько расходовалось по смете министерства просвещения¹⁸. Пользуясь отсутствием контроля, князь Николай и старейшины присваивали часть денежных средств из поступавших в Черногорию русских субсидий и по займам. Правительство было заинтересовано в эксплуатации природных ресурсов страны иностранным капиталом, так как неоднократно получало податки от итальянской компании и к 1906 г. задолжало ей 3 млн. крон¹⁹.

Таможенная политика правительства была подчинена тому, чтобы извлечь как можно больше денежных средств, и проводилась в ущерб экономическому развитию страны. Правительство не оказывало помощи промышленности и торговле. В торговой сфере сохранялась система монополий, привилегий и откупов.

Князь Николай и его приближенные наживали значительные капиталы путем торговых махинаций и в особенности на спекуляции хлебом. В голодные годы они не гнушались даже тем, что распродавали часть зерна, присылавшегося в качестве помощи черногорскому народу. Наряду с этим правительство поставило в привилегированное положение некоторых крупных (для черногорских условий) торговцев, имевших коммерческие связи со двором. Благодаря своим правительственным связям торговец Вуко Вулетич получил возможность вывозить за границу большие партии скота. При этом он пользовался государственным кредитом и иногда освобождался от уплаты пошлин. Пользуясь торговыми привилегиями, Стеван Лукачевич монополизировал торговлю рыбой в Черногории, а в некоторые годы добивался исключительного права на ее экспорт в Сербию и получал освобождение от пошлин. Наряду с этим он пользовался льготами при закупке скота. В 1886 г. Лукачевич переправил в Черногорию 100 волов из пограничных турецких областей, хотя был наложен за-

¹⁸ М. Ђуровић. Црногорске финансије, 1860—1915. Титоград, 1960, стр. 293, 316—318.

¹⁹ Н. И. Хитрова. К вопросу об экономическом развитии Черногории, стр. 161.

прет на ввоз скота. Торговые привилегии имели также Иован Пипер, братья Матановичи, Виторович и др.²⁰

Самодержавный режим князя Николая вызывал недовольство среди всех слоев населения. В наиболее тяжелом положении находился самый многочисленный класс Черногории — крестьянство, на плечи которого ложилась уплата различных налогов и погашение задолженности по государственным займам. Крестьянство страдало от малоземелья. Крохотный участок земли в 0,1—0,5 га не мог обеспечить семью крестьянина, поэтому к середине зимы начинался голод. Бедственное положение крестьян ухудшалось частыми неурожаями. Осенью во время уплаты налогов крестьяне вынуждены были занимать деньги на кабальных условиях у ростовщиков под залог урожая или земельного участка. В конце XIX в. непомерно возросло число случаев продажи земли и имущества крестьян в уплату долговых исков и налоговых платежей.

О настроениях крестьянства сохранилось мало данных в черногорских источниках, поэтому значительный интерес представляют наблюдения русских официальных представителей, сделанные ими во время служебных поездок по Черногории. Русские дипломатические представители писали в донесениях, направляемых в министерство иностранных дел России, о тяжелом положении крестьян и их недовольстве существовавшими в стране порядками. В 1902 г. русский министр-резидент П. М. Власов после поездки по Черногории сообщил, что большинство крестьян «имеет вид частью — недовольный и мрачный, частью тупой и покорный судьбе»²¹.

Русский министр-резидент А. Н. Щеглов описал тяжелое положение черногорских крестьян в связи с неурожаем в 1903 г. Он отметил, что повсюду ощущалась нужда, а во многих местностях голод; в Подгорицу и Никшич стекались тысячи голодных крестьян просить помощи и работы²².

В 1902 г. секретарь консульства Г. Г. Лермонтов сообщил об увеличении в княжестве протестов против чрезмерного налогового обложения. Он писал, что черногорское крестьянство доведено «до полного отчаяния. Те из них, которые кое-как успели сохранить свое имущество от полного разорения или держатся еще спокойно в надежде на лучшие времена в будущем, или продают свое имущество, часто за бесценок, и эмигрируют, а те, которым продавать уже нечего, которым приходится жить из дня в день, чем бог послал, — те начинают роптать и ропот этот становится все грознее и грознее». Сбор налогов, указывал Г. Г. Лермонтов, сопровождался открытым неповиновением среди крестьянства. В августе — октябре 1902 г. в разных местах Черногории (Даниловграде, Люботине, Загреде, Озришчах, Левоу Риеке, Пиперах и Подгорице) было убито несколько чиновников. По поводу причин этих убийств в депеше говорилось: крестьяне «мстят за себя, мстят за свой дом, за своего барана, которого продали власти, чтобы подать была уплачена в срок и без недоимки, — мстят и убивают»²³. В 1902 г. военный министр издал секретный приказ, предписывавший жандармерии в случаях покушений на жизнь представителей власти, не арестовывать преступников, а немедленно расстреливать их на месте²⁴. Издание подобного закона свидетельствовало о том, что правительство было обеспокоено неповиновением крестьянства и поэтому спешило применить самые суровые меры.

Передача в 1903 г. табачной монополии итальянской компании вызвала повсеместно протесты крестьян.

²⁰ М. Турович. Трговачки капитал... стр. 176—179.

²¹ АВПР, ф. ПА, д. 1567, лл. 106 об.—107. Власов — Ламздорфу 12.VII 1902.

²² Там же, д. 1570, л. 36—36 об. Щеглов — Ламздорфу, 9(22).III 1903.

²³ Там же, ф. ПА, д. 1567, лл. 278—279 об. Лермонтов — Ламздорфу, 5.X 1902.

²⁴ Там же, лл. 280—280 об.

В 1904 г. министр-резидент А. Н. Щеглов доносил о «возникновении некоторого брожения среди населения княжества, вызванного главным образом введением новых налогов». В донесении подчеркивалось, что табачная монополия особенно способствовала усилению брожения среди крестьян²⁵. Чтобы не продавать табак за бесценок компании, крестьяне уничтожали его посевы или скрывали для контрабандной торговли²⁶. Крестьяне отказывались также подчиняться итальянским чиновникам, с которыми у них происходили столкновения, нередко завершавшиеся кровопролитием. Тюрьмы были переполнены недовольными табачной монополией²⁷.

В 1905 г. русский дипломатический представитель Лобачев писал: «Бесспорно, в народе существует уже известное недовольство, вызываемое как повышением косвенных налогов, так и обременением разными повинностями, как, например, постройкой дорог, служащих единственно для удовлетворения потребностей княжеского дома...»²⁸ В другой депеше он писал, что «за последнее время среди черногорского народа имели место, хотя и слабые, протесты и ропот»²⁹.

В 1905 г. произошло несколько групповых крестьянских выступлений против отбывания государственной натуральной повинности, так называемого «кулука». В порядке несения этой повинности каждый трудоспособный черногорец в возрасте от 16 до 60 лет должен был отработать 10 дней в году на постройке дорог и других сооружений. Кулук ложился тяжелым бременем на плечи беднейшего крестьянства, поскольку более зажиточные слои населения после 1890 г. имели возможность откупиться от него уплатой денежного взноса в размере 10 крон в год. Крестьяне неохотно выполняли государственную повинность и, чтобы заставить их отработать, власти использовали меры принуждения. Обеспечение выполнения крестьянами кулука было вменено в обязанность военного министерства³⁰. Для отбывания этой повинности крестьян собирали на сборы в воинские части³¹ и отправляли на дорожные работы в порядке воинской дисциплины. Таким путем крестьянство изнурялось бесплатными работами по устройству путей сообщения, что в свою очередь сказывалось на настроениях в армии. Характеризуя состояние черногорской армии, русский военный агент в Черногории подполковник Потапов отмечал в ней «подорванную несправедливостями и незаконными дисциплину»³².

Крестьяне, собранные в 1905 г. на сборы в воинские части, целыми подразделениями отказывались нести государственную повинность и выполнять распоряжения командования. 30 ноября 1905 г. одна из рот Негушко-Цетинского батальона отказалась идти на ремонт шоссе, за что была посажена в полном составе в тюрьму. 1 декабря 1905 г. 4-я рота Горне-Морачского батальона направила из Колашина по телеграфу коллективную жалобу на имя военного министра, в которой указывалось, что, несмотря на то, что она уже ранее проработала на строительстве дороги из Подгорицы в Колашин бесплатно 25 дней, вместо установленных законом 10 дней, бригадный командир снова послал ее на работы. В обоих случаях возмущившиеся роты грозили эмигрировать из Черногории³³.

²⁵ АВВР, ф. ПА, д. 1573, лл. 60 об.— 61. Щеглов — Ламздорфу, 18.III 1904.

²⁶ АВВР, ф. ПА, д. 1579, лл. 9—11, 12.

²⁷ Там же, л. 37 об.

²⁸ Там же, д. 1576, л. 187 об. Лобачев — Ламздорфу 4.XI 1905.

²⁹ Там же, лл. 231 об.— 232.

³⁰ М. Ё у р о в и ћ. Црногорске финансије, стр. 107, 108.

³¹ Черногорская армия строилась на основе милиционного принципа.

³² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 836, 1902—1909 гг., л. 70 об. Репорт Потапова 7.XII 1905.

³³ Там же, лл. 70 об.— 71.

Вместе с тем крестьянство стало высказывать недовольство существующей системой правления. Министр-резидент А. Н. Щеглов отмечал в своих донесениях, что на усиление возмущения народа и озлобления его против существовавшего режима влиял расточительный образ жизни княжеского двора, который жил в роскоши, несмотря на голод, переживаемый народом. Члены княжеской семьи совершали дорогостоящие поездки за границу. Щеглов писал, что отъезд наследника князя Даниила в Париж в 1903 г. вызвал недовольство среди народа³⁴.

В 1905 г. Лобачев сообщал, что недовольство народа вызывает также плохое судопроизводство и чрезмерное увеличение количества чиновников³⁵.

Приведенные данные свидетельствуют, что в начале XX в. в Черногории имело место нарастание недовольства крестьян, которое в отдельных случаях перешло в открытое сопротивление существующему режиму. Крестьянские выступления были направлены против чрезмерного налогообложения, в особенности государственной повинности, и сопровождалась отказом платить налоги, сопротивлением государственным властям и убийствами чиновников. Выступления крестьян усилились в 1905 г. Однако это были единичные выступления, которые носили стихийный характер. В целом крестьянство держалось еще пассивно. В силу социально-экономической отсталости страны и слабой дифференциации крестьянства, последнее не выдвинуло из своей среды идейного руководителя.

С созданием первых предприятий стал зарождаться рабочий класс Черногории. Он пополнялся за счет разорения крестьян и ремесленников. В начале XX в. ремесло в Черногории, не достигнув своего развития, стало клониться к упадку, не выдерживая конкуренции с импортом промышленных товаров. В Черногории положение нарождавшегося рабочего класса было особенно тяжелым, так как из-за отсутствия развитой промышленности он не мог найти применения своей рабочей силе. Вследствие этого его представители были вынуждены перебиваться случайными заработками и голодать или эмигрировать за границу.

В начале XX в. ремесленники попытались содействовать развитию ремесла и торговли. В 1903 г. было основано общество помощи ремеслу и торговле. Разорявшиеся ремесленники искали спасения в организации в Черногории цехового устройства. В 1907 г. в газете «Народна мисао» была помещена статья И. Хайдуковича под названием «Наш рабочий вопрос»³⁶, в которой он приветствовал создание общества помощи ремеслу и торговле и выступал за организацию цехов для защиты от иностранной конкуренции.

Продолжительность рабочего дня ничем не была ограничена, рабочее законодательство отсутствовало. Исключением явилось издание в 1891 г. закона о 8-часовом рабочем дне для рабочих государственной типографии в Цетинье.

В конце 70-х годов XIX в. произошли первые стихийные выступления рабочих. В 1878 г. рабочие оружейной мастерской на Ободе прекратили работу и потребовали повышения заработной платы. Вскоре к ним присоединились рабочие мастерской Даниловграда. Забастовка была подавлена³⁷. В 1879 г. в Риеке Црноевича рабочие из-за низкой оплаты отказались выгружать соль. Однако это были единичные стихийные выступления. В качестве основного требования выставлялось повышение заработной платы.

³⁴ АВПР, ф. ПА, д. 1570, лл. 55—55 об. Щеглов — Ламздорфу, 21.III, 3.I 1903.

³⁵ Там же, д. 1576, л. 187 об. Лобачев — Ламздорфу, 4.XI 1905.

³⁶ «Народна мисао». Никшић, 18 марта 1907 г.

³⁷ Василије Лукић. О једном сукобу између раднике војне радионице на Ријеци Црнојевиће и њеног управника. «Историски записи», 1952, св. 1—2, стр. 158, 160—161.

К концу XIX в. относится первая попытка пропаганды социалистических идей. В 1879 г. Йован Павлович, издатель первого перевода «Коммунистического манифеста» на сербский язык (Панчево, 1871 г.), открыл в Цетинье книжный магазин, где продавалась социалистическая литература.

Формировавшийся рабочий класс Черногории был малочисленным и политически отсталым, в связи с чем социалистические идеи слабо проникли в рабочее движение.

Сведения о начальном этапе рабочего движения в Черногории крайне скудны. В начале XX в. была сделана первая попытка организации рабочего движения в Черногории. В своей книге Я. Йованович указывает, что в 1903 г. в Баре был основан «Рабочий союз» — первая рабочая организация Черногории. Организатором его был рабочий Йован Хайдукович. В 1895—1901 гг. он работал на предприятиях Белграда и Крагуеваца, где познакомился с сербским рабочим движением. В союзе насчитывалось 243 человека. Впоследствии он распространил свое влияние на рабочих и ремесленников в Подгорице, Никшиче, Цетинье и Даниловграде³⁸.

«Рабочий союз» объединял небольшое число рабочих, поэтому он выступал вместе с буржуазной оппозицией в борьбе за демократизацию общественного строя. В 1904 г. руководитель его Хайдукович вступил в соглашение с лидером оппозиции воеводой Шако Петровичем. Они выработали общую платформу. В ней предусматривалась совместная борьба против самодержавного режима князя Николая за введение в стране конституции и ограждение прав народа от самовластия князя и его приближенных³⁹.

В конце XIX в. в Черногории возникло либеральное течение, которое составили оппозиционно настроенные племенные старейшины, торговая городская и сельская буржуазия, интеллигенция и учащиеся. Таким образом, черногорское либеральное течение было довольно пестрым по социальному составу.

Среди оппозиционных старейшин наиболее видную роль играли воеводы Шако Петрович, Лазарь Сочница, Новица Церович и другие. Развитие оппозиционности у этой группировки было обусловлено неоднородными причинами. Их недовольство вызывало укрепление в стране самодержавного режима, в результате чего они оказались отстраненными от государственного управления. Кроме того, многие старейшины являлись крупными скотовладельцами и выступали на рынке в качестве торговцев скота. На этой почве у них происходило соприкосновение интересов с торговой буржуазией.

Оппозиционность же буржуазии была обусловлена другими причинами. Существовавший в Черногории самодержавный режим препятствовал дальнейшему ее росту и обогащению. Практиковавшаяся в торговле система привилегий и тарифов ограничивала сферу деятельности торговой буржуазии. Буржуазия выступала за экономическое развитие Черногории, требовала оказания покровительства промышленности, торговле, сельскому хозяйству и протестовала против эксплуатации природных ресурсов иностранным капиталом. Вместе с тем она добивалась своего участия в государственном управлении, демократизации государственного строя и развития просвещения. Буржуазия выступала за ограничение власти князя и установление в Черногории конституционной монархии.

Оппозиционное движение в Черногории возглавили либералы, выражавшие интересы торговой городской и сельской буржуазии. Черногорская буржуазия была экономически и политически слабой и не могла самостоятельно вести борьбу против самодержавного режима. Она выступила совместно с оппозиционно настроенными племенными старейшинами.

³⁸ Я. Йовановић. Указ. соч., стр. 355.

³⁹ Там же.

В 1880 г. в Баре было образовано тайное политическое общество. Председателем Главного комитета общества являлся воевода Шако Петровић. В состав комитета входили капитан Вуко Перовић, учителя Томо Ораховац и Душан Брканић, телеграфисты Джурко Контич и Стево Вуянович и торговцы Иљо Новаковић и Анто Шкутић.

Главный комитет тайного общества образовал на местах подкомитеты, которые действовали под его руководством. В городе Никшиче во главе подкомитета находился воевода Лазарь Социца и командир Радое Контич, в Подгорице — воевода Марко Милинов, в Цетинье — Томаш Вукотић, в Риеке Црноевича — учитель Митар Джурић.

Тайное общество выработало программу, в которой главной задачей являлась замена существовавшего правительства новым и провозглашение конституции. Программа тайного общества была умеренной. В ней подчеркивалась необходимость ограждения Черногории от резкой перемены образа правления. Это обосновывалось тем, что «стремительный переход от абсолютизма к неограниченной свободе» вреден⁴⁰.

Состав тайного общества ограничивался незначительным кругом людей самого различного социального положения. В него входила часть племенных старейшин, чиновники, представители буржуазии. Влияние общества было распространено главным образом среди либерально настроенной части чиновников. Оно не имело связи с народом.

Общество просуществовало недолго и было раскрыто черногорским правительством. Многие из членов общества были приговорены к расстрелу, часть из них бежала за границу⁴¹.

После расправы с тайным обществом черногорское правительство начало преследовать всех оппозиционно настроенных людей и жестоко расправлялось с теми, кто осмеливался выступать против существовавших в стране порядков. За всеми подозреваемыми в принадлежности к оппозиции был установлен полицейский надзор.

В начале XX в. в стране снова усиливается оппозиционное движение. Его подъем явился следствием пробуждения сознания народных масс, увеличения стихийных крестьянских выступлений и зарождения рабочего движения. Активизировали свою политическую деятельность черногорская буржуазия и интеллигенция, получившая образование за границей. В начале XX в. идейным руководителем оппозиции явился Милош Шаулич, выступивший за проведение буржуазных реформ в государственном управлении⁴².

В это время были предприняты со стороны оппозиции попытки ограничить княжескую власть. В 1899 г. начальники общин, собравшиеся в Цетинье для передачи князю Николаю налогопоступлений, потребовали от него установления контроля за тем, как расходуются денежные средства. Князь был вынужден дать обещание ежегодно собирать общинных начальников в Цетинье и давать на их просмотр отчеты о расходовании всех поступающих налогов. Однако свое обещание он не сдержал⁴³.

В 1899 г. в Никшиче начала издаваться первая оппозиционная газета «Оногошт»⁴⁴. На ее страницах подверглось критике государственное управление, в том числе состояние судопроизводства и просвещения. Вызывалось недовольство отсутствием контроля в государственных финансах и необеспеченностью личной и имущественной неприкосновенности граждан. Многие статьи были посвящены губительным последствиям чрез-

⁴⁰ М. Бацковић. Указ, соч., стр. 14, 15.

⁴¹ К расстрелу были приговорены Томо Ораховац, Радое Контич и Лазарь Социца. Но приговор не был приведен в исполнение. Марко Милинов был лишен звания воеводы и отдан под надзор полиции (М. Бацковић. Указ соч., стр. 15, 16).

⁴² Ј. Ђоновић. Указ, соч., стр. 42, 43.

⁴³ АВПР, ф. ПА, д. 1563, л. 83 об. Власов — Ламздорфу, 3.IV 1901.

⁴⁴ «Оногошт». Никшић, 1899—1900.

мерного роста в Черногории ростовщичества и требовали ограничения ростовщического процента. Буржуазия выступала за развитие черногорской промышленности, ремесла и сельского хозяйства. Газета «Оногшт» просуществовала только два года; в 1900 г. ее издание было запрещено правительством.

При установившемся полицейском режиме, когда каралось проявление всякой оппозиционности, либерально настроенная черногорская буржуазия не могла создать своей политической организации и своего печатного органа, поэтому она была вынуждена вести борьбу из эмиграции. В конце XIX в. многие черногорцы эмигрировали за границу. Политическая эмиграция из Черногории была одной из форм протеста против самодержавного правления князя Николая. Русский поверенный в делах Черногории К. А. Губастов писал в донесении, что бегство «служит подтверждением начинающего здесь все более и более развиваться недовольства настоящим способом правления»⁴⁵.

В Черногории можно проследить две волны политической эмиграции, которые существенно отличались одна от другой⁴⁶. Во-первых, после ликвидации в 1879 г. остатков племенного самоуправления из княжества выехали многие видные старейшины: воеводы Пеко Павлович⁴⁷, Машо Врбича⁴⁸, сердарь Йоле Пилетич⁴⁹ и др. После укрепления в Черногории самодержавного режима эти влиятельные племенные старейшины оказались не у дел, поэтому они пытались обеспечить свое положение в других государствах. Старое поколение политической эмиграции нашло себе пристанище в Сербии, Австро-Венгрии и России и, обеспечив свои интересы, в дальнейшем не участвовало в оппозиционном движении.

Вторая волна политической эмиграции захватила представителей торговой буржуазии, интеллигенции и учащихся. В условиях экономической отсталости страны многие образованные люди не могли найти применения своим способностям. Некоторые из них (Павел Попович и Иван Липовац) уехали с разрешения правительства. Другие эмигрировали, спасаясь от княжеского террора. В конце XIX в. из Черногории эмигрировали Томо Ораховац и Максим Бацкович. Лазарь Божович (учителя), Саво Иванович (адъютант князя), Исаило Томич (журналист) и др.⁵⁰ В 1899 г. из Черногории бежали три брата Шпадиеры, Меденица и Милован Джакович⁵¹.

⁴⁵ АВПР, ф. ПА, д. 1558, лл. 101, 101 об. Губастов — Ламздорфу, 9.IX 1899.

⁴⁶ J. Поповић. Указ. соч., стр. 28—30.

⁴⁷ Воевода П. Павлович поселился в Сербии, где получил в 1881 г. денежную помощь в 10 тыс. динаров для покупки имущества у Топлицы (Вук Випавер. Указ. соч., стр. 54).

⁴⁸ Воевода М. Врбича в 1892 г. выехал в Австро-Венгрию, где получил поместье в Боснии. Врбича направлял князю Николаю обличительные письма и являлся вхопнителем статей, опубликованных в венских газетах («Neue Freie Presse» и др.) с разоблачением внутренних порядков Черногории (АВПР, ф. ПА, д. 1545, лл. 30—31 об. Архипуло — Гирсу, 25.V и 3.VIII 1892).

⁴⁹ Сердарь И. Пилетич выехал в 1879 г. в Сербию, где ему было пожаловано имение у Ниша (Вук Випавер. Указ. соч., стр. 54).

⁵⁰ J. Поповић. Указ. соч., стр. 28. И. Липовац боялся возвращаться в Черногорию, опасаясь убийства из-за угла. Черногорскую правящую группировку он называл «самой подлой и гнусной», «людьми без сердца и души...», которые придерживаются правила иезуитского — цель оправдывает средства». Из Черногории Липовац выехал в Россию, где поступил на военную службу. В 1899 г. он принял решение никогда больше не возвращаться на родину. По этому поводу Липовац говорил: «Я... хочу бежать от этого режима, от этого правительства, от этой династии, которая самая страшная и самая подлая во всем мире, у которой нет ничего святого» (Архив АН СССР, ф. 123, оп. 2, д. 55, 1899 г., лл. 5, 6).

⁵¹ М. Джакович получил образование в России и по возвращении на родину был назначен управляющим Подгорицкого округа. Он подвергся преследованию черногорского правительства за то, что высказывал недовольство системой управления и критиковал условия службы чиновников (АВПР, ф. ПА, д. 1558, лл. 100—102. Губастов — Ламздорфу, 9.IX 1899).

В отличие от старой эмиграции, молодое поколение выступало за демократизацию государственного управления и проведение буржуазных реформ. Его представители (Марко Дакович, Йован Джонович и др.) сыграли большую роль в борьбе с самодержавным режимом князя Николая и в формировании черногорского либерального течения.

Средоточием черногорской политической эмиграции в конце XIX в. становится Сербия. Помимо политических эмигрантов в Сербском княжестве находилось несколько сотен черногорских учащихся⁵².

В конце XIX в. в Сербии сложились благоприятные условия для черногорской политической эмиграции. С развитием капитализма усиливаются великодержавные устремления сербской буржуазии за главенствующую роль в объединении югославянских земель. Князь Николай отказывается признать за сербской династией Обреновичей право на главенство в освободительном движении и заявляет о своих династических претензиях. Соперничество двух династий привело к ухудшению взаимоотношений между Черногорией и Сербией, а временами и к открытой вражде. Этим объяснялось покровительство короля Милоша опальным черногорским воеводам, которым он предоставлял денежную помощь и жертвовал земельные владения⁵³.

В сербских газетах печатались статьи с критикой политики князя Николая, и черногорская оппозиция получила возможность высказывать на их страницах свои взгляды. В 1880 г. члены черногорского тайного общества поместили ряд статей в либеральной газете «Српска независимост»⁵⁴. В последующие годы черногорцы уже постоянно выступали в сербской прессе с разоблачением самодержавного режима князя Николая.

Сербский либерализм оказал влияние на формирование взглядов черногорской буржуазии. Лозунг сербских либералов о создании единого югославянского государства встретил у нее горячее сочувствие. Черногорцы приняли участие в создании «Омладины» — политической организации сербской буржуазии, добивавшейся объединения всех югославянских земель вокруг Сербии. В дальнейшем, несмотря на соперничество династий обоих княжеств, между черногорской и сербской буржуазией усиливаются контакты. В укреплении этих контактов сыграли значительную роль политическая эмиграция и черногорская интеллигенция, получившая образование в Сербии. Черногорские студенты, обучавшиеся в Белградском университете, установили связь с сербской националистической организацией «Славянский юг» и некоторыми членами радикальной партии. Сербия, таким образом, становится базой для формирования сербского черногорского либерального течения. Черногорская молодежь по завершении образования возвращается на родину, где становится активным участником в борьбе против самодержавного режима князя Николая. В Сербии благодаря благоприятным цензурным условиям были разработаны идеологические основы либерального движения.

В конце XIX в. черногорская либеральная оппозиция была разобщена и не имела политической программы. Только отдельные ее представители выступали с индивидуальными протестами. В 1895 г. учитель М. Бацкович выпустил в Сербии политический памфлет, где выступил с разоблачением внутренней и внешней политики князя Николая.

Установившуюся в Черногории систему правления он охарактеризовал как средневековый абсолютизм и пезунтскую инквизицию. Бацкович обвинял князя Николая в том, что после окончания войны с Турцией в

⁵² Н. Шкеровић. Указ. соч., стр. 16.

⁵³ Некоторые представители черногорской эмиграции стали агентами сербского правительства. В числе их был офицер Саво Иванович — автор брошюры «Несколько кровавых картин из альбома дома Петровичей — Негошей» (Вук Винавер. Указ. соч., стр. 59).

⁵⁴ М. Бацкович. Указ. соч., стр. 16.

1879 г. он роздал лучшие плодородные земли своим приближенным, в результате чего Черногория была «разделена на спахилуки», а многие беднейшие крестьяне и участники войны не получили надела. В своем памфлете Бацкович выступал за развитие экономики, создание экономических обществ и строительство фабрик. Он призывал князя Николая дать стране конституцию и обращался к черногорскому народу с призывом бороться за «конституцию и свободу»⁵⁵.

В первые годы XX в. в Сербии была предпринята попытка организационного объединения черногорских либеральных деятелей. Значительная заслуга в этом принадлежала черногорской интеллигенции. Студенчество **явилося инициатором** в создании первого легального буржуазного объединения, которое в дальнейшем сыграло большую роль в борьбе с самодержавным режимом князя Николая. В 1903 г. черногорские студенты, обучавшиеся в Белградском университете, основали «Омладинский клуб». Во главе студенческого движения находился Марко Дакович.

8 ноября 1905 г. черногорские студенты опубликовали в Белграде «Слово черногорской университетской молодежи», ставшее политической программой «Омладинского клуба». В программе указывалось на необходимость установления в Черногории конституционной монархии. В качестве основных требований выдвигалось: ответственность правительства перед скупщиной, право скупщины одобрять бюджет, независимость судебной власти от административной, личная неприкосновенность граждан, учреждение независимого государственного контроля, расходование большей части государственного бюджета на развитие сельского хозяйства, промышленности и просвещения, свобода печати, собраний и союзов.

Во внешней политике выдвигалось требование освобождения и объединения сербского народа. В программе обходился молчанием вопрос государственного устройства объединенного югославянского государства.

Эта программа стала впоследствии основой требований либерального течения в Черногории. Черногорская либеральная буржуазия выступала за проведение буржуазных преобразований главным образом в области государственного устройства и установление буржуазно-демократических свобод. В силу своей классовой ограниченности и экономической слабости она не шла дальше конституционной монархии.

«Слово черногорской университетской молодежи» было переправлено в Россию, где было одобрено обучавшимися там черногорскими студентами⁵⁶.

Другим центром, оказавшим влияние на формирование идеологических взглядов либерального течения в Черногории, явилась Россия, в которой получило образование значительное число черногорцев. Находясь среди русского студенчества, они оказывались под влиянием передовой общественной мысли России. Некоторые черногорцы участвовали в студенческих волнениях⁵⁷ и имели контакты с русскими революционерами. Так, в конце XIX в. за политические взгляды был отчислен из Симферопольской духовной семинарии черногорец Савва Лукин Фатич. В Симферополе Фатич установил связь с представителями местного рабочего союза (народниками). В 1902 г. он был выслан из России⁵⁸.

В России окончили высшие учебные заведения такие видные деятели либерального течения, как Марушич и Милосав Ранчевич. Марушич окон-

⁵⁵ М. Бацкович. Указ. соч., стр. 1, 5, 11—13, 88, 91.

⁵⁶ Л. Попович. Указ. соч., стр. 52, 94—95; «Застава». Нови Сад, 3 декабря 1905 г.

⁵⁷ В конце 80-х годов XIX в. за участие в студенческом движении был выслан черногорец Перазич, учившийся в Харьковском университете (Н. И. Хитрова. Документы по истории русско-черногорских связей в конце XIX — начале XX в. «Славянский архив», 1963, стр. 288).

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 102, оп. 91, 1898—1902, д. 15, ч. 61, лл. 1—5 об.

чил в 1893 г. Военно-медицинскую академию, а Раичевич в 1902 г. — юридический факультет Петербургского университета. В дальнейшем они сыграли большую роль в борьбе с самодержавным режимом князя Николая⁵⁹.

Малочисленность в Черногории рабочего класса и ее общая социально-экономическая отсталость исключали возможность восприятия черногорским народом революционных идей русского рабочего движения. Поэтому на развитие политических событий в Черногории оказывали влияние главным образом либеральные идеи.

Интеллигенция, получившая образование в Сербии, России и других европейских государствах, явилась в Черногории передовой силой, вокруг которой объединились все недовольные самодержавным режимом. По возвращении на родину она выступила носителем либеральных идей и сторонником проведения в стране буржуазно-демократических преобразований.

Князь Николай, напуганный усилением в Черногории оппозиционного движения, применил ряд террористических мер для расправы с политическими эмигрантами. Черногорское правительство подослало в Сербию своего агента, который в 1896 г. убил М. Бацковича. В 1900 г. обманом были завлечены в Черногорию Джакович и Шпадиер и посажены в тюрьму⁶⁰.

Чтобы помешать проникновению в Черногорию передовых идей, князь Николай принял ряд мер по усилению контроля за выездом граждан в Россию. Несмотря на установленный порядок, согласно которому все выезжавшие черногорцы обязывались визировать свои паспорта в русской миссии или в одном из ближайших к Черногории русских консульств, имелись случаи самовольного выезда из Черногории⁶¹. В октябре 1901 г. черногорское правительство ввело дополнительно предоставление рекомендательных писем на отъезд из княжества, которые направлялись в русскую миссию в Цетинье и русские консульства на Балканах и в Турции. Черногорское правительство сообщало русским представителям фамилии черногорцев, которым запрещался выезд за границу⁶².

Князь Николай установил строгий полицейский надзор за лицами, получившими образование за границей, которые были заподозрены в пропаганде либеральных идей. Но подобными репрессивными мерами правительство не смогло воспрепятствовать проникновению в Черногорию передовых идей⁶³.

22 октября 1905 г. в официальной газете «Глас Црногорца» было опубликовано обращение князя Николая к черногорскому народу. В обращении объявлялось о созыве Народной скупщины и переходе Черногории к конституционному образу правления⁶⁴. Бросается в глаза тот факт, что

⁵⁹ См.: Н. И. Хитрова. Культурные связи России с Черногорией в XVIII и начале XX в. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957, стр. 186, 187.

⁶⁰ АВПР, ф. ПА, д. 1561, лл. 34—34 об. Губастов — Муравьеву, 30.IV 1900.

⁶¹ В 1893 г. самовольно приехал в Петербург Перо Матов Вунич, пользовавшийся репутацией крайне неблагонадежного. Департамент полиции установил за ним надзор (Н. И. Хитрова. Документы по истории русско-черногорских связей, стр. 294).

⁶² В 1902 г. князь Николай обратился к русскому поверенному в делах Черногории с просьбой принять меры, чтобы русские консульства в Австро-Венгрии не визировали паспортов черногорцам Петру Мартиновичу и Душану Йовичевичу, получившим разрешение на проезд в Австро-Венгерскую империю, а на самом деле намеревавшимся проехать в Россию. В 1904 г. из России был выслан черногорский подданный Малиша Петров Савович Куч, прибывший в Одессу и представивший паспорт, не засвидетельствованный консульством (АВПР, ф. ПА, д. 1567, лл. 82—82 об. Влазов — Ламздорфу, 17.V 1902).

⁶³ Н. И. Хитрова. Документы по истории русско-черногорских связей..., стр. 297, 298.

⁶⁴ «Глас Црногорца», Цетинье, 22 октября 1905 г.

выступление черногорского князя с объявлением об ограничении своей власти конституцией произошло через пять дней после обнародования в России манифеста 17 октября. Князь был напуган ростом недовольства внутри страны и решил последовать примеру русского царя Николая II⁶⁵.

Русская и иностранная пресса, анализируя политические события, происходившие в Черногории осенью 1905 г., указывала на вынужденный характер реформ, проведенных князем Николаем, и на воздействие революционного движения России.

«Русские ведомости» в статье, перепечатанной из бельгийской газеты «Independance Belge», сообщали, что князь Николай предвидел невозможность предотвратить проникновение в Черногорию демократических идей и что «черногорцы рано или поздно проникнутся революционным духом»⁶⁶. 28 октября 1905 г. «Русское слово» напечатало корреспонденцию из Цетинья, в которой указывалось, что учреждение в Черногории конституционного образа правления вызвано происходившим в стране брожением. В этой корреспонденции говорилось, что представители черногорской торговой буржуазии и племенные старейшины на аудиенции у князя Николая указали ему на происходившее в стране брожение, могущее повлечь за собой серьезные последствия, если он немедленно не примет решения о введении конституции. После этого князь согласился на ее провозглашение и опубликовал обращение к народу о созыве скупщины. Наряду с этим утверждалось, что «события в России оказали на князя Николая большое влияние»⁶⁷.

Русский поверенный в делах в Черногории Максимов, анализируя причины введения в Черногории конституции, писал, что за последнее время князь Николай «становится не под силу черногорской казне, и обстоятельство это возбуждает всеобщее неудовольствие, которое, быть может, князь и надеется подавить созывом скупщины...»⁶⁸. В другом донесении он указывал, что, созывая скупщину, князь рассчитывал поднять свой авторитет среди черногорского народа, уверенный, что депутаты «не устоят перед непосредственным его обаянием»⁶⁹.

Но согласившись на созыв скупщины, князь Николай отнюдь не намеревался предоставить ей законодательные права. Он предполагал ознакомить депутатов скупщины с бюджетом без всякого его обсуждения. Во время беседы с Лобачевым князь заявил: «Я позволю своей скупщине лишь советовать и то не очень усердно, а обсуждать или решать что бы то ни было — никогда»⁷⁰. Председатель совета министров воевода Божо Петрович и многие министры, опасаясь, что с введением в Черногорию конституционного режима правительство не удержится у власти, относились отрицательно не только к проведению в стране реформ, но и выступали против созыва скупщины. Министр иностранных дел воевода Гавро Вукович заявил, что он не является сторонником созыва скупщины⁷¹.

14 ноября 1905 г. состоялись выборы в скупщину. От каждой капита-

⁶⁵ Сведения о происходивших в России революционных выступлениях проникали в Черногорию, несмотря на жестокую цензуру. Даже официальная газета «Глас Црногорца» опубликовала статью под названием «Манифест царя Николая». До этого была помещена статья «Об установлении Государственной думы в России». Эти статьи были снабжены комментариями, в которых одобрялся созыв Государственной думы и указывалось, что «Россия стоит на пороге большой и прекрасной будущности и теперь начнет сильно развиваться во всех областях» («Глас Црногорца», 26 февраля и 13 августа 1905 г.).

⁶⁶ «Русские ведомости», 10 августа 1905 г.

⁶⁷ «Русское слово», 28 октября (10 ноября) 1905 г.

⁶⁸ АВПР, ф. ПА, д. 1576, лл. 114 об. — 115. Максимов — Ламздорфу, 2.VIII 1905.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, л. 160 об. Лобачев — Ламздорфу, 16.IX 1905.

⁷¹ Там же, л. 115 об. Максимов — Ламздорфу, 2.VIII 1905.

нии, а также от четырех городов: Цетинья, Подгорицы, Никшича и Ульциня избиралось по одному депутату. Согласно закону, правом голоса пользовался каждый черногорец независимо от его имущественного положения, достигший 21 года и не находившийся под опекой или в заключении⁷².

Во время выборов черногорские студенты, обучавшиеся в Белграде, нелегально переправили на родину в виде прокламаций «Слово черногорской университетской молодежи», в котором они подвергли критике самодержавный режим князя Николая и потребовали установления в Черногории конституционной монархии и амнистии политическим заключенным.

Большинство черногорского народа отнеслось к выборам в скупщину пассивно. В Цетинье приняли участие в выборах только 54% избирателей⁷³. В скупщину был избран 61 депутат и 14 депутатов назначено правительством. В число депутатов по назначению вошли: черногорский митрополит, барский архиепископ, сербский примас, черногорский муфтий, председатель и члены Государственного совета, председатель Верховного суда, председатель главного контроля и три бригадира⁷⁴.

Среди избранных депутатов находились: 22 офицера, 12 капитанов, шесть чиновников судебного ведомства, один председатель городской общины, один врач, один нижепер, один учитель, один бывший начальник полиции, пять священников, 11 лиц, не занимавших никаких государственных должностей (среди них торговцы и один крестьянин)⁷⁵.

Таким образом, среди депутатов скупщины было 76% представителей чиновничье-бюрократического аппарата: управляющие областей, капитаны, офицеры. 17% состава депутатов представляли городскую и сельскую буржуазию (среди них два представителя интеллигенции — врач и учитель). 10% составляли представители духовенства. Во время выборов многие кандидатуры сторонников правительства были провалены. В скупщину не прошел министр иностранных дел воевода Гавро Вукович⁷⁶.

Заседания скупщины происходили с 3 по 10 декабря. 5 декабря была принята князем отставка правительства воеводы Божо Петровича и назначено новое правительство во главе с председателем Лазарем Миошковицем, который в прошлом являлся министром финансов и оказал деятельное содействие в заключении кабального договора с итальянской компанией о табачной монополии⁷⁷.

6 декабря 1905 г. князь Николай выступил на скупщине с тронной речью⁷⁸. В этой речи он восхвалял заслуги династии Негошей и результаты своего долголетнего правления. Князь заявил, что черногорский народ всегда был доволен порядками, существовавшими в княжестве, и что князь по своей воле, следуя духу времени, решил даровать черногорскому народу конституцию. Затем был оглашен текст конституции⁷⁹.

На скупщине возникла оппозиция. Представители ее (Петрович, Митровиц, Гардашевич) потребовали, чтобы им было предоставлено право составить ответ на тронную речь князя, в котором они высказали бы свои основные требования. Оппозиционно настроенные депутаты (д-р Марушич и офицер Ветович) выступили с критикой политики правительства, которое учредило ненавистную народу итальянскую табачную монополию и изнурило народ безвозмездным трудом по проведению дорог⁸⁰.

⁷² АВПР, д. 1576, лл. 190, 190 об.; П. Ровинский. Черногория..., т. III, стр. 90.

⁷³ АВПР, ф. ПА, д. 1576, лл. 191, 191 об.

⁷⁴ J. Јовановић. Указ. соч., стр. 363.

⁷⁵ П. Ровинский. Черногория..., т. III, стр. 100.

⁷⁶ «Српска застава», 3 декабря 1905 г.

⁷⁷ АВПР, ф. ПА, д. 1576, л. 198.

⁷⁸ «Глас Црногорца», 6 декабря 1905 г.

⁷⁹ АВПР, ф. ПА, д. 1576, лл. 216, 216 об.

⁸⁰ АВПР, ф. ПА, 1905 г., д. 1576, лл. 210 об., 235 об.

Сообщая о положении дел в стране, русский военный агент в Черногории подполковник Потапов писал в своем рапорте в Генеральный штаб: «Страдая от гнета итальянской табачной монополии, ...народ высал на первую скупщину людей, поклявшихся смело выступить на борьбу с политикой правительства»⁸¹.

На третий день после открытия скупщины русский поверенный в делах Черногории Лобачев извещал, что многие депутаты шли в скупщину, чтобы излить накопившуюся злобу против итальянской компании и ее покровителя министра финансов Миошковича. Подводя итог работы скупщины уже после ее роспуска, он писал: «Депутаты до заседаний мечтали обрушиться гневом на монополию, министра — ее создателя и распространиться о своих притеснениях, но... все обошлось благополучно»⁸².

Ввиду оппозиционного состава скупщины князь Николай отменил свое решение передать ей на рассмотрение бюджет. Он также лишил ее права высказывать суждения о деятельности правительства. Было объявлено, что скупщина избрана до введения конституции, поэтому она не имеет права ее обсуждать. Правительственная точка зрения была поддержана депутатом Ралчевичем⁸³.

Правительство попыталось заставить скупщину принять ответный адрес на тронную речь, составленный самим князем Николаем. Но несмотря на то, что среди депутатов находилось 76% представителей государственного аппарата, князь не смог заставить депутатов принять угодный ему ответный адрес. Поскольку оппозиция была лишена возможности высказать свои требования, то она решила совсем отказаться от адреса. Против его подачи выступило 57 человек⁸⁴. Большинство депутатов скупщины отказалось составить ответ на тронную речь князя⁸⁵. 10 декабря скупщина была распущена.

В основу черногорской конституции 1905 г. положена сербская конституция 1869 г.⁸⁶ Для изучения сербского законодательства был направлен в Белград учитель цетинской гимназии Мирко Миошкович⁸⁷.

В 1905 г. Черногория стала формально конституционной монархией. «Княжество Черногория, — говорится в первой статье конституции, — наследственная конституционная монархия с народным представительством». В действительности конституция сохранила за князем всю полноту законодательной, исполнительной и высшей судебной власти, а Народной скупщине отводились незначительные права⁸⁸.

Князь являлся главой государства. От имени князя и под его контролем вершил свои обязанности весь государственный аппарат: Государственный совет, совет министров и Главный государственный контроль, личный состав которых назначался и смещался князем. Правительство целиком зависело от князя и фактически не подлежало контролю скупщины. Весь кабинет, включая и премьер-министра, утверждался князем. Предусмотренный конституцией порядок назначения должностных лиц позволял иметь в управлении страной угодных правительству чиновников⁸⁹.

Князь представлял страну во всех сношениях с иностранными государствами, являлся верховным главнокомандующим вооруженных сил, имел

⁸¹ ЦГВИА, ф. 2000, 1902—1909 гг., д. 836, л. 3 об. Потапов, 20.XII 1905.

⁸² АВПР, ф. ПА, д. 1576, 1905 г., лл. 198 об., 235. Лобачев — Ламздорфу.

⁸³ «Браник», 15(28) декабря 1905 г.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 844, 1906—1907 гг., л. 4; АВПР, ф. ПА, д. 1576, л. 210 об.

⁸⁵ «Браник», 15(28) декабря 1905 г.

⁸⁶ J. Јовановић. Указ. стр. 356, 357; П. Ровинский. Черногория..., т. III, стр. 89.

⁸⁷ АВПР, ф. ПА, д. 1576, л. 195 об.

⁸⁸ «Устав за княжевину Црну Гору», ст. 1, 3.

⁸⁹ Скупщина могла привлечь к ответственности министров только при согласии 2/3 присутствовавших на ее заседании депутатов. Министров судил специально назначаемый князем Государственный суд («Устав...», ст. 8, 104, 105, 171, 172).

право присваивать военные чины, награждать орденами, титулами и чеканить монету⁹⁰.

В конституции декларировалось, что законодательную власть скупщина осуществляет совместно с князем и никакой закон не может быть издан, отменен и изменен без ее согласия. Но эта декларация существовала лишь на бумаге. Князь пользовался правом созыва и роспуска скупщины и издания чрезвычайных законов. Это ставило его в независимое положение от скупщины. Согласно статье 75, под видом срочных мер он мог расправляться с народными волнениями. Хотя конституция предоставляла скупщине право предлагать законы, но формально проекты законов исходили только от правительства⁹¹. Даже комитеты, назначаемые скупщиной для предварительной разработки своих решений, были поставлены в зависимость от правительства. Прежде чем доложить проект решения на скупщине, комитеты обязывались выслушивать указания по данному вопросу соответствующего министра или уполномоченного правительством лица⁹².

В конституции было сказано, что скупщине принадлежит право рассматривать и одобрять бюджет и без ее согласия нельзя вводить новые налоги или решать вопросы о государственных займах. Однако в том случае, если бы скупщина не одобрила бюджет, оставался в силе старый⁹³. Правительство могло также обходиться без утверждения скупщины при заключении займа⁹⁴.

Законодательные функции Народной скупщины и контроль за финансовым состоянием страны были обставлены в конституции разными оговорками, которые ставили скупщину на положение совещательного органа с некоторыми весьма урезанными прерогативами.

Конституция обеспечивала необходимый правительству классовый состав скупщины. Это достигалось путем назначения князем части депутатов и путем ограничения избирательных прав⁹⁵. В скупщину, кроме выборных депутатов, входило 14 депутатов по служебному положению, назначаемых князем. Конституция предусматривала прямые выборы. Однако в ней не был определен способ голосования, что давало возможность заменять тайное голосование открытым.

Конституция ставила всевозможные препятствия установлению контакта между депутатами и избирателями. Было запрещено избирателям давать депутатам какие-либо обязательные наказы. Депутаты не были ответственны перед избирателями за свою деятельность в скупщине и не могли принимать лично просителей и жалобщиков. Дозволялось только направлять в скупщину письменные жалобы и просьбы по вопросам, уже решенным соответствующими министрами⁹⁶.

Конституция декларировала независимость судебной власти от исполнительной. В действительности же все судьи, будучи чиновниками судебного ведомства, находились в полной зависимости от правительства, так как они не избирались, а назначались князем. В судопроизводство были внесены незначительные изменения, свойственные буржуазным судам: введен институт адвокатов, открытое ведение судебных процессов и требование юридического образования для судей. Вместе с тем конституция не

⁹⁰ «Устав...», ст. 5, 7, 9, 10.

⁹¹ Там же, ст. 3, 17, 42, 65, 66, 73, 78—82, 101.

⁹² Там же, ст. 77, 78.

⁹³ Там же, ст. 92.

⁹⁴ Согласно статье 93, князь мог подписать заем на сумму не свыше 200 тысяч крон.

⁹⁵ Избирательного права были лишены женщины, офицеры и солдаты регулярного войска. Был установлен ценз оседлости и высокий имущественный ценз. Пассивным избирательным правом пользовались граждане, достигшие 30-летнего возраста и уплачивавшие не менее 15 крон в год налога. Тем самым ограничивалось число крестьянских представителей, так как в среднем крестьянское хозяйство облагалось налогом в размере 2—3 крон («Устав...», ст. 49—51).

⁹⁶ «Устав...», ст. 45, 60, 96, 97.

осуществила коренных реформ в судопроизводстве, которое по-прежнему отличалось отсталостью. В низших инстанциях судебная власть не была отделена от административной.

Конституция регулировала положение общин, являвшихся низшей административной единицей. Каждый черногорский гражданин и все недвижимое имущество должны были быть приписаны к какой-либо общине и обложены общинными налогами. Общины могли иметь свою собственность. В конституции сказано, что за общинами сохраняется самоуправление, но с оговоркой «согласно закону»⁹⁷. Однако в Черногории продолжал действовать закон 1902 г., который поставил общинное самоуправление под полицейский контроль.

Конституцией декларировались буржуазно-демократические права: равенство граждан перед законом, личная свобода, право собственности, неприкосновенность жилища, свобода религии, слова и др.⁹⁸ Однако к каждой статье имелась обязательная приписка, что этой «свободой» пользуются граждане «за исключением случаев, предусмотренных законом». Кроме того, в конституции содержалось указание, что князь «в случае, угрожающем общественной безопасности», имеет право сделать все, что он сочтет необходимым, для устранения опасности. Принятые князем меры получают силу закона⁹⁹.

На скупшине в 1905 г. вместе с конституцией был объявлен закон о печати¹⁰⁰. Хотя указанным законом провозглашалась свобода слова и отменялась цензура, но вместо нее устанавливался контроль местной полицейской власти.

Законом о печати вводилась строгая ответственность за издание и распространение в Черногории печатных изданий. Согласно статье 38, одновременно несли ответственность автор, редактор, издательство и распространители. Те, кто нарушал закон или распространял запрещенные печатные издания, подлежали тюремному заключению от десяти дней до десяти месяцев или уплате штрафа от 100 до 2 тыс. крон¹⁰¹.

Конституция не разрешила ни одного из коренных вопросов, в решении которых пуждалась страна. Она лишь формально ограничила самодержавную власть князя скупщиной. В Черногории остались нетронутыми существовавшие феодальные отношения и родовые пережитки, положение трудящихся масс продолжало быть тяжелым. Пришедшее к власти в декабре 1905 г. правительство Миошковича проводило политику старого, доконституционного правительства; оно стремилось не потвести провозглашенные в конституции буржуазные «свободы».

Но провозглашение некоторых, хотя и урезанных, буржуазных «свобод» способствовало пробуждению политической жизни в Черногории. Введение конституции создало реальные возможности для организационного оформления оппозиционного движения. После этого в истории Черногории наступил новый период, ознаменовавшийся усилением внутриполитической борьбы.

⁹⁷ «Устав...», ст. 176, 181, 185, 189.

⁹⁸ Там же, ст. 196, 197, 204 и 206.

⁹⁹ Там же, ст. 75.

¹⁰⁰ Закон о печати был заимствован с подобного закона, принятого в Сербии в 1870 г.

¹⁰¹ «Закон о штампах...», ст. 1—9, 38.

М. А. Бирман

ТЕСНЯКИ И РУКОВОДСТВО II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Раскол в болгарской социал-демократии в 1903 г.,
образование БРСДП (тесных социалистов)
и Международное социалистическое бюро

Позиция и роль отдельных социал-демократических партий (в том числе левых партий и течений) во II Интернационале, отношения их между собой — проблема, которая уже привлекала внимание историков. В советской историографии в конце 20-х — начале 30-х годов горячо обсуждался, в частности, вопрос о роли большевиков и германских левых социал-демократов во II Интернационале, пока известное письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. не положило конец этой дискуссии.

Однако многие важные разделы этой проблемы еще ждут своего исследователя. Интересующая нас тема также не была до сих пор предметом специальных исследований в марксистской литературе¹. В настоящей статье мы поставили своей целью выяснить отношение руководства II Интер-

¹ По данному вопросу в работах болгарских историков можно найти лишь некоторые отдельные предварительные сведения (В. Хаджиданков. Интернационалистические традиции на болгарската коммунистическа партия. София, 1962; К. Шарова. Расцепление на БРСДП през 1903 г. София, 1955). По этой теме опубликована в американском журнале небольшая статья преподавателя Висконсинского колледжа У. Веттеса под названием «Раскол в 1903 г. в болгарской социал-демократии и II Интернационал» («American Slavic and East European Review», 1960, № 4, стр. 521—530). Содержание статьи не соответствует ее названию — автор не показывает (и даже не ставит перед собой такой задачи) отношения ведущих партий или руководства II Интернационала к расколу в болгарской социал-демократии. Статья по существу направлена на то, чтобы доказать, что реформистское крыло в болгарской социал-демократии — «широкие» социалисты — не было ревизионистским («... вопреки обвинениям тесняков, — утверждает У. Веттес, — широкие не были ревизионистами...»), что между широкими и социал-демократическими партиями II Интернационала была идейная близость. В то же время автор утверждает, что между «тесняками» (как и большевиками), с одной стороны, и западноевропейскими социалистическими партиями, с другой, якобы была «перманентная пропасть». Стремясь во что бы то ни стало оправдать позицию болгарских оппортунистов — широких социалистов, — автор дает упрощенное и искаженное изображение картины борьбы между тесняками и широкими социалистами (на это уже справедливо указывал В. Д. Вознесенский. «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 163, 164). Наряду с этим У. Веттеса можно упрекнуть также и в недостаточной осведомленности в литературе вопроса — он не учитывает, к примеру, упомянутой работы К. Шаровой, специально посвященной этой теме и вышедшей за пять лет до опубликования им статьи. (После того как статья была сдана в печать, появилась работа И. Йотова «Из борбите на тесните социалисти против опортунизма на Втори интернационал». София, 1964.)

национала в лице его Международного социалистического бюро (МСБ) — к расколу в болгарской социал-демократии (БСДП) и к образованию и существованию самостоятельной Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) — БРСДП, проследить попытки МСБ объединить тесняков с партией болгарских реформистов-общедельцев и показать отношение тесняков к этим попыткам.

* * *

В Болгарской социал-демократической партии (БСДП) с самого момента ее основания (1891 г.) началась борьба между оппортунистами и марксистским ее крылом, временами то затихавшая, то вновь обострявшаяся. Уже в 1892 г. оппортунистические элементы выделялись из партии, создав так называемый Социал-демократический союз. Хотя в 1894 г. состоялось объединение БСДП и Социал-демократического союза и была создана единая Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП), борьба между двумя основными течениями в болгарском социалистическом движении не прекратилась.

На рубеже XIX—XX вв. эта борьба вступила в новую фазу. Процесс формирования промышленного пролетариата, проходивший в Болгарии в конце XIX в. ускоренными темпами, создавал благоприятные условия для подъема рабочего движения. Почти во всех крупных городах Болгарии возникали профсоюзные организации, а наряду с ними — рабочие клубы и читальни, кооперативы, кассы взаимопомощи, просветительные и спортивные рабочие кружки. С начала XX в. усиливается стачечная борьба болгарского пролетариата. Снижение заработной платы в связи с экономическим кризисом вызывало с его стороны отпор. В стачечную борьбу включались рабочие всех отраслей производства². Хотя большинство забастовок возникало стихийно и проходило без достаточной организации, они пробуждали классовое сознание и солидарность рабочих. В ходе борьбы росло влияние БРСДП, возникали профсоюзы, находившиеся в тесной связи с социал-демократией³. Все это создавало предпосылки для укрепления пролетарского марксистского крыла в рабочем и социалистическом движении Болгарии.

Укреплению марксистского крыла БРСДП способствовал прилив (в связи с ростом рабочего движения) пролетариев в ряды партии. За короткий срок, с 1900 по 1902 г., число членов БРСДП увеличилось с 1761 до 2507; процент лиц наемного труда в составе партии вырос за эти годы с 26 до 39⁴. Коллчественный рост рабочих в составе партии благоприятствовал успешной борьбе болгарских марксистов с оппортунистами.

В этот период активизировались оппортунисты из рядов БРСДП, вдохновленные ревизионистскими выступлениями Э. Бернштейна и парламентскими успехами БРСДП, которая добилась при поддержке мелкобуржуазных избирателей шести мест в Народном собрании на выборах 1899 г.⁵

² В. Хаджипанков, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачечные борби на работническата класа в България. София, 1960, стр. 50—63.

³ Д. Коджейков, В. Хаджипанков, Я. Йодов. Революционното профсъюзно движение в България. София, 1957, стр. 47.

⁴ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК» (далее — «БКП в резолюции»), т. 1. София, 1957, стр. 117, 137; К. Шарова. Указ. соч., стр. 77, 78.

⁵ Аграрный кризис конца XIX в. и рост недовольства крестьян при отсутствии в стране в тот период мелкобуржуазной крестьянской партии вызвали временный переход на сторону БРСДП мелкобуржуазных элементов деревни, что и предопределило успехи партии на выборах (Д. Благоев. Принос към история на социализма в България. София, 1950, стр. 352—355, 361, 362; «Материали по история на българската комунистическа партия». София, 1960, стр. 48—57).

Лидер оппортунистов Я. Сакизов, нарушив решения съездов партии, начал в 1900 г. издавать отдельный журнал «Общо дело», ставший рупором реформистов. В журнале, в противовес линии партийных органов — газеты «Работнически вестник» (редактор Г. Кирков) и журнала «Ново време» (редактор Д. Благоев) — открыто проповедовались оппортунистические идеи примирения классовых противоречий, сотрудничества классов и т. п. Сакизов выдвинул задачу объединения всех «производительных слоев» — рабочих, крестьян, ремесленников, торговцев, промышленников — с целью обеспечения «социального прогресса» в Болгарии. Он и его сторонники утверждали, что эти идеи являются «широким толкованием марксизма». Они критиковали Д. Благоева, Г. Киркова и их соратников за то, что последние будто бы проспали умственное брожение среди западных марксистов, в особенности крайнее, бернштейнианское, осуждали за их якобы ортодоксальное, «узкое» (по-болгарски «тесное»), «шаблонное» понимание марксизма⁶. За сторонниками Я. Сакизова закрепилось название «общедельцев» (их еще называли широкими социалистами). Приверженцев же линии Д. Благоева стали именовать тесными социалистами.

Борьба между двумя окончательно оформившимися в начале XX в. течениями в БРСДП нашла отражение и в работе VIII (1901) и IX (1902) съездов партии, и в печати. Полемика развернулась по коренным вопросам политики партии: о характере партии, ее отношении к крестьянству и мелкобуржуазным слоям и т. д. Оппортунисты, называя крестьян носителями социалистических идей, призывали уделить главное внимание работе среди разоряющейся мелкой буржуазии города и деревни⁷.

Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев и их сторонники выступили против попыток оппортунистов-общедельцев превратить БРСДП в мелкобуржуазную партию крестьян и ремесленников, отстаивали пролетарский характер партии⁸. В результате продолжительных и горячих дискуссий VIII и IX съезды партии приняли решения, подчеркивавшие пролетарский характер партии, и решительно отвергли антимарксистские идеи общедельцев о классовом сотрудничестве⁹. Благодаря последовательной и непримиримой позиции революционных марксистов — тесных социалистов — во главе с Д. Благоевым, Г. Кирковым, Г. Георгиевым и их соратниками (Т. Петров, Х. Кабакчиев, В. Коларов, Г. Димитров и др.) оппортунистическое лицо широких социалистов стало ясно большинству членов партии.

Попытки тесносоциалистического крыла партии добиться практического осуществления решений VIII и IX съездов были встречены общедельцами в штыки. К концу 1902 г. оба течения в партии фактически во многом уже обособились. Раскол произошел прежде всего в парламентской фракции. Депутаты-общедельцы попытались сотрудничать с буржуазным правительством и отказались подчиниться партийной дисциплине, заявив, что они ответственны не перед партией, а перед своими избирателями¹⁰.

⁶ Д. Благоев. Принос..., стр. 430—432; «БКП в резолюции...», т. 1, стр. 417—419.

⁷ «БКП в резолюции...», т. I, стр. 119, 120; Д. Благоев. Принос..., стр. 367—372.

⁸ «Работнически вестник. Избрани статии и материали», т. I, София, 1953, стр. 237—441; Г. Кирков. Избрани произведения, т. I, София, 1950, стр. 63—73, 88, 96; Г. Георгиев. Избрани произведения, София, 1953, стр. 129; А. Тодоров. Борбата на революционните марксисты против българския ревизионизъм — общоделство — 1900—1903, 1959, стр. 70—76.

⁹ «БКП в резолюции...», т. I, стр. 127—132, 140—143. В условиях такой отсталой крестьянской страны, какой была тогда Болгария, создать рабочую социал-демократическую партию, бороться с мелкобуржуазной стихией и отстаивать пролетарский характер партии было чрезвычайно трудно. Тесным социалистам удалось это сделать, и в этом их историческая заслуга перед болгарским рабочим движением. Однако в борьбе со своими идейными противниками тесняки допускали серьезные ошибки сектантского характера, в частности, недооценивали крестьянское движение и призывали занять по отношению к нему выжидательную позицию (там же, стр. 120, 123, 124).

¹⁰ К. Шарова. Указ. соч., стр. 116—120.

В феврале 1903 г. раскололась Софийская организация БРСДП. При обсуждении отчета о деятельности организации, подтасованного общедельцами (имевшими большинство в Софийском комитете), тесные социалисты оказались в меньшинстве. Они заявили о своем разрыве с оппортунистами из Софийской организации и о создании самостоятельной организации. Два общедельца из пяти членов ЦК партии категорически отказались признать новую организацию и начали интриговать против большинства ЦК. Тогда большинство ЦК обратилось 22 марта 1903 г. с декларацией к партии, в которой объясняло обстановку, сложившуюся в ЦК, в парламентской фракции и в Софийской организации, и призвало местные организации порвать с оппортунистами. Началось самоопределение местных организаций — большая часть из них изгнала из своих рядов группы общедельцев; остальные организации раскололись, и были созданы отдельные организации тесных социалистов и отдельные организации широких социалистов¹¹.

В июле 1903 г. в Русе состоялся X съезд, на который были приглашены представители организаций тесных социалистов. Съезд поставил вне рядов партии все организации и всех лиц, придерживавшихся платформы общедельцев. Съезд принял резолюции и внес некоторые изменения в устав, закреплявшие пролетарский характер партии. В специальной резолюции съезд рекомендовал партийным организациям содействовать созданию классовых профсоюзов, направлять профсоюзы по пути классовой борьбы¹². Так были заложены теоретические и организационные основы повой, пролетарской марксистской партии в Болгарии — БРСДП (тесных социалистов)¹³.

Оставшиеся вне ее рядов общедельческие организации создали в том же 1903 г. свой съезд и оформились в отдельную БРСДП (широких социалистов)¹⁴. Пытаясь обмануть следовавших за ними рабочих, общедельческие лидеры обвиняли тесных социалистов в раскольнической деятельности и усиленно спекулировали через основанную ими весной 1903 г. газету «Единство» лозунгом «единства всех социалистических сил»¹⁵.

Разрыв тесных социалистов с оппортунистами — широкими социалистами — и образование самостоятельной марксистской партии болгарского пролетариата означали победу революционных марксистов Болгарии и поражение реформистского течения широких социалистов. В истории рабочего и социалистического движения Болгарии начался новый период.

Решительный разрыв тесных социалистов с общедельцами имел значение не только для болгарского, но и для всего международного рабочего и социалистического движения. Это был удар по международному оппортунизму, нанесенный одним из отрядов левого крыла II Интернационала. Недаром ленинская «Искра» в обширной статье, посвященной X съезду БРСДП, с симпатией отмечала решительность и принципиальность тесных социалистов («благоевцев») в их борьбе с общедельцами и положительно оценила работу X съезда, основавшего БРСДП (тесных социалистов)¹⁶. Против оппортунистической линии болгарских реформистов-общедельцев выступила также и Роза Люксембург¹⁷.

¹¹ Д. Благоев. Принос..., стр. 519—522.

¹² «БКП в резолюции...», т. I, стр. 147—161.

¹³ Официально в это время как партия тесных социалистов (тесняков), так и партия широких социалистов (общедельцев) имели одно и то же название (БРСДП). В литературе, однако, издавна принято для удобства присоединять к названию соответствующее добавление, например, когда речь идет о партии тесняков, называть ее БРСДП (тесных социалистов).

¹⁴ «Рабочнически вестник», т. I, стр. 559.

¹⁵ Там же, стр. 455—460.

¹⁶ «Искра», 22.IX 1903 г., стр. 7.

¹⁷ «Рабочнически вестник», 8.IV 1904 г.

Руководящий орган II Интернационала — Международное социалистическое бюро (МСБ) — получил подробную информацию о расколе в болгарской социал-демократии уже в момент разрыва. В мае 1903 г. тесносоциалистическое большинство ЦК БРСДП обратилось с двумя письмами (от 8 и 17 мая) в МСБ в Брюссель. В этих письмах ЦК дважды информировал Интернационал о том, что между тесными и широкими социалистами произошел разрыв и что прежний секретарь — кассир ЦК Е. Дабев, поскольку он принадлежит к меньшинству в ЦК, уже не может представлять БРСДП в МСБ¹⁸. В письме от 17 мая тесносоциалистическое большинство ЦК затронуло также один из животрепещущих вопросов международного рабочего и социалистического движения того времени — оно предлагало обсудить на предполагавшейся конференции в Брюсселе вопрос об оппортунистической позиции французских реформистов — Мильерана и других, ибо их оппортунизм создает «серьезные препятствия развитию революционного социализма не только во Франции, но и повсюду»¹⁹. 23 мая 1903 г. тесносоциалистическое большинство ЦК в письме в МСБ сообщало повестку дня предстоявшего в июле X съезда партии²⁰.

Вскоре после X съезда в Русе, на котором по решению большинства организаций вне рядов БРСДП была поставлена оппортунистическая фракция общедельцев, вновь избранный ЦК партии в специальном сообщении уведомил МСБ обо всем происшедшем. Детально информировав о принципиальных разногласиях, приведших к разрыву с общедельцами и к исключению их из рядов партии, ЦК настаивал также на исключении оппортунистической группы широких социалистов и из рядов II Интернационала²¹.

Руководство МСБ в ответ на это решительное требование ЦК БРСДП (тесных социалистов) первоначально заняло по форме уклончивую позицию. По существу же оно не одобряло раскола в болгарской социал-демократии и не собиралось идти навстречу требованиям тесняков. Более того, центристским деятелям из секретариата МСБ более импонировала линия лидеров широких социалистов, занявших формально позицию противников раскола и сторонников единства всех «социалистических сил» Болгарии.

В связи с этим секретариат МСБ продолжал поддерживать отношения не только с тесняками, но и с широкими социалистами, посылая, например, лидерам общедельцев Я. Сакизову свои бюллетени²².

Лидеры широких социалистов, дезорганизаторскими, фракционными действиями фактически приведшие партию к расколу, настойчиво стремились доказать руководству II Интернационала и зарубежным социал-демократическим партиям, что они являются противниками раскола и что тесняки не правы, называя их ревизионистами и оппортунистами. Эти мысли проводил, например, Я. Сакизов в статье «Раскол в Болгарской социал-демократической рабочей партии», опубликованной в январе 1904 г. в органе германской социал-демократии — журнале «Die neue Zeit». В этой статье Я. Сакизов утверждал, что между тесняками и общедельцами якобы нет принципиальных разногласий, что неправильно было бы квалифицировать широких социалистов как оппортунистов, подчеркивал свое жела-

¹⁸ Централен партиен Архив при ЦК на БКП (София) (далее — ЦПА при ЦК на БКП), ф. 1, оп. 5-а, д. 1, лл. 1—5; д. 2, л. 1.

¹⁹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 2, л. 1.

²⁰ Там же, д. 3.

²¹ «Българската работническа партия (комунисти) в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК», т. I. София, 1947, стр. 213.

²² ЦПА при ЦК на БКП, ф. 140, оп. 2, д. 135, лл. 1, 2.

ние остаться верным марксизму и пытался доказать, что раскол вызван не глубокими причинами, а обстоятельствами личного порядка ²³.

Такая линия замазывания и затушевывания принципиальных разногласий соответствовала настроениям, господствовавшим среди центристских деятелей МСБ. Еще больше понимания встречали широкие во главе с Я. Сакизовым со стороны открытых оппортунистов. В частности, в журнале Бернштейна «*Monatshefte*» в 1904 г. была опубликована статья в пользу широких социалистов. Благоприятную оценку Я. Сакизову дал также и Ж. Жорес, осуждавший в то же время тесняков за их выступления против позиции французских реформистов — «министериалистов» ²⁴.

Поездка Я. Сакизова в Западную Европу в мае-июне 1904 г., накануне намеченного на август того же года конгресса II Интернационала в Амстердаме, внесла некоторую определенность в отношения МСБ к БРСДП (широких социалистов). Я. Сакизов, учившийся в молодости в Лондоне, имел связи среди центристских и оппортунистических лидеров некоторых ведущих партий II Интернационала и был известен среди них как деятель с широким (а по существу — реформистским) пониманием марксизма и действительности. Развернув во время пребывания в Брюсселе активную деятельность, Я. Сакизов изображал лидерам социал-демократических партий Западной Европы положение дел в болгарском социалистическом движении в фальшивом свете ²⁵. Он стремился представить тесняков раскольниками и дезорганизаторами, а партию широких социалистов характеризовал как партию, стремящуюся к единству всех социалистических сил Болгарии. Главным тактическим лозунгом общедельцев в их борьбе против тесняков после разрыва стал на долгие годы лозунг единства, на котором они усиленно спекулировали как внутри страны, так и на международной арене.

Я. Сакизов встречался с представителем секретариата МСБ Виктором Серви и постарался заверить последнего, что партия широких социалистов верна принципам социал-демократии ²⁶. Фактически довольно веским аргументом в пользу признания широких социалистов секретариатом МСБ явилось то обстоятельство, что лидеры широких, в отличие от руководителей тесных социалистов, располагали денежными средствами; при расколе БРСДП член ЦК, кассир партии общеделец Е. Дабев захватил всю партийную кассу в пользу широких социалистов, и таким образом тесные социалисты на некоторое время оказались совершенно без средств ²⁷ и задержались с уплатой очередного взноса, который полагалось вносить в фонд МСБ ежегодно от каждой страны ²⁸. Используя денежные затруднения тесняков, Я. Сакизов поспешил внести от имени широких социалистов 200 франков, которые причитались с Болгарии в фонд МСБ ²⁹.

В результате всего этого в позиции секретариата МСБ II Интернационала к широким социалистам произошли изменения. Прежде в ответ на запросы ЦК БРСДП (тесных социалистов) ³⁰ представитель секретариата

²³ «*Die neue Zeit*», XXII, 1904, № 15, стр. 472—475. Кроме статьи Я. Сакизова, журнал «*Die neue Zeit*» опубликовал также и статью Р. Аврамова о X съезде БРСДП, трактовавшую разногласия между тесняками и широкими с точки зрения платформы тесных социалистов («*Die neue Zeit*», XI, 1903, № 7, стр. 205—210).

²⁴ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 140, оп. 2, д. 134, л. 2; «Рабочнически вестник», 1904—1923, т. 2. София, 1955, стр. 204.

²⁵ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 9, лл. 1, 2.

²⁶ Там же, д. 10, л. 2.

²⁷ Там же, д. 9, л. 2.

²⁸ На расходы по содержанию созданного решением Парижского конгресса II Интернационала МСБ каждая партия, входившая в Интернационал, вносила определенную сумму. БРСДП должна была платить 200 левов (лев тогда был равен франку) в год (ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 2, д. 13, лл. 1, 2). Деньги были переведены тесняками лишь в начале июля 1904 г. (там же, оп. 5-а, д. 9, л. 1).

²⁹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 10, лл. 1, 2.

³⁰ Там же, д. 7, 9; ф. 140, оп. 2, д. 135.

МСБ А. Десмед от имени руководителя секретариата В. Серви заявил в письме в начале июня 1904 г., что «никакого признания партии Сакизова (со стороны МСБ.— М. Б.) не было» и что бюллетени МСБ посылались временно лично Сакизову, а вопрос о выступлении широких в МСБ будет обсужден на очередном конгрессе II Интернационала в Амстердаме³¹. Однако после бесед Сакизова с Серви и вручения Сакизовым взноса в фонд МСБ Серви в письме в адрес ЦК тесняков от 14 июля 1904 г. сообщил, что, по мнению секретариата МСБ, в Болгарии существуют две социал-демократические фракции, и МСБ должно признавать обе фракции. Окончательно же этот вопрос будет решен на конгрессе в Амстердаме³².

Натолкнувшись на неблагоприятную позицию МСБ, фактически признавшего партию широких в качестве второй партии в Болгарии, тесняки тем не менее продолжали настойчиво добиваться раскрытия оппортунистического лица общедельцев в международном рабочем движении. Накануне конгресса II Интернационала в Амстердаме ЦК тесняков направил в МСБ обстоятельный доклад, характеризовавший развитие социалистического движения в Болгарии с момента предыдущего (Парижского) конгресса II Интернационала в 1900 г. и до 1904 г. и рисовавший главные этапы борьбы тесных социалистов с общедельцами, приведшей в конце концов к разрыву между ними³³. В этом докладе МСБ (а фактически через него и конгрессу) ЦК БРСДП (тесных социалистов) излагал принципиальные разногласия с широкими социалистами, раскрывал истинное лицо широких как «буржуазных обманщиков пролетариата» и настаивал, чтобы партия широких не была признана Интернационалом «в качестве какой-то второй Рабочей социал-демократической партии»³⁴. Решительное и настойчивое выступление ЦК тесняков с докладом, обращенным по сути дела к конгрессу II Интернационала, заставило секретариат МСБ воздержаться (до начала конгресса) от официального признания партии широких в качестве члена Интернационала. Попытки руководства партии широких заручиться согласием К. Каутского, Г. В. Плеханова и В. Серви на представительство интересов партии на конгрессе успеха не имели³⁵.

В августе 1904 г. на состоявшемся в Амстердаме VI конгрессе II Интернационала была принята специальная резолюция о единстве³⁶, имевшая по существу прямое отношение и к разрыву между тесняками и широкими социалистами. Под влиянием господствовавших в большинстве ведущих партий Интернационала и на конгрессе примирительно-центристских построений резолюция выдвинула в качестве важнейшей задачи социал-демократов обеспечение любой ценой единства в социалистическом движении в каждой стране «на основе принципов, определенных международными конгрессами в интересах международного пролетариата...». Резолюция требовала от социал-демократических партий, фракций и группировок всеми силами бороться за осуществление единства социалистических сил таким образом, чтобы в каждой стране существовала только одна социалистическая партия³⁷. Резолюция совершенно обходила вопрос о социальных основах идейных разногласий внутри социал-демократии, и в результате этого она фактически развязывала руки реформистско-центристским эле-

³¹ Там же, ф. 1, оп. 5-а, д. 10, лл. 1, 2; ф. 140, оп. 2, д. 135, лл. 1, 2.

³² Там же, д. 10, лл. 1, 2.

³³ Там же, д. 9.

³⁴ Доклад был опубликован в центральном теоретическом органе тесных социалистов — журнале «Ново време» в июле 1904 г. (№ 7). См. также: «БКП в резолюции...», т. 1, стр. 415—426.

³⁵ «Работнически вестник» 5.II 1905 г.

³⁶ «Internationaler Sozialistischer Kongress zu Amsterdam 14. bis 20. August 1904». Berlin, 1904, стр. 32; «Международные социалистические конгрессы». Изд-во «Утро», б. м., б. г., стр. 24, 25.

³⁷ «Sixième congrès socialiste international tenu à Amsterdam 14—20. VIII 1904—Compte-rendu analytique». Bruxelles, 1904, стр. 112.

ментам, выступавшим против левых социал-демократов под флагом борьбы за единство социалистических сил ³⁸.

Резолюция о единстве, принятая Амстердамским конгрессом, фактически помогала широким социалистам и поставила в неудобное положение партию тесняков. Будучи партией пролетарских интернационалистов и дисциплинированным отрядом международного рабочего движения, БРДСП (тесных социалистов) не выступила против резолюции конгресса. Однако тесняки не могли и принять ее как руководство к действию, так как решение о единстве любой ценой противоречило их взглядам и платформе.

Через полтора месяца после закрытия Амстердамского конгресса, 22 сентября (5 октября по н. ст.) 1904 г. ЦК партии тесных социалистов принял специальное постановление об отношении к резолюции Амстердамского конгресса о единстве, опубликованное в Болгарии и пересланное в МСБ. ЦК тесняков, ссылаясь на решения международных социалистических конгрессов, установивших принцип непримиримой классовой борьбы, подчеркивал, что фракция общедельцев «хотя и провозгласила себя социалистической партией, но своему прошлому и нынешней своей деятельности является ничем иным, как ревизионистской партией с мелкобуржуазными стремлениями, партией, которая под флагом социализма протаскивает идеи и практику классового сотрудничества с буржуазией («общее дело») и таким путем притупляет классовую борьбу и затемняет классовое сознание пролетариата...» ³⁹. Высказавшись в принципе в поддержку идеи единства социалистических сил и не отклоняя решения Амстердамского конгресса о единстве, ЦК в то же время категорически заявлял, что «между БРСД партией и фракцией общедельцев не может быть и речи о каком бы то ни было объединении, так как подобный шаг был бы изменой принципам, установленным международным социалистическим конгрессом, изменой революционному социалистическому знамени» ⁴⁰. Декларация эта была опубликована в партийном органе — газете «Работнически вестник», а также напечатана в виде отдельного издания ⁴¹.

Наряду с декларацией позиция тесняков в вопросе объединения с широкими проявилась и во многих материалах, опубликованных в партийной печати. В ряде статей в газете «Работнически вестник» ⁴², в журнале «Ново време» и в отдельных изданиях руководители тесняков (Г. Кирков и другие) продолжали разоблачать общедельцев как партию болгарских реформистов, подвергали критике реформистов из других стран (в частности, французских), полемизировали с деятелями II Интернационала по вопросу о возможности объединения с широкими социалистами ⁴³.

Деятели из МСБ, опираясь на решение Амстердамского конгресса о единстве, стремились добиться во всех странах, где социалистические партии раскололись, объединения во что бы то ни стало и поддерживали эле-

³⁸ На конгрессе один из бельгийских оппортунистов (Анзеле) выступил с безоговорочной поддержкой ревизионистских и оппортунистических принципов и допустил выпады против социал-демократов России, Болгарии и Польши за их осуждение тактики «милитаризма» («Internationaler Sozialistischer Kongress zu Amsterdam...», стр. 48). Тем самым откровенный реформист подчеркнул идейную солидарность большевиков, тесняков и революционных польских социал-демократов, боровшихся против оппортунизма.

³⁹ «БКП в резолюции...», т. 1, стр. 427, 428.

⁴⁰ Там же, стр. 428. Декларация была одобрена XII съездом партии тесных социалистов, состоявшимся в августе 1905 г., и подтверждена позднее еще раз резолюцией XIII съезда тесняков в августе 1906 г. («БКП в резолюции...», т. 1, стр. 179—181, 199).

⁴¹ П. Цапеев. Издаването на социалистическата книга през легалния период на БКП. 1885—1923. София, 1962, стр. 235.

⁴² «Работнически вестник», т. 2, стр. 171—177, 341—346, 353—357.

⁴³ П. Цапеев. Указ. соч., стр. 184, 225.

менты и фракции, выступавшие за единство, независимо от их идейной платформы.

13 апреля 1905 г. на съезде (в Париже) Единая социалистическая партия Франции («гедисты») объединилась с Французской социалистической партией («жоресисты») во Французскую объединенную социалистическую партию. Факт объединения двух партий во Франции был использован центристами из II Интернационала для усиления давления на «несговорчивых» тесняков.

Уже в 1905 г. МСБ официально признало, кроме партии тесняков, партию общедельцев в качестве второй социал-демократической партии в Болгарии, разделив между тесняками и широкими социалистами финансовые обязательства болгарской социал-демократии перед Интернационалом ⁴⁴. Признание широких социалистов МСБ в качестве второй социал-демократической фракции в Болгарии создавало для общедельцев и их центристских покровителей из МСБ удобную базу для дальнейшего нажима на партию тесняков. ЦК тесняков протестовал в письме на имя МСБ от 27 июля (9 августа) 1905 г. против признания МСБ болгарских оппортунистов в качестве второй партии и вновь выразил готовность детально изложить перед пленумом МСБ свою аргументацию ⁴⁵. Однако этот протест был оставлен лидерами МСБ без внимания.

Между тем в 1905 г. в рядах партии тесняков появилась центристского толка группа так называемых анархо-либералов, выступившая против строгой дисциплины в партии. Анархо-либералы сочувственно относились к идее объединения с общедельцами, ссылаясь при этом на резолюцию Амстердамского конгресса II Интернационала о единстве. Состоявшийся в августе 1905 г. XII съезд партии тесных социалистов осудил взгляды анархо-либералов и одобрил (в резолюции по отчету ЦК) декларацию ЦК от 22 сентября (5 октября) 1904 г. по поводу Амстердамской резолюции о единстве ⁴⁶. После того как анархо-либералы, вступившие на путь фракционной борьбы, были исключены из партии и образовали в июле 1906 г. союз «Пролетарий», проходивший в августе 1906 г. XIII съезд партии тесняков вновь еще раз подтвердил (специальным решением) декларацию ЦК по вопросу об Амстердамской резолюции и заявил, что по отношению к группе «Пролетарий» партия будет придерживаться той же позиции, что и по отношению к общедельцам ⁴⁷. Вопрос об объединении с широкими является для партии тесняков несуществующим вопросом, писал в 1906 г. в журнале «Ново време» в статье «Несуществующий для нас вопрос» Д. Благоев ⁴⁸. Тесняки продолжали настаивать на удалении общедельцев из рядов II Интернационала ⁴⁹.

В 1907 г. ЦК партии тесняков направил в адрес международного социалистического конгресса в Штутгарте важный документ — отчет под названием «Социализм в Болгарии». В этом отчете тесняки снова ясно и недвусмысленно выступили против ревизионизма и оппортунизма общедельческой партии и заявили о своем нежелании (вопреки настойчивым стремле-

⁴⁴ В финансовом отчете МСБ от 1 июня 1905 г. указывалось, что взнос от Болгарии в 200 франков делится поровну между двумя социал-демократическими фракциями (ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 12, л. 1).

⁴⁵ Подобные желания выступить перед МСБ с развернутой аргументацией по вопросу о разрыве с общедельцами ЦК тесняков высказывал неоднократно (ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, д. 11, л. 1; д. 12, л. 1). Наряду с этим в письме от 27 июля ЦК тесняков, солидаризуясь с армянскими социал-демократами, высказался против приема во II Интернационал националистической «Армянской революционной федерации» (там же, д. 12, л. 1).

⁴⁶ «БКП в резолюции...», т. 1, стр. 179—181.

⁴⁷ Там же, стр. 199.

⁴⁸ Д. Благоев. Сочинения, т. 10, стр. 480—487.

⁴⁹ «Работнически вестник», 5.VIII 1906 г.

ниям руководства II Интернационала) пойти на объединение с ревизионистами⁵⁰.

Состоявшийся в августе 1907 г. конгресс II Интернационала в Штутгарте, приняв специальную резолюцию об отношениях между социал-демократическими партиями и профсоюзами, привлек внимание международного рабочего и социалистического движения к профсоюзным проблемам⁵¹.

Профсоюзное движение в Болгарии не было единым, здесь проходила острая идейная борьба между тесняками и широкими. Одна группа профсоюзов, охватывавшая в первую очередь промышленных рабочих, объединилась в июле 1904 г. в Общий рабочий профессиональный союз (ОРПС), тесно связанный с БРСДП (тесных социалистов). Вторую группу составляли реформистские профсоюзы, состоявшие преимущественно из рабочих мелких ремесленных предприятий и примыкавшие к партии широких социалистов; они объединились в 1904 г. в так называемый свободный Общий профессиональный союз (ОПС), формально придерживавшийся платформы нейтральности профсоюзов в политической борьбе, а по существу поддерживавший партию широких социалистов. Третью группу профсоюзов Болгарии составляли так называемые нейтральные профсоюзы (объединявшие в своих рядах главным образом государственных и муниципальных служащих), идейно близкие реформистским профсоюзам из свободного ОПС. Наконец, особняком стояла небольшая группа профсоюзов, находившихся под влиянием анархо-либералов и входивших в состав союза «Пролетарий»⁵².

В 1907 г. общедельцы, спекулировавшие лозунгом объединения социалистических сил, выступили с предложением об объединении профессиональных организаций Болгарии. Тесняки в ответ на это заявили, что они выступают за сплочение и объединение профсоюзов, хотя категорически отказываются от объединения с общедельческой партией. Одновременно тесняки заявляли, что для объединения необходима принципиальная база, и выдвинули в качестве важнейшего средства для сближения профсоюзов и укрепления единства рабочего движения идею совместных действий в защиту интересов пролетариата. В то же время тесняки подчеркнули, что объединение профсоюзов не может произойти на базе идей так называемого «свободного синдикализма», под знаменем общедельческой партии⁵³. В создавшихся условиях дело окончилось лишь тем, что в начале 1908 г. произошло (после длительных переговоров и споров) объединение ОПС

⁵⁰ П. Цапев, Указ. соч., стр. 190. Примечательно, что в адрес Штутгартского конгресса II Интернационала было послано обращение и обособившимися в социал-демократическом союзе «Пролетарий» анархо-либералами, которые добивались от МСБ признания их в качестве самостоятельной социал-демократической фракции в Болгарии (Д. Митев, Към въпроса за пролетарския интернационализъм на БРСДП (т. с.). София, 1957, стр. 52).

⁵¹ В резолюции по вопросу «Партия и профессиональные союзы», принятой в Штутгарте, говорилось, что борьба пролетариата окажется «тем плодотворнее и будет протекать при тем более благоприятных условиях, чем теснее будут отношения между профессиональными союзами и партийными организациями, при том, однако, условии, чтобы охранялось единство профессиональной организации». В заключение резолюции отмечалось: «Конгресс полагает, что профессиональные союзы тем успешнее смогут вести борьбу против эксплуатации и гнета, чем более полно будет проведено единство их организации...» («Международный социалистический конгресс в Штутгарте», СПб., 1907, стр. 48, 49, 57).

⁵² Д. Коджейков, В. Хаджиянколов, Я. Йодов. Указ. соч., стр. 62, 78, 80, 88—90, 110, 111; М. Исусов. Революционно профсоюзно движение в България (1903—1912). София, 1962, стр. 84, 141, 142, 146.

⁵³ Разоблачая истинный смысл идей общедельцев о «свободном синдикализме», о «нейтральности» профсоюзов в политической борьбе, тесняки подчеркивали, что отказ профсоюзов от политической борьбы противоречит интересам пролетариата (Д. Благоев. Съчинения, т. 11, стр. 578, 579). В то же время тесняки, ошибочно рассматривая партию и профсоюзы как две формы организации социал-демократии, создали слишком тесные организационные связи партии с профсоюзами («БКП в резолюции...», т. 1, стр. 165; «Материали...», стр. 85).

с профсоюзами, находившимися под руководством анархо-либералов, выдвинувших с самого начала своего организационного обособления лозунг объединения⁵⁴. Так возник так называемый «свободный» Общий рабочий профессиональный союз.

В этот же период (в конце 1907 — начале 1908 г.) в рядах партии тесняков возникла еще одна центристского толка группа — так называемые прогрессисты (Н. Сакаров, Г. Кривостев и др.), или объединисты (как их называли первое время)⁵⁵. Оформлению этой группы содействовало идеологическое наступление общедельцев на тесняков под флагом единства профсоюзов, с одной стороны, и поддержка центристскими и оппортунистическими деятелями из рядов II Интернационала центристской идеи объединения социал-демократических партий в Болгарии — с другой⁵⁶. Прогрессисты, считая свои взгляды более прогрессивными, чем взгляды большинства партии (отсюда и название группы), выступали за идеи свободного синдикализма, нейтралитета профсоюзов в политической борьбе и высказывались за объединение партии тесняков с общедельцами⁵⁷.

Подавляющее большинство партии тесняков во главе с Д. Благоевым, Г. Кирковым и их соратниками осудило взгляды прогрессистов и выступило против объединения с оппортунистами — общедельцами. Объединение с общедельцами, отмечал Д. Благоев, «будет изменой социалистическим принципам. Объединение пролетариата происходит и произойдет *только* на почве *революционного, тесного социализма*»⁵⁸. Состоявшийся летом 1908 г. XV съезд партии тесняков осудил прогрессистов, а в конце 1908 г. прогрессисты, вступившие на путь фракционной борьбы, были исключены из партии⁵⁹.

Судьба прогрессистов была аналогичной судьбе анархо-либералов. В конце 1908 г. перестала существовать так называемая Рабочая социалистическая партия (после упомянутого объединения профсоюзов из социал-демократического союза «Пролетарий» с реформистскими профсоюзами анархо-либералы преобразовали «Пролетарий» в Рабочую социалистическую партию), и с 1 января 1909 г. анархо-либералы вошли в состав общедельческой партии⁶⁰. С этого момента общедельцы стали именовать себя Болгарской объединенной рабочей социал-демократической партией. В начале 1909 г. в ряды объединенной партии вступила и группа прогрессистов.

Присоединение анархо-либералов и прогрессистов к общедельческой партии усилило в ней идейную расплывчатость и эклектичность⁶¹; при этом ее оппортунистическая сущность, отмеченная еще в 1908 г. В. И. Лениным⁶², не изменилась. Правда, число членов в объединенной партии увеличилось. Однако характерно, что в 1910 г., по данным официального отчета руководства партии, лица наемного труда составляли лишь 35 % от числа ее членов⁶³. Партия переживала идейный кризис. На съезде партии летом 1909 г. выявилось пять различных фракций, между которыми шла непрерывная борьба⁶⁴.

⁵⁴ М. Исусов. Указ. соч., стр. 145—152.

⁵⁵ Д. Благоев. Съчинения, т. 13, стр. 87, 94, 95.

⁵⁶ В ряде печатных органов зарубежных социал-демократических партий общедельцы сумели опубликовать и распространить материалы и статьи, рисовавшие тесняков партией «анархистов», «раскольников» и «сектантов» (ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 1, л. 3).

⁵⁷ «Материали...», стр. 85, 86; Д. Благоев. Съчинения, т. 11, стр. 425—455.

⁵⁸ Д. Благоев. Съчинения, т. 13, стр. 265.

⁵⁹ «БКП в резолюции...», т. 1, стр. 218, 219; «Материали...», стр. 86.

⁶⁰ Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 564.

⁶¹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 15, л. 72.

⁶² В. И. Ленин. Заседание Международного социалистического бюро. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 242.

⁶³ «Bericht der Bulgarischen vereinigten S.-D. Arbeiter-Partei». Sofia. 1910, стр. 7.

⁶⁴ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 18, лл. 11, 12. Часть бывших анархо-либералов во главе с Н. Харлаковым в 1909 г. покинула общедельческую партию (Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 564).

В то же время в партии тесняков в результате очищения ее от оппортунистических и центристских элементов укрепился пролетарский ее состав и характер. Если до разрыва с общедельцами лица наемного труда составляли менее половины членов БРСДП, то после разрыва с общедельцами, к XI съезду (в 1904 г.), они составляли уже 51% от числа членов партии⁶⁵. К XIII съезду (в 1906 г.) удельный вес лиц наемного труда в партии достиг уже 60,6%, а в 1908 г. они составляли уже более 70% от всего числа членов партии тесняков⁶⁶.

В начале 1909 г. с поддержкой объединительных и центристских тенденций прогрессистов и общедельцев выступил представитель румынской социал-демократии в МСБ II Интернационала Хр. Раковский, ранее проживавший в Болгарии и поддерживавший контакты с деятелями болгарского рабочего движения. Раковский обратился с открытым письмом к социалистическим фракциям в Болгарии, в котором утверждал, что между тесняками и общедельцами якобы нет принципиальной разницы, вследствие чего они должны объединиться. Он заявлял, что без такого объединения Болгарская социалистическая партия перестанет существовать⁶⁷. Письмо Раковского открывало сборник, выпущенный в феврале 1909 г. деятелями прогрессистов в защиту идеи объединения⁶⁸. Выступление Раковского в поддержку идей прогрессистов и присоединение прогрессистов к общедельческой партии еще более активизировало шумную кампанию общедельцев по поводу объединения⁶⁹.

Тесняки противопоставили в своей печати этой шумихе обстоятельный и деловой разбор положения дел. С рядом статей выступили в 1909 г. виднейшие деятели партии тесняков Г. Кирков, Г. Георгиев и другие⁷⁰. Детальную критику письма Хр. Раковского дал Хр. Кабакчиев, показавший плохое знакомство Раковского с состоянием дел в болгарском социалистическом движении, раскрывший принципиальную суть разногласий между тесняками и общедельцами и невозможность их объединения⁷¹. С разоблачением прогрессистов и общедельцев, пытавшихся в борьбе против тесняков опереться (путем своевольного толкования решений конгрессов II Интернационала и съездов зарубежных социал-демократических партий) на опыт международного социалистического движения, выступил Д. Благоев⁷².

Д. Благоев солидаризировался с высказываниями германских левых социал-демократов из газеты «*Leipziger Volkszeitung*» (газету редактировали в это время Р. Люксембург и Ф. Меринг), утверждавших, что объединение польских социал-демократов с не преодолевшей националистических настроений ППС принесет в этот момент вред польскому рабочему движению⁷³. В то же время Благоев считал оправданным отделение левых социал-демократов от мелкобуржуазных социалистов и реформистов в Голландии. Там в 1907 г. левые социал-демократы во главе с Г. Гортером, А. Паннекуком, Д. Вайнкопом группировались вокруг газеты «Трибуна»; исключенные за критику реформистских лидеров социал-демократической рабочей партии Голландии, они основали самостоятельную социал-демократическую партию Голландии и обратились в МСБ

⁶⁵ «БКП в резолюциях...», т. 1, стр. 147, 163.

⁶⁶ Д. Благоев. Сочинения, т. 13, стр. 524; «БКП в резолюциях...», т. 1, стр. 230.

⁶⁷ Хр. Кабакчиев. Избранные произведения. София, 1953, стр. 294.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5 — а, д. 15, л. 72.

⁷⁰ Г. Кирков. Избранные произведения, т. 1, стр. 174—185; Г. Георгиев. Избранные произведения, стр. 468—479, 486—491.

⁷¹ Хр. Кабакчиев. Избранные произведения, стр. 294—321.

⁷² Д. Благоев. Сочинения, т. 13, стр. 316, 317, 570, 571.

⁷³ Там же, стр. 213, 214.

с просьбой принять их в ряды II Интернационала⁷⁴. Там, где «социалистическое движение зарождается в мелкобуржуазной «социал-демократической партии», — писал Д. Благов, — там оно неизбежно отделяется от нее, так как эти течения несовместимы и непримиримы. Подобный случай мы имеем в настоящее время в Голландии. В Голландии сейчас происходит то, что случилось в Болгарии семь лет тому назад, только при иных условиях»⁷⁵.

Проводя кампанию борьбы за объединение с тесняками, общедельцы не только понимали, что никакой реальной перспективы такого объединения фактически нет, но и не очень-то желали в действительности этого объединения⁷⁶. Они преследовали другие цели — стремились нажить политический капитал, спекулируя на популярном среди болгарских рабочих лозунге «единства рабочего движения». Кроме того, такая позиция обеспечивала им поддержку среди центристских лидеров II Интернационала, помогала им маскировать свою оппортунистическую сущность перед лицом Интернационала.

ЦК партии тесняков в документах, направленных в адрес руководства II Интернационала, протестовал против попыток общедельцев использовать авторитет МСБ для оправдания своей политики. В докладе в МСБ от 20 мая (2 июня) 1909 г. ЦК тесняков утверждал, что именно разрыв с оппортунистами-общедельцами положил начало действительно классовому рабочему движению в Болгарии. В силу этого позиция тесняков, как отмечалось в докладе, имеет и международное значение. Порвав с мелкобуржуазными элементами в рабочем движении, сделав его независимым от мелкой национальной буржуазии, она (т. е. партия) дала тем самым Интернационалу отряд верных и сознательных борцов⁷⁷. «Всякое предложение об объединении между нашей партией и партией широких должно быть решительно отклонено», — подчеркивалось в докладе⁷⁸. ЦК тесняков заявлял при этом, что партия ставит перед собой задачу не только разоблачить широких, но и добиться исключения их из рядов II Интернационала, ибо «тот факт, что они являются членами МСБ, несет заблуждение в среде рабочих, дает широким возможность представляться в качестве истинных социалистов»⁷⁹. Много материалов, разобла-

⁷⁴ МСБ попыталось с помощью К. Каутского и В. Адлера объединить «трибунистов» с реформистами, но эта попытка окончилась неудачей. В ноябре 1909 г. вопрос о приеме трибунистов в ряды II Интернационала обсуждался на заседании МСБ. В. И. Ленин и левые социал-демократы нескольких стран высказались за принятие трибунистов во II Интернационал (В. И. Ленин. Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 184—189). Однако большинством голосов прошла резолюция В. Адлера, фактически обходившая вопрос о приеме трибунистов во II Интернационал (Г. Г. Куранов. Борьба В. И. Ленина с реформистами в Международном социалистическом бюро (1905—1914 гг.). «Новая и новейшая история», 1963, № 4, стр. 30, 31).

⁷⁵ Д. Благов. Съчинения, т. 13, стр. 317. Солидарность с трибунистами выражали, кроме тесняков, также В. И. Ленин и левые германские социал-демократы, группировавшиеся вокруг газет «Лийцигер фольксцайтунг» и «Бремер бюргерцайтунг», резко протестовавшие против решения МСБ (В. И. Ленин. Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 187, 188). Об интересе в Болгарии к трибунистам свидетельствует издание в 1910 г. двух книг одного из лидеров трибунистов Антона Паннекука: «Борьба рабочих» и «Тактические различия в рабочем движении» (П. Цанев. Указ. соч., стр. 226, 253).

⁷⁶ Хр. Кабакчиев. Спомени. София, 1955, стр. 58.

⁷⁷ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 15, л. 62.

⁷⁸ Там же, л. 73.

⁷⁹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 15, л. 73. Руководство партии тесняков стремилось использовать любой повод для того, чтобы разоблачить общедельцев как оппортунистов в глазах II Интернационала. Любопытен следующий факт. В октябре 1908 г. на заседании МСБ обсуждался вопрос о приеме в ряды Интернационала лейбористской партии. Вскоре после обсуждения Д. Благов опубликовал в журнале «Ново време» статью, в которой критиковал позицию Ст. Аврамова, временно

чающих маневры общедельческих лидеров и раскрывающих их истинные цели, публиковали тесняки и в своей газете «Работнически вестник», рассчитанной на массового читателя.

Руководители партии общедельцев вынуждены были прибегнуть к новым маневрам в своей кампании по объединению. Они все более активно стали добиваться поддержки в этом вопросе со стороны МСБ. Еще в 1906 г. съезд общедельческой партии принял резолюцию, в которой было сформулировано пожелание о посредничестве МСБ с целью объединения социал-демократов в Болгарии. Идею поиска арбитров из рядов международного рабочего движения с целью объединения в Болгарии выдвигали также и анархо-либералы⁸⁰. В 1909 г. после присоединения к общедельческой партии анархо-либералов и прогрессистов Я. Сакизов от имени руководства общедельцев обратился в МСБ с просьбой оказать содействие объединению «социалистических сил» в Болгарии⁸¹. Слухи о том, что исполком МСБ решил взять в свои руки инициативу в деле объединения тесняков с общедельцами, просочились в буржуазную печать Болгарии⁸².

В конце концов МСБ по просьбе общедельческих лидеров в феврале 1910 г. попросило Х. Раковского взять на себя роль посредника (от имени МСБ) в переговорах между общедельцами и тесняками по поводу объединения⁸³; получив согласие Раковского, оно направило специальное письмо руководству партии тесняков⁸⁴. Раковский приехал в 1910 г. в Болгарию и предпринял безуспешную попытку выступить от имени МСБ в роли посредника⁸⁵. Одновременно в печати появились инспирированные общедельцами сообщения о давлении МСБ на тесняков и о скором «принудительном» объединении тесняков с общедельцами.

Руководство партии тесняков выступило с решительным протестом против этой игры⁸⁶. В письме от имени ЦК тесняков в МСБ Г. Кирков 2 апреля (20 мая) 1910 г. писал, что всякий шаг, направленный на объединение тесняков с общедельцами, бессмыслен, ибо тесняки не желают спасать скомпрометированных агентов буржуазии и выступают против злоупотреблений общедельцами авторитетом МСБ⁸⁷.

Вскоре еще одна безуспешная попытка объединения тесняков с общедельцами была предпринята Л. Троцким (по инициативе центристов из МСБ). Прибыв летом 1910 г. в качестве представителя на XVII съезд партии тесняков, Троцкий приложил немало усилий, чтобы убедить тесняков объединиться с общедельцами. Однако вследствие твердой принципиальной позиции тесняков его «объединительная» миссия кончилась полным провалом⁸⁸. Раздосадованный этой неудачей, Троцкий опубликовал в русской и австрийской рабочей печати статьи, в которых повторил по существу обвинения в адрес тесняков, раздававшиеся из лагеря общедельцев, упрекал тесняков в «организационной замкнутости» и в «раскольничестве» и оценил партию тесняков как лишенную политических

представлявшего тесняков на заседании МСБ и занявшего ошибочную позицию. Д. Благоев при этом критиковал Ст. Аврамова не только за то, что он занял ошибочную (по мнению руководства партии) отрицательную позицию в вопросе о приеме лейбористов во II Интернационал (Д. Благоев. Сочинения, т. 13, стр. 153—156), но и за то, что он не использовал обсуждение вопроса на МСБ для того, чтобы еще раз разоблачить общедельцев как партию, которая признает социализм на словах, а фактически далека от него, и поэтому заслуживает исключения из рядов Интернационала (там же, стр. 156, 157).

⁸⁰ Д. Благоев. Сочинения, т. 11, стр. 17, 18.

⁸¹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 18, л. 12.

⁸² Там же, д. 22.

⁸³ «Bericht der Bulgarischen vereinigten S.-D. Arbeiter-Partei», стр. 6, 7.

⁸⁴ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 23, лл. 2, 6.

⁸⁵ «Bericht der Bulgarischen vereinigten S.-D. Arbeiter-Partei», стр. 6, 7.

⁸⁶ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 23, лл. 5, 6.

⁸⁷ Там же, д. 22, л. 5.

⁸⁸ «БКП в резолюции...», т. 1, стр. 245, 246; «Материали...», стр. 102.

перспектив вследствие ее «политического самоограничения»⁸⁹. Недовольство Л. Троцкого вызвало и нежелание тесняков сотрудничать с общедельцами по общевосточным вопросам, в частности решительное противодействие их участию общедельцев в I Балканской конференции социал-демократов, состоявшейся в январе 1910 г.⁹⁰

Ответ Троцкому был дан Д. Благоевым в статьях, опубликованных в болгарской и русской социал-демократической печати (газете «Социал-демократ») ⁹¹. В этих статьях Благоев упрекнул Троцкого в незнании рабочего движения в Болгарии, отверг его попытки представить непримиримость тесняков к оппортунизму, их решительный разрыв с общедельцами как простое подражание линии «Искры» и расколу большевиков с меньшевиками в России. Д. Благоев подчеркнул, что тесняки при выработке своей линии, разумеется, опирались и опираются на опыт всего международного рабочего движения, в том числе и русской социал-демократии; однако раскол с общедельцами был обусловлен внутренним развитием болгарского социал-демократического движения⁹². Д. Благоев показал полную несостоятельность и ошибочность заключений и оценок Троцкого и отверг его советы объединиться с общедельцами⁹³.

Твердую и принципиальную позицию отказа от сотрудничества и объединения с общедельцами заняла делегация партии тесняков во главе с Д. Благоевым и на Копенгагенском конгрессе II Интернационала, проходившем с 28 августа по 3 сентября 1910 г. В комиссии конгресса по вопросам международного рабочего движения делегаты от Французской социалистической партии внесли проект резолюции «Об объединении социал-демократических партий в каждой стране». Резолюция эта предлагала всем национальным секциям, которые еще оставались расколотыми, осуществить единство, а МСБ — оказать в этом содействие⁹⁴.

Как и большевики, тесняки не считали возможным отнестись к этой резолюции, как к директиве. Делегация тесняков выступила со специальной декларацией, которая была передана в комиссию (с целью включения ее в протоколы конгресса). В этой декларации тесняки заявляли, что, принимая общие рекомендации резолюции, они все же считают не актуальным для Болгарии вопрос об объединении, ибо общедельческая партия в действительности не является ни рабочей, ни социалистической⁹⁵.

Так же принципиально отнесся представитель тесняков (В. Коларов) и к выступлению лидера общедельцев Я. Сакизова по поводу зачитанной В. Коларовым совместной декларации тесняков и сербских социал-демократов по Балканскому вопросу (декларация эта выдвигала лозунг федерации балканских республик). Попытка Я. Сакизова представить общедельцев в качестве соавторов этой декларации (при этом Я. Сакизов выразил надежду, что данная якобы совместная декларация будет шагом к объединению социал-демократических фракций в Болгарии)⁹⁶ потерпела

⁸⁹ Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 234, 235; «Социал-демократ», 13.I 1911 г.

⁹⁰ Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 142, 235—237; т. 15, стр. 55, 77, 80—82, 155, 156. Известно, что тесняки поставили условием своего участия в I Балканской конференции социал-демократов отсутствие на ней широких (Д. Тудович. Избранные списки, кн. II. Београд, 1950, стр. 41).

⁹¹ Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 140—142, 170, 171, 228—239; «Социал-демократ», 13.I 1911 г.

⁹² При этом Благоев отметил, в частности, что разрыв между тесняками и общедельцами произошел несколько раньше, чем раскол между большевиками и меньшевиками (Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 140).

⁹³ Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 142, 238—239.

⁹⁴ «Internationaler Sozialisten-Kongreß zu Kopenhagen 28. August bis 3. September 1910», стр. 16, 113.

⁹⁵ Хр. Кабакчиев. Спомени, стр. 62, 201; Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 125—130.

⁹⁶ «Internationaler Sozialisten-Kongreß zu Kopenhagen», стр. 26, 27.

неудачу. В. Коларов, выступивший второй раз (тотчас же после Я. Сакызова), разоблачил его маневры и заявил, что тесняки не имеют никаких отношений с партией общедельцев и будут бороться с ней до тех пор, пока последние не перестанет существовать⁹⁷.

После окончания работы Копенгагенского конгресса Д. Благоев опубликовал в журнале «Ново време» статью «Копенгагенский конгресс». Он отметил, что в ходе работы конгресса сказалось влияние оппортунизма в ряде социал-демократических партий. Благоев упрекал руководство Интернационала в лице МСБ за то, что оно принимает в ряды Интернационала такие организации и группы, которые лишь на словах признают принципы социал-демократии, а в действительности являются проводниками буржуазной идеологии и ничего общего с социализмом не имеют. Он подчеркнул, что задача Интернационала должна состоять не в объединении в своих рядах идейно разнородных элементов, включая оппортунистов и других представителей мелкобуржуазного социализма, а в воспитании пролетарских масс в духе марксизма, в освобождении пролетариата от влияния оппортунистов, проводников буржуазной идеологии, «в объединении его под знаменем революционного социализма»⁹⁸. Д. Благоев с удовлетворением отметил, что в Болгарии, как и в ряде других стран, удалось оторвать значительную часть пролетариата от буржуазной идеологии и повернуть ее к социал-демократии, под знамя революционного социализма⁹⁹.

В 1911 г. новую попытку объединения тесняков с общедельцами с благословения центристов из МСБ предпринял Х. Раковский. Поселившись в Болгарии и связавшись с общедельческой партией, он основал в конце мая 1911 г. газету «Напред», задачей которой было объединение тесняков с широкими¹⁰⁰. Однако эта газета не только не оказала никакого влияния на позицию тесняков, но и не пользовалась сколько-нибудь существенным влиянием среди членов общедельческой партии¹⁰¹. Столкнувшись с твердой позицией тесняков и разочаровавшись в общедельцах, Раковский вынужден был признать в полной бесперспективности своей «объединительной» миссии; в самом начале января 1912 г. газета «Напред» была прикрыта¹⁰². Столь же безуспешно окончились попытки Раковского и Исполнительной комиссии МСБ добиться участия представителей тесняков в проектировавшейся в 1911 г. совместной с общедельцами II Балканской социал-демократической конференции¹⁰³.

⁹⁷ «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Kopenhagen», стр. 27. Характеризуя позицию делегации тесняков на Копенгагенском конгрессе, следует отметить участие Д. Благоева и Г. Киркова в совещании левых социал-демократов (на котором присутствовали В. И. Ленин, Р. Люксембург, Ж. Гед, Г. В. Плеханов, Ю. Мархлевский, Ш. Раппопорт и др.), состоявшемся 6 сентября 1910 г., накануне закрытия конгресса, и посвященном борьбе с оппортунизмом (Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 120—122). После окончания этого совещания Г. Кирков послал в тот же вечер открытку своей жене в Софию, на которой расписались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Р. Люксембург, Ю. Мархлевский и др. («Известия на института по история на БКП при ЦК на БКП», кн. 1—2. София, 1957, стр. 443).

⁹⁸ Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 122.

⁹⁹ Там же, стр. 123.

¹⁰⁰ Хр. Кабакчиев. Спомен, стр. 59, 60, 201.

¹⁰¹ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 25, лл. 22, 23.

¹⁰² Хр. Кабакчиев. Спомен, стр. 60, 61.

¹⁰³ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 5-а, д. 25. Следует отметить, что общедельческие лидеры маскировали в МСБ свои открыто оппортунистические и националистические взгляды. К примеру, хотя общедельцы фактически отрицательно относились к провозглашенному на I Балканской социал-демократической конференции лозунгу Балканской демократической федерации, они настойчиво добивались при поддержке МСБ участия в совместной с другими социал-демократическими партиями балканских стран II Балканской социал-демократической конференции (Д. Благоев. Съчинения, т. 14, стр. 142, 236, 237, 393—396).

Многочисленные неудачные попытки представителей МСБ объединить тесняков с общедельцами привели к тому, что тесняки прослыли в центристских и оппортунистических кругах II Интернационала как «раскольники» и «сектанты»¹⁰⁴. В то же время центристским деятелям МСБ импонировала настойчивая и шумная кампания общедельческих лидеров по объединению с тесняками, и они оказывали общедельцам свою поддержку. Холодное отношение МСБ к теснякам сказалось, в частности, в ходе созванного в ноябре 1912 г. в связи с войной на Балканах Чрезвычайного международного социалистического конгресса в Базеле. По предложению МСБ лидер общедельцев, их делегат в МСБ Я. Сакизов, был избран в качестве представителя от балканской социал-демократии вице-председателем конгресса¹⁰⁵. Тот же Я. Сакизов выступал и единственным оратором от балканских социал-демократов¹⁰⁶. Попытка же делегата тесняков Хр. Кабакчиева добиться предоставления ему слова с целью разоблачения двусмысленной позиции общедельческих лидеров¹⁰⁷ успеха не имела¹⁰⁸. Деятели МСБ возражали даже против распространения Хр. Кабакчиевым среди делегатов конгресса обращения партии тесняков к конгрессу, излагавшего антивоенную интернационалистическую платформу тесняков¹⁰⁹. Под формальным предлогом бюро конгресса отказалось включить обращение тесняков в протоколы конгресса¹¹⁰.

* * *

Изложенные факты из истории отношений между Болгарской рабочей социал-демократической партией (тесных социалистов) и руководством II Интернационала дают возможность сделать следующие заключения.

С момента раскола в Болгарской рабочей социал-демократической партии и образования самостоятельной БРСДП (тесных социалистов) руководство II Интернационала, стремясь добиться объединения во что бы то ни стало и любой ценой (как это оно делало во всех странах, где происходил раскол), систематически воздействовало на партию тесняков, поддерживая спекулятивную «объединительную» кампанию болгарских реформистов — БРСДП (широких социалистов), или общедельцев. Пытаясь заставить тесняков пойти на объединение с оппортунистической партией общедельцев, лидеры Международного социалистического бюро прибегали к разного рода методам давления на тесняков и к помощи посредников

¹⁰⁴ Г. Димитров. Съчинения, т. 2, стр. 186, 187.

¹⁰⁵ «Ausserordentlicher Internationaler Sozialisten-Kongreß zu Basel um 24. und 25. November 1912». Berlin, 1912, стр. 9.

¹⁰⁶ Там же, стр. 16, 17, 36, 37.

¹⁰⁷ Общедельцы в самой Болгарии заняли по существу националистическую позицию. Я. Сакизов в своей речи в Народном собрании не высказался против предоставления военных кредитов правительству («Дневници (стенографски) на XV обикновено Народно Събрание, II редовна сесия», кн. I, стр. 13, 14). На конгрессе же в Базеле Я. Сакизов выступил с антивоенным (по сути своей в основном пацифистским) заявлением, осудив зверства и тяжести войны и призвав к мирной политике реформ («Ausserordentlicher Internationaler Sozialisten-Kongreß zu Basel...», стр. 16, 17).

¹⁰⁸ Хр. Кабакчиев. Спомени, стр. 70, 71. Хр. Кабакчиев вспоминает, что когда он, возмущенный двуличным поведением Я. Сакизова, потребовал в разговоре с одним из руководителей конгресса, В. Адлером, предоставления ему слова для разоблачения общедельцев, В. Адлер, «высоко подняв свои руки к небу, с негодованием и отчаянием провозгласил: „Ах, вы, славяне, всюду и всегда вы одинаковы“, — он наметнул на внутреннюю борьбу в русской социал-демократии и раздраженно добавил: „Нет, нет, нет, мы этого не допустим“ (там же, стр. 71).

¹⁰⁹ При содействии русских и югославянских социал-демократов Хр. Кабакчиеву удалось распространить обращение партии тесняков среди делегатов конгресса (Хр. Кабакчиев. Спомени, стр. 71).

¹¹⁰ Хр. Кабакчиев передал это обращение для опубликования в редакцию газеты «Форвертс» (центрального органа германской социал-демократии), которая после некоторых колебаний напечатала его в номере от 30.XI 1912 г. (Хр. Кабакчиев. Спомени, стр. 71).

из числа центристских деятелей международного рабочего движения (Х. Раковский, Л. Троцкий).

Однако все эти попытки натолкнулись на решительное сопротивление партии тесняков, на их категорический отказ пойти на объединение с реформистами. Более того, тесняки выразили также свою солидарность с левыми социал-демократическими партиями в некоторых зарубежных странах (Польша, Голландия), противостоявшими попыткам объединить их с мелкобуржуазными социалистическими партиями на базе идейных компромиссов.

Все это показывает, что партия тесняков не только занимала принципиальную позицию борцов с оппортунизмом в Болгарии, но и выступала (хотя и не всегда достаточно активно и последовательно) против оппортунистов из II Интернационала, в первую очередь против попыток оппортунистов и центристов из МСБ объединить тесняков с реформистской партией общедельцев.

М. М. Сумарокова

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ
(1918 — 1921 гг.)**

Первые годы существования югославского государства, получившего название Королевства сербов, хорватов и словенцев, являются периодом становления единого хозяйственного организма на базе ранее политически и экономически разобщенных земель. Освобождение от иноземного гнета и объединение открывало перед народами Югославии широкие перспективы экономического и социального прогресса. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в результате обострения внутривнутриполитического кризиса в югославянских землях развернулось мощное революционное рабочее и крестьянское движение. Идеи социализма находили все большее распространение и поддержку у рабочего класса, крестьянства и передовой интеллигенции. В стране назревала революция, направленная на ликвидацию векового наследия прошлого — феодальных и полуфеодальных пережитков в деревне. Приход к власти во вновь образовавшемся государстве великосербской гегемонистски настроенной буржуазии дал новый толчок к пробуждению движения за национальное равноправие народов, населявших Югославию. Переплетение социальных и национальных противоречий придавало этой борьбе особую остроту.

Настоящая статья представляет собой попытку освещения некоторых вопросов экономического положения Королевства сербов, хорватов и словенцев в первые годы его существования (1918—1921 гг.).

Исследование данной темы затруднено отсутствием необходимых статистических материалов. В послевоенные годы в экономической жизни страны царил хаос и не велось централизованного учета и контроля за развитием производительных сил, особенно на периферии. Первая общегосударственная перепись населения была проведена лишь в январе 1921 г. Поэтому из-за распыленности и неполноты документальной базы в настоящее время невозможно дать исчерпывающий ответ на целый ряд вопросов (например, о формировании единого внутреннего рынка в Королевстве, роли иностранного капитала в этот период, технической оснащенности предприятий и др.).

Королевство сербов, хорватов и словенцев представляло собой экономически отсталую страну, что было обусловлено многолетним национальным гнетом, тормозившим развитие производительных сил. По переписи 1921 г.¹ из 6 млн. населения, участвовавшего в материальном производ-

¹ Переписью было охвачено все население Югославии, за исключением территорий, находившихся под итальянской оккупацией в Словенском Приморье, Истрия, Далмация и районе г. Сушак.

ве, в сельском хозяйстве было занято 4,8 млн., или 80,4%, а в промышленности и ремесле — всего 522 тыс. человек, или 8,6%².

Возникшее в результате объединения земель, разбивавшихся в различных исторических условиях, югославское государство отличалось большой пестротой социально-экономических отношений. В ряде областей страны сохранились полуфеодалные чифчийские, колонатские и кметские отношения в деревне (Босния и Герцеговина, Македония, Далмация, Санджак, Метохия). В то же время северные и северо-западные земли (Словения, Воеводина, Хорватия и Славония) были довольно развитыми в капиталистическом отношении, имели разнообразную промышленность и интенсивное сельское хозяйство.

Если исключить группы населения, занятые в торговле, на транспорте, государственной службе и т. д., то на доходы от сельского хозяйства в 1921 г. жило в Сербии — 84%, Хорватии и Славонии — 82, Словении — 65, Воеводине — 70, Боснии и Герцеговине — 86, Далмации — 83, Македонии — 86 и Черногории — 90% всего населения³.

Об уровне промышленного развития отдельных областей, вошедших в состав Королевства, можно судить по следующим данным⁴.

В 1918 г. на 1000 жителей приходилось по областям:

Области	Вложенный капитал (в динарах)	Количество рабочих мест	Области	Вложенный капитал (в динарах)	Количество рабочих мест
Словения	1939	31	Босния и Герцеговина	508	11
Хорватия и Славония	829	нет данных	Македония	21	0,5
Воеводина	839	21	Черногория	81	1
Сербия	962	11			

Следовательно, в Словении на каждую тысячу жителей приходилось в 2 раза больше капиталовложений, нежели в Сербии, Воеводине, Хорватии и Славонии. Такие же слабо развитые области, как Македония и Черногория, далеко отстали не только от Словении, но и от районов со средним уровнем развития.

В 1918 г. в северных и северо-западных областях сосредоточивалось свыше 70% всей промышленности страны⁵.

Общая отсталость и неравномерность экономического развития югославянских земель еще более усилились в результате разрушения производительных сил в годы войны.

Наибольшие потери в период мировой войны понесли области, служившие ареной военных действий и подвергшиеся оккупации: Сербия, Македония, Босния и Герцеговина, Черногория. Из общего числа мобилизованных в сербскую армию — 800 тыс. человек — погибло почти 370 тыс. А если учесть при этом и потери среди гражданских лиц, то Сербия лишилась в годы войны почти 1/4 части своего довоенного населения⁶. Около 1 350 000 югославян было мобилизовано в австро-венгерскую армию, из них не вернулось домой 216 тыс.⁷

² «Статистички годишњак за 1929». Београд, 1932, кн. I, стр. 86—88, а также см. M. Mirković. *Ekonomska historija Jugoslavije*. Zagreb, 1958, стр. 332. Остальные 11% составляло так называемое «непроизводительное» население, занятое на транспорте, в торговле, армии и т. д.

³ «Аграрные проблемы». М., 1928, кн. 3 (7), стр. 52.

⁴ В. Беговић. *Развој индустрије Југославије и њена улога у нашој привреди*. «Тридесет дана», број 1, 1945, стр. 98.

⁵ St. Kukuljević. *Industrija Jugoslavije 1918—1939*. Београд, 1941, стр. 78.

⁶ D. Janković. *Društveni i politički odnosi u Kraljevstvu Srba, Hrvata i Slovenaca uoči stvaranja Socijalističke radničke partije Jugoslavije (komunista)*. «Istorija XX veka». Београд, 1959, кн. 1, стр. 27.

⁷ J. Vršina. *Kraljevina srba, hrvata i slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskoг procesa*. Београд, 1956, стр. 26.

Террор оккупантов и голод вызвали резкое сокращение городского населения. В таких городах, как Белград, Шабач, число жителей уменьшилось по сравнению с довоенным временем более чем в 2 раза. После подавления Топлицкого восстания весной 1917 г. из Ниша было интернировано почти все мужское население города — около 4 тыс. человек⁸.

Большой ущерб война причинила промышленности. В одной только Сербии было повреждено 30% промышленных зданий, а машины и оборудования на 57% их общей стоимости⁹. В меморандуме Сербской социал-демократической партии о положении в оккупированной Сербии отмечалось: «Крупнейших фабрик в Сербии больше не существует, машины демонтированы и вывезены за границу вместе с инструментами и сырьем»¹⁰. В 1918 г. в Белграде из 45 довоенных заводов и фабрик функционировало только 6¹¹.

В Черногории в годы войны закрылись табачная фабрика в Подгорице, пивоваренный завод в Никшиче, фабрика по переработке шерсти в Даниловграде. Действовало только несколько лесопильных заводов¹². В Македонии осталось всего 16 предприятий, из них 11 по переработке сельскохозяйственных продуктов¹³.

В Боснии и Герцеговине, славившихся своими природными богатствами, во время военных действий хищнически уничтожались лесные массивы, значительный ущерб был нанесен горнодобывающей промышленности.

Сербская буржуазия в годы войны лишилась в значительной степени своих капиталов. В период оккупации в австрийской зоне действовал указ, согласно которому 1 динар был приравнен к 1/2 кроны¹⁴, что поставило сербское население в крайне тяжелое положение. Иногда в погоне за золотом оккупационные власти опечатывали кассы сербских торговцев¹⁵.

Общий материальный ущерб, нанесенный войной Сербии (вместе с Македонией), составил 6379 млн. золотых динаров¹⁶, из них около половины приходилось на промышленность, а ущерб, нанесенный Черногории, — 723 млн. золотых динаров¹⁷.

Югославянские земли, входившие в состав Австро-Венгрии, в годы войны в основном сохранили свой промышленный потенциал, а в некоторых областях производство даже расширилось. Буржуазия и торговцы Воеводины увеличили свои капиталы в результате поставок для армии и спекуляции дефицитными продовольственными товарами. В 1914—1918 гг. в Воеводине было построено 25 мельниц¹⁸, несколько заводов строительных материалов¹⁹, фабрика по переработке шерсти в Сенте²⁰ и другие предприятия.

В целом экономическое положение возникшего в декабре 1918 г. единого югославского государства было очень сложным. Во всех отраслях хозяйства царил дезорганизация. Промышленность, расположенная в

⁸ «Историјски архив КПЈ», т. III, стр. 292.

⁹ S. Dimitrijević. Privredni razvitak Jugoslavije od 1918. do 1941. godine. Београд, 1962, стр. 5.

¹⁰ «Историјски архив КПЈ», т. III, стр. 292.

¹¹ «Коммунистический Интернационал». М., 1921, № 17, стр. 4352.

¹² S. Medenica. Privredni razvitak Crne Gore 1918—1941. Titograd, 1959, стр. 111.

¹³ К. Сидовски. Развикоот на индустријата во НР Македонија во периодот меѓу двете светски војни (1918—1941). Скопје, 1960, стр. 5, 6.

¹⁴ «Историјски архив КПЈ», т. III, стр. 294.

¹⁵ Там же, стр. 293.

¹⁶ 1 золотой динар равен приблизительно 11 бумажным или 1 французскому золотому франку.

¹⁷ См. S. Dimitrijević. Указ. соч., стр. 5; а также см.: «Јубиларни зборник живота и рада срба, хрвата и словенаца 1918—1928», Београд, 1928, I део, стр. 156.

¹⁸ Ст. Мезен. Стање и почетни развитац индустрије Војводине после првог светског рата. «Матица српска». Нови Сад, број 28, стр. 43.

¹⁹ Там же, стр. 63.

²⁰ Там же, стр. 62.

югославянских землях бывшей Австро-Венгрии и составлявшая с ней единое хозяйственное целое, лишилась части капиталов и рынков сбыта. Наряду с перестройкой промышленности на мирный лад, необходимо было изменить ее структуру в связи с новыми внутренними и внешними условиями.

Большинство промышленных предприятий, железных дорог, шахт и рудников Словении, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Славонии и Воеводины являлись государственной собственностью Австро-Венгрии или собственностью иностранных акционерных обществ. После освобождения они были секвестрованы и перешли в распоряжение Королевства сербов, хорватов и словенцев. В Боснии и Герцеговине, где наиболее развился государственный капиталистический сектор, был национализирован целый ряд предприятий в табачной, ткацкой и других отраслях, а также почти вся добывающая промышленность. В этих областях после войны под контролем югославского государства оказалось почти 75% всей промышленности²¹.

С некоторыми иностранными фирмами, занимающимися, например, эксплуатацией лесных богатств в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Славонии, югославское правительство восстановило долгосрочные договоры²². В Словении возникли смешанные компании под маской «национальных обществ и фирм», центры которых по-прежнему находились в Вене.

В Рапалльском мирном договоре с Италией (12 ноября 1920 г.) Королевство сербов, хорватов и словенцев признало законность всех экономических концессий итальянских подданных, частных лиц или обществ в Далмации²³.

Часть бывших австро-венгерских предприятий после объединения оказалась в руках югославской буржуазии в результате откупа акций.

По сравнению с довоенной Сербией количество промышленных объектов в Королевстве возросло более чем в 4 раза²⁴.

Территориально расширился внутренний рынок, однако наличие полунатуральных крестьянских хозяйств и низкая покупательная способность разорившегося в годы войны населения сокращали его емкость. Формированию единого внутреннего рынка препятствовало неудовлетворительное состояние железнодорожного транспорта.

Общая протяженность железнодорожных линий в Королевстве в 1918 г. составляла 7807 км²⁵. Наиболее густой сетью были покрыты северные и северо-западные области страны. Железнодорожные линии вели к Вене, Пешту и портам на Адриатическом побережье. После установления новых государственных границ и оккупации Триеста и Риеки Италией целые участки железнодорожной сети оказались отрезанными. Районы Междумурья и Прекомурья, не связанные с крупнейшими югославскими центрами Загребом и Любляной, лишились и выхода на север.

Железнодорожное сообщение в южных областях было развито слабо. По территории Сербии проходили только главные неразветвленные линии на север к Суботнице и на юг через Ниш к г. Скопье. Белград и Сараево связывала узкоколейная дорога, а Черногория была вовсе изолирована от других частей страны. Кроме того, в Сербии и Македонии во время отступления неприятельские войска разрушили станционные постройки, мосты, тоннели.

²¹ J. C a z i. *Revolucionarni sindikati Jugoslavije 1919—1920*. Beograd, 1959, стр. 12.

²² M. C a v i h. *Наша индустрија и занати*. Сарајево, 1923, III део, стр. 53.

²³ «Рапалски уговор између Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца и Краљевине Италије». Београд, 1921.

²⁴ В 1910 г. в Сербии было 428 предприятий (Н. Вучо. *Привредна историја Србије до првог светског рата*. Београд, 1955, стр. 250). В 1918 г. в Югославии насчитывалось 1855 промышленных предприятий, из них в Словении — 443, Воеводине — 514, в Хорватии и Славонии — 429 (см. S. K u k o l e č a. *Указ. соч.*, стр. 74).

²⁵ S. L o v r e n o v i ć. *Ekonomska politika Jugoslavije*. Sarajevo, 1956, стр. 78.

Восстановление транспорта шло крайне медленно. В марте 1919 г. больше половины всех локомотивов было неисправно²⁶. Связь Белграда с югом страны стала регулярной только с июня 1919 г., а с севером — осенью того же года. «Целый год на железных дорогах в районе Тимока, как, впрочем, и на других, царил невероятный хаос. За целый год государство не только не смогло наладить сообщение, хотя вблизи Заечара находится пять угольных рудников, оно даже не в состоянии было поправить окна в двух единственных пассажирских вагонах, в результате эти вагоны вышли из строя»²⁷, — писала газета «Политика» в январе 1920 г.

Нехватка локомотивов и вагонов, слабая пропускная способность железных дорог вызывали затоваривание на узловых станциях. В Загребе, Белграде, Броде месяцами без движения лежали товары, а промышленные предприятия не получали вовремя сырья, топлива и не могли сдать готовую продукцию. Часто легче было привезти необходимое сырье из-за границы, чем из внутренних областей страны. В первую очередь от этого страдали пищевая, табачная, лесная промышленность, а также отрасли, связанные с доставкой топлива. Газета «Обзор», выходящая в Загребе, сообщала в феврале 1919 г., что в Македонии находится 10 тыс. вагонов табачного листа, но из-за разрушенных коммуникаций они не могут быть доставлены на фабрики для переработки²⁸. В связи с трудностями транспортировки угля некоторые шахты в Боснии и Герцеговине сократили его производство, хотя в стране очень остро стояла топливная проблема.

В 1921 г. протяженность всех железнодорожных линий в Югославии достигла 9120 км²⁹. Но оставалась нерешенной главная задача: связать страну единой железнодорожной сетью.

Неразвитость внутреннего рынка вынуждала югославских торговцев и промышленников искать сбыта своих товаров за границей.

Внешняя торговля в это время представляла благоприятные возможности для быстрого обогащения в связи с высокими ценами на сельскохозяйственные товары на мировом рынке. Югославия принадлежала к небольшому числу тех европейских стран, которые в первые послевоенные годы могли экспортировать продовольствие³⁰. Из-за инфляции цены на вывозившиеся из Югославии сельскохозяйственные продукты были ниже среднемировых. Наибольшие прибыли от этой торговли получили зажиточные крестьяне и буржуазия плодородных районов Воеводины, северной Сербии, Хорватии и Славонии.

Югославское правительство всячески поощряло торговлю продукцией сельского хозяйства. В сентябре 1920 г. был принят указ, освобождавший экспортеров от уплаты вывозной пошлины натурой Министерству продовольствия для распределения продуктов среди нуждающегося населения. Одновременно правительство разрешило вывезти за границу 15 тыс. вагонов пшеницы³¹. Подобная политика неизбежно приводила к росту цен на сельскохозяйственные продукты на внутреннем рынке и ухудшала и без того тяжелое положение основной массы населения страны.

Временная благоприятная конъюнктура для сбыта продукции сельского хозяйства вызвала прилив в страну иностранной валюты, способствовала накоплению капиталов и созданию финансовых средств для развития промышленности.

²⁶ «Јубиларни зборник живота и рада срба, хрвата и словенаца 1918—1928». Београд, 1929, II део, стр. 585.

²⁷ «Политика», 30.I 1920 г.

²⁸ «Обзор», 15.II 1919 г.

²⁹ «Наша пародна привреда и национални приход». Сарајево, 1927, стр. 199.

³⁰ В 1921 г. сельскохозяйственные продукты по стоимости составляли 80,5% всего экспорта (R. Aranitić. Les ressources et l'activité économique de la Yougoslavie. Paris, 1930, стр. 193).

³¹ «Novi svijet», 28.IX 1920.

Наряду с экспортом сельскохозяйственных продуктов отдельные слои югославской буржуазии извлекали большие доходы из спекуляции валютой внутри страны. В конце 1918 г. на территории Королевства в обращении находились сербские динары, австрийские кроны, болгарские левы и черногорские перперы. Особенно наводнили внутренний рынок обесценившиеся австрийские кроны³². Чтобы воспрепятствовать их дальнейшему поступлению в страну и уменьшить инфляцию, в Югославии в течение 1919 г. была проведена регистрация имеющегося в обращении количества крон. Для этого на денежные знаки ставилась печать государственного учреждения, банка или общины, и крона из австрийской денежной единицы становилась югославской³³. Это привело к массовым подделкам и спекуляции валютой. Попытка пресечь злоупотребления путем наклеивания на кроны специальных гербовых марок не дала эффекта. На средства, полученные от спекулятивных махинаций, создавались акционерные общества, умножались вклады в банках, строились промышленные предприятия. «Бесспорный факт,— отмечалось в официальном издании, посвященном 10-летию образования Королевства,— что наше государство... в 1919 и 1920 гг. жило от инфляции»³⁴.

Единственным путем финансового оздоровления могла быть денежная реформа в масштабах всей страны. Но поскольку ее проведение затрагивало интересы всех слоев населения, особенно национальных окраин, то вопрос о соотношении динара и кроны приобрел ярко выраженную политическую окраску. Сербская буржуазия, стремясь сломить мощь своих конкурентов, всячески приуменьшала действительную стоимость кроны. В то же время буржуазия несербских (так называемых прецанских) районов требовала унификации валюты по курсу динара и кроны 1:1. Победа оказалась за сербской буржуазией. В январе 1920 г. было принято решение, согласно которому владельцы крон за каждые 4 кроны получали один новый динар, а один старый динар обменивался на один новый³⁵. Бывший Привилегированный сербский банк стал Эмиссионным банком Королевства.

Денежная реформа нанесла тяжелый удар по экономике и материальному положению населения северных и северо-западных областей, прежде всего по крестьянству, в руках которого находилось большое количество крон, полученных в годы войны от австро-венгерской армии за реквизированное продовольствие. Но эта реформа не достигла своей цели. Инфляция продолжалась, стоимость динара на мировом рынке падала с катастрофической быстротой³⁶.

В связи с неустойчивостью национальной валюты финансисты стремились обеспечить свои капиталы, вкладывая их в промышленные предприятия, приобретая недвижимое имущество, акции, землю.

Инфляция и связанное с ней падение курса динара содействовали прежде всего развитию отраслей промышленности, производивших продукцию на экспорт и не связанных с поставками сырья из-за границы (лесная, деревообрабатывающая, пищевая, текстильная, химическая и др.). Именно в этих отраслях строится большинство новых предприя-

³² Стоимость кроны на территории Королевства была выше, чем в самой Австрии. В 1918 г. в Вене 1 франк приравнялся к 5 кронам, а в Белграде — к 2 кронам (D. Janković. Указ. соч., стр. 34).

³³ При этом в пользу государства удерживалось 20% их стоимости, что было равнозначно принудительному займу.

³⁴ «Юбилейный сборник života и рада срба, хрвата и словенаца 1918—1928», II део, стр. 525.

³⁵ Одновременно были изъяты из обращения болгарские левы, а перперы — весной 1921 г.

³⁶ Курс динара на нью-йоркской бирже на протяжении 1919—1922 гг. продолжал падать: 1919 г. — 12,25, 1920 г. — 5,935, 1921 г. — 2,556, 1922 г. — 1,219. Данные взяты на июль месяц каждого года (A. Bilimović. Jugoslawien. Breslau, 1927, стр. 157).

тий. О строительстве предприятий по важнейшим отраслям промышленности в 1919—1921 гг. дают представление следующие данные: (1918=100%)³⁷.

Отрасль промышленности	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Пищевая	104,3	108,7	114,8
Табачная	100	100	100
Угольная	103,6	107,1	107,1
Химическая	108,5	125,3	140,8
Лесная	109,8	118,5	130,2
Бумажная	100	125	150
Текстильная	110,6	123	132,7
Производство металла	100	100	105
Обработка металла	111,6	120,3	136,2
Производство машин и моторов . .	125	150	175

Как видно из этих цифр, за три года количество фабрик в химической промышленности увеличилось на 40%, лесной — на 30, бумажной — на 50%. Весьма значительным был абсолютный рост предприятий в текстильной и пищевой промышленности, если учитывать, что в 1918 г. эти отрасли являлись наиболее развитыми. Кажущееся бурное развитие машиностроения и металлургии объясняется тем, что в период создания единого государства эти отрасли были представлены всего несколькими предприятиями и строительство каждого нового завода влияло на общий индекс. В табачной, угольной и некоторых других отраслях наблюдался застой.

Большинство строившихся предприятий относилось к категории мелких и средних. Согласно данным отчета Инспекции труда за 1920—1925 гг., в Королевстве 80,5% всех предприятий имели до 10 рабочих, т. е. носили кустарно-ремесленный характер. Предприятий с количеством рабочих более 1000 насчитывалось всего 22³⁸.

Процесс концентрации рабочей силы и капиталов в югославской промышленности того времени был слабо выражен. Количество строившихся фабрик росло быстрее, чем инвестиции, поэтому происходило распыление капиталов³⁹.

Год	Количество рабочих мест на одну фабрику	Размер капиталовложений на одну фабрику (в динарах)
1918	94,33	4,555
1923	96,31	4,233

Увеличение удельного веса мелких предприятий явилось следствием общей слабости местных капиталов, которые по своим размерам уступали финансовому капиталу, притекавшему ранее из Австро-Венгрии.

Многие предприятия создавались без достаточной материально-технической базы и являлись нерентабельными. Это не замедлило сказаться,

³⁷ S. Kukuljević. Указ. соч., стр. 77.

³⁸ «Izveštaj Inspekcije rada Kraljevine SHS o njenom poslovanju za 1920—1925 god». Beograd, 1926, а также см.: «Наша народна привреда и национални приход», стр. 182. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» применительно к России считал промышленными предприятиями заведения с 16 и более рабочими (В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 409). В югославской статистике того времени нет точного понятия «фабрика» и «завод» и поэтому в зависимости от области страны этот термин применяют различным образом. На территории Сербии, например, промышленным считалось предприятие, в котором было занято свыше 15 рабочих и учеников и использовались двигатели. В Хорватии к числу промышленных относились предприятия, насчитывающие свыше 20 человек. (Ц. Грегорић. Наша индустрија. «Юбиларни зборник живота и рада срба, хрвата и словенаца 1918—1928», I део, стр. 162).

³⁹ S. Kukuljević. Указ. соч., стр. 235.

когда прекратилась инфляционная конъюнктура и начался ввоз более дешевых и качественных иностранных товаров⁴⁰.

Слаборазвитое машиностроение, станкостроение, металлургия, электротехника не могли создать основу для переоборудования других отраслей промышленности. Хотя в течение 1919—1922 гг. были построены электростанции в Чачаке, Милановаце (Сербия)⁴¹, в Скраде (Хорватия)⁴², в Шкофьей Локе (Словения)⁴³ и других местах, по количеству электроэнергии, приходившемуся на душу населения, Югославия значительно отставала от других стран⁴⁴.

Очень остро стояла проблема топлива. Добыча нефти была ничтожной и не имела промышленного значения. По окончании войны в Югославии существовал всего один нефтеочистительный завод в Славонском Броде, связанный с американской нефтяной монополией «Стандард ойл компани». В 1921 г. на югославский рынок проникает и создает свой филиал в Капраге англо-голландское общество «Шелл».

Переживала кризис и угольная промышленность. В 1920 г. в Словении производство угля сократилось по сравнению с довоенным более чем на 370 тыс. т. Уменьшилась добыча на крупнейших угольных копях Боснии и Герцеговины и в Далмации⁴⁵. Возросшее производство угля в Хорватии и Славонии покрывало, однако, только половину потребностей этой области в угле⁴⁶. Довоенный уровень в угольной промышленности был достигнут лишь к 1922 г.⁴⁷

Югославия богата природными ресурсами, в первую очередь полезными ископаемыми и лесом. В послевоенные годы велась разработка железной, цинковой, медной, хромовой, оловянной и других руд. В 1920 г. было добыто 18,9 тыс. т железной руды⁴⁸, 49 тыс. т медной, 32 тыс. т свинцово-цинковой, 19 тыс. т бокситов и т. д.⁴⁹ Почти вся продукция горнодобывающей промышленности, особенно цветных металлов, шла на экспорт в необработанном виде. Вывоз сырья за границу задерживал развитие отечественной обрабатывающей промышленности. В 1919 г. в Югославии было выплавлено 1202 т железной руды, в 1920 г. — 5944 т, в 1921 г. — 11 881 т⁵⁰. В стране в 1920 г. перерабатывалась всего $\frac{1}{20}$ часть добытой медной руды и около $\frac{1}{5}$ свинцово-цинковой.

В послевоенной Югославии не велось плановой хозяйственной политики. Промышленность развивалась стихийно. Прибыль являлась основным двигателем промышленного производства. Чтобы обеспечить постоянные доходы национальной буржуазии, правящие круги ограждали отечественную промышленность от иностранной конкуренции высокими таможенными тарифами. В марте 1919 г. протекционистский тариф Сербского Королевства был распространен на всю территорию страны. Особое место в этой политике правительства занимает указ Совета министров от 22 сентября 1920 г., который предусматривал беспоплатный ввоз машин,

⁴⁰ Уже в первой половине 1921 г., не выдержав конкуренции, закрылся ряд предприятий в металлообрабатывающей, химической, кожевенной и деревообрабатывающей промышленности (J. Cazi. Nezavisni sindikati (1921—1929). Zagreb, 1964, knj. druga, стр. 24).

⁴¹ М. Савић. Наша индустрија и занати, III део, стр. 208.

⁴² Там же, стр. 217.

⁴³ Там же, стр. 219.

⁴⁴ В 1922 г. на каждого жителя приходилось электроэнергии в США $\frac{1}{5}$ квт-час, в Германии — $\frac{1}{6}$, Англии — $\frac{1}{8}$, Италии — $\frac{1}{13}$, Королевстве сербов, хорватов и словенцев — $\frac{1}{40}$ квт-час («Экономист», Београд, 1924, № 3, стр. 218).

⁴⁵ R. Agranitović. Указ. соч., стр. 83.

⁴⁶ М. Савић. Указ. соч., стр. 82.

⁴⁷ Индекс развития угольной промышленности в Королевстве в 1919—1922 гг.: 1913 г. — 100%, 1919 г. — 72, 1920 г. — 93, 1921 г. — 99, 1922 г. — 120% (R. Agranitović. Указ. соч., стр. 85).

⁴⁸ В 1921 г. добыча железной руды сократилась до 15,7 тыс. т.

⁴⁹ R. Agranitović. Указ. соч., стр. 82.

⁵⁰ Там же.

инструментов, сырья и вспомогательных средств из-за границы, если они не производились или производились в недостаточном количестве в стране⁵¹.

Политически господствующая великосербская буржуазия стремилась захватить ведущие позиции в экономике страны, покровительствуя и стимулируя в первую очередь развитие промышленности и финансового капитала в Сербии. В Сербию направлялось 38,7% кредитов Национального банка, в то время как в Словению — 14%, Воеводину — 6,5, а Далмацию и Черногорию — 2,4%⁵². Прямых государственных налогов в 1921 г. на Сербию вместе с Черногорией приходилось 121 тыс. динаров, а на меньшую по численности населения Воеводину — около 133 тыс. динаров⁵³.

Собственно сербский частный финансовый капитал был слабым, децентрализованным и не мог должным образом кредитовать промышленность. Кредиты, предоставляемые Национальным банком Королевства, — финансовой опоры сербских промышленников, — не превышали 15% от суммы всех его капиталов⁵⁴. Капиталы ряда финансовых учреждений Сербии сократились по сравнению с довоенными. Один из крупнейших сербских банков «Београдска Задруга» в 1920 г. имел сумму вкладов почти в два раза меньшую, чем в 1910 г.⁵⁵

После войны в Сербии были открыты новые угольные рудники, построены мукомольни, расширено текстильное производство. С развитием промышленности росла столица страны Белград. В Белграде сосредоточивались наиболее крупные металлургические предприятия Сербии: завод машин и металлоконструкций со 130 рабочими, литейный завод и механическая мастерская «Юг», литейные заводы «Балкан», «Меркур» и др.⁵⁶

В ряде районов Сербии и Македонии продолжали существовать ремесла и мелкая кустарная домашняя промышленность. Наряду с основными сельскохозяйственными занятиями в ряде мест вырабатывали сукна, полотна, трикотаж (окрестности Пирота, Куманова, Ужицы, Призрена, Скопле), канаты (районы Лесковаца, Враня), изготавливали посуду, украшения и другую продукцию, рассчитанную в основном на местное потребление⁵⁷. Однако по мере установления более тесных экономических связей со вновь присоединившимися более развитыми областями и конкуренции промышленных товаров усиливался кризис ремесла.

Финансовый капитал начинает проникать и в отсталые окраины страны. В 1920 г. в Скопле (Македония) создается торгово-промышленный банк «Вардар» с основным капиталом в 3 млн. динаров, в 1921 г. — Экспортный и обменный банк и Скопильский экспортный банк, располагающие капиталами по 2,5 млн. динаров каждый⁵⁸. В 1920 г. в Скопле основал свой филиал Национальный банк Королевства сербов, хорватов и словенцев. Однако процесс переливания торгового капитала в промышленность Македонии шел медленно. За весь 1921 г. в Македонии вступили в строй всего три предприятия⁵⁹.

В зачаточном состоянии находилась промышленность Черногории. К 1928 г. здесь действовало 15 предприятий с общим числом рабочих 190 человек⁶⁰.

⁵¹ Ц. Григорић. Наша индустрија. «Јубиларни зборник...», I део, стр. 157.

⁵² Joso Lakatoš. Jugoslovenska privreda. Zagreb, 1933, стр. 207.

⁵³ Там же, стр. 338.

⁵⁴ Там же, стр. 207.

⁵⁵ R. Aranitović. Указ. соч., стр. 347.

⁵⁶ М. Савић. Наша индустрија и занаци, стр. 185, 186.

⁵⁷ М. Лапчевић. Кућна индустрија. «Јубиларни зборник...», I део, стр. 140, 141.

⁵⁸ «Индустријата во НР Македонија». Скопје, 1961, стр. 31.

⁵⁹ Там же, стр. 51.

⁶⁰ S. Medenić. Privredni razvitak Crne Gore 1918—1941, стр. 115.

Промышленное развитие отдельных областей страны проходило неравномерно. В то время как сербская буржуазия довольствовалась в основном прибылями от торгово-спекулятивных махинаций, капиталисты Славонии, Хорватии, а отчасти и Воеводины вкладывали свои капиталы в промышленные объекты. Особенно широкое промышленное строительство велось в этот период в Хорватии и Славонии. Хорватская промышленность находилась в благоприятном финансовом положении, легче могла получить необходимые кредиты, так как местные банки, тесно связанные с финансовыми учреждениями Австрии и Венгрии, являлись крупнейшими в стране⁶¹. Промышленное развитие Хорватии и Славонии шло преимущественно по линии создания новых промышленных объектов. Капитал промышленных и торговых предприятий рос очень быстро, за один 1920 г. он увеличился на 140%⁶². В 1921—1922 гг. открылось 27 банков⁶³. Треть всех инвестиций хорватских банков направлялась в лесную и деревообрабатывающую промышленность, затем в металлургическую, мукомольную, кожевенную, строительных материалов. В Далмации развивались цементная и рыбная промышленность.

Промышленное оживление в Словении началось со второй половины 1919 г. Прежде всего оно охватило строительную и текстильную отрасли. Но в то же время из-за нехватки кокса и руды в состоянии застоя находилась металлургия. Добыча угля в Словении с 1919 по 1921 г. возросла на 114 тыс. т, не достигнув, однако, производства 1913 г.⁶⁴ В связи с сокращением поголовья и экспортом скота остро встал сырьевой проб-лема перед кожевенной и обувной промышленностью. В финансовой жизни Словении наибольшее влияние имел Люблянский кредитный банк.

Промышленность Воеводины после войны развивалась главным образом путем расширения производства и увеличения мощности уже действующих предприятий. Центральное место здесь занимала, как и прежде, пищевая промышленность: мукомольная, пивоваренная, консервная, сахарная и т. д.⁶⁵

Ведущими отраслями промышленности в Боснии и Герцеговине являлись лесная и горнодобывающая. В 1920 г. копи Боснии и Герцеговины (Бреза, Какань, Зеница, Крека и др.) давали 29% всей общегославской добычи угля⁶⁶, занимая по производству угля второе место после Словении⁶⁷. Продукция лесной промышленности, находившейся в руках иностранных компаний, шла преимущественно на экспорт. Это вызывало застой в местной деревообрабатывающей и химической промышленности. «У нас отсталая промышленность, а наше сырье вывозится за границу с тем, чтобы ввозить затем дорогостоящие некачественные готовые изделия»⁶⁸, — говорилось в газете «Югославия», политическом и хозяйствен-

⁶¹ Крупнейшими финансовыми учреждениями Хорватии и Славонии являлись Первая хорватская сберегательная касса с акционерным капиталом 15 млн. динаров и Хорватский учетный банк с капиталом 21 млн. динаров («Narodna Enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka», 1 knj., стр. 131).

⁶² J. Cazi. Nezavisni sindikati (1921—1929), стр. 17.

⁶³ Там же, стр. 35.

⁶⁴ J. Cazi. Revolucionarni sindikati Jugoslavije 1919—1920, стр. 9. Подробнее о развитии промышленности в Словении см.: J. Lakatoš. Industrija Slovenije. Zagreb, 1922.

⁶⁵ Ряд промышленных предприятий Воеводины находился в финансовой зависимости от хорватских банков. Так, предприятие «Феррум» в Суботице по производству и ремонту вагонов финансировалось Первой хорватской сберегательной кассой (С. Мезен. Стање и почетни развитак индустрије Војводине после првог светског рата», стр. 66).

⁶⁶ R. Aranitović. Les ressources et l'activité économique de la Yougoslavie, стр. 83.

⁶⁷ Доля Словении составляла 42% (R. Aranitović. Указ. соч., стр. 83).

⁶⁸ «Југославија», 7.XII 1918 г.

ном органе хорватов, проживающих в Боснии и Герцеговине. В начале 20-х годов резко сократилось производство железной руды в Вареше⁶⁹.

Одной из причин, тормозивших развитие югославской промышленности в рассматриваемый период, являлся недостаток средств. Единая фипапсово-банковская система в стране только формировалась. Национальный банк Королевства в 1920 г. открыл свои филиалы во всех важнейших городах Югославии, а областные фипапсовые учреждения основали свои отделения в Белграде. В конце 1921 г. в Белграде функционировало 48 банков⁷⁰, а всего в государстве их насчитывалось 583⁷¹. Стремительно росли вклады в частных банках⁷².

В 1921 г. наблюдался наибольший прирост промышленных инвестиций за весь межвоенный период истории Югославии (7,9%)⁷³. Однако промышленность продолжала развиваться односторонне. Многие необходимые стране товары — электротехническое оборудование, измерительные приборы, станки и прессы, сельскохозяйственные машины, локомотивы и пр. — не выпускались. Эти и многие другие изделия приходилось ввозить из-за границы.

В начале 20-х годов Королевство торговало преимущественно с близлежащими странами: Италией, Австрией, Венгрией, Чехословакией, Швейцарией. На долю Австрии в 1921 г. приходилось 35,9% югославского экспорта и 26,9% импорта⁷⁴.

В связи с неурегулированным внешнеполитическим положением Королевства общий объем внешней торговли по сравнению с довоенным уменьшился. В 1919 г. Югославия ввозила в 2 раза меньше, а вывозила на 1/2 меньше товаров, чем Сербия в 1913 г.⁷⁵

Политика в области внешней торговли отличалась непостоянством и непродуманностью. 25 марта 1919 г. югославское правительство прекратило всякий торговый обмен с неприятельскими странами и Италией, а спустя несколько дней вновь была разрешена беспрепятственная торговля на основе ранее заключенных договоров. 1 мая 1919 г. был запрещен ввоз итальянской продукции⁷⁶.

Внешняя торговля для Югославии была дефицитной вплоть до 1924 г., поскольку вывозилось дешевое сырье и полуфабрикаты, а ввозились дорогостоящие машины и промышленное оборудование⁷⁷.

Тяжелым было финансовое положение Королевства. К довоенной задолженности Сербии и Черногории прибавились еще военные долги. После создания единого государства югославское правительство обязалось погасить неоплаченные долги бывших территорий Австрии, Турции и

⁶⁹ Производство железной руды в Вареше в 1920 г. составляло около 1/5, а в 1921 г. — 1/2 от уровня 1918 г. (Joso Lakotošić i Aco Despić. *Industrija Bosne i Hercegovine*. Zagreb, 1924, стр. 99, 100).

⁷⁰ «Narodna Enciklopedija», knj. 1, стр. 133.

⁷¹ R. Aranitović. Указ. соч., стр. 321. В это число не входят иностранные фипапсовые учреждения и их филиалы.

⁷² В 1920—1921 гг. вклады в частных банках возросли с 1,03 млрд. динаров до 2,76 млрд. («Економист», 1924, № 3, стр. 264).

⁷³ S. Dimitrijević. *Privredni razvitak Jugoslavije od 1918 do 1941 godine*, стр. 20.

⁷⁴ «Краљевина срба, хрвата и словенаца. Алманах». Загреб, 1927—1928, свезак III, стр. 339.

⁷⁵ «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17, стр. 4354.

⁷⁶ «Нова Европа». Загреб, 1921. књ. II, № 2, стр. 55.

⁷⁷ В 1919 г. стоимость югославского экспорта составляла 23% от стоимости импорта, в 1920 г. — 38%, в 1921 г. — 59,6, в 1922 г. — 57,3, в 1923 г. — 96,9, в 1924 г. — 116%. («Краљевина срба, хрвата и словенаца. Алманах», св. III, стр. 338). Примером дефицитной торговли могут служить торговые отношения с Англией. В 1920 г. Королевство ввозило из Англии товаров на сумму 244,3 млн. динаров, а вывозило туда на сумму 3,3 млн. динаров («Report of the economic and industrial conditions in the serb-croat-slovene Kingdom». London, april, 1924, стр. 23).

Болгарии. В начале 1920 г. государственный долг Югославии составлял около 10 млрд. динаров, или 40 млрд. крон⁷⁸. 2 октября 1920 г. министр финансов Королевства Коста Стоянович признал, что финансы страны находятся в отчаянном положении. Он заявил, что путем введения многочисленных новых тарифов ему удалось бюджетный дефицит уменьшить на 200 млн. динаров, но оставался еще дефицит в размере 1 млрд. 600 млн. динаров⁷⁹. Газета «Политика» писала в марте 1920 г. по поводу бюджетного дефицита: «Вот до какого положения мы дошли, поскольку в нашем хозяйстве с самого момента образования государства и до настоящего времени мы непрерывно расходует и ничего не наживаем. Наш бюджетный дефицит огромен. Если мы и дальше будем следовать тем же путем, катастрофа неизбежна»⁸⁰. Югославское правительство являлось должником Национального банка, к концу 1921 г. его долг превышал 4 млрд. динаров⁸¹.

Тем не менее, в государственном бюджете продолжали возрастать непроизводительные расходы, в первую очередь на содержание бюрократического аппарата, армии и полиции. Если в 1919—1920 гг. расходы на армию и флот составляли 18% всей расходной части бюджета, то в 1920—1921 гг. уже 28%⁸². Для борьбы с революционным движением в стране создавались особые отряды так называемой народной гвардии. В сентябре 1919 г. Совет министров Королевства одобрил чрезвычайный кредит в 108 тыс. динаров на содержание 400 человек народной гвардии в Черногории⁸³.

Правящие круги Югославии пытались переложить всю тяжесть долгов на плечи трудящихся. С этой целью были увеличены налоги, тарифы, пошлины, восстановлены старые и введены новые монополии. Государственные монополии (соляная, нефтяная и др.) наживали колоссальные прибыли за счет потребителей⁸⁴. Прямые налоги в Королевстве в среднем на душу населения в 1919—1920 гг. достигли 59,6 динара⁸⁵. Косвенные налоги составили в 1920 г. 70%, а в 1921 г. — 74% всей суммы государственных налоговых поступлений⁸⁶. Налогообложение по областям страны распределялось непропорционально: житель Воеводины платил налогов в 3 раза больше, а Словении в 2 раза больше, чем в Сербии⁸⁷.

После образования единого югославского государства, по мере стабилизации его внутривластного положения усиливалось проникновение иностранного капитала в экономику страны. Иностранных монополистов привлекали в Югославию ее природные богатства, дешевизна рабочей силы, протекционистская хозяйственная политика, неразвитость местного капитала. В обращении ЦК КПЮ «К пролетариату Югославии» указывалось: «Буржуазия не в состоянии дать отпор вторжению иностранных капиталов хотя бы потому, что Югославия находится в полной финансовой зависимости от империалистических стран Антанты. И как все дру-

⁷⁸ «Novi svijet», 17.VII 1920; «Iz istorije Jugoslavije 1918—1945». Beograd, 1958, стр. 166.

⁷⁹ «Novi svijet», 7.X 1920 г.

⁸⁰ «Политика» 11.III 1920.

⁸¹ J. Lakatoš. La Yougoslavie. Lyon. 1929, стр. 80; «Slovenci v desetletju 1918—1928». Ljubljana, 1928, стр. 560.

⁸² F. Filipović. Izabrani spisi. Beograd. 1962, knj. 1, стр. 72.

⁸³ Arhiv Instituta za izučavanje radničkog pokreta, 17804/15 XI 3—2 (19).

⁸⁴ В 1920—1921 гг. доход государственной соляной монополии исчислялся 74 млн. динаров, нефтяной — 40 млн. динаров («Привредни преглед», 10.X 1926).

⁸⁵ В 1914 г., они составили 47,6 динара («Аграрные проблемы». кн. 3 (7), стр. 37).

⁸⁶ F. Filipović. Izabrani spisi, стр. 70.

⁸⁷ За период с 1919 по 1927 г. на одного жителя Югославии приходилось налогов (в динарах) по областям: Воеводина — 1747, Словения — 1250, Далмация — 438, Сербия и Черногория — 509, Хорватия и Славония — 727, Босния и Герцеговина — 672 (см. R. Aranitović. Указ. соч., стр. 387).

гие страны, живущие от займов и кредитов,... Югославия находится в том трагическом положении, когда каждую попытку хозяйственного возрождения нужно оплачивать экономической независимостью»⁸⁸.

Иностранный капитал занимал ключевые позиции в горнодобывающей промышленности. Борские медные рудники и $\frac{2}{3}$ капитала крупнейшего горнопромышленного предприятия в Трбовле находились под контролем французских монополий. Владельцы Борских рудников в отдельные годы получали до 500 млн. динаров дохода, что соответствовало 300% дивидендов⁸⁹. Иностранные монополисты в Трбовле грабили югославское государство на миллионы динаров, взвинчивая цены на уголь, который правительство было вынуждено у них закупать для железных дорог⁹⁰. Технический персонал предприятий состоял в основном из иностранцев. Так, из шести технических чиновников строившейся обогатительной фабрики в Адроваце было три бельгийца и три чеха⁹¹.

Иностранные монополии хозяйничали и в лесной промышленности. За исключением небольших лесопильных заводов в Горском Котаре, Лике и государственных предприятий типа Добрин-Дрвар⁹² почти весь капитал в этой отрасли хозяйства принадлежал австрийцам и венграм. В начале 20-х годов в лесную и деревообрабатывающую промышленность Хорватии, Боснии и Герцеговины начинает проникать английский капитал. Леса хищнически пестрелились, так как акционерные общества не покупали лесные массивы, а лишь заключали концессии на их эксплуатацию.

Из 403 предприятий, построенных в Королевстве в 1919—1921 гг., 172 было югославских, 9 — иностранных и 111 — смешанных⁹³. Используя свое монопольное положение на внутреннем рынке Югославии и таможенную защиту, иностранные монополисты часто строили предприятия на отсталой технической базе и оснащали их устаревшим оборудованием. В результате наметилась тенденция к уменьшению технического состава капитала⁹⁴.

После войны в Югославию устремились чешские финансисты и промышленники. В феврале 1919 г. в Белграде шли переговоры между представителями чешской и немецкой сахарной промышленности с деловыми кругами Королевства по вопросам развития сахарной промышленности⁹⁵. В 1921 г. на югославском рынке появляется концерн «Батя» в качестве импортера обуви, а позднее он создает свою фабрику в Борове.

Засилие иностранного капитала придавало односторонний характер развитию экономики Югославии, поскольку кредиты направлялись только в определенные отрасли, в первую очередь в те, которые работали на экспорт.

Таким образом, в рассматриваемый период в хозяйственной жизни Югославии из-за антинародной политики господствующих классов не были использованы преимущества и выгоды, возникшие в результате создания объединенного государства; не удалось преодолеть хозяйственный партикуляризм отдельных областей, подогреваемый националистической политикой буржуазии.

⁸⁸ «Историјски архив КПЈ» т. II, стр. 54.

⁸⁹ «Iz istorije Jugoslavije 1918—1945», стр. 263.

⁹⁰ «Красный Интернационал Профсоюзов». М., 1921, № 8, стр. 295.

⁹¹ М. Савић. Наша индустрија и занати, III део, стр. 70. Национальный состав рабочих был следующим: 508 сербов, 20 хорватов, 4 словенца, 2 черногорца, 8 венгров, 8 русских, 5 чехов, 11 турок, 8 немцев.

⁹² Там же, стр. 44, 53.

⁹³ J. C a z i, Revolucioinarni sindikati Jugoslavije 1919—1920, стр. 6—7 (об остальных 11 предприятиях нет сведений).

⁹⁴ S. Dimitrijević. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958, стр. 244.

⁹⁵ См. «Obzor», 15.II 1919.

Р. П. Гришина

**СОЛИДАРНОСТЬ БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
С ГЕРМАНСКИМ И АВСТРИЙСКИМ ПРОЛЕТАРИАТОМ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА
(1933 — май 1934)**

Одну из главных сторон своей деятельности Болгарская коммунистическая партия всегда видела в поддержании интернациональных связей с рабочим классом других стран, в оказании ему моральной и материальной помощи. В важнейших партийных документах болгарские коммунисты считали необходимым подчеркнуть, что долгом БКП является «всеми средствами выражать свою солидарность с революционным пролетариатом других стран и с угнетенными народами, борющимися за свою независимость»¹.

Твердо стоя на позициях интернационализма, БКП высоко подняла свой голос в поддержку борьбы рабочего класса Германии и Австрии против фашистской реакции. В 1933—1934 гг. в Болгарии, как и во всем мире, развернулось движение солидарности с германскими и австрийскими трудящимися против кровавого террора Гитлера и его австрийских собратьев. Антифашистская кампания в Болгарии, возглавленная БКП, явилась одной из форм выражения традиционных, развивавшихся по многим линиям связей между немецким и болгарским рабочим движением².

Болгарский народ сам получал поддержку со стороны международно-го пролетариата и всех прогрессивных людей мира во времена массовых репрессий фашистского правительства Цанкова, а затем Ляпчева. В чис-

¹ «БКП в решения и резолюции на конференциите и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, стр. 90.

² К сожалению, исследованы эти связи пока очень плохо. В частности, совершенно не освещены в литературе вопросы о Вене и Берлине, как центрах болгарской коммунистической эмиграции после поражения Сентябрьского восстания 1923 г. Между тем в Вене нелегально печатался орган ЦК БКП — газета «Работнически вестник», в 1926 г. здесь проходил I расширенный пленум ЦК БКП. Конечно, такие крупные партийные мероприятия не могли быть организованы и проведены без помощи австрийских коммунистов. Вена же была одним из каналов, по которому осуществлялись связи болгарской эмиграции с родиной и болгарские коммунисты направлялись на нелегальную работу в Болгарию. Сюда многократно приезжал Г. Димитров для получения информации из страны, для встреч со связными и т. п. Именно из Вены был переправлен в 1931 г. в Болгарию Болеслав Берут, получивший специальное задание ИККИ (Градски Партиен архив, гр. Пловдив, С 137/53). Важным центром болгарской коммунистической эмиграции был и Берлин. Здесь до августа 1930 г. находилось Заграничное бюро ЦК БКП, в Берлине же были проведены II нелегальная конференция БКП (декабрь 1927 — январь 1928 гг.) и II расширенный пленум ЦК БКП (1929).

ле тех, кто пришел ему на помощь, были трудящиеся Германии. Немецкий пролетариат принял самое активное участие в международной кампании протеста против разгула белого террора в Болгарии, за амнистию политзаключенным.

XII съезд Компартии Германии в июне 1929 г. принял специальное обращение в связи с всеобщей стачкой болгарских табачников, в Берлине перед зданием посольства Болгарии не раз происходили демонстрации под лозунгами: «Да здравствует БКП!», «Никогда с болгарской фашистской диктатурой!»³.

Испытав на собственном опыте, что означает приход фашистов к власти, БКП еще до событий января 1933 г. в Германии начала разоблачать опасность гитлеризма. С 1932 г. рабочая печать стала систематически публиковать сообщения из Германии, сопровождая их соответствующим комментарием и призывая болгарских рабочих постоянно помнить о своем интернациональном долге. В связи с приходом к власти правительства Папена ЦК Рабочей партии (РП)⁴ в июне 1932 г. опубликовал воззвание, в котором говорилось, что борьба немецких рабочих одновременно является и «нашей борьбой» и что оказать помощь немецким братьям болгарские рабочие могут, разоблачая германскую реакцию и усиливая борьбу против болгарской буржуазии, сотрудничающей с германскими империалистами⁵. Не лишней деталью в характеристике деятельности БКП является то, что в трудных условиях 1932 г. она сумела издать сборник высказываний Эрнста Тельмана⁶.

Однако гораздо большие усилия в интернационалистской работе потребовались от болгарских коммунистов с начала 1933 г., с приходом Гитлера к власти. Фашизм стал реальной угрозой, он имел все условия разрастись и распространиться на другие страны. Немецкий рабочий класс не смог воспрепятствовать победе фашизма у себя на родине. Делом чести международного пролетариата стало поддержать борьбу своих немецких братьев, разоблачить истинное лицо фашизма, вскрыть суть столь сладких для сердца обывателя демагогических обещаний национал-социалистов и, главное, не допустить повсеместного наступления фашистской реакции. Первой задачей в этом отношении было разоблачение провокационного характера поджога рейхстага, совершенного фашистами 27 февраля 1933 г., и выведение из-под удара Коммунистической партии Германии, обвиненной в этом грязном преступлении. 5 марта 1933 г. Исполком Коминтерна обратился к рабочим всех стран с воззванием «На борьбу с фашизмом». Указывая, что нацизм является злейшим врагом пролетариата и всех трудящихся, ИККИ призывал к созданию единого фронта в международном масштабе для борьбы с фашизмом. Вслед за тем во всем мире началась массовая кампания протеста против нацистской провокации. Активно включилась в нее и болгарская компартия.

4 марта 1933 г. БКП на страницах легальной газеты «Ехо» дала совершенно правильную, классовую оценку событиям в Германии. В статье «Поджог рейхстага — провокация гитлеровцев с целью разгрома классового пролетарского движения в Германии» говорилось, что «пожар рейхстага — вовсе не сигнал к (коммунистической. — Р. Г.) революции, как пишет буржуазная печать, а сигнал к погрому немецкого пролетариата и его классовых организаций»⁷. Уже в этой первой статье БКП формули-

³ «Internationale Presse-Korrespondenz», 18.VI 1929, стр. 1274; «Rote Fahne», 1.XI 1929.

⁴ В Болгарии в 1927 г. была создана легальная Рабочая партия, которая существовала параллельно с БКП, находившейся в подполье. РП была проводником идей БКП, осуществляла на практике ее линию.

⁵ Н. Н е д е в. Отражение на Лайпцигский процесс в България. София, 1962, стр. 99, 100.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ «Ехо», 4.III 1933.

ровала свои интернационалистические позиции: «В этот момент немецкий пролетариат больше чем когда-либо нуждается в международной солидарности, в активной боевой поддержке трудящихся всего мира. Руки прочь от классовых пролетарских организаций Германии! Да здравствует борьба немецкого пролетариата!»⁸

7 марта 1933 г. в газете «Работническое дело» было опубликовано Коммюнике ЦК РП по поводу поджога здания германского парламента, датированное 1 марта. ЦК РП сообщал: «Болгарские рабочие и бедные крестьяне, не однажды испытывавшие на собственном горбу подобные провокации со стороны болгарской буржуазии, с чувством омерзения встречают сообщение о подлой провокации германского фашизма... Болгарские рабочие не раз получали мощную поддержку немецкого пролетариата в своей борьбе против фашистской реакции в Болгарии. И трудящиеся массы Болгарии, испытывая отвращение к провокации немецких фашистов, поднимают голос протеста против кровавого террора фашистской реакции по отношению к трудящимся массам Германии и их авангарду — КПГ»⁹. Одновременно ЦК РП направил в Берлин и в германское посольство в Софии протест против массовых репрессий правительства Гитлера¹⁰.

Три этих документа показывают, что БКП своевременно отозвалась на события конца февраля 1933 г. в Германии, что она правильно оценила их как тяжелый удар по немецкому рабочему движению и заняла принципиальные интернационалистские позиции поддержки трудной борьбы немецкого рабочего класса.

Между тем гитлеровские власти начали готовить новую провокацию: обвинив в поджоге здания германского парламента трех болгарских коммунистов — Г. Димитрова, Бл. Попова и В. Танева, председателя парламентской фракции КПГ Торглера и Ван дер Люббе, выдаваемого за голландского коммуниста, они намеревались сфабриковать огромный судебный процесс против всего международного коммунистического движения. Необходимо было не только опровергнуть абсурдные обвинения, но и спасти жизнь коммунистов. В специальном сообщении 3 апреля 1933 г. Коммунистическая партия Германии заявила, что обвинение болгарских коммунистов в поджоге рейхстага является столь же сознательной ложью, как и постоянно повторяемое нацистами утверждение, будто КПГ имеет что-то общее с поджигателями. Германские коммунисты обращались к антифашистам всего мира с призывом «предпринять все усилия, чтобы вырвать болгарских борцов за свободу из рук палачей»¹¹.

Так началась кампания против готовившегося в Лейпциге позорного судилища, за спасение жизни Г. Димитрова и его товарищей. Постепенно все более разрастаясь, эта кампания стала одной из главных форм антифашистской борьбы рабочего класса и всех передовых людей мира; своим острием она была направлена против германского фашизма.

В Болгарии начало ей было положено в апреле 1933 г. заявлением ЦК БКП «Спасем жизнь Тельмана, Торглера¹², Димитрова, Танева и

⁸ «Ехо», 4.III 1933.

⁹ «Работническое дело», 7.III 1933.

¹⁰ Там же.

¹¹ E. Kalbe. Freiheit für Dimitroff. Der internationale Kampf gegen die provokatorische Reichstagsbrandstiftung und den Leipziger Prozess. Berlin, 1963, стр. 140.

¹² Э. Торглер, член КПГ с 1920 г., ко времени событий, связанных с поджогом рейхстага, был председателем фракции коммунистов в парламенте. На процессе капитулировал перед фашистами. IV партийная конференция КПГ, по заслугам оценив поведение Торглера как ренегатство, исключила его в 1935 г. из партии. Позже Торглер открыто перешел на позиции антикоммунизма.

Политическая физиономия Торглера, далеко еще не ясная в дни Лейпцигского процесса, ничто не меняла в характере движения в защиту невинно арестованных коммунистов. Для участников этого движения Торглер был олицетворением Комму-

Попова!»¹³ Первые слова этого заявления говорят о том, что борьбу за жизнь болгарских коммунистов БКП связывала с борьбой за жизнь немецких коммунистов. Возмущаясь ложностью обвинений, предъявленных Г. Димитрову и его товарищам, ЦК БКП отмечал внутреннюю общность германского и болгарского фашизма, сходство применяемых фашистами методов. Заявление кончалось призывом: «На массовую борьбу за возвращение свободы тт. Тельману, Торглери и всем арестованным коммунистическим, социал-демократическим и беспартийным рабочим Германии, за возвращение свободы тт. Георгию Димитрову, Василию Таневу, Благою Попову и всем политзаключенным в Болгарии!».

БКП определила и основные формы, в которых движение протеста болгарских трудящихся против фашистских провокаций могло оказать наиболее действенную поддержку германскому пролетариату: антифашистские летучие митинги, собрания с резолюциями протеста и т. п. БКП совершенно правильно связывала антифашистскую работу с повседневной борьбой трудящихся, делала ее главным стержнем всех ближайших выступлений пролетариата. Это относилось к празднованию 1 Мая 1933 г., к кампаниям в связи с международным антивоенным днем 1 августа и др. Например, программа антивоенной работы партии самым тесным образом сочеталась с движением за освобождение Г. Димитрова и его товарищей: «Борьба за освобождение мнимых поджигателей рейхстага у нас будет усилена. Ныне она сливается с подготовкой 1 августа. Будут созваны специальные конференции по предприятиям, улицам, кварталам и деревням, на которых будут приняты резолюции протеста с направлением их в адрес Лейпцигского суда и правительства Гитлера, копии — в прессу, будут проводиться летучие митинги и кратковременные стачки. После 1 августа в Софии и окрестностях будут проводиться массовые демонстрации на улицах, которые зададут тон и станут началом таких демонстраций по всей стране. Только от борьбы нашего и международного пролетариата будет зависеть спасение жизни четырех рабочих деятелей от приговоров, которые им готовит варварский режим Гитлера»¹⁴.

Большую агитационную работу БКП провела в связи с подготовкой Международного антифашистского конгресса, состоявшегося в июне 1933 г. в Париже¹⁵.

Однако, несмотря на своевременность выступления БКП в защиту немецкого пролетариата и за спасение жизни Г. Димитрова и его товарищей, несмотря на правильность в целом антифашистской, интернационалистской позиции болгарской компартии, развернуть в Болгарии действительно массовое, широкое по размаху движение коммунистам не удалось.

Одной из причин этого было господство в то время в БКП сектантского политического курса и методов работы. Левосектанты взяли верх в руководстве БКП в 1929 г. Неправильно оценив обстановку внутри страны как предреволюционную, они провозгласили курс на борьбу за советскую власть в Болгарии, за диктатуру пролетариата. Левизна болгарских коммунистов была связана с неумением приспособиться к новым условиям, в которые вступил капиталистический мир после спада революционной волны 1918—1923 гг., к условиям временной и частичной стабилизации капитализма. Слишком преувеличивая временность и частичность этой

нистической партии Германии и, выступая в защиту Торглера, миллионные массы трудящихся разных стран защищали прежде всего КПГ, как партию, как передовую силу немецкого общества.

¹³ «Коммунистическое знамя», 1933, № 5, стр. 39—41.

¹⁴ «Ехо», 26.VII 1933.

¹⁵ См., например, «Работническо дело», 29.III 1933.

стабилизации, они в малейшем изменении положения в лагере буржуазии, особенно с началом мирового экономического кризиса, видели если еще не новую революционную ситуацию, то уж во всяком случае ее созревание. Неопытность в теоретических вопросах, неумение правильно оценить обстановку и изменения в ней — главные пороки, свойственные левосектантскому периоду в жизни БКП. Постоянное ожидание нового революционного кризиса приводило к фактическому игнорированию работы в массах. Левосектанты считали, что массы готовы к всеобщей политической стачке в любой момент, что для этого достаточно выбросить только лозунг, призыв. В своем революционном упоении они не замечали, что лозунги и призывы, выдвигаемые ими, чаще всего повисали в воздухе, что они все больше отрывались от масс.

Правда, в известной мере сектантство было свойственно большинству компартий капиталистических стран того периода, но в Болгарии оно в силу ряда причин приобрело особое значение.

Левосектантство причинило большой вред партии. Ошибочность общего политического курса накладывала отпечаток на все направления деятельности БКП, в том числе и на ее борьбу против внутреннего и международного фашизма¹⁶. Выступая за единый антифашистский фронт и призывая заострить борьбу против болгарского фашизма, БКП под последним имела в виду не только действительно фашистские партии и организации, но и Болгарский Земледельческий народный союз и «социал-фашистов»¹⁷. Тем самым заранее значительно сужался состав участников антифашистской борьбы, не говоря уже о других политических последствиях такого отношения БКП к своим потенциальным союзникам.

Определенный ущерб развитию антифашистской кампании в Болгарии нанесла также линия небольшого числа фракционно настроенных левосектантских руководителей БКП; видевших в Г. Димитрове и В. Коларове неисправных оппортунистов¹⁸. Однако не надо преувеличивать значение этой группы. Она была невелика, и не ее деятельность характеризовала работу партии. К тому же размах кампании за спасение жизни Г. Димитрова во всех странах, та любовь, которой он пользовался у пролетариата Болгарии, не позволила этой группе фракционеров серьезно помешать движению болгарских трудящихся в защиту Г. Димитрова. Гораздо более важным представляется то обстоятельство, что, несмотря на все ошибки и слабости левосектантского свойства, БКП и ее руководство в целом всегда были непримиримыми антифашистами, борцами против внутреннего и международного фашизма и что в деле разоблачения гитлеровского фашизма, спасения Г. Димитрова и других коммунистов БКП заняла правильную интернационалистскую позицию.

Однако практическая деятельность коммунистов в связи с укоренившимися сектантскими методами работы была значительно затруднена. БКП не удалось превратить антифашистское движение в Болгарии в действительно массовое. До сентября 1933 г., пока антифашистская кампания во всем мире не вступила в более высокую стадию, в Болгарии, несмотря на многочисленные призывы, не было проведено ни одной политической стачки, крупного митинга или демонстрации. Эпизодические выступления (небольшая демонстрация и летучие митинги в Варне перед зданием германского консульства в мае 1933 г.¹⁹, летучий митинг в Софии

¹⁶ Н. Недев. Указ. соч., стр. 137—140.

¹⁷ «Работническо дело», 15.IX 1933.

¹⁸ Даже во время Лейпцигского процесса они продолжали фактически вести борьбу против Г. Димитрова («История Болгарской коммунистической партии», 1960, стр. 290).

¹⁹ «Работническо дело», 26.V 1933.

26 июня²⁰, митинг в Сливене в начале августа²¹ и т. п.) не меняли общей картины.

Несравненно более широкий размах получила такая форма работы, как направление протестов против фашистского террора в Германии в адрес гитлеровского правительства и германского посольства в Софии. Они публиковались и в рабочей прессе: «Плевенская пролетарская трудовая молодежь с возмущением относится к кровавому походу германского фашизма против боевого пролетарского движения в Германии. Немецкие тюрьмы переполнены лучшими представителями рабочих. Ежедневно падают убитыми десятки пролетариев за свои политические убеждения. Многие вынуждены бежать за границу. Гитлеровские банды свирепствуют по всей стране. Но напрасно! Болгарские рабочие по собственному опыту хорошо знают, что белым террором нельзя остановить победоносное движение пролетариата. Долой кровавый немецкий фашизм! Да здравствует международная рабочая солидарность!»²².

Из Бургаса сообщали: «Конференция актива РП с живым интересом следит за гигантскими классовыми боями в Германии и заявляет, что германский пролетариат не одинок. В борьбе против фашистской диктатуры за рабоче-крестьянскую власть, международный пролетариат, в том числе и болгарский, является его поддержкой! Долой фашистский террор! Немедленное освобождение Г. Димитрова, Бл. Попова, В. Танева и др.»²³.

Свое возмущение фашистским произволом выражали и крестьяне. Из дер. Короново Ново-Загорского округа пришло письмо за подписью «бедные крестьяне»: «Мы будем бороться против фашизма рука об руку с нашими классовыми братьями во всех странах. Долой убийства в Германии! Да здравствует героическая борьба немецкого пролетариата!»²⁴.

Протесты шли сплошным потоком со всех концов страны, газеты не успевали их печатать. Эта форма движения — свидетельство широкой информированности трудящихся Болгарии о международной антифашистской борьбе и их желания и готовности участвовать в этой борьбе. В этом отношении немалую роль сыграла агитационно-пропагандистская работа, проведенная БКП: вся легальная и нелегальная рабочая печать предоставила свои страницы для разоблачительной антигитлеровской кампании («Работнически вестник», «Работническо дело», «Ехо», «Поглед», «Единство», «Младежка искра» и др.). По инициативе коммунистов вскоре после поджога рейхстага была создана новая специальная газета «Вик», ставшая легальным рупором антифашистской борьбы, а затем «Свят». В ходе кампании возникли и другие печатные органы, как, например, газета «Антифашист», но существование их было недолговременным. В октябре 1933 г. было начато издание «Коричневой книги» 20 отдельными брошюрами. Вышла она тиражом 5 тыс. экземпляров — большим для тогдашней Болгарии, и моментально разошлась²⁵. Отдельной брошюрой был издан также текст заключительной речи Г. Димитрова на процессе²⁶.

В Болгарии, как и в других странах, летом 1933 г. был создан «Комитет спасения Димитрова, Тельмана, Торглера, Попова, Танева и защиты всех жертв гитлеровского фашистского режима» (Антифашистский комитет). В его состав вошли представители Рабочей партии, Рабочего моло-

²⁰ «Ехо» 5.VII 1933.

²¹ См. «Отзвукът на Лайпцигския процес в българския печат. 1933—1934». София, 1964, стр. 46, 47.

²² «Работническо дело», 3.IV 1933.

²³ Там же, 3.VII 1933.

²⁴ Там же, 12.VI 1933.

²⁵ Н. Недев. Указ. соч., стр. 156.

²⁶ См. «Отзвукът...», стр. 443.

дежного союза, профсоюзов, ряда демократических организаций²⁷. Однако Комитет был довольно аморфным, он так и не оформился до конца в организационном отношении (не все организации, подписавшиеся под учредительным воззванием, послали в Комитет своих представителей)²⁸. Деятельность Антифашистского комитета, особенно в первые месяцы его существования, ограничивалась изданием различных обращений и призывов, но не поднималась до конкретной подготовки массовых выступлений трудящихся.

Еще одной причиной того, что движение за освобождение Г. Димитрова и его товарищей не приняло в Болгарии действительно широкого размаха, были полицейские репрессии. Власти конфисковали призывы и воззвания, отдельные номера газет, запрещали целые издания. За выпуск новой газеты «Антифашистский фронт», немедленно запрещенной, ее издатели оказались на скамье подсудимых²⁹. За публикацию в газете «Ехо» двух неугодных правительству статей о Лейпцигском процессе суд осудил редактора этой газеты на 3 года тюрьмы с уплатой 150 тыс. левов штрафа³⁰. Полицейский террор особенно усилился с осени 1933 г., когда в Болгарии, как и в других странах, движение солидарности с немецкими рабочими и за спасение жизни Г. Димитрова и его товарищей значительно активизировалось. Не случайно в секретном письме Дирекции полиции и Отделения государственной безопасности Министерства внутренних дел отмечалась «успешная деятельность властей как в столице, так и в провинции против организаций и акций коммунистического движения»³¹.

И действительно, какие бы меры ни предпринимал Антифашистский комитет, все они непременно наталкивались на полицейские преграды. Так, было запрещено большое публичное собрание в Софии, назначенное на 20 сентября, на котором должны были выступать мать Г. Димитрова и родные В. Танева и Бл. Попова³².

Такая же участь постигла собрания, назначенные на 4 и 30 октября³³, и др. Правда, даже на запрещенные собрания собирались рабочие и передавая молодежь и устраивали летучие митинги, но они немедленно разгонялись конной полицией. Настроение рабочей Софии хорошо характеризует то, что все выступления такого рода кончались кровавыми стычками с полицейскими, пускавшими в ход и оружие; не раз в здание германского посольства летели камни, собравшиеся скандировали: «Руки прочь от Торглера — Димитрова»³⁴.

В декабре 1933 г. международное движение солидарности достигло своей высшей точки. В связи с назначенной на начало декабря Международным комитетом защиты Г. Димитрова и его товарищей кампанией за прекращение процесса в Лейпциге и освобождение «подсудимых» болгарская полиция предприняла необходимые меры. Начальникам полицейских участков были направлены распоряжения, гласившие: «Комитет защиты Г. Димитрова и его товарищей организует 9.XII в связи с международной акцией публичные собрания и демонстрации. Акция запрещена. Примите необходимые меры для охраны немецких представителей и для недопущения акции»³⁵. Полиция запретила также выпуск на экраны кинохроники с Лейпцигского процесса³⁶.

²⁷ «Работническо дело», 12.VI 1933.

²⁸ Н. Недев. Указ. соч., стр. 120.

²⁹ Там же, стр. 130, 132.

³⁰ «Ехо», 7.IV 1934.

³¹ Окръжен държавен архив (Пловдив), ф. 57, а. е. 92.

³² См. «Отзвукът...», стр. 127.

³³ Там же, стр. 194, 195, 245.

³⁴ «Работническо дело», 8.IX 1933; «Ехо», 22.IX 1933.

³⁵ Окръжен държавен архив (Пловдив), ф. 57, а. е. 86; ф. 79 к, а. е. 67, л. 316.

³⁶ «Ехо», 13.XII 1933.

В конце декабря 1933 г. БКП подвела некоторые итоги деятельности Антифашистского комитета. Отметив, что кампания протеста в Болгарии началась потоком резолюций протеста против фашистского террора в Германии, что в ряде промышленных центров (София, Ямбол, Пловдив, Хасково) проводились стачки и легучие митинги, что кампания влила освежающую струю в повседневную борьбу трудящихся, БКП вместе с тем указывала на недостаточное содействие борьбе со стороны массовых организаций трудящихся³⁷.

Вообще неудовлетворенность ходом кампании на всем ее протяжении, недостаточной ее массовостью характеризовала отношение болгарских коммунистов к проводимой ими антифашистской работе. Для спасения Г. Димитрова и его товарищей «у нас до сих пор сделано очень мало или почти ничего», — писала 12 июня 1933 г. газета «Работническо дело». То же отмечалось в газете «Ехо»: «Борьба все еще не ведется с достаточно широким размахом, на нее все еще не мобилизованы широкие массы трудящихся Болгарии»³⁸; «Движение болгарского пролетариата и трудящихся очень сильно отстает от уровня международной борьбы за спасение жертв германского фашизма»³⁹. Однако болгарские коммунисты при существовавших методах работы не могли добиться коренного улучшения дела.

23 декабря 1933 г. Г. Димитрову и его товарищам был вынесен оправдательный приговор. ЦК РП послал Г. Димитрову специальное приветствие, в котором поздравил героя Лейпцига с выдающейся победой. Приветствие кончалось словами: «ЦК заявляет, что он продолжит борьбу за ваше освобождение из когтей германского фашизма и за полное торжество победы пролетариата... Долой Лейпцигский фашистский суд! Смерть немецкому, болгарскому и мировому фашизму! Да здравствует близкая победа немецкого, болгарского и мирового пролетариата!»⁴⁰.

Антифашистский комитет объявил с 28 января по 5 февраля 1934 г. неделю борьбы за освобождение уже оправданных, но остававшихся еще за тюремной решеткой коммунистов. Он призывал не останавливаться на достигнутом, продолжить борьбу до полного освобождения Димитрова и его товарищей, до срыва всех готовящихся процессов над жертвами гитлеризма⁴¹.

Освобождение Г. Димитрова, Бл. Попова и В. Танева было огромной победой всех истинно прогрессивных, демократических сил над фашизмом, В феврале 1934 г. благодаря решительным действиям Советского правительства, предоставившего болгарским коммунистам гражданство СССР, Г. Димитров и его товарищи вырвались на свободу.

С их освобождением антифашистская кампания приобрела новые черты: теперь своим острием она была направлена на спасение Э. Тельмана, на срыв судебного процесса над ним.

В этом немалую роль сыграло обращение освобожденного Г. Димитрова, заявившего в беседе с корреспондентом газеты «Руна»: «Фашизм продолжает существовать, и его жертвами являются многие тысячи немецких революционных рабочих во главе с Тельманом. Понятно, что после нашего освобождения борьба в мировом масштабе не должна затихнуть; она должна быть усилена во всех возможных формах. Мое личное убеждение, что борьба за освобождение Тельмана является вопросом револю-

³⁷ «Ехо», 23.XII 1933.

³⁸ Там же, 23.VI 1933.

³⁹ Там же, 13.IX 1933.

⁴⁰ Там же, 23.XII 1933.

⁴¹ Централен Партисен Архив при ЦК на БКП (ЦПА), ф. 6, оп. 1, а. е. 323; «Солидарност», 27.I 1934. — В кн.: «Отзвукът...», стр. 454.

ционной чести мирового пролетариата, вопросом чести каждого, кто хочет бороться против фашизма»⁴².

Кампания в защиту Э. Тельмана вскоре значительно расширилась в связи с необходимостью поддержать борьбу французского и австрийского пролетариата. В феврале 1934 г. Коммунистической партии Франции удалось остановить наступление фашизма в стране: на пути реакции стеной стал Народный фронт. Подобного не произошло в Австрии. Здесь установилась террористическая фашистская диктатура, вновь полились потоки крови.

БКП не оставалась в стороне от важнейших международных событий. Рабочая печать наполнилась тревожными телеграммами из Австрии, восторженными сообщениями из Франции. Антифашистский комитет был преобразован в Комитет защиты жертв германского и австрийского фашизма. К чести болгарских коммунистов надо отметить, что, приступая к новой антифашистской кампании, они подвергли критическому анализу свою предыдущую деятельность в этом направлении. Призывая болгарских рабочих и крестьян подняться на защиту борющихся австрийских братьев, БКП указывала, что новая кампания никоим образом не должна ограничиваться письменными протестами, что немедленно надо приступить к проведению летучих митингов на предприятиях, стачек протеста, публичных собраний⁴³.

Антифашистский комитет рекомендовал создавать комитеты защиты жертв германского и австрийского фашизма на каждом предприятии, в каждом квартале, в каждой деревне. Это необходимо особенно теперь, говорилось в воззвании Комитета, «когда гитлеровскую Германию заливают новая волна еще более страшного и жестокого коричневого террора..., когда тысячи жертв кровавого Дольфуса гниют в австрийских тюрьмах...»⁴⁴ Комитет объявлял сбор средств в пользу жертв белого террора в Австрии.

В апреле 1934 г. с развернутой программой «Наша борьба в защиту австрийского и германского пролетариата» выступил ЦК БКП⁴⁵. «В этой борьбе мы должны быть в первых рядах. Мы должны выразить нашу братскую солидарность с борющимися в тяжелых условиях героическими германскими и австрийскими пролетариями»⁴⁶. Центральный комитет БКП указывал, что главным лозунгом антифашистского движения должен стать лозунг освобождения т. Тельмана и всех пленников фашизма. В документе отмечалось, что новая кампания потребует больших усилий, но что по своему размаху она должна превзойти кампанию в защиту лейпцигских узников. В заключение ЦК БКП указывал на необходимость проведения массовой политической стачки солидарности с германскими и австрийскими рабочими.

Этот документ показывает, насколько важной считала БКП свою интернационалистскую деятельность. Не случайно антифашистские лозунги «Против фашизма и его зверств в Германии и Австрии» стояли на первом месте и в директиве ЦК БКП по празднованию 1 Мая 1934 г.⁴⁷

Однако методы работы оставались теми же, сектантскими. По-прежнему лозунги и призывы руководства партии не подкреплялись действиями масс. Объявленная массовая политическая стачка в защиту германского и австрийского пролетариата не была проведена и никакой серьезной подготовки к ней не велось. 11 мая 1934 г. газета «Работниче-

⁴² Г. Димитров. Сочинения, т. 9, стр. 377.

⁴³ «Работническо дело», 22.II 1934.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦПА, ф. 1, оп. 3, а. е. 450.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, а. е. 447.

ско дело» констатировала: «Несмотря на неоднократные указания ЦК, до сих пор кампания за спасение Тельмана не на нужной высоте».

А 19 мая 1934 г. в самой Болгарии произошел военно-фашистский переворот, в результате которого БКП и все рабочие и демократические организации были запрещены; чрезвычайно ухудшились возможности для легальной работы. БКП не смогла организовать отпора наступлению реакции в стране. Ее руководство, слабое в теоретическом отношении, не сумело извлечь уроков из уже существовавшего в известной мере международного опыта применения тактики Народного фронта в борьбе против фашизма. Левосектантские недуги, которыми страдало руководство БКП, привели партию, болгарское рабочее движение к поражению.

И все же Болгарская коммунистическая партия может гордиться тем, что и в этот период, связанный со многими левосектантскими пороками и ошибками, она занимала правильную интернационалистскую позицию поддержки борьбы немецкого и австрийского пролетариата против фашизма. И в меру существовавших тогда объективных и субъективных возможностей оказывала постоянную моральную помощь борцам-антифашистам.

Л. Я. Гибанский

ДВЕ ДИСКУССИИ СРЕДИ ЮГОСЛАВСКИХ ИСТОРИКОВ

Среди явлений и процессов, характеризующих современное развитие исторической науки в СФРЮ, привлекают внимание развернувшиеся между югославскими исследователями дискуссии по различным вопросам отечественной истории. В частности, немалый интерес представляют две из них: о характере событий в Воеводине, а также Хорватии в 1848—1849 гг. и о роли известных политических деятелей Воеводины Светозара Милетича и Михаила Полит-Десанчича в 60—70-е годы XIX в. Цель настоящего обзора — проследить наиболее важные и интересные, по мнению автора, моменты, связанные с этими дискуссиями.

* * *

Итак, первая дискуссия, ведущаяся уже на протяжении многих лет, касается оценки национальной и классовой борьбы в Воеводине и Хорватии в период европейской революции 1848—1849 гг. Эта проблема привлекла в послевоенные годы внимание многих югославских историков¹, и вокруг нее развернулись горячие споры.

В 1948—1949 гг. Васо Богданов опубликовал ряд работ, посвященных событиям 1848—1849 гг.² В основном в них рассматривались общественные движения в Хорватии, но отчасти затрагивались также события этого периода и в Воеводине. В отличие от старой югославской историографии, представлявшей события в Воеводине и Хорватии, как чисто национальное движение, по существу однородное, без какой-либо принципиальной, тем более классовой дифференциации, Богданов попытался показать социальные основы этих событий, проследить классовую борьбу, политику различных общественных сил и течений на разных этапах, сосредоточив значительное внимание на совершенно не изученном до того времени вопросе о существовании и роли левых элементов. Он вскрыл буржуазный

¹ Различным ее сторонам посвятили свои работы С. Антоляк, Р. Бичанич, В. Богданов, С. Гаврилович, Б. Зихерл, В. Кошчак, А. Лебл, Р. Перович, Н. Петрович, Д. Попович, М. Попович, Й. Радонич, М. Ройнич, Й. Савкович, М. Томандл, Ф. Чулипович, Я. Шидак, О. Шоят и многие другие.

² V. Bogdanov. Uloga podunavskih slavenskih naroda 1848—1849. u svijetlu novih istraživanja sovjetske historiografije. «Historijski zbornik» (далее — HZ), god. I, 1948; Он же. O nekim osnovnim problemima Četrdesetosme. HZ, II, 1949; Он же. Prilog upoznavanju uloge A. T. Brlića u revoluciji 1848—49. HZ, II, 1949; Он же. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/49. Zagreb, 1949; Он же. Hrvatska ljevica u godinama revolucije 1848—1849 u svijetlu naše četrdesetosmaške štampe. Zagreb, 1949.

характер национальной борьбы и социальных выступлений масс в Хорватии и Воеводине в 1848—1849 гг. Однако, несмотря на эти положительные моменты, ряд важнейших выводов Богданова оказался в итоге ошибочным и вызвал со стороны многих югославских историков справедливую критику.

Основные ошибочные положения Богданова, выдвинутые в упомянутых работах в отношении Хорватии, уже приводились в советской историографии³. Поэтому мы лишь коротко напомним некоторые из них, поскольку они касаются и событий 1848—1849 гг. в Воеводине.

Во-первых, как и в Хорватии, в Воеводине, по мнению Богданова, шла ожесточенная борьба между двумя противоположными лагерями: лагерем феодальной реакции, бюрократии, крупного офицерства и высшего клира во главе с патриархом Раячичем и революционным демократическим лагерем. В последний он включает как массовое социальное движение крестьян, граничар и городских низов, так и руководившую им, по мнению Богданова, «радикально-демократическую левицу» (к ней он относит, например, Милетича и даже Стратимировича).

Во-вторых, Богданов считает, что эта радикально-демократическая группа и в Хорватии, и в Воеводине занимала крайне левые и революционные позиции: боролась за радикальное освобождение крестьян с полным уничтожением всех проявлений и остатков феодализма, за национальную и государственную независимость и народную власть, с самого начала венгерско-австрийской войны выступала на стороне венгров и даже организовала сопротивление, вплоть до вооруженного, мерам бана Елачича и Раячича.

В-третьих, Богданов рисует этот радикально-демократический лагерь необыкновенно мощным, играющим в событиях 1848—1849 гг. руководящую роль как в Хорватии, так и в Воеводине.

Отсюда и четвертый, важнейший вывод Богданова о том, что именно программа и деятельность этой необыкновенно революционной радикально-демократической левицы определили главный характер национальных и социальных движений в Воеводине и Хорватии в 1848—1849 гг.

Объединяя совершенно различные устремления и течения, разнохарактерные национальные и социальные выступления в Воеводине, так же как и в Хорватии, в одно понятие «народного движения», Богданов пришел в упомянутых работах к утверждению, что эти «хорватское и сербское народные движения имеют характер демократической народной борьбы за социальное освобождение от феодализма и за политическую и национальную независимость»⁴.

Таким образом, Богданов по существу вместо дифференцированного анализа разных течений в национальной и социальной борьбе в Воеводине, как и в Хорватии, свел все в одно «движение» и дал ему общую оценку. При этом осталось совершенно непонятным, как же Воеводина и Хорватия, охваченные, по мнению Богданова, в 1848—1849 гг. необыкновенно сильными «демократически-прогрессивными»⁵ движениями, ока-

³ И. И. Лещиловская, В. И. Фрейдзон. Вопросы новой истории Хорватии в хорватском журнале «Исторijski зборник» за 1948—1956 гг. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 29. М., 1960, стр. 104—106.

⁴ НЗ, I, стр. 50. Богданов, правда, дает эту оценку применительно к так называемому первому этапу движений, который он для Воеводины, как и для Хорватии, датирует мартом — сентябрем 1848 г. Но так как вслед за этим он в упомянутых работах проводит мысль о том, что на втором этапе «хорватское и сербское народные движения» выступают против реакционной политики Раячича и Елачича, против войны с венграми, причем этими выступлениями руководит все та же левица, влияние которой «необычайно выросло» (НЗ, I, стр. 54, 55, 63, 64; V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., стр. 268, 289—295, 308—310), то напрашивается вывод, что оценку первого этапа следует, видимо, перенести и на второй.

⁵ НЗ, I, стр. 45.

зались все-таки, как подчеркивал Ф. Энгельс, резервом контрреволюции, а венгры — на стороне революции⁶, хотя Богданов отрицал в сущности в перечисленных работах революционный характер изменений в Венгрии. Подчеркивая, что во главе Венгрии стояло дворянское правительство, он утверждал, что все национальные права, которых добились венгры в первый период, они получили с помощью габсбургской династии, с санкции австрийского императора и что венгерское правительство выступило против хорватов и сербов лишь как бунтовщиков против императора⁷. По мнению Богданова, поворот политики руководства венгерской революции и начало войны с Австрией были вызваны только международными событиями и влиянием польских революционеров.

Между тем вскоре появилась небольшая, но очень интересная работа другого югославского историка, выдвинувшая резко отличную от богдановской концепцию событий в Воеводине в 1848—1849 гг. Речь идет о статье Радослава Перовича, опубликованной в качестве своеобразного введения к изданному в 1952 г. под его редакцией первому тому документов о движениях в Воеводине в 1848—1849 гг.⁸

Перович пришел к выводу о существовании не двух (как у Богданова), а трех основных лагерей, основных течений в 1848—1849 гг. в Воеводине. Первое — ярко выраженное социальное движение революционных сербских крестьянских масс, направленное против всех проявлений феодальной зависимости и эксплуатации и за раздел земли (особенно в дистриктах), а также и пролетарских городских элементов. При этом национальный момент не играл здесь первоначально заметной роли⁹. Второе — буржуазно-национальное движение, руководимое либеральной интеллигенцией (сюда Перович относит, в частности, Стратимировича и Милетича). И, наконец, третий лагерь — лагерь реакции, офицерства и высшего клера, руководимый Раяичичем.

Перович подчеркнул, что сербской либеральной буржуазии Воеводины из-за ее сравнительной неразвитости и благодаря шовинистической мадьяризаторской политике венгерских правящих классов, был свойствен большой национализм, в котором тонули все остальные стороны ее устремлений. Это отвлекало ее внимание от главного врага — Вены и облегчало реакцию, тоже выступавшей под националистическими антивенгерскими лозунгами, укрепиться во главе движения.

Перович заметил, что воеводинская буржуазия была, однако, очень умеренна даже в своих национальных требованиях. Речь не шла о государственной самостоятельности, вообще не ставился вопрос о разрушении Австрийской империи. Удовлетворение требований национального равно-

⁶ Ф. Энгельс. Борьба в Венгрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 6, стр. 178; Ф. Энгельс. Демократический панславизм. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 6, стр. 301.

⁷ Богданов просто не желает замечать, что, во-первых, венский двор был *вынужден* отступать под натиском развивающейся революции, а во-вторых, венгерское правительство Баттьяни в действительности выступило против сербов и хорватов в интересах венгерского обуржуазивающегося дворянства, а вовсе не в защиту императора. Ссылки на Вену были лишь камуфляжем.

⁸ Р. Перович. О сербском покрету у Воеводини 1848—49. «Грађа за историју српског покрета у Воеводини 1848—1849», сер. I, кн. I, март — јуни 1848. Београд, 1952.

⁹ Об этом свидетельствуют документы упомянутой фундаментальной публикации под редакцией Перовича. Так, например, городские низы, выступившие в начале марта 1848 г. в Земуне, ходили с венгерскими флагами и кокардами («Грађа за историју...», стр. 20). А когда во время крестьянских волнений в Кикинде в середине апреля один из ближайших сподвижников Милетича — Дж. Радак призвал народ выступить против венгров, то толпа, состоявшая из сербов, венгров и немцев и вооруженная косами и вилами, бросилась вместо этого громить дома богачей всех национальностей, в том числе венгерских и сербских (Dr. Thim József. A Magyarországi 1848—49-iki szerb fölkelés története, köt. I. Budapest, 1940, 66—68 old.: B. Стајић. Светозар Милетич. Живот и рад. Нови Сад, 1926, стр. 88—90).

правления и самоуправления мыслилось в старых рамках. И даже проекты автономной Воеводины имели в виду не разрушение габсбургской монархии, а осуществление автономии в ее составе¹⁰.

Перович особо подчеркнул страх воеводинской буржуазии и ее либерального руководства перед лицом *«пролетарских городских элементов и революционных сербских крестьянских масс»*, которые не только все громче ставили свои социальные требования, но и осуществляли их непосредственным действием на местах¹¹. Страх толкал буржуазию вправо, к реакции, под крылом которой она надеялась обеспечить свои классовые интересы. Этот чрезвычайно важный вывод Перовича, нашедший подтверждение в очень обширном фактическом материале¹², проливает, наконец, свет на то, что было основной, внутренней, социальной причиной перехода сербского национального движения в лагерь контрреволюции.

Перович справедливо отметил три основные фазы в развитии событий в Воеводине. Первая (март-апрель 1848 г.) характерна прежде всего стихийными массовыми социальными выступлениями крестьян и городских низов. Во второй фазе (после Майской скупщины) на первый план выдвигается национальный момент, и движение, руководимое буржуазными представителями, все больше выступает как национальное движение, направленное против Венгрии. Этот националистический характер, данный движению буржуазными либералами, а также боязнь буржуазии революционных выступлений масс использует реакция, прибирающая постепенно к рукам руководство. Либеральная буржуазия пытается бороться с реакцией, но, будучи не в состоянии повести действительно решительную борьбу¹³, терпит поражение. В результате движение оказывается в руках реакции во главе с Раячицем, в руках венской дворцовой клики

¹⁰ К этому сводятся все городские петиции марта-апреля 1848 г. («Грађа за историју...», стр. 68, 103, 229 и др.). Характерна и позиция вождя либералов, председателя Главного одбора Дж. Стратимировича, который стоял на австро-славянской платформе, выступая за конституционное переустройство империи в славянское государство во главе с Габсбургами («Прилози за повесnicu српског народног покрета г. 1848». «Србски Летопис», кн. 111. Нови Сад, 1867, стр. 193, 194). По существу на такой же позиции стояли Милетиц, предлагавший переустройство империи в федерацию одиннадцати автономных государств («Изабрани чланци Светозара Милетића». Нови Сад, 1939, стр. 1—19), и Стефан Радичевич, считавший, что таких национально-автономных областей должно быть девять (Ст. Радичевић ђ. Проект устава за войводину србску, са државословнимъ примѣтбама. У Земуну, 1849, стр. 16—18).

¹¹ Р. Перовић. Указ. соч., стр. XXXV. Как, например, произошло в Кикинде, Бечкереке и т. д.

¹² Так, например, буржуазные круги Земуна, испугавшись решительного выступления городских низов, предприняли усилия, чтобы прекратить движение, и поспешили войти в тесный контакт с прежним, свергнутым массами градоначальником капитаном Штайгером и комендантом Земуна генералом Унгерхофером. В результате этого сговора старый магистрат был восстановлен («Грађа за историју...», стр. 24, 28, 55—57, 60, 61).

Как известно, аграрные волнения в Кикинде так напугали буржуазного либерала Радака, что он поспешил покинуть город и бежал через Нови Сад в Земун (Dr. Thim J ó z s e f. Указ. соч., 68 old.). А когда власти назначили в апреле 1848 г. Чарноевича чрезвычайным комиссаром, новисадская сербская община в меморандуме, направленном венгерскому правительству, выражала радость по поводу того, что правительство твердой рукой предотвращает «пападение на безопасность личности и имущества» и «анархию», а в качестве примера такой «анархии» указывала на «ужасные» события в Бечеи и Кикинде («Грађа за историју...», стр. 205).

¹³ В этом отношении характерно поведение Стратимировича, все выступления которого против Раячица заканчивались неизменно компромиссом с последним, а затем и прямым подчинением патриарху. Что же касается Милетица, то он даже поддержал Раячица в борьбе со Стратимировичем, подписав обращение против вождя либералов от 21 июля 1848 г. (Д. Поповић. Панчево у Српском покрету 1848—1849. Нови Сад, 1954, стр. 35, 36) и затем участвуя с группой молодых интеллигентов в попытке ареста Стратимировича по приказу патриарха (В. Стајић. Указ. соч., стр. 108, 109).

и превращается в слепое оружие контрреволюции. Эта третья фаза по времени совпадает с австро-венгерской войной¹⁴.

Перович отметил также ту отрицательную роль, которую сыграла в деле перехода сербского движения в лагерь реакции великодержавная политика руководителей венгерской революции. Но, говоря об ограниченности и часто оппортунизме дворянских руководителей революционной Венгрии, он в то же время подчеркивает, что они выступали представителями обуржуазивающегося дворянства, что их националистическая политика была не феодальной, а буржуазной и что в ходе своего развития венгерское движение шло по восходящей линии.

Концепция Перовича, убедительно подтверждаемая документальным материалом¹⁵, ставила под вопрос всю схему событий 1848—1849 гг. в Воеводине, данную в работах Богданова. И в 1953 г. последний яростно напал на Перовича в своей обширной статье «О революционности и контрреволюционности национальных движений в Подунавье 1848—1849 гг.»¹⁶ В ней повторялись все прежние выводы Богданова с той лишь разницей, что на этот раз автор по существу вернулся к точке зрения, что венгерская революция была дворянской, а не буржуазной¹⁷. При этом Богданов не только совершенно игнорировал материал публикации под редакцией Перовича (378 документов), но вообще строил статью не на фактах, а на каких-то претендовавших на логические, но абсолютно без-

¹⁴ К аналогичным выводам пришел и советский исследователь С. А. Никитин (С. А. Никитин. К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 году. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. I. М., 1949; Он же. Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г. «Революция 1848—1849», т. 1. М., 1952), а затем И. И. Лециловская («История Югославии», т. 1, М., 1963, стр. 425—431, 440—442).

¹⁵ Этот материал содержится как в первом томе «Грађа за историју...», так и в ряде других, вышедших до нее изданий (см., напр.: Тит. Указ. соч. кѳт. II—III; «Прилози за повесницу...» в књ. 111 и 112 «Летописа Матице Српске»; Д. М. Павловић. Србија и српски покрет у Јужној Угарској 1848 и 1849. Београд, 1904; В. Стајић. Указ. соч., и др.). Между тем Богданов просто обошел полным молчанием важнейшие из фактов, противоречивших его концепции. Немногочисленный же материал о событиях в Воеводине, приводимый Богдановым (см., напр.: «Društvene i političke borbe...», стр. 243—251), тоже не доказывает ни одного из его положений. Ибо, например, едва ли свидетельством необыкновенной революционности движения в Воеводине могут быть оценки Кульмера в его письмах Елачичу, так как для Кульмера даже патриарх Раяич был слишком либерален, и едва ли статья Милетића, относящаяся к апрелю 1849 г., может свидетельствовать о позиции ее автора в предшествующий период.

¹⁶ V. Bogdanov. O revolucionarnosti i kontrarevolucionarnosti nacionalnih pokreta u Podunavlju 1848/49. «Republika», 1953, br. 2—3.

¹⁷ Эту мысль он сформулировал еще до войны в книге «Национальные и социальные столкновения воеводинцев и венгров 1848—49 гг.». Она была переиздана вскоре после войны (V. Bogdanov. Nacionalni i socijalni sukobi vojvodana i madžara 1848—49. Drugo pregađeno izdanje. Zagreb, б. г.). Все доказательства Богданова сводятся лишь к тому, что руководители венгерской революции по происхождению были дворянами. Он даже и не пытается рассматривать по существу изменения в венгерском хозяйстве и соответственно в положении и характере венгерского дворянства. И не замечает того, что еще в январе 1848 г. заметил Энгельс, когда писал в статье «Движения 1847 года» об обуржуазивании венгерского дворянства (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 468).

Между тем ошибочный взгляд на венгерскую революцию как на феодальное, а не буржуазное движение, выдвинутый в свое время венгерским историком Эрвин-ом Сабо (Szabo Ervin. Társadalmi és pártharcok a 48/49 magyar forradalomban. Bécs, 1921), был убедительно раскритикован Бела Купом (Бела Куп. Поэт мировой свободы. Помещено как предисловие к книге Шандор Петефи. Избранное. М. 1953) и Йожефом Ревая (Й. Ревая. Маркс и венгерская революция 1848—1849 гг. Budapestini, 1951) и решительно отвергнут в ряде работ как советских, так и югославских исследователей, вышедших в последние годы (см., напр.: М. А. Хевеши. Мировоззрение венгерских революционных демократов (40-е годы XIX века). М., 1962; Dr. Arpad Lebl. Revolucionarni pokret u Vojvodini 1848—1849. Nacrt studije. Novi Sad, 1960).

доказательных схемах¹⁸. Однако, несмотря на полное противоречие с фактами, развиваемая в ней Богдановым концепция событий 1848—1849 гг. в Воеводине, а также в Хорватии была продолжена им в вышедшей в 1954 г. книге «Историческая роль общественных классов в решении южнославянского национального вопроса»¹⁹ и в докладе на I съезде югославских историков в Белграде в мае 1954 г. Эта концепция подверглась на том же белградском съезде серьезной критике не только со стороны Перовича, но и Б. Графенауэра, Я. Шидака, А. Лебла, Ф. Цвиттера²⁰. А критика со стороны Шидака на совещании хорватских историков в Загребе в декабре 1955 г. вынудила Богданова признать, что в его работах вообще содержалось преувеличение прогрессивности югославянских движений в 1848—1849 гг.²¹

Однако, несмотря на это вынужденное признание, Богданов затем вновь продолжал отстаивание своих взглядов. Это было продемонстрировано и переизданием в 1956—1957 гг. прежних работ без каких-либо изменений²² и вышедшей в 1958 г. его новой книгой «История политических партий в Хорватии»²³, в которой большое место уделялось событиям 1848—1849 гг. в Хорватии, а также отчасти и в Воеводине. При этом характер доказательств оставался прежним и никаких серьезных фактов в пользу своих взглядов Богданов привести так и не смог. Тем не менее, эти взгляды нашли отражение в работах некоторых югославских историков и даже в учебных пособиях²⁴.

Все это вызывало, естественно, острую критику концепций, отстаиваемых Богдановым, со стороны тех, кто подошел к исследованию проблем 1848—1849 гг. с научных позиций. В отношении Воеводины это проявилось, в частности, в небольшой популярной работе Николы Петровича о Светозаре Милетице²⁵, вышедшей в 1958 г. и вызвавшей затем жесто-

¹⁸ Так, например, он утверждал, что Воеводина была очень развитой, а отсюда делал вывод, что, следовательно, воеводинская буржуазия должна была быть очень передовой. Данных в подтверждение концепции о высоком уровне развития Воеводины, Богданов не привел. Между тем его утверждения находятся, например, в полном противоречии с обильным фактическим материалом, извлеченным из архивов В. Стапчем («Грађа за културну историју Новог Сада. Из архива Новосадског магистрата исписао Васа Стајић». Нови Сад, 1947; «Грађа за културну историју Новог Сада. Из магистратске архиве исписао Васа Стајић». Нови Сад, 1951; «Грађа за политичку историју Новог Сада. Из магистратске архиве исписао Васа Стајић». Нови Сад, 1951; «Новосадске биографије. Из архива Новосадског магистрата исписао Васа Стајић», sv. 6. Додатак. Нови Сад, 1956. См. также: В. Стајић. Великокишпински диштрикт. 1776—1876. Нови Сад, 1950). Точно так же Богданов утверждал, что воеводинская буржуазия, в отличие от французской, была революционной потому, что могла не опасаться пролетариата, отсутствовавшего в Воеводине. Но ведь уже в марте 1848 г. буржуазия очень испугалась выступлений городских низов, а вслед за тем еще больше — крестьянских волнений.

¹⁹ V. Bogdanov. Historijska uloga društvenih klasa u rješavanju južnoslovenskog nacionalnog pitanja. Zagreb, 1954.

²⁰ «Историски гласник», 1954, бр. 3, стр. 167—169.

²¹ «Историски гласник», 1955, бр. 3—4, стр. 221.

²² Была переиздана «Historijska uloga društvenih klasa u rješavanju južnoslovenskog nacionalnog pitanja». (Sarajevo, 1956). Ряд статей 1948—1949 гг., а также статья 1953 г. против Перовича вошли в изданные в 1957 г. два сборника работ Богданова: V. Bogdanov. Likovi i pokreti. Zagreb, 1957; Он же. Živa prošlost. Zagreb, 1957.

²³ V. Bogdanov. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958.

²⁴ Так, например, многие идеи Богданова, особенно в отношении так называемых радикальных демократов в Хорватии и Воеводине, содержатся во второй части учебника Ф. Слипиичевича (F. Slipičević. Istorija naroda Federativne Narodne Republike Jugoslavije. II dio. Novi vijek; в нашем распоряжении было седьмое издание: (Sarajevo, 1958) и в статье О. Шоят о Вукотиновиче (O. Šojat. Ljudevic Vukotinić i Četdesetosma. HZ, IX, 1956), которая подвергалась уже критике советских историков (И. Лециловская, В. Фрейдзон. Указ. соч., стр. 107, 108). В поддержку взглядов Богданова выступил и Никола Милутинович, о чем речь пойдет ниже.

²⁵ Н. Петровић. Светозар Милетић (1826—1901). Полит. MCMLVIII.

ценную дискуссию²⁶. Решительно подчеркнув значение венгерской революции, направленной на буржуазное преобразование общества, Петровић, как и Перовић, правильно определил Стратимировића и его сторонников как буржуазных либералов, отметив их слабость, колебания и страх перед революционным движением крестьянских масс. Он показал на фактическом материале, что Милетић и его друзья были полны иллюзий, питал полное доверие к патриарху Раячићу. Петровић отметил и австро-славистский характер программы Милетића. Эта слабость, робость, непоследовательность буржуазных либералов привела, по мысли автора, к тому, что движение в Воеводине оказалось в руках реакционеров во главе с Раячићем и сыграло контрреволюционную роль, справедливо отмеченную Марксом и Энгельсом.

Для создания правильной, научной концепции о событиях 1848—1849 гг. в Воеводине еще большее значение имела вышедшая в 1960 г. книжка известного югославского историка Арпада Лебла «Революционное движение в Воеводине 1848—1849 гг.»²⁷, скромно названная им «наброском». Как и в предыдущей своей работе²⁸, Лебл вновь продемонстрировал в этой книжке чрезвычайно умелое марксистское исследование сложнейших событий 1848 г. в Воеводине, построенное на прекрасном знакомстве с большим документальным материалом.

Говоря о первой фазе (весна 1848 г.), когда на первый план выдвигается аграрно-пролетарское антифеодальное социальное течение, Лебл высказывает чрезвычайно интересное предположение о том, что на местах существовало, возможно, какое-то действительно демократическое руководство этим течением. Это предположение он основывает на помещенной в публикации под редакцией Перовића²⁹ листовке, призывавшей банатских крестьян всех национальностей выступить с оружием против дворян всех национальностей.

Что же касается буржуазно-национального либерального течения, к которому принадлежат и Стратимировић, и Милетић, то оно, подчеркивает Лебл, наоборот, ведет борьбу против социального движения масс, будучи с самого начала склонным к сотрудничеству в этой борьбе с реакционными силами и ожидая во многом удовлетворения своих требований от двора. Это и дало возможность реакции во главе с Раячићем прийти к руководству.

Будучи по существу подтверждением концепции, выдвинутой Перовићем, работа Лебла, вышедшая длительное время спустя и гораздо большая по объему, отразила новый уровень развития исторической науки в Югославии. Лебл чрезвычайно интересно углубил, творчески расширил основные положения Перовића, вскрыл новые важные стороны событий 1848—1849 гг. в Воеводине, внес коррективы в некоторый схематизм, который был присущ статье Перовића.

Однако в то же время Лебл ясно показал справедливость основных взглядов Перовића и абсолютную несостоятельность произвольных построений Богданова³⁰.

Книга Лебла вызвала резкую реакцию со стороны историков, придерживающихся богдановской точки зрения. В 1962 г. на книгу Лебла обру-

²⁶ Этой дискуссии посвящена вторая часть настоящего обзора.

²⁷ A. Lebl. *Revolucionarni pokret u Vojvodini 1848—1849*. *Nacrt studije*. Novi Sad, 1960.

²⁸ А. Лебл. Прилог историји аграрног питања у Војводини 1848—1849. Нови Сад, 1954.

²⁹ «Грађа за историју...», стр. 247—251.

³⁰ Едва ли прав С. Гавриловић, утверждающий, что взгляды Перовића и Лебла отличаются друг от друга (S. Gavrilović. *Naša posleratna historiografija o revoluciji 1848—49 u Vojvodini*. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, br. 1). С высокой же оценкой, данной Гавриловићем работе Лебла, нельзя не согласиться.

шился в своей рецензии Никола Милутинович³¹. Восхваляя Богданова, он вновь без всяких доказательств отстаивал вслед за ним тезис о высоком уровне развития Воеводины, о революционности и радикализме сербской буржуазии, которая была главным агитатором, организатором и руководителем в демократической революции, какой было движение 1848—1849 гг. в Воеводине. В то же время все события в Венгрии изображались им как феодальная контрреволюция.

Характерно, что Милутинович, как справедливо подчеркнул затем Лебл в своем ответе³², нигде вообще не сказал о существовании концепции Лебла — о течениях и этапах в событиях 1848—1849 гг. в Воеводине. В Воеводине и в Венгрии он не увидел ни различных классовых сил, ни партий, ни периодов, а лишь единые и неизменные от начала до конца «движения».

Несостоятельность попыток представить воеводинскую буржуазию как демократическую и радикальную, как организатора и руководителя необыкновенно решительного и последовательного революционного движения, каким было будто бы на всех этапах движение 1848—1849 гг. в Воеводине, вскрыл и Славко Гаврилович в своей монографии «Срем в революции 1848—1849 гг.»³³. В этой работе, построенной на обширном и интересном фактическом материале, Гаврилович показал, что крестьянство стремилось к осуществлению своих социальных целей, прежде всего аграрной революции, а буржуазные элементы, напуганные размахом крестьянских выступлений, пытались предотвратить их и даже подавляли их военной силой, что в столкновении с городскими низами буржуазии стремилась прийти к соглашению с австрийскими военными властями. Он показал, что крестьянство и городская беднота сплошь и рядом пытались сопротивляться буржуазному руководству народных одборов, стремившихся прекратить «анархию» и навести «порядок»³⁴.

Взгляды Богданова подверглись справедливой критике и в последней работе Гавриловича об историографии событий 1848—1849 гг. в Воеводине³⁵.

Из концепций Богданова относительно событий 1848—1849 гг. в Хорватии, как мы отмечали выше, в советской историографии уже критиковалась его точка зрения, также основанная на искусственном объединении совершенно разных явлений: широкого антифеодального движения крестьянских масс и весьма умеренного буржуазно-либерального национального движения³⁶.

На основании исследования обширного фактического материала И. И. Лещиловская пришла к выводу, что в 1848 г. в Хорватии вообще не было и так называемых радикальных демократов, о которых все время говорил Богданов. Большинство деятелей пресловутой левицы были вовсе не демократами, а буржуазными либералами. Наряду с ними имела

³¹ «Historijski pregled», 1962, br. 3, стр. 203—207.

³² «Historijski pregled», 1963, br. 3, стр. 206—207.

³³ С. Гаврилович. Срем у револуцији 1848—1849. Београд, 1963.

³⁴ Правда, Гаврилович считает Стратимировича представителем «демократических сил» (стр. 232), обладавшим «решительностью» в стремлении сохранить «революционные завоевания» (стр. 233), и, ссылаясь на Богданова, считает, что эти «демократические силы» определили «прогрессивный, социальный, демократический характер сербского восстания» (стр. 232). Однако этот вывод, отражающий, видимо, в какой-то степени влияние богдановской трактовки, оказывается в монографии Гавриловича совершенно искусственным. Ибо само обширное и чрезвычайно серьезное исследование Гавриловича как раз в корне противоречит такой схеме. Оно показывает, что, наоборот, вовсе не было никакого единого революционного и демократического «сербского движения». Сам же Гаврилович подчеркнул существование «либерального (буржуазного) и революционного (крестьянского)» течений (стр. 136), и сам же охарактеризовал трусливую и реформистскую позицию воеводинской буржуазии.

³⁵ S. Gavrilović. Naša posleratna istoriografija...

³⁶ И. Лещиловская, В. Фрейдзон. Указ. соч.

пезначительная и слабая группа весьма непоследовательных буржуазных демократов³⁷.

К такому же выводу пришел в одной из последних своих работ и известный югославский историк Я. Шидак³⁸, выражающий полное согласие с мнением Лещиловской³⁹. Наряду с изображением чрезвычайной умеренности либералов в вопросе ликвидации феодальной зависимости крестьян⁴⁰ Шидак справедливо показал также, что деятели так называемой левицы вовсе не боролись за национальную и государственную независимость и народную власть, как это приписывает им Богданов, а проводили политику австро-славизма⁴¹. В ряде последних работ Шидак и Гаврилович вскрыли враждебность хорватских либералов широкому социальному движению крестьян и решительно опровергли утверждения Богданова, будто эти выступления крестьян были чуть ли ни подготовлены агитацией «иллирийцев», показав, что либералы, наоборот, боялись антифеодального крестьянского движения и стремились перевести его в русло чисто национальных требований⁴².

Исследования ряда югославских историков показали, таким образом, полную несостоятельность схемы Богданова в отношении событий 1848—1849 гг. не только в Воеводине, но и в Хорватии.

* * *

Другая дискуссия, также привлекающая внимание историков, касается взглядов и деятельности двух видных политических деятелей Воеводины — Светозара Милетича и Михаила Полит-Десанчича в 60—70-е годы прошлого века. Оба они оказали весьма серьезное влияние на развитие освободительного движения и общественной мысли не только в Воеводине, но и в других югославянских землях. И вполне естественно, что мимо этих интересных фигур не могли пройти современные югославские исследователи.

В 1958 г. белградское издательство «Нолит» выпустило уже упоминавшуюся небольшую научно-популярную книгу Николы Петровича о Светозаре Милетиче⁴³. Как по объему, так и по количеству документального материала эта популярная биография Милетича далеко уступала

³⁷ И. И. Лещиловская. Отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 г. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961. Эти же выводы повторены Лещиловской и в «Истории Югославии» (т. I, стр. 419—425, 437—440).

³⁸ J. S i d a k. Seljačko pitanje u hrvatskoj politici 1848. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 2.

³⁹ Там же, стр. 23.

⁴⁰ Шидак отметил, что Богданов не только обошел молчанием тот факт, что большинство так называемой левицы — Вукотинович, Георгиевич, Кукулевич, Жигрович и др. — выступали за выкуп, приписав им позицию Врбанчича, Павлеца и Матича, выступавших против, но в приводимых им отрывках из выступлений Вукотиновича, Георгиевича и других попросту изъясил все заявления о вознаграждении (там же, стр. 24; J. S i d a k. Jedan prilog biografiji Mojsija Georgijevića. HZ, VIII, 1955, стр. 162, 163). Шидак подчеркнул, что Богданов, публикуя одну из статей Георгиевича, также изъясил все места, свидетельствующие о большой умеренности ее автора («Seljačko pitanje...», стр. 25).

⁴¹ J. S i d a k. Južnoslavenska ideja u Ilirskom pokretu. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 3, стр. 41. Еще раньше Шидак на фактическом материале убедительно опроверг тезис Богданова, будто левица выступила в поддержку венгерской революции с самого начала австро-венгерской войны, и ясно показал, что хорватские либералы и много времени спустя после начала войны поддерживали Елачича и Вену в борьбе с венгерской революцией, выражая лояльность к политике австрийского императора (J. S i d a k. Prilozi povijesti naših naroda za revolucije 1848/9. HZ, IX, 1956).

⁴² J. S i d a k. Seljačko pitanje..., стр. 17, 18, 23—26; S. Gavrilović. Agrarni nemiri u križevačkoj i varaždinskoj županiji 1848—1850. HZ, XIII, 1960, стр. 56; Он же. Virovitička županija u revoluciji 1848—1849. HZ, XIV, 1961, стр. 49, 50; Он же. Срем у револуцији..., стр. 72.

⁴³ Н. Петрович. Указ. соч.

вышедшей в 1926 г. солидной работе В. Станча⁴⁴. И тем не менее книжка Петровича привлекла большое внимание и послужила причиной для весьма активной, а порой даже ожесточенной дискуссии. Уже в январе 1959 г. появилась резко отрицательная рецензия Предрага Протица⁴⁵, а в 1960 г. на работу Петровича обрушился Н. Милутинович⁴⁶. Ответом была опубликованная в 1962 г. статья Петровича⁴⁷, перепечатанная затем в виде отдельной брошюры⁴⁸.

Если отбросить ряд второстепенных и порой незначительных соображений, выдвигаемых участниками дискуссии, то на первый план выступает главное, вокруг чего она разгорелась: каковы историческая роль, место и социальное содержание политических доктрин Милетича и Полит-Десанчича и как шла борьба за их осуществление.

Буржуазная историография, не будучи в состоянии научно и объективно показать общественное содержание взглядов и деятельности Милетича и Полит-Десанчича, сводила в основном все к общим рассуждениям о «народных борцах» и их заслугах перед «нацией» и «прогрессом». Даже такой исследователь, как Станч, не смог дать серьезной научной оценки роли Милетича. В связи с этим работа Петровича⁴⁹ представляла особый интерес, потому что ее автор, как он сам писал, поставил себе задачей «осветить личность и период Милетича по-новому — методом исторического материализма, т. е. методом, диаметрально противоположным тому, которым пользовалась буржуазная историография, оценивая значение Милетича и определяя его место в истории сербского и остальных югославянских народов»⁵⁰.

Хотя его книга и не свободна от ряда недостатков, а порой, на наш взгляд, и известных ошибок в некоторых частных вопросах, Петрович в главном действительно подошел к рассматриваемым проблемам с марксистских позиций и вместо абстрактных рассуждений о «народном борце» дал научный анализ классового содержания и социального значения взглядов и деятельности Милетича, верно показал, что Милетич был не просто выразителем «народных интересов», а политическим представителем «левого крыла воеводинских либералов»⁵¹.

Отметив характерную двойственность, присущую Милетичу как деятелю леволлиберального направления, Петрович удачно, на наш взгляд, прослеживает эту двойственность на таких важных и интересных проб-

⁴⁴ В. Станч. Светозар Милетич. Живот и рад. Это лучшая работа о Милетиче в буржуазной историографии.

⁴⁵ «Књижевност», кн. XXVIII, св. I, 1959, стр. 82—88.

⁴⁶ Др. Н. Милутинович. Нове контраверзе о Светозару Милетичу и Михаилу Полит-Десанчичу. «Матица Српска. Зборник за друштвене науке», св. 27, 1960.

⁴⁷ Н. Петровић. Научна историографија или тенденциозна публицистика? «Матица Српска. Зборник за друштвене науке», св. 31, 1962.

⁴⁸ Н. Петровић. Научна историографија или тенденциозна публицистика? Нови Сад, 1963. В несколько переработанном виде под заголовком «Светозар Милетич и Михаил Полит-Десанчич. О једном покушају тенденциозног извртања историјских чињеница» эта статья была затем вновь опубликована в сборнике: Н. Петровић «Око Милетича и после њега. Чланци, расправе и полемике». Матица Српска, 1964. К сожалению, мы смогли познакомиться с этим сборником уже после того, как настоящий обзор был сдан в печать. Следует, однако, иметь в виду, что изменения и дополнения, внесенные Петровичем в новый вариант его статьи, никоим образом не касаются ее основного содержания.

⁴⁹ Его книга «Светозар Милетич».

⁵⁰ Там же, стр. 255.

⁵¹ Н. Петровић. Светозар Милетич, стр. 183. Правда, и в книжке и в ответной статье Петрович несколько раз называет Милетича «буржуазным демократом» и даже «прогрессивным буржуазным демократом» (там же, стр. 99, 182; «Научна историографија...» Нови Сад, 1963, стр. 29). Однако это, по-видимому, просто некоторая неточность формулировки, вызванная стремлением резко показать разницу между Милетичем и правым либералом Полит-Десанчичем. Впрочем, в ряде отдельных моментов Милетич действительно переходил на демократические позиции.

лемах, как подход к решению восточного вопроса и отношение к социалистическому движению, в частности к Парижской Коммуне. Борясь против присущей представителям буржуазной историографии идеализации Милетича, Петрович показал его большую умеренность и ограниченность, его отрицательное отношение к глубоким революционным преобразованиям и решительным социальным переменам и даже страх перед ними, подчеркнул резкую грань, отделявшую Милетича от последовательного революционера-демократа и утопического социалиста Светозара Марковича. Вместе с тем Петрович обратил внимание на очень значительные прогрессивные моменты в отношении Милетича к восточному вопросу и к Коммуне и на серьезное различие между такой его позицией и оппортунистической политикой правого либерала Полит-Десанчича.

Между тем именно эти, как нам кажется, наиболее сильные стороны работы Петровича⁵² и вызвали как раз ожесточенные нападки со стороны Протича и Милутиновича.

Возьмем, например, проблему отношения к восточному вопросу. В противоположность Петровичу, верно отметившему две разные концепции о решении восточного вопроса, Н. Милутинович категорически заявляет, будто взгляды Милетича и Полит-Десанчича были идентичны. Его доказательство сводится к тому, что, во-первых, и Милетич и Полит выступали за уничтожение турецкого гнета на Балканах и создание в этом районе независимых национальных государств. А во-вторых, и тот и другой выступали за создание сербско-болгарской федерации и объединение ее вместе с Грецией и Румынией в Балканскую конфедерацию. Основываясь на том, что, говоря о формах этих союзов в своих статьях 1863 г., Милетич ссылаясь на идею, выдвинутую Полит-Десанчичем в 1862 г., Н. Милутинович сделал вывод, будто Милетич просто целиком воспринял концепцию Полита и выступил ее пропагандистом и популяризатором.

Разумеется, во взглядах обоих упомянутых деятелей на восточный вопрос было немало общего. В том числе и в их взглядах на союзную форму государственного объединения будущих независимых балканских стран. Но, как справедливо заметил в своем ответе Петрович, чрезвычайно важное значение имел вопрос о путях создания такого объединения. А именно здесь начинается серьезное расхождение между Милетичем и Политом, о котором умалчивает Н. Милутинович.

Петрович правильно подчеркнул и в книжке и в ответной статье, что Полит-Десанчич все надежды на освобождение связывал с волей великих держав и почти не уделял внимания необходимости борьбы самих порабощенных народов, по существу проповедуя тактику пассивного выживания. Милетич же, хотя и придавал позиции главных европейских государств большое значение, основную гарантию освобождения видел в широком освободительном восстании и решительной вооруженной борьбе самих балканских народов⁵³, что сближало его с Марковичем. Это дало Петровичу полное право вновь прийти в своем ответе к выводу, что речь идет не об одной, а о двух различных концепциях в решении восточного вопроса.

Сам же Н. Милутинович даже и не пытается отрицать, что Полит в отличие от Милетича нигде не выдвигал лозунга вооруженного восста-

⁵² Эти оценки Петровича совпадают с оценками советских авторов В. Г. Карасева и В. В. Зеленина в первом томе «Истории Югославии» (стр. 485—486, 594—596).

⁵³ Об этом красноречиво свидетельствуют его статьи 1863 г. о восточном вопросе («Избранные чланы Светозара Милетича», стр. 27—79). В них Милетич не просто рассматривал сербо-болгаро-греко-румынский союз в качестве государственного объединения будущих независимых стран, как это делал Полит, а имел в виду и союз с целью всенародной вооруженной борьбы для уничтожения турецкой власти на Балканах и совместной защиты созданных в результате борьбы национальных государств.

ния. Ибо он не в состоянии опровергнуть столь известные факты. Однако Милутинович стремится при этом представить, будто все дело лишь в том, что Полит-Десанчич писал свои статьи по-немецки для широкой европейской общественности и потому должен был быть сдержаннее, чем Милетич, писавший для сербской общественности, что все дело только в тактике. Петрович в своем ответе заметил, что это, во-первых, как раз свидетельствует об апелляции Полита даже не к демократической общественности Европы, а к европейским правителям, боявшимся всякого освободительного движения. А во-вторых, разница между чрезвычайной умеренностью Полит-Десанчича и решительной позицией Милетича свойственна вовсе не только их статьям, но и всей их деятельности: Милетич непосредственно работал над подготовкой восстания в Боснии и Герцеговине, сотрудничал с Марковичем и вместе с ним был одним из организаторов и руководителей «Дружины объединения и освобождения сербов». Полит же не участвовал в этой работе.

Характерно, что Н. Милутинович вообще умалчивает об этих фактах, опровергающих его искусственную схему. Умалчивает он и о некоторых отрицательных чертах, действительно общих для взглядов Милетича и Полит-Десанчича на восточный вопрос, в частности, об их вере в конечную заинтересованность великих держав в освобождении балканских народов и создании союза независимых государств.

Стремясь затушевать или замолчать слабые и отрицательные стороны взглядов Милетича и особенно Полит-Десанчича, Н. Милутинович в то же время старается сблизить их якобы общую «левую» точку зрения со взглядами Марковича, хотя Петрович в своей книжке убедительно показал, что даже между Милетичем и Марковичем существовало глубокое различие: в то время как первый не шел дальше идей чисто национального восстания, второй выступал за социальную революцию.

Не будучи в состоянии прямо опровергнуть эту бесспорную истину и привести хотя бы один факт в пользу своей попытки объединить взгляды Милетича и особенно Полит-Десанчича с революционно-демократической и социалистической программой Марковича, Милутинович и здесь пытается оперировать лишь тем в значительной мере формальным соображением, что Маркович тоже был сторонником Балканской федерации. Однако, как мы уже отметили, и в книге и в ответной статье Петрович убедительно продемонстрировал несостоятельность таких доводов. Ибо, если одной частью единой программы Марковича были *«революция в Турции и федерация на Балканском полуострове»*, то другой неотъемлемой ее частью он считал необходимое для сербского народа *«социальное преобразование внутри на основе народного суверенитета и общинного самоуправления»*⁵⁴. Да и само будущее объединение балканских народов Маркович представлял себе как объединение *«свободных людей и равноправных тружеников»*⁵⁵. А это, конечно, весьма далеко не только от программы Полита, но и от взглядов Милетича.

Точно так же несостоятельна попытка Н. Милутиновича опровергнуть правильную точку зрения Петровича на отношение Милетича и Полит-Десанчича к социалистическому движению, в частности к Парижской Коммуне⁵⁶.

Петрович верно отметил в своей книжке, что если Милетич выступил на страницах «Заставы» против зверств версальцев и, хотя и непоследовательно, встал на защиту Коммуны от белого террора и клеветнической кампании продажной реакционной прессы (и в этом смысле у Милетича

⁵⁴ С. Маркович. Избранные сочинения, М., 1956, стр. 749 (выд. Марковичем).

⁵⁵ Там же, стр. 428 (выд. Марковичем).

⁵⁶ Хотя в отдельных моментах Петрович и допускает в этом вопросе некоторые, как нам кажется, неточности.

оказались точки соприкосновения с Марковичем), то «Народ», издаваемый Пованом Суботичем, орган правого крыла либералов; орган, в котором одним из ведущих сотрудников был Полит-Десанчич, ожесточенно выступал против Коммуны. Так Парижская Коммуна и отклик на нее в сербской печати Воеводины раскрыли значительный консерватизм правого крыла Народной партии и гораздо более прогрессивную позицию ее левого крыла.

Н. Милутинович пытается отрицать эти справедливые выводы. Он утверждает, что Полит-Десанчич не имел никакого отношения к статьям против Коммуны, опубликованным в газете «Народ», что они публиковались помимо него. Однако, как справедливо отмечал Петрович в своей ответной статье, Полит был в 1870—1871 гг. главным сотрудником «Народа»⁵⁷, и едва ли газета могла публиковать статьи, абсолютно противоположные его взглядам. Если бы даже это и случилось, то невероятно, что бы он не выступил особо со своей точкой зрения.

Между тем на основе своих абсолютно бездоказательных утверждений о совпадении взглядов Милетича и Полита по отношению к Парижской Коммуне Н. Милутинович строит концепцию, согласно которой и Милетич и Полит-Десанчич «с ранней молодости и до конца жизни питали широкое, общедемократические симпатии к социалистическому движению»⁵⁸. Ибо, по мнению Н. Милутиновича, Милетич, взгляды которого он приписал и Политу, в своих статьях о Коммуне выступал в поддержку ее социалистических целей.

Петрович, однако, убедительно показал в своей книге, что Милетич относь не был сторонником социалистических целей Коммуны, а, наоборот, выступал с резкой критикой социализма и коммунизма⁵⁹. Самое большее, что Милетич был склонен принять, — это мелкобуржуазный «социализм» Луи Блана, бывшего, по выражению В. И. Ленина, «хвостом буржуазии»⁶⁰. Борьбу же коммунаров против версальцев он поддерживал лишь как борьбу республиканцев против реакции⁶¹.

Свою точку зрения по поводу симпатий Милетича и Полита к социализму Н. Милутинович пытается обосновать и тем, что Милетич сотрудничал с Марковичем, Пелагичем и другими социалистами. Но это сотрудничество строилось, как известно, на основе интересов чисто национальной борьбы, а вовсе не благосклонности к социализму. В письме по поводу своего участия в создании вместе с Милетичем «Дружины объединения и освобождения сербов» Маркович отмечал, что «мы остались социалистами, Народная партия и Омладина остались республиканцами и конституционными монархистами. Но все мы были согласны в том, что нужно организовать действенную партию и практическое решение внут-

⁵⁷ Коста Милутинович подчеркивал в одной из статей, что Полит был в этот период автором передовиц в газете «Народ» (K. Milutinović. *Odjeci i problemi dalmatinskog narodnog preporoda u Vojvodini 1860—1870*. Radovi Instituta JAZU u Zadru, Sv. VIII. Zadar, 1961, стр. 338).

⁵⁸ Н. Милутинович. Нове контраверзе..., стр. 175.

⁵⁹ Эта критика содержится в его статьях в газете «Застава», 24.III и 11.IV 1871 г. (по ст. ст.).

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 311. Кстати, если для Запада Милетич еще признавал «социализм» Луи Блана, то для сербов он даже и это считал вредным. Васа Пелагич в письме, посланном в 1873 г. из Вены Косте Угришичу, писал: «Д-р Милетич от каких-то подхалимов дознался о тех учащих в Пеште и Вене, которые разделяют социалистические взгляды и занимаются их изучением, и он говорил достаточно большому обществу, где были Чакра и д-р Полит, что они обезьяничают, так как это не имеет смысла для сербов» (Васа Пелагич и Воеводина. Документи о Пелагичевим везама са Војводином. Избор и објашњења Др. Косте Милутиновића. «Први социјалисти у Војводини», књ. II. Нови Сад, 1956, стр. 82).

⁶¹ Более подробно Петрович останавливается на этом в своей статье «Светозар Милетич и Париска комуна». См.: «Летопис Матице Српске», књ. 377, 1956, стр. 461—473 (св. 5), 564—582 (св. 6).

ренных вопросов отодвинуть на период, когда война за освобождение будет окончена»⁶². К тому же, если Милетич сотрудничал на такой основе с Марковичем в создании «Дружины объединения и освобождения сербов», то Полит-Десанчич не делал и этого.

Поэтому прав Петровиц, указавший в своем ответе, что все приводимые Н. Милутиновичем соображения не имеют серьезного отношения к делу. Как Милетич, так и тем более Полит-Десанчич были противниками социалистического и коммунистического идеалов.

Из всего сказанного становится очевидным, что опровержения, выдвигаемые против марксистской концепции Петровича его оппонентами, являются абсолютно несостоятельными. Вместо научного анализа классовых основ позиций Милетича и Полит-Десанчича, что попытался сделать Петровиц, Н. Милутинович, наоборот, стремится полностью затушевать разницу между левым либералом Милетичем и правым либералом Политом, приписав второму из них более прогрессивные взгляды, свойственные первому, а затем эту более левую и якобы общую для обоих упомянутых политиков точку зрения буквально «подтянуть» к революционно-демократическим или социалистическим взглядам, в частности к позициям Марковича.

Таким образом, либералы (не только левые, но и правые) представляются революционерами, питавшими симпатии к социалистическому движению. А вместо выяснения классового, социального характера их взглядов они награждают бессодержательными эпитетами «носителей общенародной борьбы против национального угнетения и экономической эксплуатации венских и пепитских правителей»⁶³ или, как это делает Протиц, «национальных романтиков» и «реальных политиков»⁶⁴. Неудивительно, что при такой постановке вопроса даваемые Петровичем научные марксистские формулировки «буржуазный демократ» или «революционный демократ» кажутся Н. Милутиновичу и Протицу непонятными и лишенными смысла.

* * *

Попробуем подвести некоторые итоги. Обе дискуссии, о которых шла речь, наглядно свидетельствуют о серьезной творческой работе многих югославских исследователей, о том большом внимании, которое они уделяют очень важным и в то же время чрезвычайно сложным проблемам исторического прошлого народов СФРЮ, и о значительных успехах, достигнутых в изучении этих проблем.

Достигнутые успехи неразрывно связаны (как мы это видели, например, в работах Р. Перовича, А. Лебла, Н. Петровича и др.) с утверждением и развитием марксистской концепции в югославской историографии. Эта черта является наиболее важной, характеризующей основной процесс развития новой исторической науки в СФРЮ.

Несмотря на различие вопросов, которым посвящены обе приведенные дискуссии, нельзя не заметить в них и одного весьма важного сходства. И в первом и во втором споре, с одной стороны, выступают исследователи (как, например, Р. Перович, Н. Петровиц, А. Лебл), подходящие к изучению исторических процессов с объективно-научных, марксистских по-

⁶² В. Г. Карасев. Светозар Маркович. Вступительная статья в кн.: С. Маркович. Избранные сочинения, стр. 30.

⁶³ Н. Милутинович. Нове контраверзе., стр. 175.

⁶⁴ «Књижевност», кн. XXVIII, св. I, стр. 84. Мы не останавливались специально на рецензии Протица, ибо никаких аргументов против Петровича он по существу не приводит, а уровень его «разбора» книжки Петровича достаточно видел хотя бы из той его мысли, что Полит-Десанчич, будучи «реальным политиком» и «практиком», боролся за то, что можно было осуществить, и не увлекался разными недостижимыми идеями, как это делал «национальный романтик» и «теоретик» Милетич. Комментарии, как говорится, излишни!

зиций, стремящиеся вскрыть классовую, социальную подоплеку явлений, очистить их от идеалистических концепций старой, буржуазной историографии. С другой стороны, выступают авторы (как, например, В. Богданов и Н. Милутинович), которые подходят к тем же вопросам с субъективистских позиций, ведущих в итоге к затушевыванию социального содержания буржуазно-либеральных концепций, к своеобразной теории единого левого потока. Они, хотя и безуспешно, пытаются приукрасить буржуазный либерализм, приписывая ему революционность, демократизм и даже симпатии к социализму.

В своем ответе на критику Н. Милутиновича Лебл отмечал, что сам Милутинович стоит не на марксистских, а на буржуазно-либеральных позициях. Оба описанных выше спора действительно отражают борьбу между новым, научным, марксистским направлением и ненаучными субъективистскими взглядами, являющимися отражением старых, буржуазных по существу концепций, хотя, как верно подчеркнул Лебл, *«либеральная историография хочет пролезть под плащом некоего псевдо-марксизма»*⁶⁵.

Эта борьба с буржуазными традициями и влияниями является составной частью развития марксистской науки и имеет в Югославии, как и в других социалистических странах, большое значение.

Вопросу о буржуазно-националистических проявлениях в историографии было уделено внимание на VIII съезде СКЮ в декабре 1964 г. В своем докладе на съезде т. Йосип Броз Тито подчеркнул немарксистский, ненаучный характер такого одностороннего рассмотрения национальной истории, когда «отмечается... только позитивная сторона определенных движений, событий и личностей, а об их негативной стороне в основном не говорится или это делается очень общо и стыдливо»⁶⁶.

Вслед за утвержденной пленумом ЦК СКЮ 16 марта 1964 г. программой предсъездовской деятельности, в которой говорилось о необходимости «вести борьбу за научное, марксистское освещение... нашего исторического и культурного прошлого, против романтического-идеалистических мифов и разных других националистических отклонений»⁶⁷, VIII съезд в резолюции о задачах СКЮ также заявил о важности «активной идейной борьбы против отживших и реакционных идей и понятий»⁶⁸.

Как мы видели, эту борьбу успешно ведут многие югославские историки, стремящиеся, как это делают, например, Р. Перович, Н. Петрович, А. Лебл, осветить прошлое своей страны с научных, марксистских позиций. И в этом отношении обе дискуссии, о которых шла речь, приобретают особое значение, ибо они показывают очень интересный и сложный процесс, связанный с развитием и успехами новой исторической науки в социалистической Югославии.

⁶⁵ «Historijski pregled», 1963, br. 3, стр. 207. Выделено Леблом.

⁶⁶ «Борба», 8.XII 1964.

⁶⁷ «Борба», 19.III 1964, посебан додатак, стр. 6.

⁶⁸ «Борба», 15.XII 1964. Уже когда этот том «Ученых записок» готовился к печати, 25—26 февраля и 11 марта 1966 г. состоялся пленум ЦК СКЮ, вновь уделивший серьезное внимание борьбе против буржуазных взглядов и всякого рода националистических концепций в области идеологии и культуры, в том числе в историографии («Борба». 26 и 27.II, 12 и 13.III 1966 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. П. Наумов.</i> Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.) (к истории классовой борьбы в Далмации в XIV в.)	3
<i>М. М. Фрейденберг.</i> О социальной структуре Тропира в XIII в.	17
<i>И. С. Достян.</i> К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии (по материалам Архива внешней политики России)	34
<i>И. В. Чуркина.</i> Развитие капитализма в словенской промышленности (вторая половина XVIII — середина 70-х годов XIX в.)	54
<i>П. И. Лециловская.</i> Особенности развития национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в.	74
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Общественно-политическая позиция Е. Кватерника (конец 50 — начало 70-х годов XIX в.)	86
✓ <i>В. Г. Карасев.</i> К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в.	114
<i>В. Н. Кондратьева.</i> Из истории национально-освободительной борьбы на Крите	131
<i>С. С. Гринберг.</i> Из истории развития болгарской промышленности в конце XIX в. (переход к политике протекционизма и поощрения крупной про- мышленности)	136
<i>Н. И. Хитрова.</i> Внутриполитическое положение в Черногории в конце XIX — начале XX в. и введение конституции	153
<i>М. А. Бирман.</i> Тесняки и руководство II Интернационала. Раскол в болгар- ской социал-демократии в 1903 г., образование БРСДП (тесных социалистов) и Международное социалистическое бюро	171
<i>М. М. Сумарокова.</i> Некоторые аспекты хозяйственного развития Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918—1921 гг.)	189
<i>Р. П. Гришина.</i> Солидарность Болгарской коммунистической партии с герман- ским и австрийским пролетариатом в борьбе против фашизма (1933— май 1934)	202
<i>Л. Я. Гибианский.</i> Две дискуссии среди югославских историков	212

**Национально-освободительное движение
южных славян,**

**Ученые записки
Института славяноведения,
том XXX**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор *Г. В. Шелудько*
Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
Технические редакторы *П. С. Кашина, Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 29 IV 1966 г. Подписано к печати 19/VII 1966 г.

Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 14,25 Усл.-печ. л. 19,9.

Тираж 1200 экз. Изд. № 788/66 Тип. зак. 792. Т. 09873

Цена 1 р. 48 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1548